

М.Б. ГИМБАТОВА



**Культура поведения и этикет ногайцев
в семейном и общественном быту
(XIX – начало XX века)**



**Российская Академия наук
Дагестанский научный центр
Институт истории, археологии и этнографии**

М.Б. Гимбатова

**КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ И ЭТИКЕТ
НОГАЙЦЕВ
В СЕМЕЙНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ
БЫТУ
(XIX – начало XX века)**

Махачкала – 2007

ББК 63. 5 (2 Рос-Даг)

Г-48

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Издание осуществлено при финансовой поддержке президента благотворительного общественного Фонда им. шейха Абдурахмана-хаджи ас-Сугури Гамзатова Гамзата Магомедовича.

Ответственный редактор – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РД С.А. Лугуев.

Рецензенты: доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РД Б.М. Алимона; кандидат исторических наук М.К. Мусаева.

Гимбатова М. Б.

Г-48 Культура поведения и этикет ногойцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). – Махачкала: Эпоха, 2007. – 344 с.

Монография является первым специальным исследованием традиционной культуры поведения и этикета ногойцев в XIX – нач. XXв. На основе полевого этнографического материала и специальной литературы по теме исследуются традиционные нормы культуры поведения и этикет ногойцев в семейном и общественном быту, проводятся широкие культурно-исторические параллели между ногойцами и тюркоязычными народами России, Средней Азии и Казахстана, дагестанскими и северокавказскими народами.

Книга рассчитана на этнологов, историков, культурологов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой ногойцев.

© М. Б. Гимбатова, 2007

© Издательский дом «Эпоха», 2007

*Дорогой маме
Агаспаровой Майминат Асаналиевне
посвящаю*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы стал активно ощущаться заметный рост интереса к историческому прошлому больших и малых по численности народов, этнических и этнографических групп, к их культурному наследию. У людей молодого поколения растет желание знать историю своего народа, его традиции, обычаи, этикет. В этом плане изучение наследия старшего поколения представляет собой значительный интерес. Этот процесс основан не только на росте культуры народа, этнического самосознания, но и на опасении за свое будущее, которому угрожает охватившая в последние годы часть человечества идея всемирной глобализации, поставившая под угрозу само существование национальных культур и этносов.

Идея глобализации успешно претворяется в жизнь с помощью СМИ, происходит стирание этноспецифических черт многих народов, особенно малочисленных, уходят в прошлое традиции, обычаи и особенности традиционного этикета народов, населяющих земной шар. Их полное исчезновение приведет к обезличиванию человечества. А. К. Байбурун и А. Л. Топорков верно отмечают, что именно «полнокровное существование человечества как раз и обеспечивается разнообразием культур...»¹.

Одной из отличительных особенностей традиционно-бытовой культуры любого народа являются его культура поведения и этикет, это первое, что бросается в глаза при знакомстве с другим народом. Знание особенностей бытовой культуры другого народа обогащает людей, делает их духовно богаче, а знание этикета, традиций, особенностей этнического самосознания и стереотипов поведения дает возможность общаться и устанавливать дружеские контакты с представителями других национальностей. Незнание культуры и этикета другого народа приводит к межнациональным конфликтам, количество которых, к сожалению, неуклонно растет.

Среди богатого культурно-исторического наследия ногайского народа этикет занимает одно из важных мест. К сожалению, этой стороне национальной культуры ногайцев до самого последнего времени этнографы не уделяли должного внимания, хотя нет сомнения в том, что эта проблема представляет исключительный интерес при изучении традиционно-бытовой культуры ногайцев. Все это и определило выбор нашего исследования, целью которого является изучение культуры поведения и этикета ногайцев в XIX – начале XX века.

Объектом нашего исследования послужили этнические группы ногайцев, проживающие главным образом в Дагестане (караногайцы, тарковские, аксаевские и костековские ногайцы), Чечне (терские ногайцы), Ставропольском крае (кумские и ачикулакские ногайцы) и в Карачаево-Черкесии (кубанские ногайцы).

Для достижения поставленной цели надлежит решить ряд задач, а именно:

- рассмотреть соотношение этикета и моральных норм и их переменные (пол, возраст, статус, степень родства и знакомства), с учетом которых происходит общение;
- изучить структуру этикета ногайцев (вербальные и невербальные компоненты этикета, этикетная проксемика, атрибутика, этикетные ситуации);
- выявить всеобщее, повсеместное и этноспецифическое в культуре поведения и этикете ногайцев;
- показать взаимовлияние традиционных норм культуры поведения и этикета ногайцев и культуры поведения и этикета дагестанских и северокавказских народов, которое происходило благодаря межэтническим, торгово-экономическим, культурным взаимодействиям;
- выявить общее в культуре поведения и этикете, присущее всем современным тюркоязычным народам России, Средней Азии и Казахстана (кумыкам, терекемцам, дагестанским азербайджанцам, карачаевцам, балкарцам, татарам, башкирам, казахам, киргизам и др.).

¹ Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 4.

В данной работе в рамках поставленных задач делается попытка рассмотреть традиционную культуру поведения и этикет ногайцев. Впервые детально исследуются традиционные нормы культуры общения, поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту. Большое внимание в работе уделяется культуре общения и поведения и факторам, на них влияющим.

В монографии проводятся широкие культурно-исторические параллели между дагестанскими, северокавказскими, тюркоязычными народами России, Средней Азии и Казахстана и ногайцами с целью выявления этнических и локальных особенностей культуры поведения и этикета последних.

Основным же предметом нашего исследования будут традиционная культура поведения и этикет ногайцев. Из-за недостаточности литературного и полевого этнографического материала мы не рассматриваем такой весьма важный аспект традиционного этикета ногайцев, как придворный этикет ногайской знати.

Для решения поставленных перед нами задач мы придерживались утвердившегося в отечественной этнографии положения о преимуществах и взаимопроникновении культур разных народов, о взаимосвязанных процессах развития народов в рамках всеобщей истории. И поэтому предпочтение отдается системно-структурному, комплексному типу исследования с использованием историко-сравнительного и историко-типологического методов.

Источниковой базой нашего исследования послужили полевой этнографический материал¹, собранный нами во время экспедиционных работ в Ногайском районе Республики Дагестан, в Шелковском районе Чеченской Республики, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесской Республике в течение 2001-2007гг., а также архивный материал ГАРД и материалы РФ ИЯЛИ и ИИАЭ ДНЦ РАН.

Методологической основой и теоретическими предпосылками работы являются труды ведущих исследователей этикета

¹ Ссылки на собственный полевой этнографический материал в работе мы не делаем.

Б. Х. Бгажнокова, А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова, А. М. Решетова, А. А. Никишенкова, С. А. Лугуева. В их работах¹, составляющих основное ядро отечественной этнографии по этикету, с наибольшей полнотой раскрыты методы и принципы исследования этикета во всем его многообразии и сложности, определены его связи с лингвистикой, психологией, физиологией и рядом других наук.

Основываясь на методологических разработках наших предшественников, мы все же немного отошли от общепринятой программы изучения этикета, предложенной А. К. Байбуриным. Этикет нами рассматривается в непосредственной связи с семейным и общественным бытом ногайцев, что, на наш взгляд, дает наиболее полную картину развития ногайского общества, традиционной культуры поведения и этикета, традиций, обычаев народа. В нашей работе мы попытаемся проследить этикетные моменты в таких значимых для человека событиях, как свадьба, рождение и воспитание ребенка, похороны, наиболее полно будут рассмотрены внутрисемейные отношения и общественная жизнь ногайцев с ее повседневно-бытовой и праздничной культурой поведения.

Традиционная культура поведения и этикет ногайцев складывались на протяжении многих веков, в них наиболее ярко отражены национальная самобытность народа, этническое своеобразие, культурные традиции и предпочтения. Кроме того, в культуре поведения и этикете ногайцев отражаются характер народа, его менталитет, стереотипы поведения и этническое самосознание.

Известно, что в исследуемое время культура ногайцев представляла собой смешанный тип, в которой переплетались

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. Он же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983 и др.; Байбурина А. К., Топорков А. Л. Указ. раб.; Байбурина А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 12-37; Решетов А. М. Народы Передней Азии и их этикет //Этикет у народов Передней Азии. С. 7-11; Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России (XIX-начало XX в.) /Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1999; Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). Махачкала, 2006.

традиции оседлой и кочевой культуры. Одна часть ногайцев (кубанские ногайцы) вела оседлый образ жизни, другая (караногайцы, тарковские, аксаевские, костековские, терские ногайцы, джембойлуковцы и едисанцы) – кочевой. Благодаря тесному социально-экономическому и культурному взаимодействию с дагестанскими и северокавказскими народами произошли качественные изменения в культуре ногайцев. Под воздействием оседлых народов культура ногайцев видоизменялась, приспосабливалась к новым условиям, приобретая новые черты. Ногайцы многое позаимствовали из материальной культуры оседлых народов, но, приобретая, ногайцы и сами многое отдавали. Таким образом, шел своеобразный обмен культурным опытом и освоение нового «культурного пространства». Иными словами, произошла «встреча» культур. Именно поэтому в культурах дагестанских и северокавказских народов так много общего.

Многовековая история северокавказских народов не знает случаев межнациональных войн в регионе. Знание культуры и этикета соседнего народа, авторитет старейшин и сила общественного мнения помогали в налаживании межэтнических контактов и предотвращении межнациональных конфликтов и иных споров. В данном случае опыт наших предков бесценен и может послужить хорошим примером для современных политиков в деле восстановления мира и спокойствия в Дагестане и на Северном Кавказе.

Глава 1. Историография проблемы. Характеристика источниковой базы исследования

Понятие этикет в том понимании, в каком оно сегодня представлено в отечественной этнографической науке, появилось сравнительно недавно, хотя именно ему этнография обязана своим возникновением. Как верно отмечают А. К. Байбурун и А. Л. Топорков, «...первые этнографические описания относились именно к правилам общения, причем речь шла не о самом этикете, а об обычаях и обрядах, из которых этикет выделился сравнительно поздно»¹. Так, например, первые сведения о культуре поведения и этикете ногайцев появились в XIX веке в этнографических описаниях полупрофессионалов, любителей старины А. Павлова², А. О. Рудановского³, К. Ф. Сталья⁴, Н. Ф. Дубровина⁵, Г. Малявкина⁶, Г. Б. Ананьева⁷, Н. Семенова⁸, С. В. Фарфоровского⁹, Ф. О. Капельгородского¹⁰.

Уже в конце XIX – начале XX века появились первые профессиональные исследования по истории, фольклору и этнографии ногайцев, написанные известным ногайским просветителем А. Ш. Джанибековым. К сожалению, в его очерке по истории

1 Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 3.

2 Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.

3 Рудановский А. О. О караногойской степи и кочующих на ней народах // Кавказ. №52. 1863.

4 Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа (1852) // КС. Тифлис, 1900. Т. 21.

5 Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

6 Малявкин Г. Караногойцы // ТС. Прилож. к Терскому календарю на 1894г. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

7 Ананьев Г. Б. Караногойцы, их быт и образ жизни // СССР. Ставрополь, 1908. Т. 2.

8 Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Ногайцы. СПб., 1895.

9 Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // ЗКОИРГО. Тифлис, 1909. Кн. 26. Вып. 7.

10 Капельгородский Ф. Караногой - страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68.

ногайцев¹, отличающемся достоверностью и огромным фактическим материалом, содержатся обрывочные сведения о культуре поведения и этикете ногойцев.

В советский период первые специальные исследования по этнографии ногойцев, в которых затрагивались вопросы культуры поведения и этикета, были изданы крупным ученым-кавказоведом С. Ш. Гаджиевой².

Огромный вклад в изучение этнографии ногойцев внес и видный ученый-ногаевед Р. Х. Керейтов, его работы отличаются основательностью и информативностью. Весомый вклад в этнографию ногойцев привнесли и такие известные ученые, как И. Х. Калмыков, А. И.-М. Сикалиев³. Активным продолжателем их дела в изучении этнографии ногойцев стал А. А. Ярлыкапов. Но, несмотря на достаточную изученность этнографии ногойцев, вопрос их традиционной культуры поведения и этикета остался неисследованным, данная работа призвана восполнить существующий пробел.

Изучение этикета требует, прежде всего, рассмотрения его теоретических основ. Разработки в области теории этикета принадлежат А. К. Байбуруну и А. Л. Топоркову⁴. В их работе достаточно полно раскрывается значение таких понятий, как «этикет», «общение», «культура поведения», «этнография общения» и т.д. ими также исследовано влияние моральных норм на поведение людей. В частности, они пишут, что «одной своей стороной этикет укоренен и органически связан с моральными нормами и ценностями, другой – проявляется в эмпирически наблюдаемых формах поведения»⁵.

Отдельно А. К. Байбуриным рассматривались вопросы комплексного изучения стереотипов поведения. Основную цель эт-

нографического изучения стереотипов поведения А. К. Байбурун видит в выявлении их этнически своеобразных черт¹. При рассмотрении стереотипов поведения А. К. Байбурун предлагает учесть несколько предпосылок:

во-первых, стереотипы поведения (как и поведение в целом) являются социальными феноменами. Это означает, что поведение человека в обществе обусловлено особенностями социальной организации общества, его социокультурными механизмами;

во-вторых, поведение человека вариативно как в синхронии, так и в диахронии (т.е. в историческом и этническом пространстве);

в-третьих, стандарты поведения коррелируют с реальной стратификацией общества. Другими словами, каждая половозрастная, конфессиональная, этническая, профессиональная и другие группы и субкультуры общества имеют специфические стереотипы поведения².

Определенную ясность А. К. Байбурун внес и в вопрос о соотношении этикета и ритуала (обряда). В частности, он пишет: «...ритуал – всегда событие, некоторый кризисный период в жизни коллектива. Этикет же регламентирует повседневную норму, устойчивость, равновесие, которое стало возможным благодаря ритуалу (т.е. ту норму, которую подтвердил ритуал). Из сказанного вытекает принцип дополнительности, своеобразной комплементарности ритуала и этикета»³.

Зыбкость границ между этикетом и ритуалом нередко приводит исследователей к заблуждениям и подмене этикета ритуалом. Многие исследователи не видят между ними различий и рассматривают ритуал как разновидность обычая⁴.

1 Джанибеков А.-Х.Ш. Очерки по истории ногойцев //РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1.

2 Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногойцев в XIX – начале XX в. М., 1976; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногойцев. XIX – начало XX в. М., 1979.

3 Список их трудов см. : Ярлыкапов А. А. Библиографический указатель научной литературы по ногойцам. Махачкала, 1998.

4 Байбурун А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 3-22.

5 Там же. С. 10.

1 Байбурун А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения //Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 11.

2 Там же. С. 4.

3 Байбурун А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 18.

4 Левкович В. П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения //Психологические проблемы регуляции поведения. М., 1976. С. 222-230; Сарингулян К. С. Ритуал в системе этической культуры //Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 71.

Некоторые исследователи¹ полагают, что эти различия коренятся в сфере прагматики. По А. К. Байбурину же ритуал наделен не только практическим, но и символическим смыслом². Обе точки зрения имеют право на существование, более того, они не только не взаимоисключают, но и дополняют друг друга. Как видно, исследователи не пришли к единому мнению, а значит, вопрос остается открытым.

Специальные исследования в области этнографии общения проводились проф. Б. Х. Бгажноковым. Результатом этой работы явился его специальный труд³, посвященный этнографии общения на примере адыгов.

Весомый вклад в разработку теоретических основ этикета внес и А. М. Решетов. В частности, им определена типология этикетных ситуаций, которой руководствуется большинство современных исследователей этикета⁴.

Проблемам «построения языка этикета» посвящена работа Т. В. Цивьян⁵, в которой условность этикетного поведения в системе вербального общения и социальная значимость «этикетного начала», его обусловленность традициями и системой этнических ценностных ориентаций рассматриваются как двуединое начало и внутреннее содержание формализованного общения внутри социальной группы. В этой же работе автор дает определение этикета.

Этнические стереотипы поведения носят интровертный, регулятивный характер, что сближает их с понятием социальной нормы. По поводу соотношения стереотипов поведения и нормы свою точку зрения высказал К. С. Сарингулян. В частности,

он пишет, что «...любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности, коль скоро мы рассматриваем его под углом зрения того, как он реализуется в деятельности людей, что обеспечивает его массовое приятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма»¹.

Вопросов о нормах поведения касался и Ю. М. Лотман. Как пишет исследователь, «норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека будет колебаться между этими полюсами»².

В статье о соотношении традиций и социально-культурных структур Б. М. Берштейн отмечает, что «чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем. Согласование внутренних процессов и т.п., и сохранение этого опыта обеспечивает системе ее целостность и идентичность»³.

Этнопсихологическим аспектам изучения поведения, историческим формам регуляции поведения, этикету, вербальным и невербальным средствам коммуникации посвящен и сборник «Этнические стереотипы поведения», в котором наряду с теоретическими вопросами рассматриваются конкретные проявления стереотипизации поведения, особенно характерные для этикета, обрядов, игрового поведения и других сфер деятельности⁴.

Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века исследуются М. М. Громыко. В этой работе⁵ показана роль сельской общины в поддержании традиционных

1 Чистов К. В. Обряд // БСЭ. М., 1974. Т. 18. С. 231; Дробницкий О., Левада Ю. Ритуал // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 512-513; Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиции // СЭ. 1981. №2. С. 97-98.

2 Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 17-18.

3 Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

4 Решетов А. М. Народы Передней Азии // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 7-11.

5 Цивьян Т. В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Тарту, 1966. Вып. 2. С. 144.

1 Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // СЭ. 1981. №2. С. 101.

2 Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 26.

3 Берштейн Б. М. Традиции и социокультурные структуры // СЭ. 1981. №2. С. 107-108.

4 Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. Л., 1985.

5 Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

форм поведения, формировании общественного мнения, сохранении обычаев и исполнении обрядов, приводится классификация способов коллективного общения по возрастным группам.

Особенностям поведения взрослых и молодежи во время общинных праздников, коллективных работ посвящено исследование Т. А. Бернштам¹.

Немалый интерес для исследователей представляет изучение вопроса о влиянии нравственных ценностей на поведение людей. Новаторами в этом вопросе выступили Я. В. Чеснов² и Б. Х. Бгажноков³.

Обусловленность этикетных взаимоотношений половым различием рассматривается в работе И. С. Кона⁴. Взаимоотношения полов между членами кровнородственной группы на примере австралийских племен изучались Л. А. Абрамяном⁵.

Важную роль в регулировании взаимоотношений и поведения людей в традиционных обществах играют различного рода запреты – табу. Семиотике запретов посвящена статья И. А. Чернова, которая проливает свет на многие аспекты этого вопроса⁶.

Особое место в общении между людьми занимают и различного рода эвфемизмы. Табу и эвфемизмы в казахском, киргизском и узбекском языках приминительно к животным, явлениям природы, злым духам и болезням, к понятиям «смерть», «роды», «мать», «дитя» исследованы И. Лауде-Циртаутасом⁷.

Одной из характерных черт поведения многих народов Дагестана и Северного Кавказа являются семейные запреты и из-

бегания. Они выражались в ограничении общения и специфических нормах поведения между невесткой и родственниками мужа, между зятем и родственниками жены, между супругами, между родителями и детьми. Классические формы избегания присущи народам, для которых характерен экзогамный брак. Этой теме посвящено немало работ¹, обсуждалась она и на страницах журнала «Советская этнография»².

Проблемам речевого этикета посвящена работа Н. И. Формановской³. В ней автор рассматривает ту область общения людей, которая связана с правилами вступления в речевой контакт, приводятся наиболее употребительные слова и выражения, связанные с той или иной ситуацией, даются примеры устойчивых оборотов. Различные аспекты речевого этикета в русской среде рассматриваются и в работах В. Е. Гольдина⁴, В. В. Колесова⁵. Русскому речевому этикету в условиях дагестанского полиэтнического региона посвящена сравнительно недавно защищенная кандидатская диссертация М. И. Хабибовой⁶.

1 См.: Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сб. этнограф. м-лов. М., 1927; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Кисляков Н. А. Очерки семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Смирнова Я. С. Обычай избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху //СЭ. 1961. №2. С. 41-52; Она же. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа //Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 118-163.; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.

2 Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? //СЭ. 1978. № 6. С. 61-70; Арутюнов С. А. Анализ и оценка избегания //СЭ. 1979. №1. С. 53-56; Бгажноков Б. Х. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании //СЭ. 1979. № 1. С. 53-63; Марков Г. Е. Обычай избегания и проблема «пережитков» //СЭ. 1979. №1. С. 63-68; Токарев С. А. «Избегание» и «этикет» //СЭ. 1979. №1. С. 68-76; Смирнова Я. С., Першиц А. И. Еще раз о формационном и релятивистском подходах и оценке культурных явлений (ответ оппонентам) //СЭ. 1979. №5. С. 90-105.

3 Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!». Речевого этикет в нашем общении. М., 1989.

4 Гольдин В. Е. Речь и этикет. М., 1983.

5 Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988.

6 Хабибова М. И. Русский речевого этикет в условиях полиэтнического региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

1 Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

2 Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении //ПНИЭ. 1980-1981гг. М., 1984. С. 101-112.

3 Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

4 Кон И. С. Этнография и проблемы пола //СЭ. 1983. №3. С. 25-34.

5 Абрамян Л. А. Оскорбление и наказание: Слово и дело //Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 279-296.

6 Чернов И. А. О семиотике запретов //Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 46-53.

7 Лауде-Циртаутас И. К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках //СТ. 1976. № 4. С. 72-86.

Семантике жестов посвящен труд С. Степанова¹. В нем автор достаточно убедительно раскрывает связь мимики и жестов с национально-культурными особенностями и традициями того или иного этноса. Эти же вопросы получили достаточно полное освещение в работе Р. О. Якобсона², Д. А. Самсонова³.

Непосредственно этикету посвящено немного исследований. Сравнительно неплохо изучен этикет северокавказских и дагестанских народов. Первым, кто вывел этикет на качественно новый уровень исследования, стал адыгский ученый Б. Х. Бгажноков. Его теоретические разработки в области этноэтикета с привлечением широкого круга других дисциплин дали возможность исследователям взглянуть на проблему с новых позиций. Эти разработки нашли отражение в его монографическом исследовании «Адыгский этикет»⁴. Как бы продолжением в деле изучения адыгского этикета явилась работа Р. А. Мамхеговой⁵. В своем исследовании она впервые разграничивает такие понятия, как «нэмыс мужчины» и «нэмыс женщины», рассматривает национальные особенности характера адыгов.

Огромный вклад в изучение абхазского этикета внес Ш. Д. Инал-Ипа. В его работе «Очерки об абхазском этикете»⁶ рассматриваются все стороны этого вопроса, достаточно убедительно раскрыт социальный аспект этнографии общения, всаднический этикет, культура застолья и многое другое.

Труд А. А. Никишенкова «Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX в.) стал первым в историографии опытом сводного описания традиционного этикета народов России. Его работа представляет для нас большой интерес в том плане, что в ней на основе полевого этнографического материала и письменных источников показаны этикетные нормы поведения в семье,

общественных местах, этикет гостеприимства и застолья у тюркоязычных народов Европейской части России.

Традиционному этикету осетин посвящена монография А. Х. Хадиковой¹, в которой на огромном полевого этнографического материале автор рассматривает различные аспекты этикета одного из крупных северокавказских народов – осетин.

Одним из первых в плане всестороннего научного изучения традиционного этикета дагестанских народов стал труд С. А. Лугуева «Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века)». На основе полевых этнографических материалов и специальной литературы по теме им раскрывается сущность особенностей традиционной культуры поведения и этикета дагестанцев, тесно связанных со спецификой социально-экономического, политического и культурного развития общества.

Вот, пожалуй, и вся основная литература по этикету народов России, не считая специальных статей и сборников, посвященных этикету народов мира. Одной из первых работ подобного плана является сборник статей, посвященный этикету народов Передней Азии². В большинстве статей сборника анализируются такие элементы этикета, как нормы общения, мимика, речевое поведение, этикетная атрибутика у разных арабских народов, курдов, иранцев, турок, афганцев.

Различным аспектам этикета посвящены специальные статьи известных северокавказских и дагестанских ученых С. Киржинова³, С. А. Лугуева⁴, С. А. Лугуева и М. М. Магомедханова⁵,

1 Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.

2 Этикет у народов Передней Азии. Сборник статей. М., 1988.

3 Киржинов С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту // АЭС. Вып. 1. // Под ред. Г. Х. Мамбетова и И. М. Чеченова. Нальчик, 1974. С. 166-172.

4 Лугуев С. А. Гостеприимство и куначество у лакцев (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1980. С. 75-88; Он же. Традиционный быт, обычаи, обряды и нормы поведения в песенном фольклоре лакцев // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2006. №2. С. 88-96.

5 Лугуев С. А., Магомедханов М. М. Торговые обычаи народов Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 53-163.

1 Степанов С. Язык внешности. М., 2004.

2 Якобсон Р. О. Да и нет в мимике // Язык и человек. М., 1970. С. 284-289.

3 Самсонов Д. А. Кинесические аспекты корейского этикета: Традиционный глубокий поклон чоль и его варианты // ЭО. 2007. № 3. С. 162-166.

4 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

5 Мамхегова Р. А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993.

6 Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

Р. Х. Керейтова¹, Т. С. Рудиченко², А. Ш. Гамзатовой³, М. Батукаева⁴, З. И. Хасбулатовой⁵, З. М.-Т. Дзараховой⁶, М. С. Мусаева⁷.

Тема культуры питания и застольного этикета рассматривалась в статье Е. Н. Студенецкой⁸. Вопросам культуры питания и застольного этикета тюркоязычных народов Дагестана посвящен и труд Б. М. Алимовой⁹. Эти же сюжеты получили достаточно полное освещение и в специальных работах Г. Х. Мамбетова¹⁰, В. К. Гарданова¹¹, Б. Х. Бгажнокова¹², А. Л. Топоркова¹³.

1 Керейтов Р. Х. Реликты древних обычаев в этикете ногайцев и некоторые их аналогии у древних народов // *Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа* (Тезисы общероссийской конференции). Пятигорск, 1997. С. 65-67.

2 Рудиченко Т. С. Казачий этикет и песня // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год*. Дикаревские чтения (8). Краснодар, 2002. С. 24-35.

3 Гамзатова А. Ш. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX-начало XX века) // *Вестник ДНЦ*. 2006. №24. С. 80-84.

4 Батукаев М. Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // *Современный Кавказ*. Пятигорск, 2006. С. 134-137.

5 Хасбулатова З. И. Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX-начале XX века // *Культура Чечни: История и современные проблемы* / [Отв. ред. Х. В. Туркаев]. М., 2006. С. 202-218.

6 Дзарахова З. М. -Т. Ингушский этикет как знаковая коммуникация и этнообразующий фактор // *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе»* / Сост. О. М. Давудов. Махачкала, 2007. С. 333-336.

7 Мусаев М. С. Из этикета рутулов // *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе»* / Сост. О. М. Давудов. Махачкала, 2007. С. 336.

8 Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // *АЭС/Под ред. Г. Х. Мамбетова и И. М. Чеченова. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 156-165.*

9 Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX-начале XX в. Махачкала, 2005.

10 Мамбетов Г. Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // *УЗ АНИИ. Майкоп, 1968. Т. 8. Сер. этнография. С. 228-250.*

11 Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII- первой половине XIX в. // *СЭ. 1964. № 1. С. 34-59.*

12 Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // *Этнические стереотипы поведения. Л., 1985; Он же. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // СЭ. 1987. № 2. С. 89-100.*

13 Топорков А. Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян // *Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223-242.*

Некоторые вопросы семейного этикета у народов Северного Кавказа и Дагестана нашли отражение в трудах видных ученых-кавказоведов Р. Х. Керейтова¹, Я. С. Смирновой², С. Ш. Гаджиевой³, М. А. Меретукова⁴, Б. М. Алимовой⁵.

Поведенческим аспектам, коммуникативным и социальным функциям общественных и календарных праздников было уделено достаточно много внимания в работах известных российских этнографов Г. Н. Симакова⁶, А. Г. Булатовой⁷, Р. Х. Керейтова⁸.

Особые ритуализированные нормы поведения были характерны и для участников мужских союзов и собраний. На примере мужских союзов горцев Кавказа эта тема исследована Ю. Ю. Карповым⁹.

Сведения о культуре поведения и этике кумыков, которые представляют для нас интерес в плане проведения культурно-исторических параллелей с ногайцами, содержатся в труде дореволюционного автора Абусупияна Акаева¹⁰. Данные об этикете

1 Керейтов Р. Х. Свадебный обряд у кубанских ногайцев в прошлом (конец XIX-начало XX века) // *Труды КЧНИИ. Черкесск, 1974. Вып. 7. Сер. истор. С. 220-234.*

2 Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). М., 1983.

3 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М., 1985.

4 Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов (XIX-70-е годы XX в.). Майкоп, 1987.

5 Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. Махачкала, 1989.

6 Симаков Г. Н. Народные развлечения киргизов как средство общения (конец XIX-начало XX в.) // *Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Л., 1983. С. 25-26; Он же. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX-начале XX в. Л., 1984.*

7 Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX-начале XX в. Л., 1988.

8 Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // *Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 91-142.*

9 Карпов Ю. Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1998.

10 Акаев А. Книга по этике. (на кум. яз.). Состав. Г. М. -Р. Оразаев. Буйнакск, 1992.

кумыков содержит и работа известного просветителя Маная Алибекова¹.

Огромный фактический материал по различным аспектам традиционно-бытовой культуры, культуры поведения и этикету тюркоязычных народов Дагестана содержат труды проф. С. Ш. Гаджиевой².

Сведения о культуре поведения и этикете народов Северного Кавказа можно почерпнуть как и из специальных монографических исследований В. К. Гарданова³, Б. А. Калоева⁴, И. Х. Калмыкова⁵, К. Х. Унежева⁶, так и из коллективных работ северокавказских ученых⁷.

Для проведения культурно-исторических параллелей в области традиционной культуры поведения и этикета между ногайцами и дагестанскими и северокавказскими народами нами использованы труды известных ученых-этнографов А. Г. Булатовой⁸, И. Л. Бабич⁹, М. К. Мусаевой¹⁰, Б. Р. Рагимовой¹¹, А. И. Исламмагомедова¹².

Приведенная литература дала нам возможность провести не только культурно-исторические параллели в исследуемой области, но и общее направление в изучении традиционной

культуры поведения и этикета ногайцев. В целом же наше исследование построено на полевом этнографическом материале, собранном нами в районах компактного проживания ногайцев на Северном Кавказе, в Дагестане и Чечне.

Считаю приятным долгом поблагодарить всех информаторов за предоставленные ценные сведения. Особую благодарность выражаю информаторам Агаспарову Йолманбету Асаналиевичу, Байманбетовой Боранбике Абзеровне, Казакову Валерию Сеперовичу, Керейтовой Тайват Абусатаровне, Нурманбетову Абдулле Керимовичу, Сикалиевой Нине, Юсуповой Галине Шайдулаевне.

1 Алибеков М. Адагы кумыков. Махачкала, 1927.

2 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX-начало XX в. : Историко-этнографическое исследование. М., 1985; Она же. Дагестанские азербайджанцы. XIX-начало XX в. : Историко-этнографическое исследование. М., 1999; Она же. Кумыки: Историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала, 2005.

3 Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). М., 1967.

4 Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). Изд. 2. М., 1971.

5 Калмыков И. Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974.

6 Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003.

7 Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

8 Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.

9 Бабич И. Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995.

10 Мусасва М. К. Хваршины. XIX-начало XX в. Махачкала, 1995.

11 Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX-начала XX в. Махачкала, 2001.

12 Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. (XVIII-нач. XXв.). Махачкала, 2002.

Глава 2. Общие сведения о ногайцах

Ногайцы – один из тюркоязычных народов, издревле населяющих нашу страну. Самоназвание ногайцев – «ногай» (ногайлар). Под этим этническим названием ногайцы еще в XIV-XV вв. были известны народам Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма. Формирование ногайской народности началось еще в VI веке. Согласно выдвинутой Р. Х. Керейтовым периодизации формирования ногайской народности выделяются пять этапов: I (VI-VIII вв.) связан с тюркскими племенами; II (IX-XI вв.) – печенежский; III (XI-XIII вв.) – кипчакский; IV (XII-XV вв.) – золотоордынский; V (XIV-XVII вв.) – ногайский, связанный с появлением Ногайской Орды¹. Становление ногайцев завершилось в XVII веке и связано с окончательным утверждением Ногайской Орды как самостоятельного государства. Ногайцы подразделяют друг друга на группы, названия которых подчас совпадают с названием территории их проживания.

Так, ногайцев, живущих на р. Кубани, называют «кьобан ногайлар» – кубанскими ногайцами; ногайцев, живущих на р. Кума, – кумскими ногайцами – «куьми ногайлар», «Бестав (пять гор – с ногайского) ногайлар» – ногайцев, живущих на Пятигорье, – бештовскими ногайцами. Также ногайцы делятся на крымских ногайцев – «Крым ногайлар», волжских или астраханских ногайцев – «Эдиль (старое тюркское название р. Волги) ногайлар» или «астрахан ногайлар», ембойлуковцев – «ембойлулар», «етишкуьллер» – етишкульцев, етисанцев – «етисанлар», караногайцев «тюмен ногай», тарковских «таргъу», аксайских «яхсай», костековских «костек» ногайцев (дагестанские ногайцы).

В Российской Федерации, по переписи 2002г., насчитывалось 90666 ногайцев. Большинство их проживает на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане – 38168 человек, в Чечне – 3600, в Ставропольском крае – 20680, в Карачаево-Черкесии – 14873, в

Астраханской области – 4600¹. Отмечены компактные группы проживания ногайцев в Сибири.

В ближнем зарубежье ногайцы проживают в Белоруссии и Литве, в дальнем – в Турции, Румынии, Польше². Так, например, в Румынии ногайцев насчитывается около 30 тыс. человек, в Болгарии – около 5 тыс. В Турции ногайцев насчитывается, по разным оценкам, от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч. Компактно ногайцы живут здесь в основном в окрестностях города Конья. Включая отуреченных ногайцев, их общая численность может составлять 1 млн. человек³.

Одним из основных путей распространения ногайского этноса за пределы бывшей Российской империи было широко известное «мухаджирство», ориентированное на переселенцев на страны мусульманского Востока. Однако еще раньше, начиная с эпохи расцвета Великого княжества Литовского в период позднего средневековья, ногайцы проникали и в европейские страны, где составили группу западных ногайцев, или «литовских татар», внутри шляхетского сословия. К 1939г. ногайцы Западной Белоруссии, Польши, Литвы были объединены в 19 религиозных общин, имели 17 мечетей, музей, архив, издавали журналы. В годы сталинских репрессий многие из этих ногайцев бежали в Польшу, другие страны Западной Европы, затем в Америку, Австралию. В настоящее время ногайцев в Белоруссии, например, насчитывается, по разным источникам, от 10 до 15 тысяч человек⁴.

В современной России ногайцы проживают как в сельской местности, так и в городах. Ногайцы живут в городах Махачкале, Грозном, Черкеске, Ставрополе, Кизляре, Нефтекумске, Пятигорске, Минеральные Воды, Владикавказе, Тюмени, Якутске, Уренгое.

В 1929г. в Дагестане был образован Ногайский район. Он включает в себя Терекли-Мектеб (районный центр) и аулы Батыр-Мурза, Бажиган, Боранчи, Карагас, Карасув, Кумли, Кунбатар, им. Ленина, Нариман, Табтли Булак (бывш. им. Калинина),

1 www.kunstkamera.ru

2 Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 301.

3 Ярлыкапов А. Ногайцы // Живописная Россия. 2007. № 3. С. 4.

4 Кидирниязов Д. С. Западные ногайцы // Половецкая луна. 1993. №№ 3-7. С. 35.

1 Керейтов Р. Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999. С. 19.

Сулу-Тюбе, Орта-Тюбе, Уйсалган, Червленые Буруны (племзавод), Эдигеаул (бывш. Янъгыаул).

Помимо Ногайского района, ногайцы живут в Бабаюртовском (с. Бабаюрт, Тамаза-Тюбе, Новая Коса, Геметюбе, Мужукай, Люксембург, Хамаматюрт), Кизлярском (с. Ново-Владимировка, Крайновка, Макараул, Сангиши, Огузер, Урицкого, Новокрестьяновка (Ямантенаул), Рассвет, Черняевка, Степной), Тарумовском (с. А. Невская, Новогоргиевск, Выше-Таловка, Ново-Дмитриевка) районах, а также в поселке Главсулак Кировского района г. Махачкалы.

В Ставропольском крае ногайцы проживают в Нефтекумском районе в аулах Абрам-Тюбе, Артезиан-Мангыт, Ачикулак, Бейсей, Бияш, Ильяс-Кишлау, Кара-Тюбе, Каясула, Нукус-Артезиан, Махмуд-Мектеб, Тукуй-Мектеб, Ямангой. В Степновском районе того же Ставропольского края они населяют аулы Ыргаклы, Степное; в Минераловодском районе – аул Канглы, в Кочубеевском районе – аул Карамурзинский, частично селение Балахоновское, в райцентре.

В Чеченской Республике ногайцы проживают в основном в Шелковском районе (сс. Сары-Су, Воскресенское, Мирный, Каршыга-аул, 6-й совхоз, Коби, Красный Ударник, Червленая, Старогладовка, Курдюковская, Каргалинская, Гребенская, Дубовская, райцентр Шелковская).

Проживают ногайцы и в Астраханской области: в ауле Лапас (Харабалинского района), в аулах Сеитовка, Айсапай, Кояылы, Ланчык, Хожемай, Джанай, Ясын-Соккан, Белячное, Иодшалык, Малый Арал (Красноярского района), в поселках Киркиле и Свободное¹. В Астрахани этих ногайцев называют карагашами. В Володарском районе Астраханской области и в основном в селе Тулугановка проживают кундровские ногайцы². Кроме того, под Астраханью живет также этническая группа ногайского происхождения с татарским самоназванием – юртовцы³.

1 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 7.

2 Арсланов Л. Ш. К вопросу о карагашском языке // СТ. 1977. № 4. С. 73-74; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 102.

3 Ярлыкапов А. Указ. раб. С. 4.

На Северном Кавказе ногайцы проживают в Ногайском районе (бывший Адыге-Хабльский район) Карачаево-Черкесии: Адыге-Хабль (районный центр), Адиль-Халк, Икон-Халк, Кобан-Халк, Кызыл-Тогай, Эркин-Юрт, Эркин-Халк, Кызыл-Юрт (Хабезского района), в ауле Ильичевском (Прикубанского района), в поселке Московском (Усть-Джегутинского района), в городах Черкесске и Карачаевске.

Часть ногайцев обосновалась в Калмыкии – это ногайцы – утары Каспийского района. Потомки ногайцев – нагайбаки проживают и в Нагайбакском районе Челябинской области.

В свете антропологической характеристики ногайцев необходимо отметить, что ногайцы расово неоднородны. Ногайцы принадлежат к южносибирской (туранской) переходной расе (промежуточной между европеоидной и монголоидной расами). При этом некоторые группы ногайцев вследствие сильного смешения с местными кавказскими народами включают в себя и чисто европеоидные типы (кубанские и кумские ногайцы)¹.

Ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским образует кипчакско-ногайскую подгруппу². Сегодня выделяют два основных диалекта: караногайский и кубанский, а также говоры ачикулакских и астраханских ногайцев³.

Основным районом обитания ногайцев в исследуемый период становится Северный Кавказ. Традиционная хозяйственная система со строгой регламентацией пастбищных угодий между родоплеменными объединениями способствовала образованию на Северном Кавказе ряда административных районов с ногайским населением.

В начале XIX в. на территории Северо-Восточного Кавказа царская администрация образовала четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское.

1 Там же.

2 Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. С. 165.

3 Ярлыкапов А. Указ. раб. С. 4.

Калаус-Саблинскому приставству были отмежеваны земли по верховьям Калауса и его нагорной стороне, а также участок между озерами Большое и Малое Янкули. Кроме того, к приставству отошел район Кавказских Минеральных Вод. На этой территории кочевали едисанские, едишкульские и касаевские ногайцы.

Низовья Калауса и районы бассейнов рек Айгур, Барханчук, Камбулат и Кугульта отвели Калаус-Джембойлуковскому приставству. Здесь обитали джембойлуковцы со следующими подразделениями: канглинским, караюмским и меситским.

Территорию закумской части передали Ачикулак-Джембойлуковскому приставству. На этом участке кочевали едисанцы и джембойлуковцы.

Территориальные границы Караногайского приставства сложились гораздо раньше, чем в трех предыдущих приставствах. Граница Караногайского приставства на юго-востоке доходила до побережья Каспийского моря, на северо-западе – до реки Кумы и на юго-западе – до Степан-Бугорского урочища.

Ногайцы проживали также в Моздокском и Георгиевском уездах.

Ногайцев, кочевавших на территории Сулакской низменности, именовали аксаевскими или костековскими ногайцами. На юге и юго-востоке они граничили с кумыками и тарковскими ногайцами. Последние, составляя небольшую группу, кочевали вдоль Каспия в пределах Тарковского шамхальства. Их здесь насчитывалось около 300 кибиток¹.

Итак, в начале XIX века на северо-востоке Кавказа были созданы ногайские приставства. Управляли приставствами с помощью разработанного в 1827 году «Положения о кочующих инородцах».

В 1847г. Кавказская область, куда входили все 4 приставства, была преобразована в Ставропольскую губернию. Позднее, в 1888 году, Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области. В середине XIX в. калаусо-

джембойлуковские ногайцы численностью 14538 человек занимали около 87 тыс. дес. земли. На юго-западе от них проживали калаусо-саблинские ногайцы численностью 12245 человек, занимая 39 тыс. дес. земли.

Ачикулак-джембойлуковцы и едисанцы кочевали по Ачикулак-Джембойлуковскому приставству, составлявшему в общей сложности 184 тыс. дес. земли.

Самым крупным приставством считалось Караногайское. Его территория составляла 1 млн. дес. с численностью 38450 караногайцев и едишкульцев. Так обстояло до переселения ногайцев в Турцию. В результате двух миграционных потоков (1859, 1860) из 4 приставств сохранилось лишь два – Караногайское и Ачикулакское. Последнее было образовано в 1880г. общей площадью 824807 дес. земли. В конце XIX века едисанцы и частично джембойлуковцы уже вели оседлый образ жизни. С переходом к оседлости ногайцы начали ежегодно делить пахотные угодия подушно. Пахотный надел обычно не превышал 7 десятин на одного члена семьи. Таким образом, пахотный надел семьи зависел от количества ее членов. За свой надел каждая семья платила налоги в государственную казну. С оседлых и полуоседлых ногайцев взимались налоги и за содержание скота. Так, за одного верблюда в казну платили 1 рубль, за голову крупного рогатого скота или лошадь – 40 коп., овцу или козу – 5 коп., а также воинский налог общей суммой 1379 руб. Только за 1908г. по этим видам налога они внесли в государственную казну 15125 руб¹.

К юго-востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и численности жителей оно значительно превосходило Ачикулакское. По данным переписи 1828 года, в Караногое насчитывалось 3060 дворов с 19634 душами.

С караногайцев взимались повинности на содержание управления Кизлярского отдела 5000 рублей, на содержание судебного следователя Кизлярского отдела – 2500 рублей. На 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37 845 руб.

¹ Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 24.

1 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. – М. Указ. раб. С. 41-43.

05 коп., причем взималось с каждого верблюда по 1 рублю, с головы крупного рогатого скота – 50 коп., мелкого – 5 коп. По закону караногайцы не служили в войсках, а вместо этого выплачивали 60 коп. воинского налога с каждого рубля общественных повинностей. Со временем налоги стали увеличиваться: с верблюда взималось 1 р. 60 коп., с крупного рогатого скота – 80 коп. и мелкого – 8 коп. Но зато больше никаких земских и государственных повинностей караногайцы не знали. В общем на бедняцкое хозяйство падало всех налогов от 80 коп. до 4 руб., на середняцкое – от 40 до 80 руб. и на кулацкое – до 500 руб.; четыре хозяйства платили от 600 до 800 рублей¹.

Кроме того, с 1828 по 1862 гг. караногай-едишкульский народ нес особую повинность в виде доставки провианта с пристаней в продовольственные магазины².

Караногай управлялся на основании «Положения об инородцах» и особой инструкции, утвержденной наместником кавказским. В административном отношении он числился в военном ведомстве и всеми правами по управлению этим приставством, как и в равной степени и другими областями Северного Кавказа, обладал начальник Терской области, а атаман Кизлярского отдела пользовался правами «главного пристава» кочующих народов³.

Непосредственно в самом Караногое имелся начальник Караногайского участка. Штаб его располагался в ставке Терекли-Мектеб.

Начальнику участка вменялся надзор за общественным управлением и хозяйственной жизнью караногайцев. Согласно «Положению об инородцах» на начальника участка возлагались следующие обязанности:

1. «ограждение и защищение пользы и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности»;

2. «внушение преимуществу постоянного (оседлого) жительства как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее»;

1 Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 187-188.

2 Там же. Л. 199.

3 Там же. Л. 148.

3. «попечение о введении и умножении в обществах ведомства его доходов от таких статей, как для пользы общества могут быть изобретены»;

4. «наблюдение за расходами, за правильностью судопроизводства в местных судах, составление смет и представление их на рассмотрение общества»;

5. «по желанию обеих сторон он сам мог выступать в качестве судьи на основании местных адатов»¹.

Кроме начальника участка, имелся целый штат работников: два помощника, народный казначей, кассир вспомогательной кассы, народный голова, 4 кубных и 3 аульных старшины, 13 десятников при старшинах, 19 дуванщиков (посыльных-переводчиков), 17 аксакалов (сборщиков податей), писарь с двумя помощниками и переводчик с помощником.

Кроме того, в Караногое существовал полицейский участок, в котором было 2 урядника и 10 казаков-охранников².

В 1910-1916 гг. был введен новый порядок общественного самоуправления. С этого времени все общественные должности в Караногое становились выборными. Выборы проводили 1 раз в три года на всенародном низаме. Выбирали народного голову, казначея, кассира вспомогательной кассы. Затем каждый куб, а их было 4 (найманов, терков, кипчаков, минов), выбирал себе старшину, кадия, помощника казначея. И, наконец, каждое аксакальство (всего их было 17) выбирало себе аксакала (сборщик податей) и ахуна (духовное лицо). Таким образом, одновременно с должностными лицами баллотировалось и духовенство. Выбирали кадиев, имамов, наибов, ахунов, эфендиев.

Народный голова руководил общественным хозяйством, выпасами, покосами, распашками земель, собирал сходы. Народный казначей принимал от аксакалов и разъездных казначеев деньги.

Старшины находились в подчинении у народного головы. Они следили за порядком, за сбором налогов, возглавляли маслагатный суд.

1 Там же. Л. 149.

2 Там же. Л. 146.



Вообще в Караногае до 1917 года действовало два местных суда: шариатский (духовный) и маслагатный (гражданский). Возглавлял маслагатный суд, как было отмечено выше, старшина, ему помогало несколько авторитетных стариков. Этому суду подлежали: 1. иски на сумму до 30 и свыше рублей; 2. разбирательство неблагоприятных поступков, дела о кражах, грабежах на сумму до 30 руб. Дела о более тяжких преступлениях передавались на рассмотрение в окружной суд.

Маслагатный суд носил состязательный характер. И истец, и ответчик перед началом судебного разбирательства приносили судье присягу. Обе стороны могли представить свидетелей. Маслагатные разборы по гражданским делам чаще всего заканчивались миром.

Разбирал маслагатный суд и уголовные дела, в основном это были кражи. За кражи наказывали розгами и приговаривали к отсечению руки, но руку обычно не отсекали. Почти каждый маслагатный суд по уголовному делу выносил примерно такое решение: «Приговорили взыскать с него 50 рублей за быка, а чтобы и впредь ему неповадно было воровать, дать ему 50 розог»¹.

Маслагатные суды находились в ведении начальника участка. В случае неудовлетворительного приговора сторона могла подать апелляционную жалобу начальнику участка для пересмотра решения суда, а тот в свою очередь мог назначить новый суд в составе уже не одного, а нескольких старшин. Выигравшая сторона была обязана отблагодарить старшину. Помимо этого, обе стороны платили судебные пошлины.

Шариатские суды рассматривали более широкий круг вопросов. Рассматриваемые дела в основном были связаны с регулированием семейно-правовых отношений. И в большинстве случаев были связаны с вопросами наследства. Шариатский суд состоял из одного или двух кадиев. При разборе дела судья руководствовался «Аль-Кораном» и разными шариатскими книгами. Были случаи, когда рассматриваемый в суде вопрос не был предусмотрен нормами шариата, и тогда судья руководствовался адатами, выработанными обществом. Маслагатный и

шариатский суды вполне удовлетворяли потребности общества в судопроизводстве и регулировали все стороны общественно-политической жизни того времени.

Кочевое общество ногайцев в XIX веке было патриархально-феодалным. Социальная структура ногайского общества была довольно сложной. В нем прослеживалось два основных класса: господствующий класс феодалов в лице султанов, князей, мурз и баев (к нему причисляются также представители духовенства (кадии, эфенди, муллы) и уздени); и эксплуатируемый в лице полузависимых кочевых бедняков, простых ногайцев и патриархальных рабов (ясыри), байгушей, тарханов, чагаров.

В исследуемый период практиковались различные способы присвоения феодалами прибавочного продукта ногайских крестьян. В одних случаях прибавочный продукт присваивался в форме помощи феодалу в его хозяйстве, ухода за его скотом (отработочная рента). Так, с трех семей взималось два воза сена и два воза дров или кизяка и с каждой семьи – по две мерки проса в пользу мурз. Взимался также «закят» – десятая часть урожая в пользу духовенства. Кроме этого, ногайские крестьяне отбывали повинности и платили подати в пользу царской власти. Они заключались в виде выставления арб для перевоза казенного провианта, выставления конных «милиционеров» для кордонных постов, прямого налога на скот, воинского налога, подводной, конной, почтовой повинности¹.

Таким образом, только в Караногайском приставстве в 1916 году сумма общественных повинностей равнялась 37 845 р. 05 коп².

Основой хозяйства ногайцев являлось скотоводство. Разводили овец и коз, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. Одной из ведущих отраслей хозяйства ногайцев являлось скотоводство, приносившее немалый доход. Разведение скота для многих кочевников было единственным средством существования. Скот обеспечивал продуктами питания и сырьем для изготовления одежды, обуви и т.д.

¹ Кочекаев Б. - А. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX-начале XX века. Алма-Ата, 1973. С. 173-174.

² Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 169.

¹ Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 168.

У ногайцев Ачикулакского приставства в разные годы насчитывалось скота:

Годы	Рогатый скот	Овцы
1829	15259	8452
1879	19187	55545
1902	23298	43302 ³

Более высоких результатов в разведении скота добились караногойцы. С середины XIX в. поголовье скота у них неуклонно росло:

Годы	Верблюды	Рогатый скот	Овцы и козы
1862	—	39347	130000
1864	328	44726	158299
1876	461	28180	101960
1886	1200	23000	166000
1896	2112	23854	111000
1906	1061	36471	178669
1916	1259	38299	227000 ¹

В основном скот был сосредоточен в руках зажиточных ногайцев. Так, из 6000 кибитковладельцев 255 человек, т.е. около 4%, имели 900 верблюдов (99%), 10000 лошадей (70%), 13400 голов рогатого скота (40%), 90530 овец (55%). На долю же остальных 5700 хозяйств приходилось 34 % всего скота, хотя они составляли 76% всех кибитковладельцев. При этом 540 хозяйств, т.е. 9%, совершенно были бесскотными³.

Значительное место отводилось коневодству. Оно было одной из наиболее развитых отраслей хозяйства. На количество

1 Кочекаев Б.-А. Б. Указ. раб. С. 67-68.
2 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 191.
3 Там же. Л. 52.

лошадей влияли различные социально-экономические и политические процессы, происходившие в России, а также погодные условия (чрезмерная засуха, холод). Так, в начале XIX века погибло три четверти лошадей у ногайцев Мелитопольского уезда. Резко упала численность табунов и у закубанских ногайцев от частых набегов русских экспедиционных войск¹. Количество лошадей падало и у джембойлуковцев. В 1824 году у них насчитывалось 7749 лошадей², в 1885 году – 842³. И только в середине XIX в. численность их увеличилась до 3 240⁴. У караногойцев и едишкульцев в 1812 году насчитывалось 22698 лошадей⁵, в 1850г. – 15 557, в 1892г. – 18773⁶, в 1914г. – 16600⁷.

Другой отраслью хозяйства у ногайцев являлось земледелие. В конце XIX – начале XX в. земледелием ногайцы стали заниматься почти повсеместно. Отдельные этнические подразделения ногайцев довольно рано начали заниматься земледелием, хотя и продолжали вести кочевой и полукочевой образ жизни. Раньше других к земледелию приобщились кубанские, кумыкские и затем ачикулакские ногайцы. Значительно медленнее развивалось выращивание зерновых и тем более огородных и бахчевых культур у кочевников караногойской степи⁸. У оседлых калаусо-джембойлуковских и калаусо-саблинских ногайцев, проживающих по левому берегу р. Кубань, земледелие являлось чуть ли не основной отраслью хозяйства. Поля засеивали пшеницей, ячменем, просом, кукурузой, полбой. Так, калаусо-джембойлуковскими ногайцами в 1880г. было засеяно различными злаковыми культурами 1855 четвертей земли, а в 1850г. – 3265; калаусо-саблинские и баштово-кумские ногайцы в 1885г. засеяли 1250 и в 1850г. – 3070 четвертей земли.

1 Кочекаев Б. -А. Б. Указ. раб. С. 65.

2 ГАСК. Ф. 249. ОП. 3. Д. 167. Л. 45-48.

3 Там же. Д. 2385. Л. 3.

4 Архипов А. Ногайцы //«Кавказ». 1852. № 4.

5 АКАК. 1873. Т. V. С. 877-878.

6 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 190.

7 Там же.

8 Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С. 11.

Хлебопашеством отчасти занимались и полуоседлые ногайцы Ачикулакского приставства. В 1855г. ими было засеяно 111 четвертей земли, а в 1850г. – 278, в 1880г. – 726. Даже аксайские и костековские ногайцы Дагестана с населением в 850 семей высеивали в год около 250 чувалов пшеницы и до 150 чувалов проса¹. Они снимали урожай до 1400 чувалов пшеницы и около 750 чувалов проса в год. Однако этого им не хватало, и они ежегодно прикупали на стороне 4338 чувалов по 6 пудов хлеба².

К концу XIX в. землю начали обрабатывать и караногайцы. В 1906г. в Караногое было засеяно 60 дес. озимой пшеницы и 162 дес. проса, а в 1916г. просом было засеяно 655 дес., озимой пшеницей – 5016 дес. земли³.

В 1845г. кочующими народами Кавказской области было посеяно озимых хлебов 3272 четверти, снята 7151 четверть, урожайность сам – 2,1. Урожайность была самая низкая, ниже, чем у государственных крестьян, у которых урожайность озимых составила: у ставропольцев сам – 5, пятигорцев сам – 8,5 и кизлярцев сам – 5⁴.

Караногайцы же собирали урожай от 25 до 60 пудов с десятины⁵. Низкие урожаи объясняются несколькими причинами: непригодность земель для занятия земледелием, отсутствие опыта и навыков хлебопашества, примитивность земледельческих орудий и многими другими.

Таким образом, в исследуемое время полукочевое скотоводство почти у всех ногайцев было связано с возделыванием земледельческих культур, а у оседлой части населения оно сочеталось со стойловым и отгонным скотоводством⁶.

Подсобными отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота. Все добытое во время рыбной ловли и охоты шло на удовлетворение семейных нужд. Значительное место в экономике ногайцев занимали домашние промыслы. Хозяйственная

1 Кочкаев Б.-А. Б. Указ. раб. С. 83.

2 Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 369.

3 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 202.

4 Кочкаев Б.-А. Б. Указ. раб. С. 83.

5 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 205.

6 Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 29.

специализация ногайцев и ее полунатуральный характер способствовали развитию таких промыслов, как обработка шерсти, кожи, шкур, которые шли на изготовление сукна, войлока, шерстяных чулок, обуви и т.д. Изделия домашнего производства шли на удовлетворение собственных нужд и частично на продажу. Торговали обычно кожей, овечьей и верблюжьей шерстью, войлоками. Так, караногайцы сбывали шерсть в порты Каспийского моря, в Астрахань и выручали ежегодно от продажи шерсти 108 000 руб., кож и овчин – 50 000 рублей¹. Калаусо-джембойлуковцы продавали шерсть в Ставрополе, Пятигорске и на линии до 5000 пудов. При средней цене шерсти от 50 до 75 коп. за пуд ногайцы могли получать доход до 30 тыс. рублей серебром².

Большой доход ногайцы получали от продажи лошадей и скота. В первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составила: за лошадь – от 15 до 30 руб., рогатый скот – от 10 до 15 руб., за овцу – от 1 до 1,50 рубля и за верблюда – от 75 до 100 и более рублей серебром³. Караногайцы ежегодно выручали от продажи лошадей около 168 000 руб., рогатого скота – 360 000 руб., овец – 420 000 рублей⁴.

В целом ногайцы Северного Кавказа ежегодно продавали около 2000 лошадей, до 6000 голов рогатого скота и до 15 000 овец. Верблюды поступали на продажу только на меновые дворы, главным образом в Тбилиси. В среднем же ногайцы от продажи разного скота получали в год дохода от 100 до 175 тыс. руб. серебром⁵.

Еще одной доходной статьей ногайцев являлся кизяк, который использовался в качестве топлива, от его продажи ногайцы ежегодно получали около 1000 руб. серебром.

Караногайцы и туркмены занимались и добычей соды. В год выжигали до 10 тыс. пудов соды, от продажи которой получали

1 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 206.

2 Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб., 1851. С. 178.

3 Кочкаев Б.-А. Б. Указ. раб. С. 116.

4 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 206.

5 Кочкаев Б.-А. Б. Указ. раб. С. 116.

от 7 до 10 тыс. рублей серебром в год. Продавали в большом количестве корень «жермекь», поставляемый на кожевенные заводы¹.

На вырученные деньги состоятельные ногайцы приобретали мануфактурные и бакалейные товары в мануфактурных и мелких торговых лавках, которых в начале XX века среди ногайцев насчитывалось до 41².

Но основная масса простых ногайцев не знала денег и приобретала необходимые товары у армян путем обмена на скот, шерсть, животноводческие продукты. По примеру армян, которым принадлежала почти вся внутренняя торговля в Ногайской степи, ногайцы начали постепенно приобщаться к торговле. Но количество торговцев из числа ногайского населения было весьма незначительным. Только к концу XIX века ногайцы стали приобщаться к торговому делу и открывать собственные лавки.

Ногайцы, имевшие подводы и лошадей, занимались перевозкой грузов из Кизляра в Астрахань, Ставрополь, Моздок и др. районы Северного Кавказа. Большинство ногайцев нанимались в пастухи к богатым соплеменникам, батраками на виноградники к армянам в Кизляре и т.д.

Такова в целом картина социально-экономического и политического развития ногайского общества в XIX – нач. XX века.

Глава 3. Теоретико-методологические основы изучения базовых категорий исследования: культура, культура общения, культура поведения, этикет, моральные нормы

Культура – понятие многогранное. В мире существует множество определений культуры. Классическим считается определение, данное английским этнографом Э. Тэйлором (1832-1917): «Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества»¹.

Советские же этнографы, исследуя материальную и духовную культуру народов бывшего СССР, считают, что «культура – это результат трудовой и умственной деятельности народов, зафиксированный в различных реалиях – орудиях труда, в жилище, одежде, пище, обрядах, фольклоре»². Все, что создано человеком, его руками и интеллектом, образует культуру³.

В современном языке термин «культура» часто употребляется в двух значениях - в широком смысле к культуре относят все общепринятые, утвердившиеся в обществе формы жизни - обычаи, нормы, институты, включая институты государства; в узком смысле границы культуры совпадают с границами сферы духовного творчества, с искусством, нравственностью, интеллектуальной деятельностью. В понятие культура также входят социально-бытовые установки, принятые в обществе жесты вежливости и приветствия, походка, этикет, гигиенические привычки. Один из выдающихся американских социологов и культурологов последних десятилетий Нейл Смелзер понимает под культурой некую совокупность ценностей, норм,

1 Забудский Н. Н. Указ. раб. С. 178.

2 Фарфоровский С. В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1909. № 2 Ч. 24. С. 196.

1 Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 18.

2 Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX веков: Традиции и инновации. М., 1982. С. 1-11 и др.

3 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 16-18 и др.

стандартов поведения. Она как бы регулятор поступков людей и их отношения друг к другу, к обществу и природе¹.

Культуру принято подразделять на исторические типы, в связи с этим выделяют восточную и западную культуры (цивилизации). Отличие западной цивилизации от восточной состоит в разных подходах по отношению к миру, природе, труду, государству, власти, законам, в понимании мироздания, человеческой природы и бытия, в отношении к поведению, ценностным ориентациям личности и общества, в оценке познавательных и преобразовательных возможностей человека, в сущности и механизмах познания, в отношении человека к истине, религии².

Восток и Запад представляют собой две, во многом противоположные, культурные традиции, два типа культуры. Это как две различные «системы координат», два миропонимания, две «мировоззренческие матрицы», два «языка», на которых могут мыслить и изъясняться люди в процессе постижения окружающего их мира³.

Любая культура обладает своими специфическими, национальными особенностями. Эти особенности и отличают одну культуру от других. Одним из способов сохранения национальной культуры является традиция. Чем сильнее традиции в данном обществе, тем устойчивее его культура.

Зачастую термин «культура» сближается с оценочной характеристикой форм внешнего поведения человека, выступает как иное название для соблюдения норм этикета. Культура побуждает к действию «по правилу», по более или менее четко очерченным линиям. Транслятор деятельности, аккумулятор исторического опыта, суммированный разум прошлого – все это культура⁴.

Культура – это сочетание индивидуальной и общественной деятельности людей. В связи с этим тип общественной и инди-

видуальной культуры воплощается в определенных культурных образцах, которые обозначаются как «заученное поведение», «комплекс образцов поведения», «совокупность образцов, определяющих жизнь» и т.д.

Таким образом, культура – еще и уровень отношений, сложившихся в коллективе, те нормы и образцы поведения, которые освящены традицией, обязательны для представителя данного этноса и различных его социальных слоев¹.

По определению Ю. М. Лотмана, «культура, прежде всего, – понятие коллективное»². Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются... Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык³. В этом плане язык выполняет важную роль в развитии культуры. Национальная культура не существует вне языка. Именно язык чаще всего выступает критерием при различении, типологизации культур. Язык является социальным средством хранения и передачи информации, основным средством общения. Общее число языков в мире составляет от 2,5 до 5 тысяч⁴. Учеными доказано, что общение играет огромную роль в жизни человека. Человек с нормальной психикой не мыслит себя без общества, а следовательно, без общения с людьми. Но все же вернемся к понятию культура. Культура как феномен, созданный человеческими руками и разумом, изучается целым рядом наук, как естественнонаучными, так и гуманитарными, общественно-политическими. В нашем же исследовании культура будет рассматриваться с позиций этнографической науки, то есть речь пойдет о традиционно-бытовой культуре.

1 Культураология: Учебное пособие для студентов вузов /Под ред. Г. В. Драча. Изд. 6-е. Ростов н/Дону, 2004. С. 71.

2 Там же. С. 160-162.

3 Там же. С. 158.

4 Там же. С. 81.

1 Там же. С. 100-101.

2 Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 4.

3 Культураология: Учебное пособие для студентов вузов /Под ред. Г. В. Драча. Изд. 6-е. Ростов н/Дону, 2004. С. 97-98.

4 Там же. С. 127-128.

Традиционно-бытовая культура любого этноса – явление сложное, многогранное, включающее в себя целый ряд аспектов, одними из которых являются культура поведения, культура общения и этикет, которые нам и предстоит показать на примере ногойцев.

При изложении материала мы в основном будем пользоваться понятиями: культура поведения, культура общения и этикет. Известно, что эти понятия являются одними из этномаркирующих признаков этносов.

Традиционные нормы культуры поведения и этикет проявляются людьми практически во всех жизненных ситуациях, как в семье, так и в коллективе. Между нормами культуры поведения и этикетом четкую грань провести сложно, так как она весьма зыбка и едва уловима. В связи с этим в институтах семейного и общественного быта ногойцев нами будет рассматриваться не только этикет, но и культура поведения людей в целом. Как известно, нарушение индивидуумом общепринятых норм культуры поведения и этикета всегда осуждается обществом. У разных народов, в разных обществах существуют свои формы и методы наказаний за нарушение традиционных норм культуры поведения, этикета. В данном случае это зависит от того, какое место в жизни данного этноса отводится культуре поведения, этикету. Так, например, в жизни ногойцев культура поведения и этикет занимают одно из важных мест, ими пронизаны все сферы жизнедеятельности, они одинаково строго соблюдаются как в кругу семьи, так и в обществе. Для ногойцев, как и для большинства дагестанских и северокавказских народов, культура поведения и этикет – это не свод правил, которым надо слепо следовать, а образ их жизни и мыслей.

Культура поведения и этикет проявляются, прежде всего, в процессе общения. Общение – явление сложное, оно изучается рядом наук: «психологией, в том числе и социальной, и социологией – со стороны индивидуальных и групповых черт общающихся с позиций социальных ролей говорящих; лингвистикой и психолингвистикой – со стороны специфики языковых и речевых единиц общения, разнообразия текстов с точки зрения

композиции, стилей и жанров и много другого; этнографией – со стороны национального, обрядового; ... врачи-психологи изучают общение с точки зрения разного рода болезненных нарушений и способов их преодоления»¹.

Первым, кто вывел понятие общения из круга обыденного понимания, как одного из способа передачи информации, был известный психолог А. А. Леонтьев². Вслед за ним проблемами культуры общения, а затем и культуры поведения, этикета занялся известный ученый, этнограф Б. Х. Бгажноков. В его понимании общение – это «внутренняя активность общества, направленная на поддержание и развитие сложившихся в нем... социальных отношений – материальных, идеалистических, духовных...»³. Кроме того, он определил проблемные, методологические и понятийные границы общения, выделив общение в особую область этнографического изучения. При описании элементного состава культуры общения Б. Х. Бгажноков выделяет «стандарты общения» и «атрибуты общения».

Под «стандартами общения» он понимает «общепризнанные шаблоны коммуникативного поведения, приуроченные к типичным, часто повторяющимся ситуациям взаимодействия: приветствие, прощание, представление во время знакомства, выражение благодарности, проклятия, клятвы, специфическое социально заданное произношение отдельных слов и звуков, коммуникативные жесты, позы, мимические движения и т.д.»⁴.

В целом, соглашаясь с подобным определением, А. К. Байбурин все же добавляет, что «под «стандартами» понимаются типовые элементы общения, из которых и состоит текст этикета. Эти элементы реализуются на субстанционально различных языках (словесном, жестовом, пространственном и т.д.), что может служить основанием для выделения различных уровней (или языков) этикета»⁵.

1 Добрович А. Б. Общение: наука и искусство. М., 1978. С. 46.

2 Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974.

3 Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 3.

4 Там же. С. 165.

5 Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 28.

К «атрибутам общения» относятся внешний облик человека, используемые в этикете предметы, время и пространство¹.

«Речь» – совокупность конкретных поведенческих актов, а «этикет» – вторичная моделирующая система, надстраивающаяся над первичной моделирующей системой – языком². Главнейшая функция общения состоит в актуализации господствующих в конкретном обществе общественных отношений, «регуляции поведения людей, социализации человека»³.

Этнографическая наука изучает общение в неразрывной связи с культурой поведения. Поведение людей до последнего времени почти монополюльно изучалось психологами. Под поведением в психологии понимают «определенным образом организованную деятельность, осуществляющую связь организма с окружающей средой»⁴. К теме поведения обращались и философы. Так, в «Философской энциклопедии» понятие поведение трактуется следующим образом: «Поведение – система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых каким-либо сложным объектом. Чаще всего под поведением понимают систему действий по поддержанию своего существования»⁵. В этнографии же поведение «исследуется как важный компонент культуры, характеризующийся определенным знаковым содержанием и обусловленный социальными, этическими и эстетическими традициями данного этноса»⁶.

Для каждого этноса характерна определенная форма поведения. Первое, что бросается в глаза представителю западной (европейской) культуры во время посещения восточной страны, – это манера обхождения, культура поведения и этикет ее жителей. Тот же интерес вызовет поведение европейца у человека восточной культуры.

Существуют две основные формы поведения людей. Одна из них сводится к относительно свободному, вариативному поведению. Другая – представляет собой регламентированное поведение, подчиняющееся выработанным в коллективе типовым схемам действий в стандартных ситуациях. Первая форма поведения больше присуща культурам западной цивилизации, где поведение людей более или менее свободно, вариативно, вторая форма – культурам восточной цивилизации, мусульманскому миру, где поведение людей регламентировано установками шариата.

Таким образом, для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных фрагментов поведения и, следовательно, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением. При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль над соблюдением стандартов и образцов¹.

Каждое общество вырабатывает свои стереотипы поведения. Под стереотипами принято понимать «... устойчивые, регулярно повторяемые формы жизнедеятельности (или элементы образа жизни), которые хотя и обладают известной социальной значимостью, однако не носят «событийного» характера и не осознаются носителями поведения как «поступки»².

Стереотипы поведения имеют свои своеобразные этнические черты. По словам С. А. Арутюнова, «даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются у человека разными приемами, в которых имеются определенные, и очень существенные, этнические различия. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и сидят»³.

1 Там же.

2 Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 8.

3 Соковин В. М. О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). Изд. 2. Фрунзе, 1974. С. 136.

4 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 98.

5 Философская энциклопедия. Т. 4. Наука и логика. М., 1967. С. 280.

6 Альбедиль М. Ф. Регламентация поведения в связи с четырьмя стадиями жизни в индуизме // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 67.

1 Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 8.

2 Старовойтова Г. В. Этнические особенности поведения и внешности в восприятии горожан // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 22.

3 Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 25.

Выявление этнических различий в поведении людей – одна из задач этнографической науки.

Следует различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, т.е. конкретные действия и поступки, являющиеся объективизацией стереотипа. С этой точки зрения текстами являются стереотипизированные формы поведения: обряды, обычаи, этикет, трудовые навыки и приемы, игра, мода, отдых, праздник, способы воспитания, ухаживания, оскорбления, наказания и т.п.¹

Поведение человека в обществе типизировано, т.е. оно подчиняется нормам, выработанным в обществе, и поэтому с неизбежностью во многих отношениях стандартно. Нормы же поведения призваны упорядочить поведение, стереотипы (шаблоны) стандартизируют его...²

Образцом, идеалом коммуникативного поведения является этикет. В научной литературе существует множество определений этикета. В этнографической науке под этикетом понимают свод «предписаний, обычаев и норм, проявляющихся в индивидуальном поведении»³. Наиболее развернутое определение этикету дал проф. С. А. Лугуев, в частности, он пишет: «Этикет – традиционная система социально одобренных ситуационных этических норм общения в обществе (в его части) на определенном этапе исторического развития, призванная продемонстрировать доброжелательность и уважение коммуникантов друг к другу, а также личную воспитанность каждого из них в духе национальных традиций. Нормы эти дифференцированы по социальному положению коммуникантов, по их полу, возрасту, степени родства, по признакам соседства, вхождения в единую общину, по личным привязанностям общающихся»⁴.

Большой вклад в разработку теоретических исследований в области этикета, его понятийного аппарата внесли видные уче-

ные Т. В. Цивьян¹, И. А. Чернов², А. А. Леонтьев³, Б. Х. Бгажноков⁴, В. М. Соковин⁵, А. К. Байбурин⁶, А. Л. Топорков⁷.

Рассматривая этикет с этнографической точки зрения, Б. Х. Бгажноков вывел понятие «этноэтикет», дав ему следующее определение: «Этноэтикет – это система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения в типических, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия»⁸.

Этикет, как и обряд, – многослойное образование. Проявление этикета невозможно без этикетной ситуации. При описании этикетной ситуации прежде всего учитываются статус коммуникантов, их «весовая характеристика». Этикет призван обеспечить общение «неравных» (по тем или иным параметрам) коммуникантов. Это неравенство определяется по следующим признакам: пол, возраст, общественное положение, национальная и/или конфессиональная принадлежность, родственные связи (или их отсутствие), степень знакомства и некоторые другие. Чем больше признаков, по которым участники «не совпадают», тем выше степень этикетности ситуации⁹.

Этикетная ситуация всегда коммуникативна, а «всякое коммуникативное поведение имеет тенденцию стать этикетным

1 Байбурин А. К. Указ. раб. С. 14.

2 Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 7.

3 Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // ПИИЭ. 1980-1981. М., 1984. С. 112.

4 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). Махачкала, 2006. С. 58.

1 Цивьян Т. В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Тарту, 1966. Вып. 2.

2 Чернов И. А. О семиотике запретов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3.

3 Леонтьев А. А. Указ. раб. Тарту, 1974.

4 Бгажноков Б. Х. К определению понятия «стиль общения» // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Л., 1975; Он же. Национальная культура и проблема этнографического изучения коммуникативного поведения // Национальная культура и общение // Материалы конференции. М., 1977; Он же. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Он же. Коммуникативное поведение и культура: К определению предмета этнографии общения // СЭ. 1978. № 5; Он же. Культура общения и этикет // Тезисы докладов социолингвистов на X Всемирном социологическом конгрессе. М., 1989; Он же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

5 Соковин В. М. Указ. раб. Фрунзе, 1974.

6 Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета.

7 Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. Л., 1990.

8 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.

9 Байбурин А. К. Указ. раб. С. 24.

(особенно в случае ритуализации определенного типа поведения)»¹. Отсюда следует, что в этикетной ситуации большое значение имеет «эстетика общения людей»² – этикет. Б. Х. Бгажноков называет его «ядром, организующим центром традиционно – бытовой культуры общения»³.

Этикетная ситуация включает, как правило, словесные компоненты, движения, жесты, позу, мимику, элементы пространства, атрибутику и т.п. Словесными или, как их иначе называют, вербальными компонентами этикета являются стандартные формулы приветствий, прощаний, благопожеланий, оскорблений, клятв, благодарности, извинения и др. Набор формул специфичен для каждого народа или конфессиональной общности⁴. В речевом поведении наиболее ярко прослеживается этническая специфика, специфичны и правила ведения разговора. Так, например, у оседлых народов при встрече принято справляться об урожае, состоянии пахотных земель и т.д., у кочевников – о состоянии скота, приплоде, предстоящей зимовке. То же самое можно отнести и на счет благопожеланий. В благопожеланиях земледельца будут прежде всего пожелания хорошего урожая, скотовода – хорошего приплода, сохранения поголовья.

В клятвах же и проклятиях можно распознать конфессиональную принадлежность коммуникантов.

В процессе общения учитываются время встречи, пол, возраст, ситуация и ряд других моментов. Кроме того, словесная часть этикета представлена и более свободными формами речи, которые также имеют этническую специфику.

К невербальным компонентам этикета относятся паралингвистические явления: темп речи, громкость, интонация, междометия, смех, плач, шепот, различные комбинации звуков, не имеющих самостоятельного значения.

При более широком понимании паралингвистики в нее вклю-

чают не только перечисленные выше характеристики речи, но и сопровождающие речь жесты, мимику, движения, позы – все то, что составляет предмет кинесики¹. В каждой культуре они проявляют себя по-своему, что говорит об их этноспецифичности. Паралингвистические и кинесические приемы непосредственно связаны с содержанием речи, визуально подчеркивают или иллюстрируют то, что слова пытаются выразить символически. Различия между культурами состоят в частоте и правилах использования определенных жестов, междометий и т.д. Многое зависит от этнических традиций того или иного народа. Некоторые культуры поощряют своих членов к экспрессии в жестах во время разговора (такowymi, например, являются еврейская и итальянская культуры), а в других культурах людей с детства приучают быть сдержанными при использовании жестов как иллюстраторов речи (японская культура)².

Особое место в структуре этикета занимает проксемика. Проксемика – термин, введенный Е. Холлом для обозначения всего комплекса связей между поведением человека и пространством³. В каждой культуре имеются свои понятия о пространстве, о престижности отдельных частей дома, улицы. В каждой конкретной этикетной ситуации в разных этнических культурах выделяются более ценные и менее ценные части пространства. Так, у большинства народов мира менее ценным местом считается место у входа, более престижным, почетным – место напротив входа. У одних народов почетной является правая сторона (комнаты, улицы), у других – левая. Этикетное поведение строится также с учетом взаимного расположения участников: спереди – сзади, выше – ниже, внутри – снаружи и т.п.⁴

Определенную роль в этикетном поведении играют национальные стандартные дистанции общения. У каждого народа существует свое понятие о допустимой дистанции между

1 Чернов И. А. Указ. раб. С. 51.

2 Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 8.

3 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 10.

4 Байбурун А. К. Указ. раб. С. 28.

1 Там же. С. 29.

2 Степанов С. Язык внешности. М., 2004. С. 286.

3 Байбурун А. К. Указ. раб. С. 32-33.

4 Там же. С. 33.

коммуникантами. Минимальные варианты дистанции характерны для арабов и латиноамериканцев, для северных же народов характерна максимальная дистанция. Так же обстоит дело и с касанием партнера во время общения. Для одних народов прикосновения во время общения – явление вполне нормальное, для других – нежелательное, а в некоторых случаях даже недопустимое.

Этикетный смысл приобретают и некоторые атрибуты, окружающие человека. Это могут быть предметы (например, камча (плеть) для ногайца), элементы одежды (папаха для горца), предметы утвари (разливательная ложка для женщины – символ главной хозяйки дома), подарки в зависимости от того, какое место в шкале ценностей у данного этноса занимает тот или иной предмет, вещь (например, кинжал для мужчины – горца, конь – для кочевника).

Особенно велика роль атрибутики в застольном этикете, когда этикетный смысл приобретают сервировка стола, специальные блюда и время их подачи, распределение пищи между участниками застолья. Часто те или иные предметы, вещи, блюда заменяют речь, таким образом, являясь одним из способов передачи или получения информации. Так, например, у адыгов и балкарцев поставленный во время сватовства у очага чистый чугунок говорил: пока ничего ответить не можем, шампур в вертикальном положении – отказ от брака, полное ведро воды – нужен совет со старшей сестрой, которая замужем далеко, ложки на деревянном подносе – мы еще не готовы дать ответ, чашка на сковороде – скоро дадим ответ, железная лопаточка на золе – не торопите нас с ответом, если гостям подавали парное молоко, сваты должны были понять, что невеста еще очень молода¹.

Сердцевиной этикета является этикетная ситуация. Границы всякой этикетной ситуации регламентируются правилами входа/выхода в/из общения. В каждой культуре существуют свои представления о продолжительности разговора, о содержании беседы в зависимости от пола, возраста, статуса ком-

муникантов. Выделяются несколько разновидностей этикета: повседневный, окказиональный, праздничный и церемониал¹. Если в повседневном этикете допускается некая вариативность в выборе стиля поведения, то в остальных случаях этикетное поведение максимально «автоматизировано». В целом же этикетное поведение в различных этикетных ситуациях зависит, прежде всего, от традиций и правил этикета, выработанных данным обществом.

Этикет – двуединый феномен. Одной своей стороной он укоренен и органически связан с моральными нормами и ценностями, другой – проявляется в эмпирически наблюдаемых формах поведения². Нормы нравственности возникают в процессе массового взаимного общения людей. Моральные нормы воспитываются ежедневно силой привычки, общественного мнения, оценок близких людей. Огромную роль в формировании норм культуры, характерных для данного общества, играют одобрение и осуждение, выражаемые окружающими, сила личного и коллективного примера, наглядные образцы поведения (как описанные в словесной форме, так и в виде реальных норм поведения)³.

Моральные нормы не связаны с этикетным поведением напрямую. Человек может строго следовать правилам этикета и в то же время вести себя безнравственно. Это характерно для современного общества европейского типа, где этикет предстает как набор технических приемов. В традиционном же обществе этикет является непосредственной реализацией моральных ценностей⁴.

Система моральных установок, определяющих характер коммуникативной ситуации, включает универсальные, общечеловеческие ценности (почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство, понятие чести,

¹ Байбурин А. К. Указ. раб. С. 35.

² Там же. С. 22.

³ Культурология: Учебное пособие для студентов вузов /Под ред. Г. В. Драча. Изд. 6-е. Ростов н /Дону, 2004. С. 123.

⁴ Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 12-13.

¹ Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 213.

достоинства, такие черты характера, как скромность, толерантность, благожелательность и др.). В принципе такой набор характерен для любого народа¹.

В результате своего развития человечество выработало единую систему общечеловеческих принципов и ценностей, но для каждого этноса существует своя шкала, в которой эти ценности стоят в определенном порядке, и первое место в ней занимают наиболее значимые для данного этноса морально – этические ценности. Принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. Почитание родителей занимает одну из верхних строк в мусульманской системе моральных ценностей и весьма слабо выражено у европейских народов². Но можно с уверенностью сказать, что все вышеперечисленные морально-этические ценности свойственны всем народам мира.

На протяжении многих веков северокавказские и дагестанские народы, в том числе и ногайцы, выработали единую систему моральных ценностей, получившую общее название «намыс». Намыс включает в себя честь, совесть, достоинство. По определению Б. Х. Бгажнокова, намыс – это своего рода моральная цензура поведения, охватывающая такие ценности, как стыд, совесть, честь, стало быть, нарушать этикет стыдно, бессовестно, бесчестно. В таком виде намыс предстает в сознании многих тюркоязычных народов Кавказа: карачаевцев, балкарцев, ногайцев, азербайджанцев, кумыков³.

У горцев Дагестана и Чечни слово «намыс» произносится как «намус», «ламус». У большинства народов Дагестана для обозначения понятий «этикет», «мораль», «воспитанность», «учтивость» используются слова «намус» («ламус»), «адаб» («адав»), «эдеб», «тарбия»⁴, у чеченцев – «нохчийн адаташ»⁵.

1 Байбури А. К. Указ. раб. С. 23.

2 Байбури А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 12.

3 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 62.

4 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). Махачкала, 2006. С. 60.

5 Батукаев М. Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006. С. 136

Помимо намыса, для горцев Дагестана свойствен кодекс чести, именуемый словом «яхь». Понятие «яхь» – это система моральных установок, своеобразный этический народный кодекс соревнования в благородстве, чести, стыде и совести. Не обладающего «яхом» окружающие не считали полноценным мужчиной. Собственно «яхь» – это не просто соблюдение норм обычая, нравственности и этикета, это стремление их превзойти так, чтобы при этом не выглядеть хвастуном, наглецом и не нанести никому незаслуженной обиды¹.

Проявление «намыса» в различных этикетных ситуациях является показателем хорошего воспитания. Ногайская мудрость гласит: «Намысы бардынъ наьсиби бар» (У кого есть намыс, у того есть счастье) или «Намыс оттан куьшли» (Намыс сильнее огня), «Атты камышы оьлтирер, эрди намыс оьлтирер» (Кнут убьет лошадь, а намыс – мужчину). Подобные выражения встречаются у многих народов Северного Кавказа и Дагестана, что подтверждает существование общей для всех системы морально – этических ценностей.

Для проявления морально-этических установок требуется определенная этикетная ситуация, и как человек себя проявит в той или иной ситуации, во многом зависит от его воспитания и «иерархии ценностей, культивируемых или поддерживаемых в обществе»². Человека, нарушившего своим поступком морально – этические установки, правила поведения, этикет, общество осуждало. У ногайцев такого человека называли «намыссыз», т.е. не имеющий намыса, а это считалось оскорбительным.

С образом настоящего ногайца связывают такие качества, как человечность, вежливость, скромность, благопристойность. Все эти человеческие качества в основном проявляются в повседневной жизни, но проявление их в критические минуты характеризуют человека как высоконравственную личность.

Человечность – система позитивных, объединяющих чувств и реакций. Во всем мире она ассоциируется с любовью, состраданием, пониманием. Но, пожалуй, прежде всего – с любовью, как наиболее полным и точным выражением полноцен-

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 122.

2 Байбури А. К. Указ. раб. С. 23.

ной внутренней связи между людьми¹. У ногайцев человечность обозначается словом «аьдемшилик», т.е. любовь к человеку, готовность взять на себя все его тяготы, если нужно, пожертвовать своими интересами ради другого. Во многих тюркских языках в слове человечность корень «адам», т.е. человек. Так, например, у карачаевцев под человечностью «адамлыкъ» понимаются чуткость, доброта, забота о ближнем, уважение чести и достоинства другого, способность в ущерб своим интересам защищать чужие. Доминирующим в понятии «адамлыкъ» у карачаевцев является не возможность оказания помощи, а желание ее принять². В таком виде понятие человечность существует у большинства тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана.

В ногайском языке есть слово «уьшин», обозначающее «ради другого», употребляется оно чаще всего в словосочетании «Сен уьшин» (Ради тебя). Это слово имеется и у других тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, например, у кумыков оно звучит как «учун». Кумыки говорят: «Сен учун» (Ради тебя), «Сен саялы» (Из-за тебя, ради тебя). Нередко и сейчас встречаются такие выражения: «Готов пожертвовать собой ради тебя», «Твои болезни да перейдут на меня», «Сердце свое готов отдать ради тебя», «Готов лишиться своего зрения ради тебя» и т.д.

Проявление человечности было весьма одобряемо обществом. За человечность принималось любое действие, направленное на благо человека. Человечным считалось приютить у себя на время погорельцев, помочь малоимущим, обездоленным, сиротам и т.п. По представлениям ногайцев, человечность – это то, что находится внутри человека, она рождается вместе с ним, ее невозможно приобрести, если она не заложена в человеке природой. Вместе с тем такая помощь оказывалась весьма тактично, деликатно, так, чтобы не задеть достоинства и само-

любия человека, получившего эту помощь. Человек, оказавший помощь нуждающемуся, не афишировал свой поступок, а вел себя достаточно скромно, не ожидая благодарности в ответ, не напоминая человеку или его родственникам об оказанной услуге, не попрекая и не сожалея о сделанном.

Другим лучшим человеческим качеством у ногайцев считалась скромность. Скромные люди пользовались уважением в обществе. Скромный человек никогда не говорил о собственных достоинствах, о своих подвигах в сражениях или благородном поступке, проявленном по отношению к другому. Вообще привлекать внимание окружающих к своей персоне считалось крайне неприличным.

Грубым нарушением правил приличия у ногайцев считалось хвалить своих детей, жену, близких. Неприличным считалось выслушивать родителями хвалебные речи в адрес домочадцев и родственников. В таких случаях родители тактично прерывали разговор, объясняя это так: «Эти желторотые еще ничего не достигли в этой жизни». Но вместе с тем, согласно этическим нормам, запрещалось хулить своих близких, домашних. Ногайская пословица гласит: «Уьйин яманлаган кырда оьлер, асын яманлаган – аш оьлер» (Кто хулит домочадцев, тот умрет на улице, кто хулит еду – умрет голодным).

Высоко у ногайцев ценились щедрость и великодушие. Эти качества считаются одними из лучших в ряду человеческих достоинств. Наивысшее свое воплощение эти качества находят в обычае гостеприимства, которым ногайцы, как и другие народы Кавказа, славились во все времена. Гостеприимство ногайцев широко известно и описано многими исследователями. Ногайцы говорят: «Гость – от Аллаха». Хорошо принять гостя – святой долг хозяина. В отношении гостя хозяин проявляет свою щедрость настолько, насколько это возможно.

Крайне резко ногайцы осуждали скупость. Ее порицали и высмеивали. Так, в разговоре с молодежью старики приводили одну поучительную притчу. «Жила в ауле женщина, прославившаяся в народе своей скупостью. С женщиной жил ее женатый

1 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 10.

2 Байрамукова А. Т. Намыс, адет, адеб //Павровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг. : Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 67.

сын с семьей. Невестка этой женщины обладала даром видеть то, чего не видели другие. Вскоре женщина умерла. Когда покойницу выносили из дома, то впереди нее катилось сито, которое она однажды одолжила соседке. В народе бытует поверье, что перед выносом покойника из дома впереди него идут совершенные им при жизни добрые дела. Сноха увидела сито и, не сдержавшись, рассмеялась. Это заметил ее муж, сын покойницы, и после похорон упрекнул жену в бездушии. Тогда женщина вынуждена была объяснить мужу причину своего смеха.

В судный день в ином мире покойница призналась во всех своих грехах и раскаялась. Тогда Аллах решил испытать женщину и вернул ее на землю. Очутившись среди живых, она позабыла обо всем, что с нею произошло, и продолжала жить по-прежнему. Тогда Аллах, разгневался и вновь забрал женщину в иной мир, где она понесла наказание за свою скупость».

О человеческих пороках ногайцы говорят так: «Канн ман кирген, ян ман шыгар» (С кровью вошло – с душой выйдет). По этому поводу мы приведем притчу, рассказанную нам информаторами. «В давние времена один богатый ногаец женился на очень красивой цыганке. Жили они в полном достатке, несмотря на это, женщина не могла побороть в себе привычку просить подаяние. Время от времени в тайне от всех она устраивала для себя сборы милостыни, разложив между деревянными складными решетками юрты куски хлеба. Так она ходила по юрте с протянутой рукой и просила: «Подайте на пропитание». Собранный хлеб она аккуратно складывала в мешочек. Однажды муж неожиданно вошел в юрту и увидел, как его жена просит милостыню. Тогда он с недоумением спросил: «Чего же тебе не хватает?». Женщина не смогла ответить на этот вопрос, ведь то, что передалось ей с кровью, было сильнее нее. С тех пор ногайцы говорят: «Канн ман кирген, ян ман шыгар» (С кровью вошло – с душой выйдет)».

Ногайцы убеждены, что с кровью передаются человеческие качества, именно в ней заложено все то, каким будет человек.

В условиях кочевой жизни высоко ценились такие качества, как терпение и выносливость. В исламе терпение – одно из вос-

хваляемых качеств. Идея о долготерпении как достойной черте характера и моральных качеств человека нашла свое отражение и в ряде ногайских пословиц и поговорок – этом своеобразном кодексе нравственно-этических представлений разных слоев общества. Так, ногайцы говорят: «Сабыр эткен мырадына еткен» (Проявивший терпение достиг желаемого), «Сабыр туьби сары алтын» (У терпения золотое дно).

Почитались у ногайцев и такие человеческие качества, как честность, искренность. Так, у ногайцев есть такие высказывания: «Ялганнан ашшы зат йок» (Нет ничего горше лжи), «Ялган соьз ян юбантпас» (Лживые слова душу не радуют).

Лгунов презирали, им не поручали серьезного дела, к их мнению не прислушивались. В народе говорят, что обман – это второе, после воровства, отрицательное качество человека. Обман и воровство, как братья, ходят вместе. Кто обманывает – тот и ворует. Отрицательно отношение к лгунам отразилось в поговорке: «Ялганшыдынъ тилин сувыр, сувырмасанъ, елкесиннен алып ерге ур» (Лгуну язык вырви, если не получится, то схвати за шиворот и ударь о землю).

Ногайцы осуждают болтливость, легкомыслие как черты характера, умаляющие ценность личности. Существует большое количество пословиц на эту тему: «Биз теспегенди тил тесер» (То, что шило не пробило, язык пробьет), «Ой туьпсиз, тил суьексиз» (Думы – без дна, язык – без костей), «Тил тас ярар, тас яр-маса, бас ярар» (Язык камень разобьет, если камень не разобьет, то голову разобьет), «Койда-юн, соьзде-ой» (У овцы – шерсть, у слов – раздумья).

Негативно относились ногайцы и к злословию. В народе говорят: «Тилшидинъ тили мойнына оратылар» (Язык погубит сплетника). Сплетников в обществе не уважали, сказанное ими не воспринималось всерьез, при каждом удобном случае их высмеивали, давали им обидные прозвища, такие как «ал-тауз» (букв. шесть ртов), «тилши (языкастый), «тил бызав» (телячий язык). Если сплетни касались прелюбодеяния, затрагивали женскую честь, то их распространителя могли и убить.

Осуждалась у ногайцев и зависть. Старики говорят, что зависть, как червь, съедает человека изнутри, она толкает человека на неблагоприятные поступки, порой даже на преступления. В качестве иллюстрации этого приведем одну притчу, рассказанную нам информаторами. «Некто рассказал другу о том, что видел во сне. Смысл сна разгадать им не удалось, и тогда они решили обратиться к «сыншы» (предсказателю снов). Выслушав сон, «сыншы» сказал, что сон хороший и сулит удачу, богатство и счастливую жизнь тому, кто его видел. Услышав это, друг от зависти тут же придумал сон, который якобы видел ночью. Как будто идет он по широкой дороге и на голове несет поднос с фруктами, птицы подлетают к нему и уносят фрукты. Выслушав его, «сыншы» сказал: «Сон сулит, что умрешь ты в дороге и тело твое склюют птицы». От этих слов друг словно оторопел, придя в себя, он признался, что все выдумал. Но слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Прошло немного времени, и сказанное сбылось». Смысл этой притчи заключается в том, что зависть никогда не приводит к добру, она губительна для человека и имеет всеразрушающую силу.

Важнейшее место в народном этическом кодексе ногайцев занимают такие качества, как милосердие, великодушие, способность прощать. Особенно высокие требования общество предъявляло к моральному облику женщины. Добропорядочное поведение женщины было основой уважительного к ней отношения. По представлениям ногайцев, женщина должна быть целомудренной, порядочной, честной, скромной, кроткой, терпеливой, уважающей традиции и обычаи своего народа. Ее поведение должно соответствовать всем требованиям, которые предъявляют к ней шариат и общество. Поведение женщины служило примером для детей, особенно для девочек. Хорошая мать являлась гарантом счастливой семейной жизни дочери. Только примерная женщина может воспитать достойную дочь, обладающую всеми необходимыми качествами для семейной жизни, - говорят ногайцы. Для этого мать сама должна быть благоразумной женщиной, хорошей хозяйкой, верным другом

и опорой своему мужу, умеющей создавать благоприятный климат в семье. Ногайцы говорят: «Анасын коьр де кызын ал, аягын коьр де асын иш» (На мать посмотрев – дочь возьми (замуж), на чашку посмотри – еду ешь). Невесту старались брать из хорошей, уважаемой семьи. Считали, что, выйдя замуж, девушка будет следовать традициям своей семьи. Недаром говорят: «Уясында не коьрсе, ушканда соны этер» (Что в гнезде увидит, то и в полете совершит).

Многое в семье зависело от женщины: здоровый психологический климат, порядок, воспитание детей. Она являлась оплотом семьи. Ногайская мудрость гласит: «Хатын – уьдиди нь шырагы» (Жена – светоч дома). Любое отклонение от общепринятых морально-этических норм влекло за собой общественное порицание, а иногда и презрение. Особо осуждалось соплеменниками прелюбодеяние, оно не только осуждалось, но и преследовалось законом. Согласно «Кануну» – своду законов обычного права ногайцев XVIII–нач. XIX века – «по доказанности небрачного сношения мужчина оштрафовывался на 50 голов рогатого скота и 2 лошади, он лишался гражданских прав. Скот, взятый по штрафу, передавался законному мужу обвиняемой женщины»¹.

Наказание за прелюбодеяние нес не только мужчина, но и женщина. Наказание женщины выражалось не столько в материальном плане, сколько в общественном порицании, презрении. «Она (женщина, уличенная в прелюбодеянии. – М. Г.) разводится, на ее лицо кладут позорное клеймо и сажают верхом на черную корову»².

Иначе обстояло дело с незамужними девицами. «Если обвиняемая девица – то мужчина должен жениться на ней, уплатив калым в двойном размере. Если он не в состоянии дать большого калыма, то он предается суду. Судом он наказывается или розгой, телесным наказанием, или высылкой, а преступная

1 Джанибеков А. -Х. Ш. Очерки по истории ногайцев //РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

2 Там же.

девица выдается замуж за бедного человека другой земли, т.е. удела, без калыма»¹.

Данные статьи «Кануна» носили скорее назидательный, устрашающий характер. Случаи их применения нигде не зафиксированы. Напротив, есть многочисленные свидетельства о целомудренности и высокой нравственности ногайских женщин. Так, анонимный автор XIX века сообщает: «Супружеская нравственность народа стоит на высокой ступени: незаконно-рожденных детей почти нет между ногайцами, и в особенности между караногайцами»².

Одной из важнейших норм нравственности считалось проявление уважения к старшим. Почитание старших – обычай, берущий свое начало в глубокой древности, он является в какой-то мере рудиментом первобытной геронтократии – стариковластия³.

Уважение к старшим воспитывалось в детях с ранних лет. Детям внушалось, что, почитая старших, следуя их советам, можно достичь успехов в жизни и тем самым завоевать авторитет в обществе, так как старики – живая память коллектива; они – воплощение мудрости, носители культурных и социальных ценностей, хранители традиций предков⁴.

В ногайском обществе, как и у других народов Кавказа, пожилые люди пользовались особым уважением и почетом, независимо от статуса и пола. Со стариками советовались, к их мнению прислушивались, и, наконец, их слово было решающим. О необходимости старших в обществе гласит одна ногайская притча, которую старики часто рассказывают молодым в назидание: «Очень давно, что даже сами ногайцы забыли, когда это было, один хан приказал истребить всех стариков в своем

ханстве, послушавшихся же ожидала смертная казнь. Несмотря на столь грозное предупреждение, один молодой человек спрятавшегося своего деда. Проходит время, и хан объявляет, что даст полханства и коня в придачу тому, кто сможет в течение трех дней найти начало и конец у прутика, который имел одинаковые концы. Задумались тогда мужчины, как найти начало у прутика? Долго они думали, но так и не нашли правильного ответа, а спросить совета было не у кого. Тогда решил молодой человек обратиться к своему деду, которого прятал от всех. Старик посоветовал внуку поместить прутик в воду, какой конец прутика начнет тонуть, тот и будет его началом. Выслушав совет, молодой человек в назначенный день отправился к хану.

Во дворе у хана собралось много мужчин, желающих получить полханства и коня, но никто не мог доказать хану, что один из концов прутика является его началом. Тогда молодой человек, отважившись, вышел из толпы и обратился к хану: «Я смогу показать начало у прутика!». Хан с удивлением посмотрел на молодого человека и стал внимательно следить за тем, что он делает. Когда поместил прутик в воду, один из концов стал тонуть. Молодой человек стал объяснять хану и всем присутствующим, что тонущий конец прутика и есть его начало, так как его всегда тянет вниз, к земле. «Как ты догадался?» – спросил изумленный хан у молодого человека. Молодой человек рассказал хану историю с дедом. Хан, потрясенный этим поступком, в знак благодарности за проявленную человечность приказал не казнить молодого человека, а даровать ему и его деду жизнь и в придачу обещанные полханства и коня. Поняли тогда люди свою ошибку и с тех пор берегут и почитают своих стариков».

В ногайском языке слово «уьйкен» означает старший. Старших почитали как в семье, так и в обществе. Вот лишь некоторые этические императивы, предписываемые младшим по отношению к старшим: не вмешиваться в разговор старших, не шуметь в их присутствии, не перебивать старшего, не поучать его, вставать, если в комнату вошли старшие, везде и всегда

1 Там же.

2 Народы России: Ногайцы. Характер и народный быт. Оттиск «Природа и люди». 1879. С. 5.

3 Золотарев А. М. Общественные отношения дородовой коммуны. «Первобытное общество». М., 1932. С. 42.

4 Грюнберг А. Л., Рахимов Р. Р. Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 194.

уступать им дорогу, поручения старших выполнять незамедлительно.

Согласно традиционному ногайскому этикету младший всегда уступал дорогу старшему. Младший никогда не здоровался со старшим сидя верхом на коне. Если младший, будучи верхом на коне, повстречает старшего, то он спешил и первым здоровался, протягивая для приветствия обе руки, интересовался, не нужна ли помощь, и не садился на коня до тех пор, пока старший не удалится от него на приличное расстояние. Если старший спросит, как пройти куда-то, то младший, согласно ногайскому этикету, должен проводить старшего туда, куда ему надо, а не объяснять, где это находится. По правилам этикета не принято также окликать старшего, звать его к себе, чтобы что-то ему сообщить. Если младшему необходимо было о чем-то предупредить старшего, то он должен подойти к нему, поздороваться, расспросить о здоровье и лишь потом передать информацию.

Замечание молодым людям мог сделать любой взрослый человек. Молодой человек молча выслушивал замечание, обязательно стоя, слегка опустив голову, принимал его к сведению и просил прощения за свой поступок. Непослушание, пререкание, развязное поведение молодого человека в присутствии старших было недопустимым и считалось признаком плохого воспитания. В таких случаях обвиняли не самого нарушителя правил поведения, а его родителей. Старики в таких случаях говорят: «Налет болсын сага, тербия берген ата – анага» (Да будут прокляты родители, воспитавшие тебя). Подобные высказывания были крайне редким явлением, так как неуважительное отношение к старшим практически не допускалось.

Старшему всегда отводилось самое почетное место в доме, за столом, на годекане, в мечети. В помещении младшие не имели права садиться раньше старших. Если в дом входил старший, то все присутствующие обязаны были стоя его приветствовать, и не садится до тех пор, пока он не сядет. Также считалось невежливым поворачиваться спиной к старшим. Почитание но-

гайцами старших отмечал и Д. Шлаттер. Он писал: «Молодые уступают старшему дорогу. Если едут на лошадях, старшего берут в середину. Обычно старший начинает разговор первым. Младшие не перебивают старших и в спор не вступают, а если возражают, то в лаконичной форме. Считается за честь обслужить старшего»¹. Подобное отношение к старшим характерно для всех народов Кавказа. Так, например, «дагестанский этикет требует от молодых первыми здороваться со старшими, не утомлять их лишними вопросами, не садиться раньше, чем займут место старшие. Нужно пропускать в дом первыми старших. Младший должен открыть дверь и придерживать ее, пока в дом войдут старшие или гости. Перед старшими не принято держать руки в карманах, стоять полусогнутым. Не принято сидеть развалившись, чесать затылок, нос, ухо, курить, жевать, пить спиртное, подпирать щеку или лоб рукой»². Дагестанские пословицы гласят: «Коль старика с тобою рядом нет, ты хоть со старым пнем держи совет», «Поступай по совету старшего, даже если он старше тебя только на год», «Почитайте старших – Вас станут почитать младшие»³.

Таким образом, морально-этические нормы, выработанные ногайским обществом на протяжении нескольких столетий, прочно вошли в их сознание.

Одно из первых мест в шкале морально-этических ценностей ногайцев занимают уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство, к ним же примыкает и комплекс человеческих качеств, называемый в народе «ногай намыс», который включает в себя такие понятия, как честь, совесть, порядочность, целомудрие, человечность, любовь к ближнему и т.д. Насколько человек овладел ими, видно по его поступкам и поведению. Человека, который свято чтит традиции предков и соблюдает

1 Цит. по: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. раб. С. 160-161.

2 Хиясова С. Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С. 278.

3 Там же. С. 267,279.

«ногай намыс», в народе именуют «ногай йигит» (ногайский джигит).

Таким образом, морально-этические ценности задавали образцы и стандарты поведения и оказывали влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами в семье, обществе, помогали в установлении дружеских отношений с другими народами Северного Кавказа и Дагестана.

Глава 4. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном быту

4.1. Культура поведения и этикет в большой (неразделенной) семье

а) Организация труда и управление семьей

Наиболее ярко традиционный этикет проявляется в семейном быту, в семейных обрядах и обычаях, связанных с важными событиями в жизни человека: рождение, свадьба, похороны. Семья – это союз мужчины и женщины, в большинстве случаев основанный на чувствах, скрепляемый браком для совместного проживания, ведения общего хозяйства и продолжения рода.

Семья, будучи социально-психологической группой и одновременно социальным институтом, испытывает на себе не только влияние общих социально-экономических, политических, идеологических изменений в обществе, но и выполняет целый ряд общественно значимых функций – организацию производства, передачу новым поколениям этнокультурных норм, традиций и т.п.¹ Именно в семье происходит первое знакомство с нормами поведения, этикетом.

В исследуемый период у ногайцев существовали две формы семьи: большая (неразделенная) и малая. Большая (неразделенная) семья была свойственна как оседлым ногайцам, так и кочевым. Для обозначения большой (неразделенной) семьи ногайцы использовали термины: «аьел» - «семья» (он применялся и для обозначения малой семьи), «уьйкен аьел», «коьлем аьел» – «большая семья», «бир казан аьел» – «люди одного котла», «казан» – «котел», «уьйкен уьйлер» – «большие дома», «уьйгын аьел», «демли агьлю» – «дружная семья», «ожагы бир, оты бир»

¹ Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М., 1985. С24.

– «один очаг, один огонь», «уыйи баска, уыйреси бир» – «жилье отдельно, еда общая»¹, «бир къазаннан ас ишетаганлар» – «питающиеся из одного котла»².

Численность больших (неразделенных) семей в 1860-1870 годы доходила до 30-35 человек, количество поколений в семье – до четырех³. Супружеские пары имели отдельные «терме» – жилища. Каждая семья кочевала отдельно, такой тип кочевки у караногайцев назывался «отар», а кочевание группой семей – «аул»⁴.

В большой (неразделенной) семье существовало половозрастное разделение труда, согласно которому различные виды работ закреплялись за отдельными членами семьи по усмотрению главы семейства, исходя из способностей и умения каждого работника⁵.

Мужчины занимались полевыми работами, пасли скот, ухаживали за ним, сооружали хозяйственные помещения, обеспечивали семью продуктами питания и предметами первой необходимости, приобретаемыми на стороне, реализовывали излишки хозяйства на рынке, занимались извозом, отбывали основные феодальные и казенные повинности, барщину на княжеских землях, подводные, конные (чапарские) повинности по требованиям администрации и т.д. Женщины же были заняты работами по дому⁶.

Половозрастное разделение труда, которое четко определяло мужские и женские обязанности, не позволяло ногойцу заниматься женской работой, этого от него требовал и ногойский этикет. Так, согласно этикету мужчине нельзя было ходить за водой, заготавливать на зиму кизяк, разводить огонь

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногойцев. XIX-начало XX в. М., 1979. С. 16.

2 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногойцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 158.

3 Там же.

4 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 21.

5 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 64.

6 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногойцев. XIX-начало XX в. С. 31.

в очаге, готовить, стирать, доить коров и т.д. Эти работы считались исключительно женскими. Женщине же не позволялось выполнять ряд мужских дел. Выполнение женщинами мужских работ воспринимались как вызов обществу, протест против установившихся порядков и, наконец, как нарушение правил этикета. Таких женщин ногойцы называли «атлабай» (букв. женщина на коне). Если женщина выполняла мужскую работу, то ее мужа, отца, братьев ожидало общественное порицание. Отголосками былой кочевой жизни выглядели лишь некоторые виды мужских работ, которые могли выполнять и женщины. Ногойке разрешалось запрячь лошадь, управлять волами на арбе, что, например, считалось недопустимым для кумычки¹.

Самую сложную работу, требующую определенного опыта и навыков, глава семьи поручал старшим членам семьи. Кубанские ногойцы занимались в основном земледелием, степные – скотоводством. В скотоводстве наиболее ответственными видами труда считались выпас скота (дневной и ночной) и уход за ним, стрижка овец и уборка сена (там, где установилась традиция заготовки корма для скота на зиму), строительство скотопомещений, рытье колодцев, перегон скота и т.д. Все эти виды работ закреплялись за отдельными членами семьи в зависимости не только от их способностей, личных качеств и призвания, но и от традиционного разделения функций².

Глава семейства (если он был трудоспособен) занимался самой ответственной работой – присмотром за овцами в период окота, от которого зависел исход всего приплода. Взрослые же сыновья выполняли лишь поручения отца и работали под его руководством. Согласно этикету сыновья ограждали отца от выполнения тяжелой работы, они не позволяли отцу поднимать тяжести, делать сложную трудоемкую работу. В семьях, где трудоспособных мужчин было недостаточно, им приходилось

1 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала, 2005. С. 133.

2 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногойцев. XIX-начало XX в. С. 32.

совмещать несколько функций. У богатых скотоводов с большим числом взрослых мужчин несколько человек выделялись табунщиками – «йылкышы», «пастухами» – «туваршы», «бузавшы», чабанами – «койшы». В сезон особых работ – стрижки, перегона скота – основные силы сосредотачивались на самых важных участках работ¹.

Согласно половозрастному разделению труда земледелие считалось мужским занятием. Так, основные хозяйственные процессы в земледелии заключались в пахоте, севе, поливе, жатве, перевозке зерна, которые требовали мужской силы. Ответственность за своевременное и качественное выполнение полевых работ лежала на главе семейства. Он являлся главным пахарем, его главными помощниками в этом деле являлись старшие сыновья, подросткам же поручались менее ответственные дела, несмотря на это, они старались освободить старших от тяжелой работы, быстро и своевременно выполнять их поручения, делать больше, чем от них требовалось.

Посев зерновых также считался мужским делом, согласно этикету его доверяли самому опытному работнику хозяйства – главе семьи, его брату или сыну. Жатва и молотба требовали участия всех взрослых опытных работников, подростков и женщин в подсобных работах².

Немаловажной работой в поле было удобрение полей. У ногайцев оно также считалось мужским делом, в отличие от гор, где навоз вывозили на поля чаще всего женщины³.

Авторитет каждого члена семьи зависел от вклада в общее дело. Наиболее привилегированное положение занимали первые помощники главы семьи – его старшие сыновья или младшие братья. Они возглавляли самые ответственные участки хозяйства. В отдельных случаях глава семьи их поощрял – покупал им за их трудовой вклад лучшую одежду и дорогое оружие, лучше их кормил, но и строже с них спрашивал⁴.

1 Там же.

2 Там же.

3 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX- начале XX в. С. 65.

4 Там же.

Согласно половозрастному разделению труда ногайки не занимались земледелием и скотоводством, их трудовая деятельность ограничивалась работой по дому. В большой (неразделенной) семье всеми домашними делами управляла старшая женщина – «тавкей», «ана». Она же ведала всеми запасами продовольствия. Символом ее власти была связка ключей от кладовых, сундуков, денежной кассы. Время от времени она информировала главу семьи о состоянии дел, о нуждах семьи, отчитывалась за производственные расходы. Большие покупки (одежда, предметы обстановки и др.) совершались ими согласованно¹.

В большой (неразделенной) семье между женщинами также существовали строгие иерархические отношения: младшие подчинялись старшим, а старшие – главной хозяйке дома. Чаще всего старшинство снохи определялось по возрасту ее мужа. Иногда молодая женщина, выйдя замуж за старшего брата, распорядилась работой старших женщин и управляла хозяйством. Я. С. Смирнова называет это позиционным старшинством, которое наблюдалось у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа².

Согласно половозрастному разделению труда всеми домашними делами ведала главная хозяйка: в ее руках находились ключи от кладовой с продуктами, она сама готовила пищу для членов семьи, если она уже по состоянию здоровья не могла готовить, то поручала это дело жене старшего сына.

Главной хозяйке принадлежало право разлить по пиалам суп (сорпа), чай (шай), распределить мясо (эт) между членами семьи. Она же руководила женскими работами и распределяла их между женщинами старшего возраста, одна из которых обрабатывала молочные продукты, другая молола зерно, третья готовила бузу, четвертая обрабатывала овчину, но каждая

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX-начало XX в. С. 37.

2 Смирнова Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства) //СЭ. 1982. № 6. С. 47; Студенческая Е. Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. //СЭ. 1950. №2. С. 179.

женщина самостоятельно пряла шерсть, ткала сукно и шила одежду для мужа и детей, убирала в отведенной для ее семьи юрте. Для полной иллюстрации приведем рассказ Патимат Арслановой из бывшего кочевого аула Уьйкен–Кую о быте большой (неразделенной) семьи своего мужа: «Всю домашнюю работу выполняли мы, снохи. Свекровь только распоряжалась и отпускала продукты, иногда и присматривала за нашими детьми. Она была к нам очень строга. Мы жили по правилу: «Анай оьл десе – оьлип, кал десе – калып» (Если свекровь скажет «умри», должны были умереть, если свекровь скажет остаться живыми – остаться живыми). Мы заготавливали кизяк, доили коров, ухаживали за телятами, обрабатывали молочные продукты, ткали сукно, шили одежду из шерсти овчины, убрали помещения, стирали, готовили еду»¹. Подобные взаимоотношения между женщинами складывались в больших (неразделенных) семьях и у других тюркоязычных народов Дагестана, а также у народов Южного Дагестана, которые испытывали на себе влияние тюркоязычных народов².

Молодым снохам старшая женщина поручала самые тяжелые работы: заготавливать кизяк на зиму, валять войлок, носить воду, мыть посуду и др., они же ухаживали за домашним скотом, доили коров и т.д. Мы думаем, эти поручения на молодую сноху возлагались не потому, что главная хозяйка хотела испытать ее выносливость, а потому, что она была моложе остальных невесток и в соответствии с половозрастным разделением труда тяжелая работа доставалась именно ей, как самой молодой. Даже если кто-либо из взрослых женщин на глазах у молодой снохи выполнял тяжелую работу, то согласно этикету она должна была подойти и сама доделать эту работу. Как только главная хозяйка замечала, что молодая сноха беременна, то она сразу освобождала ее от тяжелой работы. Подобное отношение к молодой снохе наблюдалось и у кумыков. «Глава женской половины, а порой и старшие снохи, поручали молодой снохе непосильную работу, испытывая ее на выносливость и умение. Молодая сноха с утра до ночи ни на минуту не долж-

1 Архив С.Ш. Гаджиевой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 35.

2 Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. С. 71-72.

на была оставаться без дела, отлучаться в свою комнату, когда в «большой комнате» собирались все члены семьи или гости. Утром она обязана была подниматься раньше всех, а вечером – ложиться последней, чтобы успеть все убрать и приготовить», – пишет С. Ш. Гаджиева¹.

Незамужние девушки в основном занимались рукоделием, помогали старшим. Они также старались взять на себя большую часть тяжелой работы. Этикет не позволял молодым самоустраиваться от дел, когда работали старшие. Как правило, главная хозяйка отправляла своих незамужних дочерей помогать молодой снохе, как бы приучая их к своим будущим обязанностям.

Половозрастное разделение труда четко разграничивало мужские и женские обязанности. Выполнение мужчинами женской работы и наоборот резко осуждалось обществом. Осуждали и старших, если они выполняли работу, которую обычно поручали молодым.

Таким образом, управление семьей и организация труда строились исключительно по принципу подчинения младших старшим, женщин – мужчинам, то есть подчинялись патриархальной этикетной регламентации, которая была свойственна многим северокавказским и дагестанским народам².

б) Внутрисемейные отношения

Возглавлял большую (неразделенную) семью «атай» (отец) – представитель старшего мужского поколения семьи. Для принятия решений, касающихся семейных дел, созывался семейный совет, куда входили все взрослые мужчины большого семейства и старшая женщина «анай», являвшаяся вторым после главы лицом в семье.

1 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 126.

2 См.: Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984; Мамхегова Р. А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993; Лугув С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006.

Глава семьи отвечал за членов своей семьи перед общиной, государственными властями. Он управлял всеми делами семьи, считался полновластным хозяином всего имущества. Никто не имел права без его разрешения совершить какую-либо сделку. Члены семьи беспрекословно подчинялись его воле, последнее слово всегда оставалось за ним. Кроме того, он контролировал поведение членов семьи и мог подвергнуть наказанию ослушавшихся, но это не означало, что глава семьи имел деспотическую власть. Сыновья при отце не пили, не курили, не садились за стол без его разрешения, в присутствии родителей не общались со своими женами, не брали собственных детей на руки, не играли с ними. Они выполняли все указания своего отца, даже если в душе были не согласны с его решением. Дочери также слушались отца и не смели перечесть ему. Все члены семьи с подчеркнутым уважением относились к главе семейства. Опыт в хозяйственных делах, мудрость и такт создавали ему этот непререкаемый авторитет в семье.

Поддерживать порядок в семье помогала жена главы семейства. Имея большой житейский опыт, она умела вести хозяйство, знала, как воспитывать детей, обладала тактом и знаниями в области этикета, которые передавала своим детям, внукам. И похвалу, и упреки за нарушение детьми правил поведения и этикета получала в первую очередь мать. Она также, как и глава семьи, пользовалась авторитетом в семье и вниманием со стороны членов семьи.

Воспитанием внуков в больших (неразделенных) семьях занимались дед с бабушкой. Они могли приласкать внуков, брать их на руки, говорить с ними в присутствии посторонних, поучать и наказывать. Дед с бабушкой пытались дать внукам все нерасстраченное тепло и ласку, которыми они в свое время обделили собственных детей, руководствуясь старинными обычаями. У ногайцев есть поговорка: «Баладын баласы – балдан таьтли» (Дитя моего дитя слаще меда). Подобные взаимоотношения с внуками складывались во многих семьях северокавказских и дагестанских народов, где следовали обычаям избегания. Так, например, у кумыков М. Алибеков отмечал, что дед «мог играть с детьми своих детей, носить их на руках, ходить с ними и кор-

мить их»¹. Для родителей же существовал целый ряд запретов и ограничений, связанных с детьми. Так, матери по правилам этикета не разрешалось кормить грудью ребенка в присутствии старших, показываться им на глаза с ребенком на руках. Встретившись случайно, она немедленно клала ребенка на пол или на землю и убегала. Таких же правил придерживались адыгские² и тюркоязычные женщины Северного Кавказа и Дагестана³.

Особого внимания заслуживает рассмотрение взаимоотношений главы семейства и его жены с невестками. В их взаимоотношениях прослеживаются различные запреты и ограничения, которые в этнографической науке получили название обычая избегания.

Тема запретов и избеганий, связанных с семейно-брачной жизнью, имеет давние традиции изучения. В свое время изучением семейно-брачных запретов и избеганий занимались такие видные ученые, как Н. П. Дыренкова⁴, М. О. Косвен⁵, Н. А. Кисляков⁶, Я. С. Смирнова⁷, С. Ш. Гаджиева⁸ и другие, а в 80-х гг. на страницах журнала «Советская этнография»⁹ развернулась целая дискуссия по данной проблеме. Споры вокруг этой проблемы существуют и поныне.

1 Алибеков М. Адагы кумыков. Махачкала, 1927. С. 31.

2 Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: Традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 50.

3 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. С. 284.

4 Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сб. этнограф. м-лов. М., 1927.

5 Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

6 Кисляков Н. А. Очерки семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.

7 Смирнова Я. С. Обычай избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху // СЭ. 1961. №2.

8 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.

9 Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // СЭ. 1978. № 6. С. 61-70; Арутюнов С. А. Анализ и оценка избегания // СЭ. 1979. №1. С. 53-56; Бгажноков Б. Х. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании // СЭ. 1979. № 1. С. 53-63; Марков Г. Е. Обычай избегания и проблема «пережитков» // СЭ. 1979. №1. С. 63-68; Токарев С. А. «Избегание» и «этикет» // СЭ. 1979. №1. С. 68-76; Смирнова Я. С., Першиц А. И. Еще раз о формационном и релятивистском подходах и оценке культурных явлений (ответ оппонентам) // СЭ. 1979. №5. С. 90-105.

В советской, а ныне российской этнографии выделяют несколько видов (субсистем) избегания. Так, Н. А. Кисляков, исследуя семейно-брачные запреты и избегания у народов Средней Азии и Казахстана, выделил три основные группы запретов: запреты и избегания между самими супругами; запреты и избегания между невестой – женой и родственниками ее жениха – мужа; запреты и избегания между женихом – мужем и родственниками его невесты – жены¹.

Я. С. Смирнова, опираясь на северокавказский материал, выделяет четыре субсистемы избегания: две из них ограничивали отношения между супругами и между родителями и детьми, две – отношения между каждым из супругов и его родственниками².

С. Ш. Гаджиева, основываясь на дагестанском материале, выводит следующую классификацию ограничений и избеганий: между женихом и невестой; между невестой и родней жениха; между женихом и родней невесты³.

В науке бытуют различные теории происхождения обычая избегания. Многие ученые⁴ считают, что обычай избегания – это результат развития внутрисемейных отношений, запрещающий сексуальные контакты между членами родственной группы (прежде всего между невесткой и свекром, зятем и тещей). Эта теория объясняет избегание между родственниками разного, но не одного пола. За рамками теории остается и избегание между супругами и между родителями и детьми.

Существует и другая теория, предложенная Э. Тэйлором, в которой избегание рассматривается как пережиток порядков

1 Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 76-77.

2 Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 119.

3 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 170.

4 См.: Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913. С. 147; Ковалевский М. К. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 33; Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. М. -Л., 1966. С. 132.

эпохи перехода от матриликальности к патриликальности¹. Теория Тэйлора объясняет генезис избегания не только между супругами и их старшими родственниками, но и между супругами, и между родителями и детьми при старших. Уязвимость этой теории Я. С. Смирнова видит только в одном – в необходимости объяснить, почему избегания, рассматриваемые как пережиток, сохранились длительно, может быть, на протяжении тысячелетий².

Отсюда берет начало другая теория генезиса избегания или, точнее, несколько близких между собой теорий, увязывающих воедино генетические и функциональные механизмы данных обычаев. Корни избегания, считали А. Н. Максимов³ и Н. А. Кисляков⁴, не только в изменении локализации брака, но и в той застенчивости, стеснительности, которые испытывают породнившиеся через брак чужие друг другу люди. Эта теория не объясняет ограничительных отношений между родителями и детьми.

А. Рэдклифф-Браун видел в избегании между родственниками стремление предотвратить конфликтные ситуации⁵.

Я. С. Смирнова считает, что обычаи избегания, возникнув при переходе от матриликальности к патриликальности, приобрели впоследствии новые социальные функции, хорошо вписавшись в семейный и общественный уклад. Их консервацию обеспечило не чувство стеснительности, не желание предотвратить ссоры и т.п., а трансформация ограничительных отношений в условиях патриархального, а затем патриархально-феодалного строя⁶.

1 Тэйлор Э. О методе исследования развития учреждений // ЭО. 1890. №2. С. 23-24.

2 Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). М., 1983. С. 41.

3 Максимов А. Н. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого // ЭО. 1908. №1-2. С. 34-38, 10-13.

4 Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 76-77.

5 Radcliffe-Brown A. R. Structure and function in primitive society. London, 1952. P. 90f.

6 Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 41.

На наш взгляд, нельзя полностью отвергать ни одну из вышеназванных теорий, скорее всего, они в известной мере дополняют друг друга, а не взаимоисключают. И в этом плане вполне справедливо высказывание Б. Х. Бгажнокова, что «столкнулись две универсальные тенденции общественного развития: с одной стороны – переход от группового брака к парному, с другой – формирование, кристаллизация скромности, стыда, уважения и экспликативных моделей моральных чувств такого типа. На пересечении этих двух тенденций и возникли обычаи избегания, как способ манифестации первобытной вежливости и как реакция на групповой брак и матрилокальную семью. Там, где первая тенденция была особенно сильна, возникла особая, преувеличенная форма демонстрации (экспликативная модель) скромности и уважения друг к другу, получившая название обычаев избегания»¹.

Известный дагестанский этнограф А. И. Исламмагомедов считает одной из причин возникновения и бытования среди ногайцев и у части тюркоязычных народов Дагестана обычая избегания экзогамный брак. Мы согласны с точкой зрения А. И. Исламмагомедова. Действительно, судя по сохранившимся письменным источникам, фольклорным произведениям и воспоминаниям наших информаторов, экзогамные запреты у ногайцев соблюдались строго. Браки внутри родоплеменной группы строго запрещались. Попадая в чужой аул, другую семью, молодая невестка сталкивалась с новыми людьми, в отношении которых испытывала чувство стыда, стеснительности. Скромность, уважение к старшим воспитывались в ногайских девушках с ранних лет. Этикет не позволял девушкам свободно вести себя в отношении близких, родственников, знакомых, тем более по отношению к малознакомым людям, каковыми являлись для нее родственники мужа.

Положение молодой снохи в семье всегда было стеснено строгими правилами и традициями. Обычай избегания соблюдался ею более строго, нежели взрослой женщиной, которая

уже несколько лет прожила в данной семье и имела достаточно взрослых детей. Если в семье проживал свекор или другой мужчина старшего возраста, молодая женщина должна была обращаться к нему только через третье лицо, обычно через своих детей или младших братьев и сестер мужа. Она могла лишь отвечать на вопросы старшего, и то шепотом или кивком головы. Невестки прибегали к различным хитростям и уловкам, чтобы не нарушать данный обычай. Так, наш информатор рассказал такой случай: «Однажды молодая невестка, соблюдавшая запрет разговаривать со старшими родственниками мужа, нечаянно уронила в колодец ведро и не могла его оттуда достать. В доме в этот момент, кроме старшего брата мужа, к которому она не могла прямо обратиться, никого не было. Дабы не нарушать обычай, она взяла в руки домбру, приблизилась к юрте и тихонько запела:

*Ай, бияга, бияга,
Шелек туьсти куйыга.
Алып берши, бияга.*

*Ой, старший брат, старший брат,
Ведро упало в колодец.
Достань его, старший брат.*

По содержанию песни старший брат мужа понял просьбу невестки, вышел из юрты, подошел к колодцу и достал ведро».

Существовали временные запреты и пожизненные. Пожизненно невестка не могла показывать свекру свои ноги, не могла сидеть, повернувшись к нему спиной, при его появлении в комнате она вставала. Невестка не садилась со свекром за одним столом, не имела права садиться на его место. Если она чинила одежду свекра, то не вынимала ее непосредственно сама из сундука, не наступала на нее.

Свекор также подвергался многим ограничениям: он не мог показать невестке свои части тела, снимать одежду в ее присутствии, сидеть с ней рядом, прикасаться к ней. Ни смех, ни шутки между свекром и невесткой не допускались, ругань и непристойные выражения в ее присутствии не позволялись.

Замечания, предназначавшиеся невестке, свекор адресовал жене, дочери так, что бы их слышала невестка. Недаром у

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 142.

ногайцев существует поговорка: «Кызым, сага айтаман, келиним, сен тынъла!» (Дочь, тебе говорю, невестка, слушай!). Подобные выражения бытуют у кумыков, адыгов¹.

Невестка у ногайцев не имела права говорить со свекром, произносить его имя и даже название предметов, напоминавшие имя свекра, и должна была этим предметам придумать особые названия. Этот обычай получил в народе название «тил тутув» (букв. язык держать) и соблюдался невесткой до тех пор, пока со стороны свекра не последует официальное разрешение. Бывали случаи, когда такое разрешение невестка получала через 3, 4 и более лет, а иногда не получала и вовсе. Подобные запреты существовали у кумыков и у многих северокавказских народов. Так, Манай Алибеков сообщает, что кумыкские женщины «с отцами мужей не говорили до смерти»². Зависело это, прежде всего, от традиций и нравов семьи.

О снятии запрета свекром невестка узнавала от свекрови или старшей тетки мужа. Получив разрешение, невестка делала свекру подарок – обычно бешмет, который ей для этого специально присылали из отцовского дома. После этого она могла свободно заходить в общее помещение семьи, в том числе и в спальню свекра, чтобы постелить ему постель, произвести уборку, принести свекру воды и т.д.³, но все же общение между ними сводилось к минимуму.

Запреты же в отношении свекрови по своей строгости и значимости были почти равными запретам по отношению к свекру, но менее продолжительными. Это было обусловлено, прежде всего, хозяйственной необходимостью. По окончании брачных церемоний невестка получала от женской родни официальное приглашение в столовую, после чего она сразу же включалась в работу по дому. Выполнение домашней работы и различных поручений свекрови и делали запреты в отношении нее менее продолжительными. Иногда они длились до рожде-

ния первенца, иногда до 5–6 лет, а бывали случаи, что невестка не разговаривала со свекровью всю жизнь. Инициатором снятия запрета являлась сама свекровь, но правила приличия требовали, чтобы первыми с предложением выступили бабушка, тетки мужа, от которых в большинстве случаев и зависел сам срок избегания. Даже после обряда разрешения разговаривать невестка говорила со свекровью очень робко, застенчиво, еле слышно, лишь по прошествии определенного времени между ними устанавливалось нормальное общение.

Запрет разговаривать соблюдался невесткой и в отношении старших родственниц мужа. Разрешение разговаривать они давали сами и обязательно преподносили невестке подарок, как бы выражая ей свою благодарность за проявленное к ним уважение.

К старшим братьям мужа сноха относилась также с большим уважением. Все просьбы старшего деверя выполнялись незамедлительно. В отношении него также соблюдался обычай избегания: сноха не могла с ним разговаривать, все свои просьбы и ответы на вопросы передавала через третье лицо. Старших братьев мужа невестка почитала так же, как и его родителей. Подобное отношение к братьям мужа наблюдалось у многих северокавказских народов, соблюдавших обычай избегания.

Обычай избегания соблюдался невесткой и в отношении старших золовок. Невестка после соответствующего разрешения и подарка от золовки могла разговаривать с ней, но при этом с подчеркнутым уважением, ласково, ни в коем случае не переча ей.

С младшими же деверьями и золовками сноха вела себя свободно, могла с ними пошутить, вести любые разговоры, но не выходя за рамки дозволенного. Их просьбы и поручения сноха также выполняла быстро и беспрекословно.

У башкир, казахов, киргизов отношения между старшими деверьями и женами младших братьев, между младшими братьями и женами их старших братьев характеризовались чрезвычайной свободой общения, двусмысленными шутками, а порой и слегка прикрытой интимной близостью. Все объясняется

1 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 86.

2 Алибеков М. Указ. раб. С. 30.

3 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 105.

обычаем левирата, по которому в случае смерти брата человек мог жениться на его вдове¹. По этому поводу существуют половицы («Полумуж в отсутствие мужа – полный муж») и многочисленные анекдоты о приключениях этих категорий свойственников². У ногайцев же даже при левирате отношения между деверем и невесткой не выходили за рамки приличия. В этом плане на ногайцев большое влияние оказали тюркоязычные народы Дагестана и Северного Кавказа, у которых проявление любых вольностей в отношении свойственников категорически запрещалось. Но все же следует отметить, что по комплексу семейно-брачных запретов и ограничений ногайцы ближе к народам Средней Азии и Казахстана, нежели к дагестанским и северокавказским народам.

Спочтением женщина относилась и к другим родственникам мужа. Более того, молодой снохой соблюдался запрет на произнесение имен родственников мужа, даже давно умерших. Отца (свекра) сноха называла «бийим», мать (свекровь) – «шешей». Старших братьев мужа называла «амал» (надежда), «мырзам» (мой мурза), младших – «куват» (сила), «саьвле» (луч), «акие» (младшенький), «алтын топ» (золотой мяч), девочек – «аьруьвкыз» (хорошенькая), «эркем» (баловница), «синълим» (ясно-видящая), «шикаьрим» (любимая) «ак бет» (белолицая), «бийкем» (госпожа), «акылы» (умница), «аявлым» (дорогая), «алтын шаш» (златокудрая) и т.д.

Существовал запрет и на произнесение имени золовки в присутствии родственниц мужа, если его носила посторонняя женщина. Сноха объясняла причину и давала ей другое имя. Если кто-нибудь из членов семьи мужа носил имя, одинаковое с именем близкого родственника невестки (отца, дяди, брата), то последняя называла его «аты уьйкен» (букв. большое имя) в знак особого уважения и почтения и к родственнику мужа, и к своему родственнику. Подобный запрет существует и в традиционном казахском этикете. Для казашки считалось непри-

1 Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России (XIX-начало XX в.) /Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1999. С. 72.

2 Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М., 1981. С. 89.

личным называть вслух имя не только свекра и свекрови, но и деверей и золовок. Поэтому она зачастую давала им довольно забавные прозвища. Одна старуха казашка никогда не называла корову «сиыр», а только «мёшке». Дело в том, что ее давно умершего свекра звали Сийрбай. Поэтому на слово «сиыр» у нее было наложено табу. Вот она и придумала такое диговинное слово «мёшке» для обозначения коровы.

Обычай избегания заключался не только в запрете на общение и произнесение имени, но и в определенной форме поведения. Так, невестка не должна была находиться наедине в одном помещении со старшими родственниками мужа, везде и всегда первая с ними здоровалась кивком головы, оказывала им всевозможные почести и знаки внимания. Она старалась избегать прямых встреч со старшими родственниками мужа, если встречу невозможно было миновать, то она, опустив голову, быстро проходила мимо, пропустив вперед старшего. При появлении в доме старших родственников мужа невестка вставала с места, надвинув на глаза платок и опустив голову, молча покидала помещение. Она не позволяла себе при них есть и пить, в их присутствии кормить детей, заниматься домашними делами. Если старшие родственники ее о чем-то спрашивали, то она не отвечала им прямо, а объясняла жестами. С родственницами мужа невестка обращалась также крайне обходительно. Если в дом входила старшая родственница мужа, она тут же вставала и уступала ей место, угощала чаем, создавала все удобства для отдыха, если в доме никого, кроме нее, не было, то она оставляла свои дела и старалась как можно больше уделить ей внимания.

Женатые сыновья при отце старались вести себя отчужденно по отношению к своим женам, детям. При старших членах семьи они не называли своих жен по имени, не брали детей на руки, не ласкали их. «Ногаец только в случае крайней необходимости станет говорить со своей женою при посторонних, а новобрачный как будто боится и совестится взглянуть днем на жену», – писал в 70-х годах XIX столетия анонимный автор¹. Здесь проявляет себя другой из четырех видов обычая избегания.

1 Кавказские жители. Природа и люди. №6. СПб., 1879. С. 7.

Подобного обычая строго придерживались тюркоязычные народы Дагестана и Северного Кавказа¹, менее строго – горцы Дагестана².

У ногайцев запрет разговаривать супругам при людях продолжался долго, нередко до тех пор, пока они не достигали зрелого возраста или, отделившись от большой (неразделенной) семьи, сами возглавляли семью и вели отдельное хозяйство. Долгое время супруги общались через посредников, обычно роль посредников выполняли младшие члены семьи.

Обычай избегания у народов Дагестана были непродолжительными и носили временный характер, так как в основном преобладали эндогамные внутритухумные браки. Это были ортокузенные браки между двоюродными, троюродными и т.д. братьями и сестрами. Эндогамные браки, как правило, заключались внутри аула. Классических форм избегания, какие существовали у ногайцев и других тюркоязычных народов, у горцев Дагестана не было. По утверждению видного ученого-кавказоведа, большого знатока семьи и семейного быта народов Дагестана С. Ш. Гаджиевой, «у народов Дагестана обычаи избегания проявлялись в редуцированной, осколочной, порой в трудноуловимой форме»³. Да они и не могли проявить себя в полной мере, так как горянка выходила замуж и оставалась жить в своем родном ауле, где она всех знала с раннего детства, да и сам характер эндогамного брака не предполагал строгого и продолжительного избегания. Выдача девушек замуж в другие общества и тем более в иноэтничную среду было явлением редким. Это отразилось в ряде поговорок: «Чистое золото реку не переплывет, хорошая девушка село не оставит», «Хороший джигит обойдется своим селом», – говорили аварцы, «Хороший камень из аула не вынесут», – считали кайтагские даргинцы, «Сына родного, хлеба из собственного корыта и жену из своего аула не выноси», – утверждали цахуры. Этого правила строже других придерживались кубачинцы, у которых заключались

исключительно внутриаульные браки, и особенно строго – экономически сильные тухумы, которые стремились сохранить в своих пределах движимое и недвижимое имущество, выдаваемое в качестве приданого невесте¹.

В Дагестане и на Северном Кавказе экзогамные браки были распространены среди засулакских кумыков (у южных кумыков предпочтение отдавалось эндогамным бракам), кабардинцев, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Проф. С. Ш. Гаджиева объясняет отсутствие внутритухумных браков у засулакских кумыков соседством с ногайцами-тюменами, которые приняли участие в формировании этой группы кумыков и оказывали на них большое этнокультурное влияние². Если данное высказывание спроецировать на северокавказские народы, то из этого следует, что экзогамный брак и связанные с ним семейно-брачные запреты имели распространение у народов, которые непосредственно контактировали с ногайцами и находились в постоянном этнокультурном взаимодействии.

Итак, обычай избегания является одной из главных составляющих ногайского этикета. Семейно-брачные запреты носили, прежде всего, этический характер, их соблюдение являлось проявлением скромности, воспитанности, глубокого уважения и почитания родственников мужа. Они являются одним из важных блоков поведенческой культуры ногайцев. Соблюдение запретов позволяло регулировать отношения между членами семьи, сохранять созданную не одним поколением ногайцев иерархию взаимоотношений между членами родственной группы.

Общение между членами большой (неразделенной) семьи и в кругу родственников происходило с помощью терминов родства. Употребление терминов родства способствовало соблюдению субординации между членами семьи, помогало сохранять «этикетную дистанцию», с ранних лет воспитывало в детях чувство уважения и почитания старших. Так, к отцу обращались «акай», «аякай», «якай», «каькем», «аькев», «аев», «ата»; к матери – «анай», «абай», «кешек», «таьтем»; к мачехе – «обгей

1 Там же. С. 147-148.

2 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 153.

1 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 96.

2 Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-нач. XX в.). С. 91.

3 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 174.

ана». К сыну обращались – «ул», «увыл», «кеде», «бала»; к дочери – «кыз», «кызалак»; к внуку – «улыным», «немерем», «улым», «улымнынъ улы»; к внучке – «улымнынъ кызы» (дочь сына), «кызымнынъ кызы» (дочь дочери); к правнуку – «тобери»; к правнучке – «йиен»; к праправнуку – «бокяншар»; к праправнучке – «шоьбере»; к старшему брату – «ага», «ака», «аькиен», «куват», «амал», «агав», «акай», «агашым», «уьйкен кардаш»; к младшему – «ини», «иньув», «иниш», «бебе», «кишикей кардаш»; к сестре – «карындас».

Дети двух братьев могли называться «агалы-иниш», «аркалдас», троюродные братья – «туьвеншер». Для всех близких, связанных агнатским родством, существовало и описательное название – «казан уьлескен кардашлар» – «братья, разделившие котел».

Употреблялись и другие названия, которыми подчеркивались возраст, степень родства: старшая сестра называла младшую «синъли», младшая старшую – «аьпте», «аьптей» (ласкательно), старший брат называл младшего «иниш», младший старшего – «ага». Для брата и сестры, рожденных от одного отца, но разных матерей, применялись названия «аркадас» («арка» – «спина»), а от одного отца и матери – «аданас»¹.

Обращение к дедушке, бабушке, дяде, тете по отцовской и материнской линии было разным. Так, к прадеду по отцовской линии обращались «уьйкен атай», к прабабушке – «карт тетей», к деду – «атай», к бабушке – «тетей». Родственников по отцу называли одним общим термином «ата кардаш». Дядю по отцу, старшего по возрасту, называли «атамынынъ агасы», «акамнынъ агасы», «агам», «атай», младшего – «атамынынъ иниси», «акамнынъ иниси», «иним», «агам», «уьйкен акай».

Тетю по отцу, старшую, называли «атамнынъ аьптеси», «уьйкен аьптей», «абай»; младшую – «анамнынъ карындасы», «кишкей аьптей», «абай». Родственников по матери называли «ана кардашлар», «нагашы тукымлер», «кайын халк».

Прадеда по материнской линии называли «карт нагаши атай»; прабабушку – «карт нагашы эней», деда по матери – «нага-

ша атай»; бабу – «нагашы эней»; старшего брата матери (дядю) – «уьйкен нагашы акай»; младшего – «кишикей нагашы акай»; старшую сестру матери – «уьйкен аьптей»; младшую – «кишкей аьптей». В обращении к зятю, снохе также учитывался их возраст. Так, братья и сестры жены называли зятя «ездей», если он старше их, и «киев», если он моложе их. Аналогично и по отношению к снохе (невестке): младшие по возрасту называли ее «енъгей», «кешек», а старшие – «келин». Кстати, некоторая часть ногайцев оказывала зятю почести (сажали на почетное место, окружали вниманием), приговаривая: «эр кисидинъ киеви сыйлы болар» – «кто мужчина, зять того должен быть в почете», другая же часть на зятя смотрела как на человека, обязанного выполнять все прихоти родственников жены (чаще всего старших)¹.

Мужья сестер обозначались термином «бажа». Муж называл старших братьев и сестер жены соответственно «кайнага» и «канбийке», младших – «кайини» и «балдыз»². Каждый ногаец обязан был знать не только самых близких родственников, но и дальних, как в народе говорили, «до седьмого колена» – «ети атасын балаларын» (семи отцов и их потомков).

Термины родства у ногайцев имели четкую классификацию и зависели от степени и линии родства, возраста и пола. Они выполняли важную функцию регулятора взаимоотношений между членами семьи и рода. Во многом схожую терминологию родства можно наблюдать и у других тюркоязычных народов³, что свидетельствует о единстве их происхождения и общих корнях.

Культура общения в пределах семьи и родства у ногайцев, как, впрочем, и у татар, башкир, казахов, определялась, прежде всего, оппозицией «мужское – женское», которая проявлялась практически в любом виде поведения и отражалась в традици-

1 Шихмурзаев Д. М. Термины родства и свойства в ногайском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. Махачкала, 1985. С. 174.

2 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. -М. Указ. раб. С. 162.

3 Покровская Я. А. Термины родства в тюркских языках // История развития лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11-18; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 494-496.

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. С. 17.

онной топографии жилища¹. Юрта условно делилась на четыре части. Первая – «тоър» – самое почетное место, у задней стены, напротив двери, его занимал глава семьи. Слово «тоър» имеется во всех тюркских и монгольских языках, у древних тюрков оно означало священное место, которое находилось напротив двери². Место главы семьи никто не занимал даже в его отсутствие. У многих народов почетное место в комнате предназначается старшим мужчинам. Особенно наглядно это просматривается у народов Кавказа, у которых развит культ мужчины, а почитание старших занимает одну из первых строчек в шкале моральных ценностей. Так, например, известный дагестанский этнограф С. Ш. Гаджиева отмечает, что «у многих народов Дагестана лучшая часть комнаты – почетное место – предназначалось старшим мужчинам. Оно располагалось в глубине и застилалось лучшими войлоками, коврами»³.

Справа от отца размещались сыновья, слева – дочери. В отсутствие родителей это место занимал старший сын.

От середины этой части вперед, до самой двери, была вторая часть кибитки, где находился очаг, готовили еду, держали кухонную утварь и некоторые запасы продуктов.

По обе стороны очаговой части у стенок располагались третья и четвертая части – направо от очага – «онъ як» (правая сторона) и налево – «сол як» (левая сторона). В этих двух половинах располагались взрослые сыновья с женами и детьми, причем правая сторона считалась мужской, левая – женской. Таким образом, юрта у ногайцев делилась на две половины – женскую и мужскую. Помимо этого, существовало представление об этикетно престижной части юрты, каким считалось место напротив входа – «тоър». Подобное деление жилища на две половины существовало у татар, башкир, казахов. У тюркоязычных народов Поволжья половина, расположенная справа от сидящего на «тоъре», была мужской, а слева – женской, – пишет проф. А. А. Никишенков⁴. Деление жилища на мужскую и женскую

половины наблюдается и у тюркоязычных народов Дагестана¹. Следует отметить, что горцы Дагестана строго не придерживались деления общего жилого помещения на две половины – мужскую и женскую, хотя задняя часть его обычно отводилась женщинам, а передняя – мужчинам².

На женской стороне находились общие сундуки семьи – «кобан сандык» с продуктами, скамейка с посудой, а также личные вещи супружеских пар, в том числе предметы приданого снох (войлочные ковры, постельные принадлежности, сундук с вещами и т.д.). Обе эти половины, таким образом, могли быть условно разделены еще на более мелкие части, где размещались супружеские пары и их дети на ночь. Общим правилом поведения для всех членов семьи было такое: мужчины без особой нужды не заходят на женскую половину, а женщины – на мужскую³. Правом беспрепятственного передвижения по юрте пользовались лишь дети. Это давало им возможность выполнять различные поручения старших и быть посредниками в общении между членами семьи, на которых распространялись семейные запреты и ограничения.

Таким образом, основой благополучия и согласия в ногайской семье являлось соблюдение «этикетной дистанции» во взаимоотношениях между членами семьи. Она проявлялась в уважительном отношении к старшим, в послушании и почтительном к ним обращении. Особенностью этикетного поведения в семье являлось и соблюдение обычая избегания, выполнявшего ряд важных функций, одной из которых было предупреждение семейных конфликтов и случаев снохачества.

в) Семейная трапеза

Наглядной моделью этикетного поведения является семейная трапеза. Трапеза – это не просто коллективное потребление

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 70.

2 Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 385.

3 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 59.

4 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 70.

1 Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2003. С. 172.

2 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 59.

3 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 70.

пищи, но и своего рода показатель уровня традиционно-бытовой культуры этноса. В этом плане справедливо высказывание С. А. Арутюнова, что «любая совместная трапеза, будь то семейный обед или трапеза объединившихся для выполнения трудовой задачи людей, или трапеза попутчиков, не говоря уже о трапезах, которыми отмечаются какие-либо выходящие за рамки повседневной жизни события, есть не просто коллективно организованное насыщение. В любом случае это в то же время действие с определенным содержанием. Как минимум этого содержания оно включает в себя констатацию того, что собравшиеся принимают и разделяют определенные, установленные традицией данного этноса, минимальные этические и эстетические нормы поведения, а следовательно, принадлежат к одной культурной общности и проявляют определенный минимум благожелательности друг к другу»¹.

У ногайцев, как и других тюркоязычных народов Дагестана, в системе питания выделяются два основных типа трапез: домашние или семейные трапезы и общественные (ритуальные и праздничные) трапезы². Здесь мы остановимся на семейной трапезе, которая делится на два подтипа: повседневную и гостевую. Повседневная – это ежедневные обыденные трапезы членов семьи (завтрак, обед, ужин)³.

Готовили еду в юрте. Местом для приготовления пищи была середина юрты, где располагался очаг. Во многих традициях сакральным центром жилища являлся очаг. По поверьям, известным у самых разных народов, в домашнем очаге обитают духи предков, наблюдая за поведением членов семьи.

У ногайцев же с домашним очагом связывают благополучие семьи. Хранительницей домашнего очага, по представлениям ногайцев, была богиня Тамыз-Искра, она оберегала семью от

невзгод. Ногайцы представляли Тамыз маленькой женщиной в красном кафтане, танцующей в огне очага. В счастливых семьях Тамыз была молодой, красивой и веселой. В семьях, где был разлад, Тамыз выглядела старой, танец ее угасал, как домашний очаг.

Во многих культурах огонь ассоциируется с образом женщины-матери, хранительницы домашнего очага. У ногайцев существует поговорка: «Хатынъ – уьйдин шырагы» (Женщина – свет в доме). Горцы Дагестана говорят: «Матери – лампы, которые горят на почетном месте в доме, в красном углу»⁴. Подобное выражение существует и у чеченцев: «Цина нана» – «Мать дома» (этимологически «мать огня, очага») ⁵.

В традициях ногайцев существовал ряд запретов и предписаний по отношению к домашнему очагу: запрещалось плевать в огонь, бросать в него мусор, переступать через него, гасить, брызгать на него воду. Считалось, что человека, который погасил огонь с помощью воды, ожидало наказание всевышнего. Если возникала необходимость погасить огонь, то сверху его прикрывали специальной металлической крышкой, чтобы огонь погас сам⁶.

Подобные представления о домашнем очаге как о символе счастья и благополучия существовали и у большинства народов Дагестана⁴ и Северного Кавказа⁵. Запреты, связанные с очагом и огнем, существовали и у турков. Как пишет В. А. Гордлевский, «османцы остерегаются брызгать воду на огонь, пылающий в очаге – символе счастья семьи, и когда он гаснет, это как бы указывает на развал семьи»⁶.

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 111.

2 Батугаев М. Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006. С. 137.

3 Гимбатова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX - начале XX в. Махачкала, 2005. С. 163-164.

4 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 59.

5 Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп, 1987. С. 254.

6 Гордлевский В. А. Быт османца в суевериях, приметах и обрядах (Материалы) // Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4. С. 77.

1 Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран Зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии. М., 1981. С. 3.

2 Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. : Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий. Махачкала, 2005. С. 73.

3 Там же.

Рядом с очагом держали кухонную утварь и некоторые запасы продуктов. У богатых ногайцев имелись специальные юрты, в них не жили, а лишь готовили пищу и хранили продукты.

В больших (неразделенных) семьях пищу готовила одна из старших женщин, в малых семьях – жена – хозяйка дома. Основу питания ногайцев составляли мясомолочные продукты. Пищу варили в общем котле, помещенном на треножнике¹. Ели обычно три раза в день: утром до работы завтрак – «эртеньги ас», в обед – «когда скотину пригоняли на водопой» или «уыйле ас заманы» и вечером ужин – «кешки ас»².

Перед едой и после нее обязательно мыли руки. Для этого у очага обязательно стоит рукомойник, который ставился около огня, для разогревания воды. Этой водой они (ногайцы. – М. Г.) моют руки перед едой и после нее и совершают омовение перед намазом»³.

Мыть руки обычно помогали младшие члены семьи (сыновья, внуки, дочери), оказывая уважение старшим, наливали им воду из кумгана (кувшинчика) на руки в направлении слева направо. Руки вытирали каждый своим платком (кол явлык). Ляген (таз) с водой выносила из юрты дочь. После этого семья рассаживалась за столом.

Для трапезы семья устраивалась в уйкен-уый (только новобрачная сноха не присутствовала, ей носили еду в отав, где она должна находиться около года). Пищу принимали иногда поочередно, иногда одновременно, но с учетом половозрастной группы: старики, в том числе и жена главы семьи, принимали пищу, сидя на самом почетном месте – «тоьр» – отдельно. Справа от хозяина, на мужской стороне, рассаживались взрослые сыновья, слева, на женской стороне, – снохи вместе со своими детьми, иногда и с взрослыми сыновьями и дочерьми.

У каждого члена семьи во время трапезы существовало оп-

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 38.

2 Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С. 212.

3 Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк //ЗКОРГО. Тифлис, 1909. Кн. XXVI. Вып. 7. С. 17.

ределенное место, которое в его отсутствие никто не занимал. Наиболее почетные лица, взрослые члены семьи сидели ближе к хозяину и хозяйке, а менее почетные и молодежь – ближе к двери, замыкая круг. Подобный обычай рассаживания за столом имеет давние традиции и восходит к древним обычаям кочевников¹. А. Рудановский отмечал, «что у ногайцев самое почетное и престижное место всегда отводилось старшим, а самое неудобное молодым снохам»². Итак, во время семейных трапез ногайцами соблюдался установленный обычаем порядок рассаживания за столом.

В отдельных же семьях вначале ели мужчины, после них – женщины³. Среди ногайцев было много мужчин, проживших до глубокой старости и не видевших, как едят их жены, как они пьют воду⁴. Подобные пищевые избегания наблюдались у кумыков, адыгов⁵. Мы склонны связывать пищевое избегание с проявлением деликатности и скромности и, конечно, с этикетом.

В более широком плане рассаживание – наглядная модель половозрастной и социальной стратификации коллектива, причем «верх» и правая сторона, как правило, означают более высокую престижность, а «низ» и левая сторона – более низкую⁶.

Пищу принимали, сидя на земляном полу юрты, на войлоке, образуя круг. Мужчины сидели, поджав под себя обе ноги, а женщины – только одну ногу, вторую, согнув в колене, приставляли рядом. Сидеть, развалившись, расставив ноги, считалось недопустимым.

В разросшихся семьях трапеза организовывалась в две – три очереди. Подавали еду на четырехугольном столике на низких

1 Потапов Л. П. Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников //ТС. М. - Л., 1951. Вып. 17. С. 167.

2 Рудановский А. О Караногойской степи и кочующих на ней народах //Кавказ. № 52. 1863.

3 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 39.

4 Гаджиева С. Ш. Ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 36.

5 Текуева М. А. Указ. раб. С. 114-115.

6 Байбуриной А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 137-138.

ножках «сыпра». Еду по чашкам разливала обязательно главная хозяйка. Взять разливательную ложку – символ главенства женщины в доме – могла только старшая, а в ее отсутствие – только ее помощница. Когда не было ни той, ни другой, то в доме соби-рался круг женщин из патронимической группы и происходила церемония вручения разливательной ложки женщине, пользу-ющейся почетом, одной из старших¹.

К приему пищи приступали только после прочтения главой семейства соответствующей молитвы и произнесения тради-ционной фразы: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!». Все члены семьи должны были шепотом повторять за старшим молитву.

Первым к пище прикасался глава семьи. Он брал правой ру-кой лепешку и ломал ее на куски. Делалось это непременно обе-ими руками неторопливо и аккуратно. Ножом хлеб не резали, от целой лепешки не откусывали – все это считалось неприлич-ным. Этих же правил придерживались и другие тюркоязычные народы Дагестана, в частности кумыки, терекеменцы и азербайджанцы². В большинстве культур существует почтительное, религиозное отношение к пище. Так, у земледельцев сакраль-ным продуктом считался хлеб, у скотоводов – мясо домашних животных.

Вначале на стол подавали мясо. Самые лучшие части: ай багар – голову (правую сторону ее), куьн багар – лопатку или тесикли – тазовую кость выделяли главе семьи. Следующие хо-рошие куски предназначались детям: сыновьям – бедренные части – «орта сан», часть ножек – «ер басар», «бут», ребра – «ка-бырга»; дочерям – часть грудинки, сердце, почки и т.д., а осталь-ные куски похуже (шейная часть, самые нижние части ножки) доставались снохам и наемным работникам. Часть грудинки или мякоть от ножки доставались главной хозяйке³. Ей, кстати,

и принадлежало право делить мясо, что свидетельствует о ее высоком статусе в семье.

Особо почетной частью ногайцы считают голову. Право раз-деления головы принадлежало главе семейства. Попробовав кусок мяса от головы, он начинал делить голову между члена-ми семьи. Так, отделив от головы ухо, он передавал старшему сыну и при этом говорил: «Вот тебе ухо. Съешь его, чтобы твой слух стал еще лучше». Другому члену семьи давал глаз и при этом желал следующее: «Чтобы твой и без того зоркий глаз стал еще зорче и мог различить цвет парящей высоко в небе птицы». Следующему глава семьи давал язык с пожеланием быть крас-норечивым.

Мозг животного ногайцы никогда не употребляли. Получить любую часть головы считалось почетным. Женщинам и моло-дежи доставались бараньи ножки (сыйрак).

Архаические истоки имеют и некоторые другие правила об-ращения с мясной пищей. У ногайцев, как, впрочем, и у других народов, занимающихся скотоводством, тушу животного не рубили, а расчленяли по суставам. Ломать кости не разреша-лось и во время еды. Обычай сохранять и складывать вместе кости съеденного животного связан с древними представлени-ями о том, что оно возрождается или в виде приплода, или как-ким-либо способом, но для этого нужно, чтобы были целы все кости¹.

Поев мяса, все трапезничающие вытирали губы и руки «тас-тамалом» (салфеткой), которые хозяйка дома раскладывала на столе по количеству участников трапезы.

После мяса подавали бульон. Ели не спеша, аккуратно, старались не ронять еду на одежду и на пол. Снохи помогали в приеме пищи маленьким детям: кормили их из ложки, ста-рались остудить пищу и т.д. Любой из сидящих за столом мог попросить добавочной порции. Чаще всего хозяйка дома сама интересовалась, не нужна ли добавка. Иногда она, не спросив,

¹ Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // АЭС. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 161.

¹ Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. С. 38-39.

² Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX - начале XX в. С. 78.

³ Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 38

наливала добавки, кто не желал, тот прикрывал сверху чашку ладонью. Этот жест означал, что человек сыт. Подобные жесты, означающие насыщение, существуют у многих народов мира. Так, например, у казахов человек, отказываясь от пищи, переворачивал посуду вверх дном.

Ногайцы были умеренны в еде. А. Павлов писал о ногайцах следующее: «Во время обеда они не торопливы в еде, умеренны в употреблении пищи, чистоплотны»¹. Н. Ф. Дубровин отмечал: «Ногаец может быть один и даже несколько дней очень выдержан в пище»². Недаром старики напутствовали молодых словами: «Алты ай аш болсанъ да, ата аьдетин мутпа» (Даже если полгода будешь голодать, заветов отца не забывай).

Родители строго следили за тем, чтобы их дети не нарушали правил поведения за столом, так как, став взрослыми, свое бескультурье они могли проявить и во время общественных трапез. Так, неприличным считалось наблюдать за соседом во время еды, откусив, положить обратно в общее блюдо непоравившийся кусок хлеба, мяса. Недопустимым было во время еды ковырять в зубах, ушах, носу, чесывать голову, вычищать остатки пищи под ногтями. Также считалось некрасивым чавкать за столом. Чавкающему тут же делали замечание: «Ийт ийтаяктан шарпылдап ишеди, сен ийт тувылсынъ, шарп-шарп этпеге» (Собака из своей миски ест, чавкая, ты ведь не собака, чтобы чавкать). Непристойным считалось втягивать губами пищу. Замеченному в этом делали замечание такого типа: «Туь тувылсанъ борк-борк ишпеге. Не боркылдайсынъ туьедей болып, казандагы сорпадай болып!» (Ты же не верблюд, чтобы втягивать пищу губами. Что ты булькаешь, как верблюд, как суп в котле!). Размешивающему еду в пиале долго и неаккуратно говорили: «Донъыздай былгап ашайсынъ!» (Ешь, как поросенок, разбалтывая еду!).

Если кто-либо из сидящих за столом начинал икать, то ему, чтобы прекратить икоту, предлагали отпить воды. Глава семьи

спрашивал: «Кимнинъ тузын урладынь?» (У кого соль украл?) – и начинал перебирать имена соседей, знакомых. На чьем имени икота прекращалась, у того и была якобы украдена соль. Подобная шутка вызывала смех и поднимала всем настроение.

В устном народном творчестве ногайцев существует ряд рекомендаций относительно приема пищи. Так, ногайцы говорят: «Аз аша, тек таза аша» (Ешь понемногу, но аккуратно), «Аз аша, коьп шайна – туьйилмессинъ» (Ешь мало, жуй долго – не перхнешься).

Жадность, неумеренность в еде осуждались. Ногайцы говорили: «Курсак тойса да, коьз тоймас» (Желудок полон – глаза не насытились), «Яман тамак ярлы этер» (Ненасытный желудок – разорит), «Тамак уьшин тавга минер» (Ненасытный из-за своего желудка на гору готов взобраться). Не принято было оставлять еду в чашке, но и вычищать ее кусочками хлеба считалось неприличным. Нарушителю этого правила близкие родственники говорят: «Ашап тоймаган ялап та тоймас» (Если кушал и не наелся, то, облизывая, не насытишься). Наш информатор сообщил нам, что его дед в одной из частных бесед рассказал ему одну поучительную притчу: «В одном ауле жила женщина, которая славилась своей хозяйственностью и умением содержать посуду в чистоте. Как-то зашли к ней гости и увидели у женщины гору немытой посуды. Изумленные, они вдруг заинтересовались, в чем же дело. Хозяйка, не долго думая, ответила: «Да собака, что вылизывала мне посуду, сдохла». Так и человека, вычищающего во время еды свою посуду, сравнивают с собакой, что вылизывает свою миску». Однако разжевывать мягкие кости, соскабливать ножом остатки мяса с кости, выбивать или высасывать костный мозг для кочевников – скотоводов было в порядке вещей, равно как сделать отрыжку после еды в знак насыщения. «Вообще рыгание после еды – обязательный акт вежливости, показывающий полноту насыщения», – писал С. В. Фарфоровский о ногайцах¹. Впрочем, это было характерно для простых кочевников и не допустимым в семьях высшего сословия. В этом плане вполне справедливо высказывание видного

¹ Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 28.

² Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 266.

¹ Фарфоровский С. В. Указ. раб. С. 12.

дагестанского этнографа Б. М. Алимовой, что «поведенческие аспекты питания (способы приема пищи и этические нормы семейных трапез, режим и рацион питания семьи) варьировались в зависимости от ее социального достатка, от факта присутствия – отсутствия на семейной трапезе посторонних (родственника, односельчанина, соседа) и др.»¹.

Не принято было доедать за кем-то еду. Так, старики говорили: «Кто доест хлеб другого, тот забирает его счастье. Кто недоест свой хлеб, тот оставляет свое счастье». В народе до сих пор существует мнение, что человек рождается с куском хлеба, т.е. Аллах посылает человека со своей долей счастья – хлеба, и когда он заканчивается, человек умирает. В таком случае в народе говорят: «Ырызкы биткен, оьтпеги биткен» (Пицца закончилась, хлеб кончился). К пище относились очень бережно. Если упадет хлебная крошка, нужно было поднять ее, поцеловать и съесть.

Не разрешалось наступать на пищу, пренебрегать ею. Ногайская поговорка гласит: «Асты корлама, кустырар» (Пищей не пренебрегай, а то вырвет), «Асты корлаган-аш оьлер» (Кто пренебрег пищей, тот голодным умрет). Мусульманские народы приравнивали пищу к Корану, клятва на ней считалась такой же прочной, как и клятва, данная на Коране.

Если во время семейной трапезы приходил гость (это мог быть сосед, родственник, односельчанин), он должен был поздороваться с присутствующими и сказать: «Ас татли болсын» (Пусть пища будет сладкой). На его приветствие отвечали лишь кивком головы. Подавать руку для приветствия во время трапезы не полагалось, так как ногайцы считают, что еда выше гостя. Подобное поведение во время трапезы было характерно и для карачаевцев².

Гостю тут же подносили кумган и ляген для мытья рук, приглашали к столу, уступали место поближе к хозяину, приносили лучший кусок мяса, наливали жирный, наваристый бульон и приглашали к столу. Отказываться от приглашения было не принято. После произнесения фразы: «Во имя Аллаха милости-

вого, милосердного!» – гость приступал к еде. Женщины садились спиной к гостю, а молодые снохи вообще покидали юрту. Оставалась на своем месте лишь старшая женщина. Вкушали пищу, не торопясь, так, чтобы гость, который присоединился позже, успел насытиться.

За едой говорили мало и то только старшие. Младшим же не разрешалось разговаривать, перешептываться за столом. Нарушителей этих правил ожидало замечание главы семейства.

У многих народов застолье представляло собой своеобразную паузу в течение обыденной жизни. Так, у русских молчание или приличные разговоры за столом воспринимались именно как признак благочестивого, набожного поведения¹.

Есть сотрапезники завершали почти одновременно, по окончании трапезы произносили фразу, восхваляющую всевышнего за ниспосланную пищу. В традиционном быту ногайцев за еду благодарили Аллаха, а не хозяина, как это принято сейчас. Об этом свидетельствуют типичные фразы, произносимые хозяином по завершении трапезы: «Алла берекет берсин!» (Пусть Аллах ниспошлет благодать!). Присутствующие дополняли: «Аминь, я Алла» (Да будет так, Аллах). Здесь справедливо высказывание А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова, что «в конечном счете трапеза представляет обмен с Богом: за пищу, которая исходит от Господа, сотрапезники воздают ему благодарность и выражают свое почтение»².

По завершении трапезы мыли руки и расходились. Первым вставал глава семейства, затем все остальные.

Итак, каждый член семьи во время трапезы должен был соблюдать определенные правила приличия и этикет, знать свое место за столом, не нарушать семейных застольных традиций. Любое отклонение или нарушение застольного этикета влекло за собой осуждение членов семьи. Из этого следует, что трапеза – наглядный пример проявления этикетного поведения людей за столом.

1 Алимова Б. М. Пицца и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. С. 74.

2 Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 192.

1 Байбурина А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 145.

2 Там же.

4.2. Культура поведения и этикет в малой семье

В XIX – начале XX века с проникновением в ногайское общество товарно-денежных отношений началось разложение натурального хозяйства, которое привело к постепенному распаду больших (неразделенных) семей. Внутри больших (неразделенных) семей стали назревать частнособственнические настроения. Каждая семья стремилась выделиться и вести собственное хозяйство, самостоятельно распоряжаться собственными доходами, так как прокормить большую семью в условиях разложения натурального хозяйства становилось сложнее. К этому подталкивали и жены сыновей, которые хотели большей самостоятельности в ведении домашнего хозяйства. Отходничество, извозный промысел, которые в исследуемое время были распространены среди ногайцев, также способствовали распаду больших (неразделенных) семей, открывая перед ними новые экономические возможности. Так, А. Джанибеков отмечал: «Большие заработки дают караногайцам кизлярские виноградники. Зарплата от 9 до 15 рублей в неделю»¹.

У кубанских и кумских ногайцев распад больших (неразделенных) семей произошел раньше, чем у степных, так как они ближе располагались к городам и к железной дороге². У степных ногайцев распад больших (неразделенных) семей происходил медленнее, так как, помимо перечисленных причин, этот процесс был связан еще и с переходом к оседлости, который, как известно, окончательно у них завершился в 20-30 годах XX века.

Чаще всего поводом для распада большой (неразделенной) семьи служила смерть отца, а иногда выделение женатых сыновей в самостоятельное хозяйство происходило при жизни самого отца, во избежание разногласий после его смерти. Сначала отделяли старшего сына, выделяя ему причитающееся имущество («эниш») в виде скота, юрты, утвари. Лишь земля

не подлежала разделу, так как находилась в общинном пользовании.

Выдел сопровождался обрядом «къазан майлав» (букв. намастить котел). Вначале отделяли старшего сына, затем отделялись и остальные. Родители в большинстве случаев жили с младшим сыном, вернее, он оставался жить в родительском доме. Члены распавшейся большой (неразделенной) семьи старались селиться недалеко друг от друга, в пределах своего аула.

а) Организация и управление семьей

В малых семьях продолжали существовать патриархальные порядки. В семье знали, что глава семьи – мужчина. Никто не смел перечить отцу, высказывать свое несогласие с его решением, а тем более не подчиняться его приказам. Теперь он единолично представлял интересы своей семьи в обществе, отвечал за нее перед общиной и представителями царской администрации.

В малых семьях мужа позволяли себе открыто обращаться к женам, хотя не называли их по имени. Вместо имени они употребляли выражения «эй, пише» (эй, жена), «куртка» (старуха, если женщина была уже в возрасте). В малых семьях продолжали следовать правилам этикета, согласно которым муж не проявлял на людях каких-либо чувств и симпатий к жене, не хвалил ее, не появлялся вместе с ней в людных местах и даже в собственном доме. Подобные ограничения существовали и для жены. Она не должна была обращаться к мужу по имени. Вместо имени употреблялись выражения «байым», «бийым» («мой богач», «мой князь»), «уый иеси», «кожайыным» («хозяин дома»), а при посторонних – «ишуьв» (в значении «слушай»). Жена всецело зависела от мужа, беспрекословно подчинялась ему, она не вмешивалась в дела мужа и не указывала ему, что и как делать, не ложилась спать, пока муж не вернется домой. Подобным образом вели себя и другие тюркоязычные женщины Дагестана. Так, Манай Алибеков писал о кумычках: «Жены не

1 Джанибеков А.-Х. III. Очерки по истории ногайцев //РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

2 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. раб. С. 160.

вмешивались в дела мужей. Они не знали и не спрашивали, что делал муж, что он брал, что он давал. Если даже они их спрашивали, то порядочные мужья отвечали: «Не в свое дело не вмешивайся». Порядочные же жены делали все, что им скажут мужья, и не разбираясь, правильно ли это или нет»¹.

Муж никогда не отчитывался перед женой и не посвящал ее в свои дела. Он был единственным человеком, кому она повиновалась. Каждой мусульманке с детства внушалась мысль, что долг женщины состоит в полном подчинении мужу, послушании и удовлетворении его желаний².

В присутствии мужа жена старалась вести себя незаметно, всем своим поведением показывая его главенство в семье. Вот что писал Г. Малявкин о караногайке: «Постоянный труд, сознание своей важности в жизни мужа вызвали у караногайских женщин уверенность в себе; это сознание отразилось на ее походке, на говоре, на всех движениях; она ходит и говорит твердо, уверенно, смело. Когда она наедине, вы не заметите у нее обычной лени и апатии, но стоит появиться мужчине, тотчас же движения ее становятся апатичными, голос неуверенным»³.

Согласно правилам и нормам поведения муж никогда не повышал голоса на жену в присутствии детей, не говоря уже о том, чтобы поднять на нее руку, не упрекал и не унижал ее достоинства. Если ссоры и происходили между супругами, то дети при этом не присутствовали.

В супружеской жизни муж и жена руководствовались теми нормами, которые они усвоили еще в родительском доме. Если эти нормы противоречили одна другой, в семье возникала конфликтная ситуация, в решении которой принимал участие определенный круг родственников. Согласие в семье во многом зависело от такта супругов. Если все же не удавалось уладить конфликт, то муж имел право расторгнуть брак, но расторжение брака среди ногайцев было явлением редким, что определялось самим характером покупного брака и строгими нормами обыч-

ного права¹. В таком случае говорили: «Яман атка мингеннен, яяв юрген колай» (Чем сесть на плохого коня, лучше быть пешим), «Яман хатын алганнан, бойдак юрген колай» (Чем брать в жены плохую женщину, лучше ходить холостым).

Ногайцы были твердо убеждены, что благоприятный климат в семье создается женщиной. Лишь она способна создать в доме атмосферу любви и уважения, от ее поведения зависел авторитет мужа в семье, в кругу родственников, в обществе. Так, в народе говорят: «Яман пише ювыктан айырар, яхшы пише ювык пан таныстырар» (Плохая жена с родственниками разлучит, хорошая – сблизит).

При желании и соответственно материальном достатке мужчины мог иметь до четырех жен, как этого позволяет ислам. Но это не означало, что в семье царили хаос и беспорядок. «Между женщинами существовали строгие иерархические отношения и чинопочитание. Младшая жена, согласно этикету, обязана слушать старшую, и старшая жена хозяина повелевает всеми женщинами и даже младшими женами своего мужа, если у него их несколько», – писал о ногайцах анонимный автор². Хотя многоженство в исследуемый нами период у ногайцев развито не было. В составе всех 1375 семей только 117 мужчин имели по две жены, 7 – по три, 2 – по четыре. В 260 учтенных больших (неразделенных) семьях лишь 49 имели по две жены, 4 – по три и 3 – по четыре³.

Отец при старших или посторонних не ласкал детей, не брал на руки, даже если они плакали, не качал люльку, если даже жена выполняла срочную работу или отсутствовала дома. Лишь с подростками отношения отца становились более теплыми, хотя и сдержанными. Отец, в отличие от матери, особенно при посторонних, не называл своих детей по именам, а обращался к ним при помощи слов «а, яш» («эй, мальчик», «эй, дитя»)⁴. Подобные отношения между супругами и между родителями и

1 Алибеков М. Указ. раб. С. 30.

2 Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. Махачкала, 2001. С. 40.

3 Малявкин Г. Караногайцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 146.

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX века. С. 56.

2 Кавказские жители. Природа и люди. СПб., 1879. № 6. С. 5.

3 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 32.

4 Там же. С. 53.

детьми складывались во многих дагестанских и северокавказских семьях, в которых следовали обычаям избегания¹.

Женщина продолжала избегать старших родственников мужа и в присутствии посторонних по отношению к собственным детям вела себя несколько отчужденно. Здесь мы видим два из четырех видов избегания по классификации Я. С. Смирновой².

В малых семьях устойчиво сохранялся принцип половозрастного разделения труда. Земледелие и скотоводство по-прежнему находились в руках мужчин. Женщины занимались работами по дому, переработкой продуктов животноводства, домашними промыслами (изготовлением войлоков, прядением шерсти, вязанием носков и т.д.). Следует также отметить, что женщины равнинного Дагестана также не занимались тяжелыми работами, их выполняли мужчины³.

Основным добытчиком в семье являлся муж, жена и дети материально зависели от него. Зависимое и подчиненное положение женщины в семье было связано, прежде всего, с ограничением ее роли в хозяйственной жизни. Такой же зависимой женщина ощущала себя у кумыков, азербайджанцев, терекеменцев⁴. Большой самостоятельностью отличались горские женщины, так как они больше были заняты в основных отраслях производительного труда – и в полеводстве, и в животноводстве, и отчасти в ремесленном производстве⁵. Это приводило к тому, что горянки ощущали определенную независимость и самостоятельность.

В малой семье женщина чувствовала себя полноправной хозяйкой. Она сама управляла домашними делами: следила за хо-

1 См. : Лугуев С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX-начало XX века). Махачкала, 2001. С. 23; Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 140; Текуева М. А. Указ. раб. С. 50.

2 Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы у народов Кавказа. М., 1978. С. 119.

3 Гаджиева С. III. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 65.

4 Там же. С. 89.

5 Там же. С. 88.

зяйством, готовила еду, шила одежду, доила коров, занималась воспитанием детей и т.д.

Согласно этикету мужчина не вмешивался в женские дела. Мужчину, которого заставляли за стиркой, доением коров, хождением за водой, присматривающего за детьми, ожидало общественное осуждение. Считалось неприличным вмешиваться в дела, связанные с расходом запасов продуктов, делать какие-либо замечания женщине по поводу ведения хозяйства и т.п. Над такими мужчинами посмеивались. За ними на всю жизнь закреплялись унижительные прозвища: «кыт», «кызганшы», «сык» (жадный), «пишекей» (занимающийся женскими делами).

Судя по народным преданиям, особенно осуждались случаи, когда муж закрывал чулан и сам выдавал жене необходимую норму продуктов на день. Подобные порядки высмеивались и в фольклоре. «Однажды в семье, где продуктами распорядился муж, настало время готовить обед. Жена поставила на огонь котел, чтобы приготовить еду, а мужа в доме не оказалось. Женщина не знала, что приготовить на ужин, и отправилась на поиски мужа, которого нашла танцующим на свадьбе. Долго муж танцевал, и жена, не дождавшись конца, произнесла такую фразу: «Къзан къайнай, эр ойнай» (Котел кипит, а муж танцует). Никто, кроме мужа, не понял этих слов. Танцуя, муж отвечал жене: «Харса – хайва, бирде олай, бирде булай, бир тагысы дондурай!» (Харса – хайва, один кусок, другой кусок, да ещё половинки!), при этом он показывал руками, сколько и чего надо положить в котел. Движения, отрезающие в воздухе поочередно то одну, то другую руку по локоть, означали, что в котел надо положить два куска сушеной колбасы, те же движения, проделанные с ладонями рук, означали, что надо приготовить хинкал (галушки из пресного теста). Окружающие ни о чем не догадались, но жена поняла, что на ужин надо приготовить хинкал с колбасой». Подобные предания бытовали и у других тюркоязычных народов Дагестана, в частности у терекеменцев и азербайджанцев¹.

¹ Там же.

В соответствии с правилами этикета женщине запрещалось вмешиваться в мужские дела, заниматься мужской работой. Если женщина занималась мужским делом, то осуждению подвергали мужа этой женщины, брата или других родственников.

В знатных семьях ногайцев также царили патриархальные порядки. Никто из членов знатной семьи не был занят физическим трудом, хозяйством и домашними делами в доме мурзы ведали зависимые крестьяне либо «кулы» – домашние рабы. Простые ногайцы подчинялись мурзам, биям беспрекословно, оказывая им всевозможные почести. Вот что по этому поводу писал А. Джанибеков: «При появлении ногайского князя крестьяне должны были вставать, везде и всюду оказывать ему почтение. Капризы княжны еще хуже. На публичном месте, когда княжне подадут воду и тазик для мытья рук, другие крестьянки не имеют права мыть руки в этом тазике до тех пор, пока не выльют воду после мытья рук княжны. Крестьянки сопровождали княжну до уборной, одна с кумганом (кувшином) в руках, другая – сзади, поднимая полы платья княжны»¹.

Таким образом, в малых семьях продолжали существовать порядки, принятые в больших (неразделенных) семьях. По способу управления, организации труда, нормам поведения и взаимоотношениям между членами семьи малые семьи напоминали неразделенные, но следует отметить, что «этикетная дистанция» между супругами, между родителями и детьми несколько сократилась, отношения стали более теплыми и открытыми, а женщина чувствовала себя полноправной хозяйкой в доме.

В малых семьях, как и в больших (неразделенных), существовало половозрастное разделение труда: отец выполнял мужскую работу, мать – женскую, им помогали дети: мальчики помогали отцу, девочки – матери. Подобные порядки и этикет семейных взаимоотношений существовали и во многих северокавказских и дагестанских семьях.

¹ Джанибеков А.-Х. III. Указ. раб. Л. 44-45.

б) Воспитание детей

Ногайцы придавали огромное значение воспитанию детей. Воспитание – это процесс уподобления. Он состоит в формировании личности ребенка и приспособлении его к жизни в данном обществе, в результате чего ребенок постигает культуру, в рамки которой он поставлен, и научается действовать, не нарушая общепринятых правил поведения¹. Одним словом, воспитать ребенка – это значит выработать в нем определенную культуру поведения, присущую данному этносу.

В малых семьях воспитанием детей занималась мать, она лучше, чем кто-либо, знала характер, привычки и склонности своих детей. Дети воспитывались в строгости, в духе уважения к отцу. Прежде чем обратиться к отцу, они спрашивали совета у матери, когда лучше подойти и в какой форме задать интересный вопрос. Если отец не был занят каким-либо делом и не беседовал с кем-либо, то дети могли обратиться к нему, спросив сначала разрешения: «Можно у тебя спросить», «Я с твоего разрешения, хотел (а) бы что-то спросить» и т.д.

Если отец беседовал с кем-либо и его прерывал своим вопросом или обращением кто-либо из детей, то отец мог выразить свое недовольство неодобрительным взглядом. Замечание при посторонних детям не делали. После окончания беседы или завершения дел отец мог показать свое недовольство в виде резкого замечания так, что провинившийся надолго запомнил этот случай. Ногайская пословица гласит: «Атаман айтылган зат эсинде калар» (Сказанное отцом запомнится).

Если нарушителем правил поведения оказывалась дочь, то свое недовольство отец высказывал жене, так как воспитанием дочери занималась мать. Перечить родителям не разрешалось. Слово родителей было законом для детей, непослушание считалось непозволительным. В одном из источников мы находим сведения, как ногайцы наказывали своих детей за непослушание: «Когда сын ослушивается родителей и сделает им обиду,

¹ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976. С. 47.

подлежит он наказанию тридцати девятью ударами палок публично; кроме того, они в праве лишить его наследства и удалить навсегда из своего семейства»¹.

Ногайцы говорят: «Атадан разылык алмаган, кабырда парахат ятпас» (Кто не получил отцовского благословения, тому и в могиле спокойно не лежать), «Анадынъ айтканын этпеген, мырадына етлес» (Кто послушался мать, тот счастья не познает). Среди ногайцев бытует мнение, что дети относятся к своим родителям точно так же, как они когда-то относились к собственным родителям. Оно получило подкрепление и в устном народном творчестве. Ногайская пословица гласит: «Ата-анага не этсенъ, алдынъа сол келер» (Что показал родителям, то и сам испытает). А горцы говорят: «Что сделаешь для отца, то делают для тебя твои дети»².

Свою любовь и уважение к родителям дети старались показать, исполняя любые их желания. Помогая по хозяйству, беспрекословно выполняя все их поручения, они не пререкались с родителями, не перечили им.

Девочки следили за внешним видом деда, отца, братьев, не допускали, чтобы их одежда выглядела неопрятной. Старшие дети старались следить за малышами, чтобы те не шалили и не создавали в доме шума. Подобное отношение детей к родителям наблюдается у большинства тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана. В качестве примера приведем отрывок из работы кумыкского просветителя конца XIX – начала XX в. Маная Алибекова о взаимоотношениях в кумыкской семье. В частности, он пишет: «Сын не садился при отце, стоял и слушал при нем, не перечил ему. При отце он не ел, ни курил, исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно ли это или неправильно. Сыну назвать отца по имени считалось неприличным. Не ложился спать, пока не заснет отец. Порядочные сыновья, не испросив разрешения отца, ни

куда не выходили и ни за какое дело не брались. На виду отца не входили в комнату жены. До смерти отца они от него не отделились, ничего при жизни отца не называли своим, не испрося разрешения отца, ничего никому не давали и не брали. Всегда они оказывали почет и уважение отцовским родственникам и друзьям. Перед отцом они ни одним словом не обмолвились о своих детях и женах»¹.

До восьми лет воспитанием детей занималась мать, с восьмилетнего возраста воспитание становилось дифференцированным: девочек продолжала воспитывать мать, мальчиков – отец. Воспитание мальчиков заметно отличалось от воспитания девочек. С детства мальчикам внушалось чувство превосходства над девочками. Мать внушала дочери: «Пусть брат младше тебя, но шапка, которую он носит, все равно старше (выше) тебя». Братья же старались не обижать сестер. Родители часто напоминали сыновьям: «Карындасын йылаткан – оьмирбойы йылар» (Обидевший сестру век плакать будет). Так же бережно относиться к сестре учили и горцы Дагестана. «Чем совсем не иметь сестры, лучше иметь слепую», – гласит мудрость народов Дагестана².

Младший подчинялся старшему, уступал ему во всем, почитал, как отца. Авторитет старшего брата был непоколебим в глазах младших, он был примером для них. Поэтому воспитанию первенца в семье придавали большое значение. Ногайцы говорят: «Алды арба кайда юрсе, арты арба да сонда юрер» (Куда двинется первая арба, туда двинется и следующая).

Став взрослыми, братья и сестры продолжали бережно относиться друг к другу. Братья обязательно ездили в гости к своим замужним сестрам. В подарок они везли им продукты питания, в число которых входила и баранья грудинка – «тоьс». Следует отметить, что у многих кочевых народов баранья грудинка предназначалась женщинам, курдюк – мужчинам.

Если брат, оказавшись в ауле, где жила его сестра, по каким-либо причинам не мог с ней повидаться, то он должен был вернуться лицом к дому сестры и трижды ударить плеткой по

1 АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 778.

2 Хиясова С. Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С. 277.

1 Алибеков М. Указ. раб. С. 28-31.

2 Хиясова С. Г. Указ. раб. С. 279.

земле и произнести следующие слова: «Мен сага салам айтаман, савлык тилеймен» (Я шлю тебе свой привет, желаю тебе здоровья).

Неблаговидные поступки взрослых относили к упущениям в воспитании. «В детстве не воспитали», - говорили старики. Непослушного ребенка называли «кылыксыз», что в переводе с ногайского означает: 1. недисциплинированный, плохого поведения; своенравный; 2. шалун¹. Услышать от людей отрицательные отклики о своих детях считалось позором. Во избежание этого родители с ранних лет начинали обучать детей правилам поведения дома, в обществе.

Детей в первую очередь старались обучить культуре поведения и этикету. Первое, чему ногайцы учили своих детей, это правилам приветствия. Приветствие – это самый гуманный способ проявления расположения к человеку, выражения личных симпатий, проявления добрых чувств, создания благоприятных отношений².

Детей учили всем тонкостям актов приветствия и прощания. Им объясняли, кого и как необходимо приветствовать, какую руку следует подавать для приветствия, как прощаться.

Родители учили детей начинать любое дело с фразы: «Бисмилла рахман рахим» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного) и братья за работу, предметы правой рукой. Исключением из правил было посещение туалета. Слово туалет у ногайцев означает «аьжеткана» (букв. необходимое место). Кубанские ногайцы, будучи в обществе сверстников, направляясь в туалет, употребляли еще и выражение: «Иду туда, куда на коне не ездят» или «Направляюсь туда, куда пешком ходят».

В туалет следовало входить с левой ноги, а выходить – с правой. Братья за дверную ручку туалета, подмываться надо было левой рукой, так как она считалась ритуально нечистой, в правой руке разрешалось держать только кувшин с водой.

1 Ногайско-русский словарь /Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963. С. 200.

2 Мирзоев Ш. А. Народная педагогика Дагестана: Содержание, формы и методы воспитания. Махачкала, 1986. С. 94.

Детей учили прикрывать ладонями лицо при чихании. Чихнув, надо сказать: «Шуькир алгъам дулиляги!» (Хвала всевышнему!). В народе существует поверье, что, когда человек чихает, душа его в это мгновение покидает тело и вновь в него возвращается. Поэтому человек обязан благодарить всевышнего, что в данный момент не дал умереть и вернул ему жизнь. Окружающие в этот момент в соответствии с правилами этикета должны произнести: «Хайыр!» (На благо!), что равносильно русскому «Будьте здоровы!».

По правилам этикета, ложась спать, дети обязательно должны были прочитать соответствующую суру из Корана и сказать:

*Бисмилла бир Алла,
Бисмилла рахман рахим,
Яттым онъ ягыма,
Турдым сол ягыма,
Салам бердим эки ийниме,
Суйиндим сулханыма.*

*Во имя Аллаха, Аллах один.
Во имя Аллаха милостивого
и милосердного.
Лег направо,
Встал с левой стороны,
Поприветствовал двух ангелов,
Сидящих на плечах,
Обрадовался четкам.*

Утром рассказ об увиденном сне ребенок должен был начать со слов: «Кеше бир туъс коьрдем, яхшылыкка болсын» (Ночью видел сон, пусть к добру будет). Сон рассказывали только близким людям или тем, в чьих добрых помыслах к себе были уверены. Человек, которому рассказывали сон, также должен был сказать: «Яхшылыкка болсын!» (Пусть к добру будет!). Если ребенку снилось то, чего ему хотелось иметь в реальной жизни, то взрослые шутливо говорили: «Тавык туъсине тары энер» (Голодной курице просо снится).

Во время праздников дети первыми поздравляли старших. Принять первые поздравления от ребенка считалось хорошим знаком.

Детей обучали не только хорошим манерам, но и ценить и уважать старших. В ногайском обществе, как и у других народов

Кавказа, пожилые люди пользовались особым уважением и почетом, независимо от статуса и пола. Приходя во время праздников на кладбище или проходя мимо него, дети, как и взрослые, останавливались и читали соответствующую суру из Корана.

Детей учили уважать соседей. У ногайцев существует поговорка: «Коныс таппа, конъысы тап» (Не ищи стоянку, а ищи соседа), «Авылдасынъ ким болса, аданасынъ сол» (Кто будет твоим соседом, тот и будет тебе братом), «Узактагы кардаштан, янынъдагы авылдас яхшы» (Сосед ближе дальнего родственника) и т.д. В воспитательных целях приводили высказывания из знаменитого трактата «Кабус-намэ», получившего в XIX веке большое распространение среди ногайцев после перевода на татарский язык. В частности, в нем говорится: «... соседа уважай и права его соблюдай, ибо говорят так: сосед имеет больше всех прав. С людьми своей улицы и квартала живи хорошо, больных ходи навестить, тем, кому нужно выразить соболезнование, соболезнуй, покойников провожай. Во всяком деле, которое встретится у соседа, ему помогай»¹.

Между детьми и соседями устанавливались почти родственные отношения. Соседская женщина, вскормившая ребенка молоком в первый раз, становилась его молочной матерью и почиталась, как родная мать, а ее дети – молочными братьями и сестрами. Надев на ребенка новую одежду, мать посылала к соседям показать обновку. Соседи обязательно хвалили новый наряд и высказывали свои пожелания: «Ийгилик пен тоздыр!» (На радость тебе носить!), «Хайырлы болсын. Эсен тоздыр!» (Пусть пользу принесет. Носи на счастье!), после чего вручали маленький подарок.

Детям вменялось уважать и почитать родственников, как своих родителей. Замечание, сделанное родственником, воспринималось детьми так же, как если бы его сделал кто-нибудь из родителей. Любое пререкание с родственниками или непослушание влекло за собой наказание. Поручение, данное родственником, выполнялось детьми незамедлительно. Согласно

¹ Кабус-намэ. Перевод, статья и прим. Е. Б. Бертельса. М., 1959. С. 141.

правилам этикета при встрече с родственником дети пожимали ему руку, целовали и прикладывали ко лбу. Обязательно интересовались здоровьем и спрашивали, не нужна ли ему помощь. Правила этикета требовали от детей, когда в дом входил родственник, приветствовать его стоя и оказывать знаки внимания: снять с него сапоги, помочь снять верхнюю одежду и умыться, принести угощение, если он приехал верхом, то накормить и напоить коня и т.д.

Воспитание детей носило и общественный характер. Любой односельчанин мог наказать ребенка, если тот вел себя недостойно, или сообщить его родителям. В этом случае семья выражала свою благодарность этому человеку за проявленное участие. Любая просьба пожилых односельчан детьми, подростками и молодыми людьми выполнялась незамедлительно. Отказ выполнить их просьбу рассматривался как проявление невоспитанности.

Согласно этикету детям не разрешалось вмешиваться в разговор взрослых, без приглашения садиться рядом со взрослыми, юношам до женитьбы посещать «арка» (место ежедневных сборов мужчин). Для беседы, игр, отдыха дети собирались отдельно, у кого-нибудь из ребят. Стоило старшему мужчине пройти мимо них, то беседа, игра и смех тотчас же прекращались и наступала тишина. Общение взрослых с детьми, молодежью происходило в основном в вечернее время, после трудового дня. Взрослые рассказывали детям поучительные истории, притчи, передавали им накопленные знания и опыт, учили правилам этикета.

В знатных ногайских семьях дети воспитывались в духе превосходства над другими. В таких семьях отец почти не занимался воспитанием детей, а с дочерьми мог и вовсе не видеться. Дочери чаще находились в женской части дома, куда мужчинам вход воспрещался. Подобные порядки существовали и в родовитых кумыкских семьях. Манай Алибеков писал, что когда один из знатных кумыков увидел свою взрослую дочь, то спросил: «Чья это дочь?»¹.

¹ Алибеков М. Указ. раб. С. 31.

Дети в знатных семьях практически не занимались физическим трудом. Воспитанием детей из знатных ногайских семей занимались аталыки, которые обучали их какому-либо ремеслу, владению оружием, верховой езде, правилам этикета и т.п.

в) Аталычество

Одним из способов экономического и политического сближения народов, а также установления искусственного родства являлся обычай аталычества. Слово «аталычество» тюркского происхождения и означает «отцовство».

В кавказоведческой литературе аталычеством именуется порядок, при котором ребенок вскоре после рождения на несколько лет переходил в другую семью, а затем возвращался родителям¹. В этнографической науке существуют различные точки зрения о генезисе института аталычества. М. М. Ковалевский стремился объяснить сущность аталычества на основе явлений первобытной истории², Г. К. Кокиев – на основе социальных отношений феодального общества (сюзеренитета-вассалитета)³, М. О. Косвен связывал происхождение аталычества с авункулатом⁴, В. К. Гарданов – с первобытной общностью детей⁵.

Сегодня в исторической науке наиболее аргументированной считается точка зрения, связывающая возникновение аталычества с процессами классообразования и отношениями сюзеренитета-вассалитета.

У ногайцев аталычество имело более архаичные (в силу специфики общественного устройства) формы, им были охвачены все слои населения. У других народов Кавказа аталычество было распространено в основном среди знатных семей.

У ногайцев существуют различные формы аталычества, в том числе и не имеющие аналогий у других народов. Это много-

образие форм у тюрков, с которыми издавна общались кавказцы и казаки, и привело к заимствованию не только термина, но и отдельных черт обычая¹.

Одной из первых форм аталычества была передача ребенка кормилице на молочное вскармливание сроком на два года. Особенно эта форма была распространена среди богатых ногайцев. Сразу после рождения дитя отдавали на молочное вскармливание в семью простолюдина, где также имелся грудной ребенок. Этот обычай хорошо описан А. Джанибековым: «Княжны не кормили своих детей грудью, а давали крестьянкам своего ребенка на кормление грудью сроком на два года. Беда в том, что крестьянка, которая кормит княжеского ребенка, должна была изолироваться от своего мужа в течение всего этого срока. Поэтому ее муж направляется на работу подальше от семьи. Если обнаруживается беременность кормилицы, то она и ее муж наказываются. Аккуратно выполнившей условия договора кормилице дается звание «дая», а ее мужу – аталык»². Обычай отдавать детей на «молочное» воспитание существовал главным образом на плоскости – у ногайцев и кумыков³.

Другой формой аталычества была передача ребенка на воспитание аталыку на несколько лет до его совершеннолетия. Феодалы, князья, мурзы передавали своих детей на воспитание в семьи, которые рангом стояли ниже⁴. Так, например, аталыком ногайского князя Тембулата Карамурзина был абхазский князь Маршания⁵, а ногайский мурза Ахлов воспитывался в семье ногайского уздена в ауле Балтаул, ныне сел. Кызылтогай. Следует отметить, что, наряду с добровольной передачей детей аталыку, наблюдалось и насильственное похищение детей кровников с целью их воспитания и прекращения кровомщения. Так, в пояснительной записке о личных правах туземного населения

1 Великая Н. Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001. С. 98.

2 Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 14.

3 Кокиев Г. А. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. №3. С. 49-52.

4 Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 116-125.

5 Гарданов В. К. Аталычество // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973. С. 14.

1 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 98.

2 Джанибеков А.-Х. Ш. Указ. раб. Л. 45.

3 Гаджиева С. Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII-нач. XXв.). Махачкала, 1995. С. 8.

4 Там же.

5 Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX в. М., 1976. С. 47.

Кубанской области 1873 года о ногайцах сообщалось: «Ногайские мурзы брали на воспитание к себе только так называемых кровных детей, т.е. таких, отцы которых были убиты самими мурзами»¹.

Обычно родители заранее выбирали для своего ребенка аталыка. Приемные родители в этом случае именовались аталык и аналык. Аталык обучал мальчика верховой езде, владению всеми видами оружия, какому-либо ремеслу, правилам этикета и т.д.

Бывало, что богатые семьи отдавали на воспитание аталыку и дочерей. В семье аталыка воспитанием девочки занималась жена аталыка. Она обучала девочку премудростям ведения домашнего хозяйства, рукоделию, правилам этикета, необходимого в феодальной среде, надлежащим нормам поведения в семье и обществе.

Воспитанники жили у аталыка на правах сына и дочери и оказывали ему те же почести и уважение, как и его родные дети. Они не перечили аталыку, вставали, когда он входил в помещение, не садились рядом без его приглашения, беспрекословно выполняли все поручения по дому, помогали по хозяйству и т.д.

Аталык обучал воспитанников всем тонкостям ногайского этикета: принимать гостей, уметь вести себя в обществе, правилам приветствия, владеть собою в любых жизненных обстоятельствах и находить выход из трудных ситуаций.

Воспитанники принимали активное участие во всех семейных торжествах аталыка и таким образом становились полноправными членами семьи. Со временем воспитанники знакомились со всеми родственниками аталыка, на помощь и поддержку которых они могли рассчитывать в дальнейшем. В течение всего времени, пока ребенок находился на воспитании у аталыка, родители могли посетить его лишь один-два раза, при этом вели они себя достаточно сдержанно.

Воспитание ребенка в семье аталыка продолжалось до его совершеннолетия. К моменту окончательного возвращения аталык снабжал воспитанника одеждой, оружием, конем, скотом.

¹ АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 777.

В доме родителей по случаю возвращения устраивалось угощение. Певцы пели песни, восхваляющие юношу и его аталыка¹. За воспитание ребенка аталык получал хорошее вознаграждение от его родителей.

Отношения воспитанника с семьей аталыка были настолько близки, что со временем становились почти родственными. Дети аталыка и воспитанник становились названными братьями и сестрами, брак между ними был невозможен, хотя они и принадлежали к разным фамилиям. Воспитанник всю жизнь почитал своего аталыка, относился к нему с подчеркнутым вниманием, выполнял любую его просьбу, поддерживал его хозяйство, участвовал в торжествах по случаю женитьбы и замужества детей аталыка, а если не было наследников, мог наследовать его имущество. Когда умирал аталык, воспитанник, как и сын, нес похоронные расходы, принимал соболезнования².

Аталык имел большое влияние на своего воспитанника и принимал самое активное участие в жизни молодого человека, помогал советами, защищал его интересы, после смерти родителей становился опекуном воспитанника. Он был одним из почетных гостей на свадьбе своего воспитанника, а при выдаче замуж воспитанницы аталык и его жена получали щедрые подарки и от жениха, и от семьи воспитанницы³.

Крепкие узы дружбы, чувства привязанности между аталыком и воспитанником сохранялись на всю жизнь. У адыгов в XVI-XVII вв. даже существовал такой обычай, что в случае смерти воспитанника в знак глубочайшей печали аталык обрезал себе кончики ушей⁴. В Дагестане эта форма аталычества встречалась главным образом на плоскости у ногайцев и кумыков.

Следующая форма аталычества, бытовавшая у ногайцев, заключалась в том, что молодой человек сам (или по совету родственников) выбирал себе аталыка, при этом бедные брали в аталыки состоятельных и влиятельных караногайцев⁵. Могло

¹ Великая Н. Н. Указ. раб. С. 100.

² Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 124-125.

³ Там же. С. 55.

⁴ Унежев К. Х. Указ. раб. С. 341.

⁵ Великая Н. Н. Указ. раб. С. 101.

происходить и обратное: аталык, чаще всего старик, выбирал себе в воспитанники хорошего, услужливого юношу, делал ему подарок, приглашал к себе его родственников, затем последние организовывали прием аталыка у себя¹.

Реже наблюдалась другая форма аталычества. Если у двух семей одновременно рождались дети, они договаривались об установлении искусственного родства. Приглашали друг друга в гости, обменивались подарками. После этого отцы семейств называли друг друга аталыками².

Одной из последних стадий в развитии обычая был такой порядок, при котором дети-подростки отдавались в другие семьи ненадолго, причем в этой передаче главную роль играли практические соображения и потребности. Согласно Н. Дубровину, в последней трети XIX века многие караногайцы отдавали детей на воспитание к затеречным «татарам» (кумыкам), где они обучались «татарской грамоте» (тюркские слова передавали арабскими буквами)³. Детей отдавали и к кубанским ногайцам. По свидетельству информаторов, обычай обмена малолетними детьми существовал и у караногайцев с чеченцами. После 3-4 лет (срок, достаточный для овладения языком соседнего народа) дети возвращались домой, но считались уже молочными братьями. А родители взаимно посещали семьи друг друга во время свадеб, похорон и т.п.⁴

Отличительной чертой позднего северокавказского аталычества являлась его «межнациональность»⁵. «Межэтническое» аталычество способствовало сближению северокавказских народов, лучшему пониманию культуры и быта друг друга⁶, знакомству с культурой поведения и этикетом соседних народов, что помогало в установлении дружеских взаимоотношений и предотвращении межнациональных и межконфессиональ-

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 123-124.

2 Там же. С. 125.

3 Дубровин Н. Указ. раб. С. 272.

4 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 102.

5 Там же.

6 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 103.

ных конфликтов. Здесь уместно будет привести высказывание Н. Ф. Дубровина по поводу обычая аталычества у адыгских народов, которое можно отнести и к другим северокавказским и дагестанским народам, у которых этот обычай имел место, в частности, он пишет: «Обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. Кроме того, при таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия для них бывало весьма полезно впоследствии»¹.

Таким образом, институт аталычества играл огромную роль в деле прекращения кровной мести, укрепления международных связей, сближения разных народов, приобщения к культуре соседних народов и знакомства с их этикетом. Основными же функциями аталычества являлись воспитание и поддержание сюзеренно-вассальных отношений².

Весь этикет семейных взаимоотношений построен на уважении и почитании старших и родителей. Глава семьи пользовался непререкаемым авторитетом в семье, его помощником в деле поддержания порядка в семье являлась супруга. В ногайской семье всегда и во всем присутствовала иерархия взаимоотношений: младшие подчинялись старшим, женщины – мужьям, дети – родителям. Отношения между членами семьи строились на доверии, уважении, любви друг к другу, а соблюдение «этикетной дистанции» вносило в их отношения некий аристократизм.

Отличительной особенностью ногайской семьи было соблюдение этикета и правил приличия, которым следовали не по требованию, а по зову сердца, из внутренних побуждений. Правилам этикета обучали с раннего детства, которые уже в юности были отработаны до автоматизма.

1 Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыги). Краснодар, 1927. С. 106.

2 Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVII-первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 387.

Личный пример родителей, старших братьев и сестер, ежедневно соблюдавших правила этикета, превращали их в догму, в непреложную истину, которым следовали всегда и везде, в любых жизненных обстоятельствах.

Со временем некоторые черты ногайского этикета приобрели интернациональный характер. Так, например, особенности застольного этикета ногайцев (распределение мяса между участниками трапезы, распитие хмельных напитков круговой чашей и многое другое) прочно вошли в традиционно-бытовую культуру адыгских народов и воспринимаются ими как свои сугубо этнические. Обычай избегания, имеющий наиболее архаичные формы у ногайцев и являющийся важным блоком их поведенческой культуры, получил широкое распространение среди других северокавказских и отчасти дагестанских народов. Интернациональный характер получил и тюркский обычай аталычества с его правилами этикета.

Несмотря на то, что культура ногайцев подверглась сильному влиянию со стороны северокавказских и дагестанских народов, она продолжала сохранять свои своеобразные этноспецифические черты. Так, например, во взаимоотношениях между членами семьи жестко придерживались принципа старшинства, который у кочевников возведен в ранг культа. В общении же использовались термины родства и свойства, которые имеют аналогии у других тюркоязычных народов, особенно казахов, туркмен.

В топографии жилища ногайцев прослеживается этикетная проксемика, которая ярче всего выражена у тюркских народов и гораздо слабее у северокавказских и дагестанских народов.

4.3. Культура поведения и этикет в семейных обрядах ногайцев

Семейная обрядность ногайцев изобилует различного рода этикетными моментами, которые мы представим в этой главе. Но для начала надо разобраться, чем этикет отличается от

ритуала (обряда). Мы уже отмечали, что этикет является выражением нормы обыденных отношений, он регламентирует повседневную норму, устойчивость, равновесие и всегда реализуется в общении, где значение имеют половые, возрастные, социальные различия между участниками общения.

Ритуал (обряд) вызывается к жизни в тех случаях, когда происходит перестройка структуры коллектива и новую структуру необходимо утвердить путем соотнесения с сакральным образцом. Другими словами, ритуал – всегда событие, некоторый кризисный период в жизни коллектива¹.

На язык этикета и язык ритуала переводятся разные фрагменты жизни, разные социальные факты. В частности, этикет регулирует отношения между участниками общения, в то время как система ритуалов призвана поддерживать устойчивость основных параметров жизни всего коллектива, глобальное равновесие между ним и природным окружением. Поэтому в успешном проведении ритуала заинтересован весь коллектив, а в соблюдении правил этикета – лишь участники конкретной ситуации. Наказание за несоблюдение правил этикета имеет индивидуальный характер и может последовать незамедлительно; невыполнение же ритуальных предписаний должно сказаться на будущем благополучии всего коллектива².

Жесткое противопоставление этикета и ритуала имеет смысл лишь как теоретический прием, имеющий целью выявить специфику данной категории. В реальном же пространстве культуры эти явления взаимосвязаны, а в ряде случаев выступают как почти тождественные. Это касается таких этикетных ситуаций, которые можно назвать церемониалом. К примеру, сватовство, свадьба или торжественный прием почетного гостя во многих традиционных обществах, когда поведение всех участников жестко детерминировано культурной традицией, а отступление от правил однозначно осуждается всеми присутствующими. Соотношение ритуала и этикета в ряде случаев

¹ Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 17.

² Там же.

выглядит как взаимодополнение – этикетные правила служат лишь средством, «языком» общения в ходе обряда¹. И этикет, и ритуал пользуются общим фондом поведенческих стереотипов, приспособлявая их к своим «нуждам»².

Итак, мы попытаемся показать эти поведенческие стереотипы, общение в обрядах семейного цикла ногайцев, выявить их этноспецифические и региональные особенности.

а) Брачный выбор и сватовство

Выбор невесты у ногайцев считался одним из самых серьезных и деликатных вопросов, требующих соблюдения целого ряда этических моментов и правил этикета.

Выбор невесты был делом не только одной семьи, но и родственников. Г. Ананьев по этому поводу писал следующее: «Решив женить своего сына, караногаец приглашает своих близких, знакомых и родственников и сообщает им свое решение. Гости, каждый со своей стороны, предлагают имевшихся на примете невест»³. Прежде всего родственники жениха интересовались, к какому роду принадлежит девушка – будущая невеста. У ногайцев не допускалось бракосочетание не только между родственниками по крови (по отцу), но и внутри рода (урув), т.е. между мужчиной и женщиной, оказавшимися представителями одного и того же рода. Подобный брачный запрет на брак с представителями одного и того же рода существует и у казахов⁴. Брак между родственниками мог быть заключен лишь между представителями седьмого поколения от общего предка, так как все родственники до седьмого колена у ногайцев считаются кровными. Однако представители высших сословий практиковали породнение через брак, не дожидаясь, пока минуют

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 8.

2 Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 18.

3 Ананьев Т. Караногайцы, их быт и образ жизни //СССР. Ставрополь, 1908. Т. 2-3. С. 13.

4 Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. С. 435-434.

шесть обязательных поколений от общего предка¹. Подобная строгая экзогамия половых отношений между родственниками до седьмого колена наблюдается и у адыгов².

Особенно константными ногайцы считают материнские гены. Как рассказывают наши информаторы, скрещивая обыкновенную овцу с меринсом, желаемого результата скотоводы достигали только на седьмой год приплода, все предыдущие шесть поколений наследуют материнские гены. Дело в том, что все шесть поколений наследуют материнские гены и лишь на седьмой год отцовские гены начинают превалировать над материнскими. Так объяснили нам информаторы счет родства до седьмого колена.

О своей родовой принадлежности дети узнавали еще в раннем детстве. В старину у ногайцев было принято в игровой форме спрашивать у детей имена их предков до седьмого колена с обязательным вручением небольшого приза за полный ответ. Эта игра была эффективным средством воспроизводства генеалогической памяти, которая, как известно, является идейной основой социальной организации кочевников.

Брак же с родственниками по материнской линии не возбранялся. Ногаец свободно (даже предпочтительно) мог жениться на дочери своего материнского дяди (кросскузенные браки) на том основании, что вступающие в брак принадлежат к разным патриархальным родам (тамги разные)³. Надо полагать, что здесь мы имеем дело с пережитками дуально – экзогамного брака, «когда брак заключался предположительно между определенными семьями, принадлежащими к различным материнским родам»⁴. Это явление было характерно и для других тюрко-монгольских народов⁵.

1 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 562.

2 Текуева М. А. Указ. раб. С. 15.

3 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 61.

4 Косвен М. О. Матриархат. М.; Л., 1948. С. 67.

5 Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. М., 1934. С. 48.; Дыренкова Н. И. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков //СЭ. 1937. №4. С. 20-22.; Косвен М. О. Авункулат //СЭ. 1948. №1. С. 32.

У ногайцев существовали и брачные ограничения, связанные с искусственным родством, образовавшимся в результате аталычества, усыновления, побратимства, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста¹. Подобные брачные ограничения существовали и у адыгов².

Мнение родственников по поводу брачного выбора в большинстве случаев оказывалось решающим. При выборе невесты родители и родственники жениха руководствовались рядом этических норм, прежде всего обращали внимание на престиж семьи невесты. Не менее важным было и то, из какого аула была невеста. Были аулы, из которых старались не брать девушек. Так, ногайцы из сел. Сары-Су говорят: «Ямантеннен кыз алып, басынъа ыза аларсынъ» (Взяв девушку из аула Ямантен, обре-тешь на свою голову мучения).

Прежде чем послать сватов, родственники жениха старались узнать и о самой девушке. При этом придерживались следующей народной мудрости: «Атасы мактаганды алма, абылдасы мактаганды салма» (Хваленную отцом не бери, хваленную соседями не бросай). Учитывались трудолюбие девушки, ее хозяйственность, сдержанность в проявлении эмоций, доброта, мягкость и кротость характера, умение уважать и почитать старших, знание этикета. Обращали внимание и на ее физические данные. Желательно, чтобы девушка была выносливой, крепкой, способной иметь здоровое потомство, выполнять обязанности по дому.

При выборе невесты большое внимание обращали на хозяйственные способности матери девушки, ее расторопность, ловкость, умение вести домашнее хозяйство, содержать в чистоте и порядке дом. Ногайцы говорят: «Анадынъ коьр де кызын ал, аягын коьр де асын иш» (Посмотрев на мать – бери дочь, посмотрев на чайку – ешь). Аналогичные выражения бытовали и у других тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кав-

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 62.

2 Текуева М. А. Указ. раб. С. 21-22.

каза. Так, карачаевцы говорят: «Приглянись к матери и женись на дочери»¹, чеченцы – «Выбирай невесту при дневном свете с фонарем», «Если тебе девушка по душе, обязательно постарайся узнать свою будущую тещу до свадьбы, дочь будет капля в каплю похожа на свою мать»². Подобные представления о дочери как о продолжении матери существовали еще со времен античности, когда особым почитанием пользовались три богини: мать (Рея), женщина (Деметра) и дочь (Персефона). Хотя импозантный, бородатый, кудрявый, царствующий над всем и вся Зевс является отцом Персефоны, она для мира – не дочь отца, а дочь своей матери. С матерью целиком и полностью связана ее судьба. Эти двое – символ непрерывного продолжения жизни; дочь – это возродившаяся мать. Богиня – мать с ее беззаветной любовью отвечает глубочайшим чаяниям человека; она символизирует одновременно родину, дом, семью, безопасность, тепло и пищу. То же природное чувство переносится и на дочь. Она – продолжение, она – то же, что и мать³.

Если мать не обладала необходимыми качествами хорошей хозяйки, то ее дочь старались не брать за сына. На этот счет у ногайцев бытовало мнение: «Сыйырдан ат тувмас» (У коровы лошадь не родится).

При выборе невесты также интересовались дядей по матери (нагаш акай), его личными качествами. Ногайцы убеждены, что все качества: и хорошие, и плохие – передаются ребенку по материнской линии. В этом плане дети сестры всегда наследуют личные качества дяди по матери, а не родного отца. Здесь уместно привести высказывание великого немецкого философа Ф. Ницше, который сказал, что «величайшее в великих – это материнское. Отец – всегда только случайность»⁴.

В жизни племянников дядя по матери играл важную роль, он пользовался таким же уважением и почетом, как и отец. Материнский дядя первым стриг волосы у племянников и даже

1 Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX - XX в.). С. 48.

2 Батукаев М. Указ. раб. С. 136.

3 Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 57-58.

4 Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Литературные памятники. М., 1990. Т. 1. С. 756.

имел право выдать замуж родную племянницу без согласия родителей, за что получал щедрый подарок от родственников жениха. Дядя по матери возглавлял делегацию во время сватовства, принимал активное участие в свадебных приготовлениях, помогал при строительстве дома для племянников, ему принадлежало почетное место за столом и преимущественное право мести за кровь, - все это говорит о пережитках авункулата у ногайцев. Пережитки авункулата прослеживаются и у других дагестанских¹ и северокавказских народов².

На семейный совет, где выбирали и обсуждали кандидатуру невесты, жениха не приглашали, его мнения не спрашивали. Выбор невесты для сына был делом отца и родственников. В большинстве случаев жених не знал, на ком он женится, и не был знаком с невестой. С. Ф. Фарфоровский писал, что «жениху неизвестно часто, на ком хотят его женить, о своей женитьбе он ничего не слышит от своих родителей; об этом он узнает от посторонних людей»³.

Права выбора жениха лишалась и девушка. Ее согласия на брак никто не спрашивал. Все вопросы, связанные с браком, решались отцом и родственниками. «Выбирать себе женихов и даже отказаться выйти замуж за старика или нелюбимого жениха девушка не имела права. Примеры сопротивления родительской воле очень редки; такие девушки ногайцами называются бесстыдницами», - отмечал С. В. Фарфоровский⁴.

Брачный возраст у ногайцев в исследуемое время колебался в пределах от 13 до 15 лет для девушек, для юношей - от 15 до 25 лет. Это нашло свое отражение в фольклоре. Так, ногайская поговорка гласит: «Эр бала он бесте отав иеси, кыз бала он уште бебей иеси» (Юноша в пятнадцать лет становится хозяином дома, девушка в тринадцать - матерью). По этому поводу

1 Лутуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). С. 88-89.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 212.

3 Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк //ЗКОРГО. Кн. 26. Вып. 7. Тифлис, 1909. С. 56.

4 Там же.

Г. Ананьев писал: «У караногайцев почти нельзя встретить 22-23-летней девушки; это у них считается стыдом, и вообще о такой девушке распространяются дурные слухи. Остаются незамужними те девушки, которые болеют и не в состоянии работать»¹.

Выбрав и обсудив кандидатуру невесты с родственниками, родители жениха начинали готовиться к сватовству. Этикетные особенности бракосочетания у тюркских народов зависели от формы брака - по предварительному (порой колыбельному) сговору, по сватовству за калым, по способу отработки за невесту у тестя или умыканием невесты².

Сделав выбор, родители юноши посылали к родителям девушки доверенное лицо - «элши» для выяснения мнения семьи о возможном брачном союзе юноши и девушки. Отец девушки мог отказать «элши» в том случае, если старшая сестра была еще незамужем или жених не подходил им по каким-либо параметрам. Если отец соглашался на приход сватов, то родители жениха выбирали сватов (кудалар) из числа родственников. В состав делегации обязательно входили: дядя по матери (нагаш акай), дядя по отцу (агам), уважаемый и знающий обычаи старик, друзья отца. Согласно этикету родители жениха в сватовстве участия не принимали. Подобные ограничения существовали у равнинных кумыков, дербентских азербайджанцев³.

Благоприятным днями для сватовства считались четверг-пятница. Делегация состояла исключительно из мужчин, позже, после получения согласия, присоединялись и женщины, чтобы обговорить с матерью количество подарков для невесты и ее родственников.

Сватовство у ногайцев включало серию этикетных моментов, начиная с приглашения сватов войти в дом. Сватов встречал хозяин дома словами: «Хош келдинъиз, конаклар. Ямгырдан сувланмаяк деп кирдинъиз дер эдим, ямгыр йок! Ел айдап акел-

1 Ананьев Г. Указ. раб. С. 11.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 72.

3 Гаджиева С. III. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 165.

ди дер эдим, уйкен ел йок. Келгеннен сонъ, киринъыз! Салам алейкум!» (Добро пожаловать, гости! Сказал бы, что зашли от дождя укрыться, так дождя нет! Подумал бы, что ветер вас принес, так вроде сильного ветра нет. Но раз пришли, заходите! Салам алейкум!). По этикету отец девушки всем своим видом показывал, что он не имеет никакого представления о цели визитеров.

Гости же согласно этикету на приветствие хозяина должны были отвечать в иносказательной форме: «Ва алейкум салам! Уйинъызге яхшылык! Бизим келуъвимиздинъ маънеси бар. Босына тувыл. Сизде кой бар, бек ярасык деп эситтик, бизде кошкар бар, сонынъ акыннан соьйлеспеге деп келдик!» (Ва алейкум салам! Мир вашему дому! Мы слышали, что у вас молодая овца есть, очень хорошая, а у нас есть баран. Пришли поговорить с вами!). Здесь следует отметить, что у разных народов во время сватовства существуют свои иносказательные выражения. Так, у казахов сваты для начала разговора употребляли выражения типа: «У вас сокол – у нас кречет»¹, у персов – «Наша курочка к вам заходила?» или «Мы путники и хотим напиться», у русских – «У вас товар – у нас купец»².

Обмен приветствиями происходил во дворе дома, отец девушки приглашал войти в дом: «Кел, киринъыз, олтырынъыз!» (Заходите, садитесь!). Первым, согласно этикету, в дом входил самый старший гость, вслед за ним все остальные по возрасту, последним – хозяин дома. Рассаживались в комнате также по старшинству: на почетном месте (тоьр), напротив двери, садился самый старший, справа от него – хозяин дома, слева – следующий по старшинству гость и т.д.

Хозяин дома давал указание своим домочадцам: «Конакларга шай!» (Гостям чай!). У кубанских ногайцев гости отвечали: «Биз шай ишетаган конаклар тувылмыз. Биз сизге юзык болмага суьйип келгенмиз» (Мы не те гости, что пришли к вам чай

1 Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 100.

2 Асатрян Г. С., Геворгян Н. Х. Некоторые материалы по этикету у персов // Этикет у народов Передней Азии. Сб. статей. М., 1988. С. 156.

распивать. Мы пришли к вам, чтобы породниться с вами). Такой ответ означал, что гости пришли с важной миссией – свататься. Хозяин не настаивал, ведь совместная трапеза могла сделать их «своими людьми» и вынудить отца дать согласие на брак. До положительного решения вопроса сваты в доме невесты к еде не прикасались и тем самым сохраняли «этикетную дистанцию».

У степных ногайцев гостям подавали чай. Сваты открыто говорили о цели своего визита: «Биз сизи мен юзык болмага суьемиз» (Мы хотели бы с вами породниться). Прямого отказа или же согласия сватам не давали. Эту функцию в данном случае выполняла пицца, с помощью которой хозяева передавали гостям необходимую информацию. Если отец девушки был не согласен на этот брак, то сватам подавали калмыцкий чай без молока «кара шай» (букв. черный чай), если согласен – с молоком. Аналогичную функцию пицца выполняла и у других тюркоязычных народов. Так, например, у балкарцев, если на стол подавалось кипяченое молоко, сваты должны были понять, что невеста не достигла брачного возраста, айран – у невесты старшая сестра еще не вышла замуж, густой айран – старший брат не женат, по обычаю балкарцев младшие не могли жениться, выходить замуж до тех пор, пока не определят старших, айран с грибами – в доме много маленьких детей, родители ухаживать за ними не в состоянии, и поэтому она выйти замуж пока не может, айран, приготовленный в маслбойке, – невеста отказывается от брака¹. Подобную роль пицца выполняла и у донских казаков. Так, вынос пришедшим сватам завески (фартука) с продуктами со словами: «Помяните родителей» – означал отказ².

По правилам этикета разговор начинали как бы издалека, обменивались новостями, говорили о погоде, об урожае, скоте, говорили, что без надлежащего ухода хороших результатов в хозяйстве достичь невозможно и в этом им помогают дети, особенно сыновья. Далее рассказывают о сыне, за которого

1 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 213.

2 Рудиченко Т. С. Казачий этикет и песня // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. Дикаревские чтения (8). Краснодар, 2002. С. 31.

пришли сватать невесту, о его трудовых навыках, хозяйственности, умении ладить с людьми, уважительном отношении к старшим, подчеркивают и его физические данные (высокий рост, статную фигуру, развитую мускулатуру и т.д.). Если жених не обладал ярко выраженными физическими данными, то сваты больше говорили о других его достоинствах (трудолюбии, хозяйственности, смелости, веселом нраве, общительности и т.д.), вспоминали случаи достойного поведения юноши в тех или иных ситуациях. В разговоре всегда подчеркивали, что достоинства жениха – это результат воспитания и хорошей наследственности, которые можно обрести только в хорошей, уважаемой семье, тухуме, каковыми и являются родственники жениха. Постепенно сваты подходили к тому, зачем они собственно пришли. Самый старший из сватов, подытоживая разговор, сообщал родителям девушки о цели визита. Согласно правилам этикета родители девушки положительного ответа при первом визите сватам никогда не давали, даже если были согласны на брак. Сватам обычно отвечали, что этот вопрос необходимо обсудить с другими родственниками, и назначали день следующего визита. Правила приличия требовали, чтобы сваты несколько раз посетили дом невесты. Этих правил придерживалось большинство дагестанских¹ и северокавказских народов². При первом визите ни кубанские, ни степные ногайцы подарков невесте и ее родителям не преподносили, дабы не вызывать у родителей невесты чувства неловкости и морального обязательства перед сватами.

Таким образом, и сваты, и отец девушки достаточно жестко следовали этикетному сценарию, который организовывал их действия и позволял достигнуть намеченной цели. Каждая сторона придерживалась определенных этикетных правил, отступление от которых было нежелательным. Успех данного мероприятия во многом зависел от того, насколько хорошо стороны знали тонкости ногайского этикета.

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 167.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 213-214.

После ухода сватов на семейном совете (кенъес) обсуждали кандидатуру жениха, окончательное решение принимал самый старший представитель рода, он же и назначал день официального сватовства. Согласия на брак у девушки никто не спрашивал, за нее все решали старшие родственники. Узнав о решении семьи, девушка-невеста начинает избегать встреч с отцом, старшими братьями и мужчинами рода. Она старается не подавать вида, что это ее каким-либо образом касается и волнует.

Об официальном дне сватовства знал уже весь аул. К сватовству хозяева готовились основательно. Встреча сватов не обходилась без детворы. Они на весь аул весело кричали: «Кудалар келе, кудалар келе!» (Сваты едут, сваты едут!). Приветствовать сватов навстречу выходила родня невесты. Согласно этикету свою радость они выражали не словами, а обрядовой песней:

<i>Хош келдинъиз кудалар</i>	<i>Добро пожаловать, сваты,</i>
<i>Бес келдинъиз кудалар,</i>	<i>Внятером пришли сваты, заставив</i>
<i>Бизди йолга каратып</i>	<i>Нас высматривать вас на дороге,</i>
<i>Кеш келдинъиз кудалар.</i>	<i>Припозднились вы, сваты.</i>

<i>Яхшылыкка келинъиз</i>	<i>Заходите к нам с добром,</i>
<i>Таза болсын йолынъиз,</i>	<i>Пусть помыслы ваши будут чисты,</i>
<i>Бизим сыйлы кудалар</i>	<i>Наши уважаемые сваты,</i>
<i>Юртка ювык болынъиз.</i>	<i>Станьте ближе к нашему аулу.</i>

<i>Юртка ювык болынъиз</i>	<i>Станьте ближе к нашему аулу,</i>
<i>Тизилген сытыралар,</i>	<i>На столе готово угощение,</i>
<i>Бал – бозады куйынъиз</i>	<i>Медовую бузу налейте,</i>
<i>Сыйлансынлар кудалар.</i>	<i>Пусть отведают сваты.</i>

<i>Хош келинъиз, келинъиз</i>	<i>Добро пожаловать, заходите,</i>
<i>Сыйлы конак болынъиз,</i>	<i>Почетными гостями будете,</i>
<i>Янымыздай коьремиз</i>	<i>Как родных мы величаем</i>
<i>Сизди ювыкларымыз.</i>	<i>Наших новых родственников.</i>

В свое время Г. А. Ананьев, оказавшись свидетелем прибытия сватов в ногайский аул, оставил нам описание этой встречи: «Когда приезжают сваты в аул, то к ним подбегают молодые аульские ногайцы, помогают слезать с коней, а после водят уставших лошадей. Отец невесты приходит к сватам со словами: «Кош келды!» (Здорово прибыл!) и, получив в ответ от них добрые пожелания, вроде: «Алла разы босун!» (Да благодарит тебя Бог!), «Сав бол!» (Будь здоров!) и пр., приглашает их в кибитку»¹.

Брак и сватовство по сговору подразумевал и ряд этикетных поступков. В дом невесты входили по старшинству, на почетное место (тоър) садился самый старший, справа от него садились сваты, слева – родственники невесты. Женщины в сватовстве участия не принимали, они находились в женской половине. Разговор начинал самый старший из сватов, он вновь положительно отзывался о женихе и его родне, постепенно переходя к цели визита. Согласно этикету отец невесты сам согласия на брак не давал, это поручалось самому старшему родственнику невесты. Получив положительный ответ, сваты и родственники невесты поздравляли друг друга с этим радостным событием. Только после получения согласия сваты садились за стол и угощались. К окончанию переговоров для гостей готовилось богатое угощение. После трапезы по этикету сваты должны были вручить подарки родственникам невесты. «Выпив калмыцкий чай и поев мяса, сваты достают явлык (платок. – М. Г.) и деньги отдают отцу невесты, который, взяв их, взамен дарит гостям: кому «рахчин» (шитый серебряными нитками колпачок под шапку), кому курпейчатую шубу, кому зипун и др. предметы». – писал Г. Ананьев².

В этот же день обговаривали размеры калыма. В состав калыма входили деньги, скот. «Калымом у караногайцев называется известная сумма денег, рогатый скот и лошади, которые даются женихом отцу невесты. Приплачивать за невесту жених может одними деньгами или же рогатым скотом, лошадьми и другим

1 Ананьев Г. Указ. раб. С. 13.

2 Там же. С. 14.

добром. Овцами и козами не принято уплачивать калыма за невесту», – писал Г. Ананьев¹.

Средний размер калыма составлял 40 голов крупного рогатого скота – «кырк тувар». При рождении девочки родственники и односельчане поздравляли родителей словами: «Кыз баасы кырк тана, кырк туварын хайырлы болсын» (Цена девушки – сорок бычков, да принесут пользу вам 40 голов скота). Величина калыма зависела от социального и материального положения семьи и от традиций, сложившихся в данном регионе².

Во время сватовства каждая сторона старалась извлечь для себя максимальную выгоду. Если между сторонами возникали разногласия по поводу размеров калыма, то старики старались уладить их. Споры вокруг калыма обычно переводились в шутку. Об этом свидетельствует шуточная песня, которая исполняется во время сватовства отцом невесты и сватом:

Кыздынъ атасы:

*Айттырады бийкеди,
Айкелерин таратып,
Еньгеси уьйден шыгарды,
Окалы явлык оратып*

Отец девушки:

*Сватают дочь,
Расчесывают ей волосы,
Еньге (жена старшего брата)
Выводит из дома,
Накинув на невесту
Парчовый платок.*

Куда:

*Кет дегенде кетейим,
Кел дегенде келейим.*

Сват:

*Скажешь, уходи – уйду,
Скажешь, приди – приду.*

1 Там же. С. 12.

2 См. : Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии //Телескоп. 1836. Ч. 33. № 11. С. 271; Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев – магомстан, кочующих в Ставропольской губернии //Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь, 1883. С. 82-83; Архив Гаджиевой С. Ш. Ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 123; Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 63; Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852. С. 100; Джанибеков А. Указ. раб. Л. 38.

Койшы, куда, он
бесинъди берейим.

Ладно, сват, даю пятнадцать
(имеется в виду 15 голов скота).

Кыздынъ атасы:

Отец девушки:

Он бес тувар, бир етек
Бизим кыздынъ баасы.
Кудагайга бахша шай,
Кудашага-ак маьнет.

15 коров, одна лошадь
Нашей дочери цена.
Матери – плитку чая,
Сестре – серебряный рубль.

И отец, и сваты обычно приходили к обоюдному согласию. Сторона девушки знала о материальных возможностях жениха и не требовала от него невозможного. Следует также отметить и тот факт, что ногаец не женился, пока не соберёт достаточного количества скота и денег для выплаты калыма. Из-за отсутствия скота и других материальных средств многие ногайцы не женились до 35-40 лет. И. Бентковский отмечал, что многие ногайцы женятся нередко под старость, а в худшем случае век остаются неженатыми, так как ногайская женщина «цениться весьма высоко»¹. Поэтому к женитьбе готовились тщательно и невесту выбирали соответственно своему социальному положению и материальному достатку.

Гости, получив подарки и назначив время уплаты остальной части калыма скотиной, возвращались домой. С того времени, когда часть калыма за девушку выплачена, последняя считается уже невестой². Именно с этого момента наступал период всевозможных ограничений и избеганий между женихом и невестой, а также между невестой и родней жениха, с одной стороны, и женихом и родней невесты – с другой. Встречи между женихом и невестой строго ограничиваются и облакаются тайной³.

Согласно этикету жених и невеста не показывались вместе на людях, всячески избегали друг друга. Запреты и избегания

распространялись не только на молодых, но и на их родственников. Родственники жениха называли девушку «келин» (невестка), а родственники невесты называли юношу женихом (киев). Невеста старалась избегать встреч с родственниками жениха, то же самое делал и жених. Здесь действовал один из четырех видов избегания, которого придерживались многие дагестанские народы¹. Более строго подобного рода избегания соблюдались тюркоязычными народами Дагестана, особенно северными кумыками². Подобные ограничения и запреты наблюдались и у северокавказских народов³.

Однако, по некоторым сведениям, жених, выплатив часть калыма, фактически приобретал супружеские права и мог тайно посещать свою невесту. «Стоит лишь внести первую часть калыма, как жених приобретает права на невесту и посещать ее внеурочное время, хотя посещения эти и прикрываются кажущейся таинственностью от родных», – писал о ногайцах П. Небольсин⁴.

В середине XIX в. А. П. Архипов о брачных отношениях караногайцев писал следующее: «Жених посещает свою невесту в ее собственном доме до времени полной уплаты калыма, потом уже перевозит ее к себе»⁵.

В конце XIX в. Г. Ананьев также отмечал: «У некоторых караногайцев принято, что пока жених сполна не уплатит калыма за невесту, венчание не совершается и жених не ездит к невесте; у других же и до выплаты калыма жениху разрешается после совершения обряда венчания ездить к невесте, жить у нее днями и даже неделями. Когда девушка уже обручена, то в кибитке с восточной стороны навешивается пестрая занавеска, за которой сидит и работает невеста во время приезда жениха; она при людях

1 Бентковский И. В. Указ. раб. С. 110-111.

2 Ананьев Г. Указ. раб. С. 14.

3 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 104.

1 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). С. 90.

2 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 170.

3 Меретуков М. А. Указ. раб. С. 140.

4 Небольсин П. Указ. раб. С. 100.

5 Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен //Кавказский календарь на 1859 год. Тифлис, 1858. С. 348.

не может показываться жениху и должна быть за занавеской»¹. Такой порядок был распространен среди многих народов. Обычай посещения женихом невесты имел определенное воспитательное значение, так как встречи были подчинены строгим правилам этикета, телесные контакты были недопустимы, встречи происходили в присутствии еньге (старшей снохи).

Тайные свидания молодых людей в период между помолвкой и свадьбой существовали и у кумыков², лакцев³, ахвахцев, чеченцев, азербайджанцев⁴, у народов Средней Азии и Казахстана⁵. Исследователи семьи и брака характеризуют такой обычай как пережиток особой формы дислокального брачного поселения⁶, когда супружеские отношения сводились к посещениям мужьями своих жен в домах родителей⁷.

Визиты сватов в дом невесты не прекращались. Специально назначали день, когда сторона жениха должна была пригнать скот и привезти подарки для невесты и ее родственников. У степных ногайцев матери, помимо подарков, преподносили еще и небольшую сумму денег «суьт акы» (плата за молоко). Плата за молоко во время сватовства существовала и у дагестанских азербайджанцев, терекеменцев⁸, персов⁹. Следует отметить, что плата за молоко у кубанских ногайцев не практиковалась.

Ряд этикетных поступков следовал и в отношении близких родственников невесты: подарки «куржуны» для обеих бабушек, для старшей сестры «аьптей куржун», для жены старшего брата «еньге куржун». Как видно, подарки преподносились старшим родственникам невесты, что говорит об особом уважении и почитании старших в ногайском обществе.

1 Ананьев Г. Указ. раб. С. 53–54.

2 Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (Равнинный Дагестан). С. 22.

3 Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 8.

4 Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 46–47.

5 Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 171.

6 Косвен М. О. Указ. раб. С. 51.

7 Максимов А. Н. Из истории семьи у русских инородцев // ЭО. 1902. №1.

8 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX–начало XX в. : Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1985. С. 168.

9 Асатрян Г. С., Геворгян Н. Х. Указ. раб. 157.

В тот же день проходил осмотр калымного скота - «мал коьрме». Людям, пригнавшим скот, дарили рубахи, бешметы, пояса, для них устраивали богатое угощение.

Если звезды благоволили (это определялось муллой с помощью книги «Камар уль-китаб» (Звездная книга), то в доме невесты в этот же день могли провести и «неках» (обряд бракосочетания). Вот что писал С. В. Фарфоровский об обряде «неках» у ногайцев: «По уплате сполна калыма за девушку исполняется следующий обряд. Выбираются со стороны жениха знакомые мужчины, а со стороны невесты – женщины для расспроса обоих их о согласии вступить в брак. При этом жених и невеста говорят: «Атай эткен куллуке разыман» (Что отец сделает, я доволен, благодарен), а после мулла читает известную молитву пред родителями молодых. Этот обряд называется по-местному «некке – кьярь», что значит по-нашему венчание. Обряд венчания исполняется обязательно в кибитке невесты. При исполнении венчального обряда жених и невеста не присутствуют. Со времени исполнения обряда «некке – кьярь» девушка считается уже замужней, хотя она часто после венчания остается месяцами в доме отца до празднования свадьбы»¹. Официальное оформление брака «нэчыхъ», «неках» в доме родителей невесты проходило и у адыгов².

Договор о браке скреплялся устройством традиционного угощения. В состав обязательных блюд, подаваемых сватам, был «куйрык» (курдюк). У ногайцев до сих пор существует поговорка: «Куда келсе, куйрык ас» (Придет сват, приготовь курдюк). Это блюдо вначале подавалось родне жениха. Согласно этикету отец невесты разрезал курдюк на кусочки и, проткнув один из них специальной заостренной палочкой, подавал самому старшему из сватов, затем курдюк пробовали остальные родственники жениха и только потом им угощались родственники невесты. Отведав это блюдо, стороны официально признавали акт бракосочетания свершившимся, отныне они назывались

1 Фарфоровский С. В. Указ. раб. С. 28.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 214.

«сүйек алган кардашлар» (букв. родственники, породнившие ся через брак), это налагало на них определенные обязательства, теперь они считались близкими родственниками и обязаны были посещать и помогать друг другу и в радости, и в горе. Обычай угощения курдюком сватов существовал и у казахов¹. Большое значение пище и напиткам во время сватовства при давали и другие народы. Так, например, у кумыков окончательность сговора символизировала халва², у аварцев общества Кегер – девять пирогов с сыром³, у адыгов – вареная курица⁴.

В это же время готовилось приданое для невесты. Приданое невесты составляли постельные принадлежности, кошмы, ковры, посуда, утварь, зеркала, нарядно украшенная свадебная арба – «куйме»⁵. В состав приданого мог входить и скот.

Итак, свадьбе предшествовал один из важных этапов семейных обрядов – сватовство, которое наполнено различными этикетными нормами, начиная с приема сватов и заканчивая переговорами о калыме и приданом. И сваты, и родня невесты придерживались определенных правил этикета, которые не позволяли им переходить рамки дозволенного. Любое отступление от правил этикета воспринималось сторонами как неуважение, а их умышленное нарушение – как оскорбление.

Главная роль в процессе переговоров во время сватовства отводилась старшим, от их красноречия, деликатности и такта зависел положительный исход мероприятия. В доме невесты старшим оказывали всевозможные знаки внимания: им отводилось самое почетное место, они первыми начинали переговоры о цели визита, им принадлежало право отказать сватам или дать согласие на брак, после получения согласия на брак они первыми угощались, им преподносили самые лучшие подарки и т.д.

1 Шаханова Н. Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 177.

2 Алимова Б. М. Пицца и культура питания тюркоязычных народов Дагестана XIX-начале XX в. Махачкала, 2005. С. 148.

3 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. С. 180.

4 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 213-214.

5 Ананьев Г. Указ. раб. С. 5.

Таким образом, сватовство – это наглядная демонстрация знаний этикета, умелое использование которых гарантировало положительный исход мероприятия и оставляло приятные впечатления у окружающих.

б) Свадьба

Самым хлопотным и радостным событием является свадьба. Близкие родственники, кунаки приезжали семьями, с кибитками, скотом для подарков и на убой для угощения гостей, располагаясь тут же рядом с жилищем хозяев торжеств. Они брали на себя часть забот по организации свадьбы¹. Так, А. Джанибеков сообщает: «Родители жениха, к назначенному дню свадьбы приглашают всех своих родных и близких за две-три недели до свадьбы. Каждый приглашенный на свадьбу является с большим подарком. Одни приводят лошадей, другие коров, верблюдов, третьи – мануфактуру и деньги. А приглашенные к невесте привозят по 10-15 шуб курпеечных, лисьих, шелковые платки, ковры и разные серебряные вещи»².

В подготовке и проведении свадьбы участвовали не только родственники, кунаки, соседи, но и все жители аула. Если в ауле случалось какое-либо несчастье, то этические нормы требовали от организаторов свадьбы переноса мероприятия на другую дату. Таким образом, свадьба, являясь семейным праздником, приобретала общественные масштабы.

На свадьбу приглашали заранее. Согласно этикету мужчин на свадьбу приглашал мужчина-родственник или юноша, женщин – родственница. Если гости жили в соседнем ауле, то сообщить о дне свадьбы посылали мужчину.

Первыми свадьбу играла сторона невесты. Прибывшие на свадьбу гости поздравляли родителей девушки: «Яхшылыгыңтыз узак болсын» (Пусть ваша радость будет долгой). В ответ

1 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. С. 81.

2 Джанибеков А.-Х. Ш. Указ. раб. Л. 39.

кусочки и раздавала собравшимся вокруг нее детям, приговаривая: «Аягы берктен болсын, юреги коькте болсын» (Пусть на ногах стоит твердо, и сердце пусть будет храбрым). Собравшиеся согласно правилам этикета должны были пожелать ребенку: «Калакайдай тыгырып юр!» (Будь таким же быстрым, как эта лепешка). Подобный обряд «развязывания ног» имел место у адыгов, карачаевцев¹, хваршин² и др. народов.

В годовалом возрасте ребенку первый раз брили голову (бас кетеруьв). По обычаю правом первой стрижки волос у новорожденного обладал дядя по матери, в его отсутствие это право переходило к другому родственнику по материнской линии.

Перед бритьем дядя ребенка читал соответствующую суру из Корана и только потом начинал брить волосы на голове. Сбрив волосы, согласно этикету, он произносил следующее пожелание: «Эндиги шашынъ хайырыман битсин» (С этого времени пусть волосы растут на пользу). Присутствующие на этом торжестве люди по правилам этикета произносили следующие слова: «Хайырлы шаш болсын» (Пусть пользу приносят волосы).

Дяде, побрившему голову, семья ребенка по обычаю дарила в подарок новый нож, а он, в свою очередь, дарил ребенку жеребенка, бычка или телку. По этому случаю в доме резали барана, устраивали богатое угощение, проводили конные состязания.

Серьезным испытанием для мальчиков было обрезание (бабалатуьв). Для ногайцев, как и для всех мусульман, оно являлось обязательным актом. Обрезание проводили в возрасте от двух до восьми лет в весенне-осенний период, благоприятными днями для обрезания считались четверг-пятница. Для этой процедуры приглашали специалиста по обрезанию – «бабатая». В доме собирались мужчины, родственники и друзья отца. Согласно этикету женщины во время обрезания не присутствовали.

Перед обрезанием «бабатай» читал молитву и лишь после этого проводил операцию. Инструментом для обрезания служили тонкий складной нож – «дельдек» и деревянный пинцет. По правилам этикета после обрезания мужчины должны были

поздравить отца словами: «Хайырлы-огырлы ат болсын!» (С именем тебя!) или «Эркек болганын хайырлы болсын!» (Ставший мужчиной пусть пользу принесет!). Отец должен был ответить: «Сав бол!» (Спасибо!). Именно с этого момента имя мальчика становилось известным в кругах мусульманской общины. По этому случаю родители мальчика устраивали богатое угощение, а в состоятельных семьях проводились еще и спортивные состязания. В старые времена никакого особого праздника по случаю обрезания (суннет) не устраивали. Это был официальный мусульманский обряд, не имевший корней в народном быту. Лишь с течением времени и по мере усиления исламской религиозности сперва у чеченцев и ногайцев, а затем и у других народов края суннет стали отмечать так же, как и другие события жизненного цикла¹.

Последним обрядом детского цикла, проводимым родителями, являлся обряд празднования совершеннолетия ребенка. Этот обряд знаменовал собой переход ребенка в следующую возрастную группу – молодежную, которая являлась своеобразным пропуском во взрослую жизнь.

В день совершеннолетия мальчика проводили обряд «Атка минген той» (букв. свадьба в честь севшего на коня). В этот день устраивали богатое угощение, проводили конные состязания, соревнования силачей и т.п. Поздравить с этим событием приходили родственники как со стороны отца, так и со стороны матери, друзья отца и соседи. Гости дарили юноше конское снаряжение и оружие. Вручение подарка согласно этикету должно было сопровождаться пожеланием: «Аттай куышли бол, кылыштай оьткир бол!» (Будь сильным, как конь, острым, как меч!). Здесь же в торжественной обстановке дед вручал внуку камчу, которая была изготовлена по случаю его рождения. С этого дня парню разрешалось присутствовать на мероприятиях, проводимых мужчинами, ходить в мечеть, на похороны, кладбище. Этот обряд нашел отражение и в ногайском эпосе. Об этом свидетельствует отрывок из рассказа о

1 Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 72.

2 Мусаева М. К. Указ. раб. С. 111.

1 Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 72.

борьбе Эдиге с Тохтамыш-ханом: «Когда мальчику (Нурадину) исполнилось 15 лет, Эдиге собрал народ, устроил пиршество, посадил своего сына на лошадь, чтобы показать народу, какого сына родила дочь Шахтемир-хана»¹. Подобный обряд существовал и у казахов².

Итак, согласно этикету родители в обрядах детского цикла активного участия не принимали, инициаторами их проведения выступали дед и бабка новорожденного, здесь срабатывали обычаи избегания. Необходимо отметить, что одной из причин такого поведения являлось чувство неловкости молодых родителей перед старшими родственниками. Их опыт показывал, что обычаи избегания ногайцами соблюдались строго и нарушить их означало осквернить память предков, переступить через общепринятые нормы культуры поведения и этикет. Другой причиной являлась вера в неизбежность наказания родителей всевышним за проявление любви к собственным детям, что нашло отражение в народном поверье, согласно которому проявлять чувства привязанности и любви к детям считалось недопустимым не только с точки зрения морали, но и с позиций ислама: нельзя любить кого-то больше, чем всевышнего. Ногайцы были уверены, что, проявляя чрезмерную любовь к детям, можно разгневать Аллаха и тогда он призовет их к себе, лишив родителей самого дорогого – собственного ребенка. Но этому есть и другое объяснение.

Нельзя забывать и о том обстоятельстве, что все нравственное, этическое имеет практический смысл. Ведь мы уже отмечали выше, что в традиционном ногайском обществе браки заключались в довольно раннем возрасте и юные родители не были готовы взять на себя функции воспитателей. Это было по силам лишь зрелым, состоявшимся людям, каковыми являлись дед с бабушкой, которые становились ими тоже достаточно рано, приблизительно к 35-40 годам. В этом возрасте они могли полноценно воспитать внуков, окружить их лаской и заботой,

1 Мутенин И. Т. Указ. раб. Л. 65.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 79.

которых в свое время в силу традиций и возрастных особенностей были лишены их собственные дети. Отсюда, наверное, и это выражение: «Баладын баласы – балдан таьтли» (Внук слаще меда). Это обстоятельство нашло отражение в нравственных постулатах, послуживших образцами и стандартами этикетного поведения для родителей.

Проявлением культуры поведения и этикета были и всевозможные одаривания новорожденного, высказывания благопожеланий в адрес младенца и его родителей.

Таким образом, обряды детского цикла, несмотря на свою охранительную и социализирующую направленность, были наполнены различными этикетными моментами, неписаными правилами поведения, которые строже всего соблюдались родителями ребенка.

д) Похоронно-поминальные обычаи и обряды

В системе традиционной семейной обрядности ногайцев особое место занимают похоронно-поминальные обычаи и обряды, которые также содержат в себе ряд этикетных правил и норм культуры поведения.

Погребальный ритуал ногайцев состоял из нескольких последовательно чередующихся обрядовых комплексов: предпогребальные обычаи и обряды, похороны, поминальные обряды. Комплекс похоронно-поминальной обрядности ногайцев в основе своей представляет мусульманский ритуал с элементами, восходящими к доисламским верованиям.

В основе погребального комплекса лежала утилитарная обязанность членов семьи, заключающаяся в отправлении умершего за пределы жизненного пространства. Основным назначением погребального ритуала было обеспечение покойнику перехода в «загробный мир», устранение возможных препятствий на его пути, обеспечение благополучия в «потустороннем мире» посредством различных ритуальных действий, от которых зависела душа покойника.

Проведение комплекса похоронно-поминальной обрядности требовало и от родственников умершего, и от присутствующих соблюдения определенных правил поведения, предусмотренных в подобных случаях. Правила приличия требовали от людей, прибывших на соболезнование, выражать родственникам покойного скорбь и сожаление по поводу кончины близкого человека. Женщины заходили в дом, где лежал покойник, с громким плачем, причитая «амалым-ав», «бавырым-ав» (мой дорогой, мой родной). Мужчины, подходя к дому покойника, издавали звуки, напоминающие плач, близкие же родственники – плакали. На соболезнование было принято заходить не в одиночку, а группами. Согласно этикету одежда прибывших на соболезнование должна была быть скромной, темных тонов, приходиться в новых нарядах не полагалось. Неженатая молодежь, как правило, соболезнования не принимала и не выражала. Если умерший приходился родственником, то участие молодых в похоронно-поминальных мероприятиях заключалось в выполнении различных поручений старших: девушки мыли посуду, носили воду, принимали участие в приготовлении поминальной пищи, юноши разводили костры, устанавливали котлы, помогали резать скот и т.д.

Оповестить о горестном событии родственников, живущих в других аулах, отправляли верхового горевестника (атлы). Согласно правилам этикета всадник садился на коня не слева, как общепринято, а справа¹, повод держал в правой руке, а плеть – в левой. Доехав до места назначения, атлы спешился на правую сторону лошади и ставил на землю сначала левую ногу, затем правую. В обычное же время все происходило наоборот. О том, что атлы принес печальное известие, узнавали по опущенной голове и печальному виду. По обычаю атлы не входил в дом, а оповещал родственников о случившемся горе во дворе. Подобных же правил придерживались и адыги².

О смерти согласно правилам этикета сообщали в иносказательной форме: такой-то превратился в прах (топырак болды),

возвратился (кайтты), т.е. вернулся к Богу, ушел (кетти), слово «умер» обычно не произносили.

Родственники, знакомые, кунаки, услышав печальную новость, спешили в дом покойного, чтобы выразить соболезнование родным и успеть на похороны. С горьким плачем шли они к дому покойника. «Не доезжая нескольких шагов до кибитки или сакли покойника, посетители сходят со своих лошадей и своим раздирательным стоном, криком и отчаянным сетованием дают знать о своем прибытии для того, чтобы разделить общую горесть с осиротевшим семейством»¹.

Если умирал кто-либо из членов княжеской семьи, то на соболезнование должны были явиться все жители аула, за неявившимися посылали верхового. Вот что пишет А. Джанибеков по этому поводу: «При смерти одного члена княжеской семьи крестьяне должны бросать свои работы и явиться на проводы покойника с крикливым плачем, исцарапывая свое лицо и разрывая одежду. За неявившимися посылали верхового. Отказавшихся наказывали тем, что у них отбирали скот, который режется для угощения людей, собравшихся на панихиду»².

Согласно этикету мужчины принимали соболезнование стоя. Во дворе они выстраивались в один ряд, повернувшись к стене дома спиной, лицом – ко двору. Для пожилых мужчин специально устанавливали длинные скамейки, чтобы они, после того как примут соболезнование, могли сесть.

На переднем плане стояли старшие родственники покойного по отцу (дядьки, родные братья), его сыновья, племянники, двоюродные, троюродные братья и т.д. Зятья покойного стояли в стороне и выполняли различные поручения старших родственников.

Женщины принимали соболезнование в доме. Мужчинам, хорошо знавшим покойного, разрешалось выразить соболезнования и близким родственникам умершего. У стены напротив дверей (тоър як) сидели родственницы по отцу, затем родственницы по матери. Согласно этикету на почетное место

1 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. раб. С. 173.

2 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 130.

1 Народы России. СПб., 1880. Вып. III. С. 278.

2 Джанибеков А.-Х. III. Указ. раб. Л. 45.

садились мать покойного, его тетки по отцу, дочери. Снохи на тазияте (место, где принимают соболезнования) не сидели и соболезнования не принимали. У них был ряд других обязанностей: они выполняли поручения старших родственников, готовили ритуальную пищу, накрывали на стол, мыли посуду и т.д.

Если умирал молодой человек, то соболезнование выражали родителям усопшего, его братьям, сестрам, жене. Если умирал старик, то соболезнование выражали его братьям, сестрам, жене, сыновьям, дочерям. Если умирала жена, то соболезнования принимали братья покойницы, сыновья, дочери. Муж по поводу смерти жены не плакал и соболезнования открыто не принимал.

Если умирала свекровь, то соболезнование в первую очередь принимали сестры покойницы, если они были живы, жены братьев мужа (апсынлар), дочери, племянницы.

Если умирал ребенок, то соболезнования принимали дед с бабкой. Родители свое дитя при людях не оплакивали, соболезнования по случаю его смерти не принимали. Они вели себя так, как будто случившееся их не касается.

Согласно этикету мужчины выражали соболезнования мужчинам, женщины – женщинам. Мужчины обменивались рукопожатиями, при этом первым руку подавал тот, кто выражал соболезнование, женщины – обнимались. Соболезнование выражали, произнося заупокойную молитву (алхам бермек). После молитвы прибывшие на соболезнование по правилам этикета высказывали различные пожелания. Если умирал взрослый человек, то говорили: «Еринде еннетли болсын» (Пусть попадет в рай), «Куьнаьсин Кудай кешсин» (Пусть грехи его отпустит Бог), «Еннет капысы ашылсын» (Пусть для покойника откроются врата рая), «Еннеттинъ тоьрине олтырсын» (Пусть покойник займет почетное место в раю), если умирал ребенок – «Ахыретте шапагатшы болсын» (Пусть на том свете будет тебе заступником). В народе существовало поверье, что дети, попадая в загробный мир безгрешными, в судный день становятся защитниками своих родителей. Подобного рода соболезнование по случаю смерти ребенка выражали и у адыгов¹.

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 106.

По прибытии очередной группы соболезнующих все мужчины, независимо от возраста, вставали и оплакивали покойного. Подобный обряд оплакивания покойного мужчинами бытовал и у кумыков¹. У большинства же народов Нагорного Дагестана мужчинам плакать по случаю смерти родственника не полагалось².

Оплакивание мужчинами покойного у ногайцев и кумыков объясняется их принадлежностью к тюркскому миру, где подобное поведение мужчин во время траура считается нормой.

Женщины вели себя более эмоционально, нежели мужчины. Они поднимали ритуальный плач, рвали на себе волосы, царапали лица. Свидетели похорон князя Измаила Алиева так описывали сцену оплакивания: «На площадке, против Измаиловых саклей, стояли два его коня, один светлый, другой темно-серый; на каждом из них надеты были любимые его сбруи и повешены полные рыцарские его вооружения: панцири, колчанки, сабли, колчаны со стрелами, луки и прочее. Вокруг находилась толпа жен и рабов. Измаилова жена, сестра и другие женщины были тут, с распущенными на лица волосами, так, что у некоторых волосы закрывали совсем лицо, как будто покрывалом, в странных каких-то епанчах, с обнаженными руками и босыми ногами. Вся эта многочисленная толпа обращалась против течения солнца, плакала, кричала, вопила, драла волосы, царапала себе лица и била в ладоши; то же делали рабы его, выкрикивая еще притом какой-то странный припев: ай га!»³.

Плач и самоистязания – ритуально обязательная форма проявления горя у ногайцев во время похорон. Ногайки так объясняют традицию оплакивать покойного:

*Бу дунья ялган,
Колга кирген кылган.
Пайхамардан ялгыз увыл алган*

¹ Гаджиева С. III., Аджиев А. М. Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 49.

² Гаджиева С. III. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. С. 295.

³ Измаил Алиев, князь мангатовских погайцев. (Стрывок письма из Прочно-Окопской крепости) // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 446.

Оьлген оннан калган.

Айшат пан Патимат йылай, йылай калган.

Этот мир грешен,

В руку ковыль вонзился.

Пророк единственного сына потерял,

Похороны от него мы унаследовали.

От Айшат и Патимат (жены и дочери

пророка Магомета)

Мы унаследовали оплакивание.

Подобные формы проявления горя присущи почти всем тюркоязычным народам Дагестана¹, Средней Азии² и Казахстана³, многим народам Кавказа – черкесам, хевсурам, абхазам⁴. По сведениям крупнейшего востоковеда В. В. Бартольда, обычай рвать волосы, обнажать головы, царапать лицо был и у татаро-монгольских племен⁵.

Обычай оплакивать покойника имеет очень давние традиции. Еще в древности люди делали себе надрезы на коже, рвали на себе волосы, посыпали песком головы, разрывали свои одежды, бросались на землю и кричали, повторяя имя покойника, словно для того, чтобы пробудить его или убедиться самим, что он умер в самом деле. Истинной же целью всего этого было напугать и отогнать душу покойного, которая еще блуждала в доме, в пространстве⁶.

В целом же все эти разнообразные обычаи, связанные с кончиной человека, в конечном счете порождены страхом людей

1 См.: Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 287; Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1992. С. 169.

2 Баялиева Т. Д. Указ. раб. С. 70-71; Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971. С. 236.

3 Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). Алма-Ата, 1991. С. 93.

4 Байбури А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 96.

5 Бартольд В. В. Сочинения. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 444.

6 Вардиман Е. Указ. раб. С. 287.

перед смертью, их желанием оградить себя от потустороннего мира, провести некую грань между миром живых и мертвых.

У ногайцев тело покойного находилось в отдельном помещении, куда никого не впускали, его неустанно охранял один из близких родственников усопшего. До обмывания тела один из старших родственников открывал дверь помещения, где лежал покойник, и приглашал всех желающих проститься с умершим. Люди, пришедшие попрощаться с почившим, молча обходили тело, плакать в этом помещении не разрешалось. Оплакивать покойного можно было только за пределами этого помещения. Подобная церемония прощания с покойным проводилась и у самурских лезгин селения Хрюг¹.

В одной из комнат дома родственницы усопшего время от времени поднимали ритуальный плач и причитали. Причитания у ногайцев называются «бозлав». Этикет требовал, чтобы женщины, приходившие с соболезнованием, брали на себя роль плакальщицы. Тем самым они как бы выражали сочувствие семье, желая разделить их горе. Молчаливый отказ госты от исполнения причитаний воспринимался как неуважение к памяти покойного и невнимание к его родне. Подобных этикетных правил придерживались и кумычки².

Причитания были построены в форме обращения к покойнику: «Что же ты сделал (а)? Зачем нас покинул (а)? Кто воспитает твоих детей? Кто оседлает твоего коня? Кто похоронит твоих родителей? и т.д.». Покойники наделялись высокими нравственными качествами, даже если они ими не обладали при жизни. В плачах передавались безутешная боль, переживания родственников по усопшему, особенно если из жизни ушли молодые люди³. Приведем лишь одно из многочисленных причитаний, в котором молодая девушка, выйдя замуж, на следующий день овдовела:

1 Информация, любезно предоставленная Б. М. Алимовой.

2 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 214.

3 Гимбатова М. Б. Указ. раб. С. 54.

*Экиллиден эрте туйске дейим кыз эдим,
Яс намазга тоьбе шашым юлкылды.
Тил тутылган меним тилим ашылды,
Кыз каравым кыр авлакка шашылды.
Баскышлармынан тизген отавды
Балталарман бузардай куьн тувды...*

*С вечера до утра была я девушкой,
К утренней молитве стала на себе волосы рвать.
Не разговаривающая, я заговорила
(сняла с себя запрет не разговаривать
со старшими родственниками мужа).
Девичий взгляд мой блуждает по стени.
Юрту, которую я устанавливала с помощью лестниц,
Настал день изрубить топорами...*

Все присутствующие должны были плачем поддерживать плакальщицу, проявляя свое сочувствие родным и близким покойного. После оплакивания невестки подходили к женщинам с кувшином воды и предлагали умыть лицо, чтобы те не уносили в свои дома слезы печали.

Согласно этикету говорить о покойном плохо было не принято. Собравшиеся говорили только о положительных качествах усопшего. Вспоминали о том, что он говорил, какие добрые дела совершил при жизни, с кем дружил, кого любил. При этом всегда добавляли: «Я Алла, энди суьймесин» (Я Алла, пусть сейчас не любит), «Я Алла, энди айтпасын» (Я Алла, пусть сейчас не говорит) и т.д. Если кто-либо из родственников был похож на человека, безвременно ушедшего из жизни, то обязательно говорили: «Я Алла, оьмири кусамасын» (Я Алла, пусть его жизнь не будет короткой, как у покойного).

Перед выносом тела за ворота дома собравшиеся три раза читали молитву (кьулфу). После молитвы эфенди произносил следующие слова: «Ямагат! (Мусульманская община). Сегодня от нас уходит такой-то (произносит имя покойного). Если он обидел кого-то или должен кому-то из присутствующих здесь,

то простите его за долги и нанесенную обиду. Если долг большой, возьмите у родных и близких». Присутствующие обычно отвечали: «Прощаем! Пусть земля ему будет мягче ваты».

Тело из дома выносили вперед ногами, перед выносом у порога его трижды опускали на землю. Покойного везли до кладбища на арбе. Знаковую нагрузку несли действия, совершаемые вслед за выносом тела. Так, у караногайцев вслед за арбой уходящей на кладбище, делали топором рубящие движения и при этом говорили: «Алды оьзине ярассын, арты элине ярассын» (То, что впереди, пусть пригодится покойнику, все, что позади него, – живым) или «Балтадай болып кесилсин, арба оьликтен кетпесин» (Пусть обрубится как топором, пусть арба не вернется назад). У кубанских же ногойцев вслед за покойником бросали камни, приговаривая: «Яткан ери ярык болсын» (Да будет могила светлой). Смысл всех этих действий, по-видимому, заключался в следующем: покойнику нет возврата в мир живых, и перед ним лишь одна дорога – на кладбище.

У караногайцев по обычаю вслед за выносом тела покойного за ворота одна из родственниц должна была раздать детям сладости, у кубанских ногойцев – отнести бедняку живого петуха, пиалу с мукой и ложку. Выносить петуха вслед за покойником было принято и у абхазов. По сведениям наших информаторов, делалось это для того, чтобы покойник «не голодал» на том свете. Другое объяснение этому мы находим у Ш. Д. Инал-Ипа. В частности, он пишет, что «символический обряд с петухом следует понимать как остаток отошедшего древнего обычая принесения в жертву покойнику самого коня»¹. Скорее всего, именно так и надо понимать этот обряд. Вероятность того, что в далеком прошлом ногойцы приносили в жертву покойнику его коня, очень велика. Захоронения коня вместе с умершим хозяином – довольно распространенное явление у кочевых народов. Обряд посвящения коня покойнику в недавнем прошлом являлся неотъемлемым элементом погребального обряда многих народов Северного Кавказа и Грузии.

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 149.

Известный ученый Б. А. Калоев связывает бытование данного обряда у северокавказских и тюркских народов с влиянием скифо-сарматских и аланских племен¹.

На кладбище покойника провожали только мужчины, женщины и дети к траурному шествию не допускались. Когда умершего опускали в могилу, то в доме покойника следовало зарезать скот, а из мяса приготовить поминальную пищу. По обычаю в доме покойника в течение трех дней не разводили огня и не готовили еду, приготовлением поминальной пищи занимались соседи.

Согласно этикету с кладбища мужчины возвращались с плачем, их плач поддерживали женщины, находящиеся во дворе. Подобных правил придерживались и другие тюркоязычные народы Дагестана².

После похорон устраивались поминки. У различных групп ногайцев зафиксированы разные поминальные рубежи. Так, астраханские ногайцы поминали на 3, 7, 20, 40, 100-й день и в годовщину³, оренбургские – на 3, 7, 40, 52, 100-й день и в годовщину⁴, караногайцы – на 7, 40, 52, 100-й день и в годовщину. Все поминальные рубежи отмечались чтением молитв для облегчения перехода покойника в иной мир и поминальной трапезой, т.е. «кормлением» его души.

Поминальная еда состояла из вареного мяса, бульона и лепешек в виде диска. Поминки у состоятельных людей проходили пышно, резали много скота, устраивали богатое угощение. Согласно этикету вначале кормили мужчин, затем – женщин. Перед тем как приступить к еде, мулла читал молитву, и только после этого все собравшиеся начинали есть. Угощение также за-

вершалось молитвой и произнесением фразы: «Янына тийсин» (Пусть насытится душа умершего). Если поминки приходились на время мусульманского поста в месяц рамадан (Ораза ай), то за стол садились после захода солнца. В народе говорили, что богоугодные люди умирают в дни ежегодного поста, в эти дни якобы врата рая открыты настежь. Хорошими, благочестивыми людьми считались и те, которые умирали в четверг либо в пятницу. Еще говорили, что если в день похорон идет дождь, то все живое вокруг оплакивает покойника. После поминок все расходилось по домам. По этикету прибывших на соборознавание не провожали.

У караногайцев, прощаясь с родственниками покойного, принято говорить: «Ызы ярассын» (Пусть все несчастья уйдут с покойником), «Оьлинъиз еннет тапсын, калганлар тойга шапсын» (Покойник пусть попадет в рай, живые пусть ходят только на свадьбы), «Яхшылыгынъызга келейик» (Чтобы мы пришли к вам на радостное событие), «Калганларга Алла савлык берсин» (Живым пусть Аллах даст здоровья), у кубанских ногайцев – «Мунавдан баска кайгы коьрме» (Чтобы не было больше горя).

В течение всего года семья покойника по четвергам устраивала в доме поминальное угощение «юма шай» (букв. пятничный чай) с приглашением родственников и соседей.

Расходы по организации похорон и поминок несли не только семья покойника и родственники, но и община. У ногайцев было принято оказывать материальную помощь семье усопшего в виде денег, скота, вещей. Эти средства семья покойного должна была потратить на организацию последующих поминальных рубежей.

Этикетную нагрузку во время траура несла и одежда. Родственники покойника со дня его смерти надевали траурную одежду. «Во время траура женщины белый тастар заменяют желтым, а красную рубаху – темной. У мужчин же не бывает признаков траура на костюмах»¹. В знак печали мужчины надевают на голову траурную шапку особого покроя, которую

1 Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 1-7.

2 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX-начало XXв. : Историко-этнографическое исследование. М., 1985. С. 183; Она же. Дагестанские азербайджанцы. XIX-начало XXв. : Историко-этнографическое исследование. М., 1999. С. 289.

3 Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском ун-те. Казань, 1895. Т. 12. Вып. 1-3. С. 60-61.

4 Архипов А. П. Указ. раб. С. 350.

¹ Фарфоровский С. В. Указ. раб. С. 19.

носят до года со дня погребения родственника¹. Молодым людям запрещалось носить траур по умершему родственнику. На этот счет существовало поверье, что, надев траур, они всю жизнь будут жить, горюя и печалься. Обычай ношения траурной одежды имеет давние традиции. Ее первоначальное предназначение имело практический смысл. В старину по траурной одежде люди узнавали о постигшем семью горе. Со временем траурная одежда приобрела этический оттенок.

Ношение траурной одежды требовало от родственников покойного соблюдения определенных правил: не разрешалось носить траурную одежду небрежно, появляться в ней только на людях, дополнять одежду различными украшениями, завязывать траурный платок так, чтобы выглядывали волосы и т.д.

Сроки ношения траура устанавливал местный эфенди, однако учитывались и пожелания старших родственников. Обычно старшие родственники сами решали, кому и сколько носить траур, когда его снимать.

По случаю смерти князя или кого-либо из членов его семьи для всех жителей аула объявлялись специальные дни траура. Так, А. Джанибеков сообщает, что «после погребения объявлялся траур, по которому семь дней для взрослого покойника и три дня для детей, все крестьяне должны бросать работу и проводить дни траура, одеваясь в траурные одежды. За нарушение у крестьян отбирается скот, который режется для угощения собравшихся на траур гостей»².

В течение всего траура женщины и мужчины (близкие родственники покойного. – М. Г.) не ходят на свадьбы, не бывают в увеселительных местах и не участвуют в скачках³. По истечении года со дня смерти с родственников покойника снимались все запреты и ограничения.

Итак, отличительной особенностью культуры поведения и этикета ногайцев во время похорон и траура являются громкое

оплакивание покойного мужчинами, что связано с их принадлежностью к тюркскому миру, а также поведение родителей умершего ребенка, которые не принимают соболезнования и не оплакивают собственного ребенка. Проявлением культуры поведения и этикета на похоронах выступают и различные благопожелания, связанные с покойником, с его уходом в иной мир, и причитания из уст плакальщиц, прибывших на соболезнование.

Главными в проведении похоронно-поминальных обрядов выступали родственники покойного по отцу, они первыми принимали соболезнования, они же устанавливали сроки ношения траура для близких родственников и несли большую часть расходов, связанных с организацией похорон и поминок, родственники же по матери в организации похоронно-поминальных обрядов играли второстепенную роль.

В целом же в основе похоронно-поминальных обрядов ногайцев лежат общемусульманские традиции, что сближает их с похоронными традициями других мусульман Дагестана и Северного Кавказа.

1 Народы России. Вып. III. СПб., 1880. С. 278.

2 Джанибеков А.-Х. III. Указ. раб. Л. 45.

3 Фарфоровский С. В. Указ. раб. С. 19.

Глава 5. Культура поведения и этикет ногайцев в общественном быту

5.1. Культура поведения и этикет в общественных местах

Наиболее ярко культура поведения и этикет проявляются в общественной жизни коллектива. Понятие общественной жизни определяется прежде всего такими традиционными социальными институтами, как общественные собрания (собрания аульчан для решения насущных проблем), кровная месть, военные мероприятия, общественные праздники (религиозные и календарные), взаимопомощь, гостеприимство и куначество. Регулятором поведения людей в коллективе выступала община, строго следившая за выполнением правил этикета, соблюдением норм поведения в общественных местах и т.д.

а) Сельский сход

В исследуемое время управление ногойским населением проводилось согласно разработанному в 1827 году «Положению о кочующих инородцах» через богатых и знатных ногойцев (мурз, султанов, князей, биев, баев и др.).

Аулом у ногойцев управлял аулбай, принадлежащий обычно к роду князей, мурз, знатных узденей, он же выступал как старшина, «избираемый» на сельском сходе – ямагате (джамаат). Его положение и возраст, влияние, определяемое опытом и связями, превращали выборы в формальность, ямагат подтверждал правомерность сложившегося положения. В должности аулбая утверждал частный царский пристав. Нередко аулбай выполнял и обязанности муллы. Если аул был многосемейным, большим, состоял из представителей различных родственных групп, то в помощь старшине избирали на сходе 3-5 старейшин – «ясы уйкен маслагатчи», «аксакалов», «картов»¹.

1 Исламмагомедов А. И. Общественный быт кумыков и ногойцев в XIX-нач. XX в. //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 705. Л. 21-22.

Для кочевых ногойцев были характерны социальные объединения, имевшие определенные признаки территориального и экономического единства, т.е. кочевые (аульные) общины¹.

У караногойцев в общинном собрании «йыйын» участвовали все взрослые мужчины. В летнее время у караногойцев «йыйыны» проходили на воздухе, в зимнее время – в помещении.

У кубанских ногойцев, которые жили оседло, аул делился на кварталы, в каждом из них имелась мечеть, где и проходили собрания квартала. Своеобразным координационным центром являлась юма-мечеть (пятничная мечеть) – главная мечеть аула, куда созывали всех мужчин для решения наиболее важных вопросов.

Общие собрания членов аула с участием царских приставов в мечети не проводились, так как, по мнению ногойцев, присутствие в мечети иноверцев осквернило бы ее. Такие собрания проходили в специальном помещении, называемом «батага».

Представители ямагатов во главе со старейшиной аула составляли совет аула. В сходе, как правило, участвовали только мужчины. Иногда, в виде исключения, общинное собрание могли посетить несколько женщин преклонного возраста, известных в округе своим умом². Надо отметить, что таким же правом пользовались уважаемые женщины и в горных обществах Дагестана³. Не принимали участия в сходе лица, подвергшиеся общественному осуждению и лишенные права голоса, и кулы (рабы), не имевшие никаких имущественных и социальных прав.

Все общинные дела решались по обычному праву (аьдет). Вопросы, касающиеся семейно-правовых отношений общинников и уголовных дел, были прерогативой шариятского суда и представителей царской администрации.

Вопросы, обсуждаемые на сходе, были в основном хозяйственного плана. Сход определял время начала сельскохозяйственных работ, стрижки овец, заготовки сена, перекочевки

1 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногойцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 151.

2 Там же.

3 Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII – нач. XX в.). Махачкала, 2002. С. 353.

скота, распределения пахотных участков, пастбищных и сенокосных угодий между членами общины и т.д.

В отличие от пастбищных угодий, считавшихся общими, сенокосные и пахотные земли подлежали дележу. У степных ногайцев количество десятин земли, выделяемых на мужскую душу, зависело от земельного фонда аула. Землю распределяли осенью, после сбора урожая, по жребию «чопп». У кубанских ногайцев передел земли проходил каждые 5-9 лет. Землю делили по кварталам. Например, в ауле Икон-Халк землю делили на три части, по количеству кварталов, которые составляли три самых крупных рода Баисовых, Карасовых и Кумуковых. Затем каждую часть делили внутри рода, по количеству мужских душ в каждой семье, с помощью жребия «сивага». Если в какой-либо семье сын рождался после раздела семьи, то его долю семья получала только при следующем разделе. В ауле Тохтамыш при разделе земли интересы семьи представлял ее глава или же старший сын.

Проф. С. Ш. Гаджиева в свое время отмечала, что у кубанских ногайцев «сельский ямагат распределял землю с помощью жребия по кварталам, затем полученную землю по жребию распределяли между десятью дворами, а они в свою очередь распределяли между собой»¹.

Несмотря на хозяйственную направленность общинного управления, сельский сход являлся одновременно и местом общения, формирования общественного мнения, воспитания личности. Сельский сход у горцев Дагестана имел более широкие полномочия, нежели у ногайцев, но следует отметить один немаловажный факт, что у всех народов общественные собрания были «своеобразной кузницей общественного мнения, давали подрастающему поколению очень многое, формировали их ценностные ориентации, прививали им одобряемые обществом моральные и этические поведенческие нормы»².

Сход жителей аула созывался по мере надобности, когда возникали вопросы, требующие принятия коллективного решения.

Сельский сход – это особое место, где люди обсуждали свои насущные проблемы, формировалось общественное мнение. В этом плане вполне справедливо высказывание А. И. Исламмагомедова о роли сельского схода в формировании морально-психологического климата в обществе. Правда, он ведет речь об аварских обществах, но это высказывание вполне применимо ко всем без исключения обществам северокавказских и дагестанских народов. В частности, он пишет: «...общество заинтересовано в поддержании норм общепринятой морали, существующих установок на поведение человека как в общественной жизни, так и в семье, быту»¹.

Присутствие на сельском сходе требовало от участников схода определенного стиля поведения и общения. Любая встреча односельчан традиционно начиналась с акта приветствия. Согласно этикету младшие первыми приветствовали старших. Если собрание посещал местный богатей или мурза, то все присутствующие в знак особого почтения обязаны были приветствовать его стоя. А.-Х. Ш. Джанибеков отмечает, что «у ногайских князей-помещиков был очень строгий режим, по которому везде и всюду князю необходимо было отдавать почтение»².

До начала собрания присутствующие обменивались новостями, расспрашивали о здоровье и т.д. Обмен вежливостями в этнографической науке получил название фатической речи. Термин фатическая коммуникация введен в 1923 году английским этнологом Б. Малиновским. Он подразумевал под этим неинформативные сообщения, которыми обмениваются собеседники в целях поддержания контакта – из вежливости, из уважения, чтобы заполнить паузу, прервать молчание. Отсюда определение фатической коммуникации как «типа речи, в котором узы согласия, единения образуются посредством простого обмена словами»³. Одним словом, фатическая коммуникация

1 Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII – нач. XX в.). С. 355-356.

2 Джанибеков А.-Х. Ш. Очерки по истории ногайцев //РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

3 Цит. по: Лугуев С. А. Указ. раб. С. 162.

1 Гаджиева С. Ш. Ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 97.

2 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006. С. 125.

проистекает из «тенденции к конгрегации, желания быть вместе, радовать друг друга»¹. С нее начиналась любая беседа. Фатическая речь – не просто знак вежливости, но и обязательное правило этикета. Так, например, было принято интересоваться здоровьем пожилых людей. Пожилые люди редко жаловались, они не утомляли молодых долгими разговорами о своем здоровье. Обычно на вопрос: «Как ваше здоровье, атай (дедушка)?» – старик шутливо отвечал: «Ай, балам! Тавда кар да бар, оьтпек пен эт ашайман!» (Ай, дитя! На вершине горы белый снег лежит, хлеб с мясом жую! (Он имел в виду, что голова его покрылась сединой и нет зубов). А на вопрос: «Как ваши дела?» – старики в большинстве случаев отвечали так: «Энди меним савлыгым нешик болсын. Болаягы болган, боягым синьген, энди бир саржан туьпке!» (Как теперь могут быть мои дела, здоровье? То, что было, прошло, силы иссякли, теперь для меня одна дорога – одна сажень вниз!).

Вообще утомлять длинными разговорами о своих делах, здоровье, акцентировать внимание на своей персоне было не принято. Если человек все же, увлекшись рассказами о себе, забывался, то его останавливали недоуменные взгляды односельчан или же внезапное вмешательство одного из старейшин для того, чтобы перевести разговор в иную плоскость (это позволялось делать только старшим). Если же старший позволял себе задержать внимание слушателей на своем рассказе, то его никто не имел права останавливать, перебивать, показывать своим поведением, что все это не интересно и т.д. По правилам этикета старший говорил столько, сколько считал нужным. Часто фатическая коммуникация перерастает в реальную и, наоборот, реальная – в фатическую. В процессе взаимодействия людей они взаимно дополняют друг друга².

Общение людей проходило в доброжелательной обстановке, и любые неуместные шутки, словесные оскорбления, выкрики, реплики были недопустимы. В мечети запрещалось громко говорить, ссориться, а тем более сквернословить, вести себя не-

прилично. За нарушение дисциплины следовало наказание в виде резкого публичного замечания либо удаления из помещения, где проходил сход жителей аула.

Пребывание в мечети накладывало определенный отпечаток и на поведение людей. Так, во время беседы не допускалось сидеть, развалившись, оживленно жестиковать, в особенности не допускались запрещенные жесты (например, указывать пальцем на человека и т.п.). Вообще стиль поведения ногайцев, татар, башкир, казахов воспринимался другими народами, в частности русскими, как несколько излишне церемонный. Эту сдержанность некоторые наблюдатели склонны относить на счет влияния ислама¹, с чем следует отчасти согласиться, хотя эта особенность характерна вообще для кочевников, и не испытывавших влияния норм мусульманской этики, осуждающей всякую внешне выраженную эмоциональную активность человека. Сдержанность в общении как бы компенсировалась жестами, не несущими определенной информации и допускаемыми этикетом в некоторых случаях – поглаживание бороды, перебирание четок или его имитация².

Руководил собранием старейшина. Он следил за ходом собрания и обладал правом прервать выступающего, предоставить слово другому участнику схода, сделать замечание, лишить слова и т.д. При этом он должен быть сдержанным, тактичным, корректным, подавая своим поведением пример остальным. Голосование проходило спокойно. Старейшина выражал мнение авторитетных пожилых жителей аула по тому или иному вопросу. Если оно устраивало основную массу, то собравшиеся поддерживали его одобрительными возгласами, но если возникали сомнения или возражения, то каждый из присутствующих мог высказать свою точку зрения. Не согласный с мнением старейшин должен был встать перед народным собранием и спо-

1 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 314.

2 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 98.

1 Сулганов Ф. Ф. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 105.

2 Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России (XIX-начало XX в.) /Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1999. С. 74-75.

койно, не повышая голоса, но при этом достаточно громко и аргументированно изложить свое мнение. Начинали свое выступление с традиционных обращений: «Уважаемый ямагат», «уважаемые аксакалы», «друзья», «односельчане» и т.д. Выступали, как правило, по очереди. Собравшиеся не перебивали выступающего, после всех выступлений приступали к приемам.

Таким образом, выслушав мнения участников схода, старейшины выносили свое решение, которое вновь ставилось на голосование. Придя к единому мнению, члены схода принимали решение. Решение сельского схода, принятое большинством голосов, было окончательным и обязательным для всех жителей данного аула.

Иногда старейшины аула выполняли посредническую, дипломатическую миссию в вопросах примирения кровников, хозяйственных, касающихся обоих аулов, например, очистка водоемов, рек, протекающих по их территории и т.д. В решении этих проблем обе стороны вели себя вполне пристойно, не показывая своего превосходства. Для решения вопросов в соседний аул направляли делегацию «элши», состоявшую из самых почетных, авторитетных, умудренных опытом, обладающих даром убеждения старейшин, приблизительно из 10-15 человек. Из этой группы выбирали самого главного, остальные же сопровождали его и в случае необходимости поддерживали в разговоре с другой стороной. Делегация отправлялась в путь обязательно верхом, даже если соседнее селение находилось неподалеку. Все члены делегации надевали свою лучшую одежду. Не доезжая до селения, все члены группы, спешившись, независимо от возраста, ведя под уздцы лошадей, направлялись к мечети. По дороге их встречала местная молодежь и согласно правилам этикета, поздравившись, уводила коней на водопой и выпас. У мечети их ожидали старейшины аула. Тут же следовало рукопожатие обеими руками. После обмена приветствиями в знак особого расположения и радушия гостей приглашали в мечеть и предлагали сесть. Беседовать стоя, по правилам хорошего тона, было не принято. О цели приезда никто не спрашивал. Завязывался непринужденный разговор о скоте,

погоде, будущем урожае (у кубанских ногойцах), приплоде (у караногайцев), обменивались новостями, говорили об общих знакомых, друзьях (фатическая речь). После непродолжительной беседы гостей приглашали посетить дом одного из уважаемых жителей аула, пообедать. Между членами общины в таких случаях устанавливалась очередность приема гостей, правда, одним из условий было материальное благополучие принимающей семьи. Семья, которая по каким-либо обстоятельствам не могла принять гостей (смерть или болезнь одного из членов семьи), освобождалась от этой обязанности.

Хозяина дома заранее предупреждали о предстоящем визите гостей. В приеме гостей участие принимали все жители аула, их участие заключалось в помощи продуктами, посудой. Отказываться от приглашения пообедать в данном случае было нельзя, так как отказ вкушать пищу мог быть воспринят как неуважение к хозяевам и жителям аула. Трапеза не затягивалась, так как все присутствующие знали о деловой цели визита.

После трапезы главный представитель делегации приступал к разговору. Свою речь он начинал с выражения уважения к джамаату данного аула, его жителям и благодарности за оказанный прием. Затем тактично, с чувством полного достоинства излагалась суть дела. Угрозы, высокомерие, пренебрежительное отношение в разговоре были недопустимы. Любое проявление несдержанности могло привести к нежелательным последствиям. Завершая беседу, обе стороны взаимно просили не осудить за возможные промахи и отступления от правил хорошего тона.

Если по поводу просьбы или предложения не возникало никаких вопросов и возражений, то решение принималось сразу и доводилось до сведения прибывшей делегации. Если все же возникали некоторые сомнения и дело близилось к ночи, то приезжим предлагали остаться заночевать до принятия решения.

Вечером хозяин дома организовывал званый ужин. В застолье принимали участие, помимо членов делегации и хозяина дома, еще и местные старейшины. За столом старались говорить на отвлеченные темы, шутки и остроты были неуместны.

Учитывая, что для всех присутствующих день был нелегким, собравшиеся не засиживались допоздна. На ночь приезжих размещали в соседних домах.

На следующий день старейшины селения объявляли прибывшей делегации о своем решении. Каким бы решение ни было, положительным или отрицательным, оно воспринималось спокойно, сдержанно, с благодарностью. Если же вопрос был несколько сложным для принятия скорого решения, то гостям сообщали, что окончательный ответ будет дан через определенный срок (сроки обязательно уточнялись). Оговаривалось и то, когда и кто доведет сведения о принятом решении, либо делегация соседнего аула пришлет своих представителей в составе 2-3 человек, либо сторона, принявшая решение, пошлет своих гонцов. Обговорив и уточнив все детали, делегация собиралась в обратный путь. Непременным правилом этикета было прощение. Уехать, не попрощавшись, считалось неприличным. Делегацию провожала мужская часть аула. Обменявшись рукопожатиями и пожеланиями счастливого пути и доброго здоровья, снабдив отъезжающих провизией, делегация направлялась домой. Подобные поведенческие установки и этикетные нормы были приняты не только у ногайцев, но и у других дагестанских и северокавказских народов¹.

б) Мечеть

Определенные правила поведения предъявлялись и к мусульманам, посещающим мечеть. Ислам был принят ногайцами еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг. Только лишь в столице Золотой Орды – городе Сарае функционировало 13 мечетей². Самым ярким поборником распространения ислама среди ногайцев был их первый правитель Эдиге. Ибн Арабшах сообщает: «...постиглся (Эдиге. – М. Г.), по ночам вставал (на

1 См.: Лутуев С.А. Указ. раб. С. 83-85; Исламмагомедов А.И. Указ. раб. С. 354-355.

2 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 285.

молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом Всевышним»¹. Польский путешественник Матвей Меховский еще в начале XVI в. отмечал, что ногайцы, последователи и поклонники Магомета, повинуются Пятикнижию Моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон, колоколов не имеют, считают себя измаэлитами, а христиан называют динсиз, т.е. язычниками и гяурами, неверными и лишенными религии².

В XVIII веке И. Г. Георги, посетив астраханских ногайцев, отметил, что они имели у себя 15 мечетей...»³. У кубанских ногайцев в исследуемый период в ауле Тохтамыш (Икон-Халк) было 5 мечетей, Ураковском (Эркин-Юрт) – 5 мечетей, Нижне-Мансуровском (Эркин-Халк) – 2 мечети⁴.

В ногайских кочевьях на Молочных водах проживал 17401 человек в 43 селениях, и в каждом из них была мечеть (в кибитках)⁵.

В ауле Канглы в конце XIX в. на 546 дворов приходилось 13 мечетей⁶. Духовенство оказывало большое влияние на умы и сознание ногайцев, ревностно следило за исполнением пяти основных обязанностей мусульманина (фард), к которым относятся шахада (произнесение и признание формулы единства Аллаха и пророческой миссии Мухаммеда), намаз (ежедневная пятикратная молитва), ураза (пост в месяц рамадан), закят (благотворительный налог в пользу бедных) и хадж (паломничество в Мекку). Кстати, паломничество совершали в основном физически здоровые и материально обеспеченные ногайцы,

1 Там же. С. 474.

2 Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. -Л., 1936. С. 58-59.

3 Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. Т. 2. О народах татарского племени. СПб., 1799. С. 30.

4 Курмансеитова А. Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 165.

5 Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев – магометан, кочующих в Ставропольской губернии // Ногайцы. Ставрополь, 1883. Ч. 1. С. 39.

6 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. -М. Указ. раб. С. 182.

так как путь был неблизким и трудным. Маршрут ногайского хаджа известен из расспросных речей астраханского юртовца, который ходил «по их мусулманской вере к Мекке для молбы» (1628г.). Из Астрахани паломники направлялись в Казыев улус, а оттуда в Крым, где иногда до двух месяцев ожидали набора достаточной группы верующих. Из Крыма эта группа двигалась к турецким крепостям Подунавья (Ак-Керман, Джан-Керман, Измаил, Килия) и затем в Стамбул. Там в течение некоторого времени вновь ждали подхода паломников «с турецких розных городов». Из османской столицы за шесть недель пешком преодолевали расстояние до «города Шамшарифа», от которого следовали уже до священной аравийской области Хиджаз «ско-рою ездой днем и ночью на верблюдах шесть недель [и] три дня, потому что... то место безводное». После месячного пребывания у святынь таким же путем возвращались в Стамбул и отту-да на родину¹.

А. П. Архипов отмечал, что «на духовенстве... лежит прямая обязанность заботиться о том, чтобы при отправлении рели-гиозных обрядов никто из них (ногайцев. – М. Г.) не вдавался в неуместные толки и заблуждения. Духовенство обязано также обучать магометанское юношество правилам благочестия, зна-нию и строгому отправлению установленных обрядов»².

Еще в конце XV – первой трети XVII в. в Ногайской Орде существовало несколько категорий духовенства:

1. Саиды – целая прослойка населения, восходящая проис-хождением к Пророку³. В мусульманском мире саиды считались главными представителями религиозных идей; обладая правом безнаказанно говорить монарху правду и даже обличать его в неправедном поведении, они при этом не подлежали смертной казни⁴;

2. Муллы – служители культа;

3. Хаджи – потомки четырех праведных халифов;

4. Садры – это или отпрыски бухарской династии первосвя-щенников, или держатели вакуфных («церковных») владений в Ногайской Орде;

5. Шейхи – богословы;

6. Хафизы – знатоки священных текстов и преданий; явля-лись, вероятно, категорией духовенства, наиболее приближен-ной к простонародью и светской политике. Они участвовали в военных походах, вели делопроизводство в кочевых ставках и т.д.;

7. Суфии – члены аскетического «ордена», распространив-шегося от Магриба до Кашгара¹.

Духовенство влияло не только на умы рядовых кочевников, но и на ход государственных дел. Так, Г. Перетяткович отмеча-ет, что «их (ногайцев. – М. Г.) муллы бывали приближенными лицами к князю, следовательно, были не без влияния на обще-ственные дела»². Б. -А. Б. Кочекаев дополняет, что «бийи Орды и влиятельные мурзы почитали за честь выдать своих дочерей за представителей духовенства, особенно за «сеитов»³.

В мечети во время пятничной молитвы люди, совершившие паломничество в Мекку, занимали места в первых рядах вслед за муллой. Расспросы о делах, здоровье, семье в данный момент были неуместны. Подобных правил поведения придержива-лись все мусульмане Северного Кавказа и Дагестана⁴.

Пятница (юма куьн), как день обязательной совместной мо-литвы, у ногайцев считалась праздничным днем⁵. На пятничные коллективные моления в мечети собирались только мужчины. Женщины к коллективным мужским молитвам не допускались.

1 Трепавлов В. В. Указ. раб. С. 570-571.

2 Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки истории края и его колонизации). М., 1877. С. 138.

3 Кочекаев Б. -А. Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 46.

4 Лугуев С. А. Традиционные нормы культуры повседния и этикет народов Да-гестана (XIX-начало XX века). С. 93.

5 Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кавказ. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 274.

1 Цит. по: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 566-567.

2 Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен //Кавказский ка-лендарь на 1859. Тифлис, 1858. С. 347.

3 Трепавлов В. В. Указ. раб. С. 570.

4 Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 267.

Переступали порог мечети с правой ноги, босоногими. Собравшиеся на молитву обязательно приветствовали друг друга словами: «Ассаламу алейкум! Ваалейкум салам!» – и при этом обменивались рукопожатиями.

Перед намазом все присутствующие совершали ритуальное омовение. Эта церемония состоит в умывании лица, мытье ног (до лодыжек) и рук (до локтя) чистой водой. Можно заменить эту процедуру обтиранием указанных частей тела песком. Не запрещено также проделать этот ритуал посредством жестикуляции, имеющей чисто символический характер. Для этого следует несколько раз провести ладонями по лицу, по ногам, а также имитировать процесс мытья¹.

Прикосновение к грязным предметам, к женщине, иноверцу, покойнику, «нечистым» животным, обман, употребление спиртного, посещение туалета, выпускание газов из организма нарушали омовение, и по правилам требовалось совершить его повторно.

Помимо коллективных пятничных намазов, каждый ногаец совершал ежедневно пятикратные молитвы у себя дома. Все ногайцы, достигшие по исламским канонам совершеннолетнего возраста (для мальчиков – 12 лет, для девочек – 9), обязаны были совершать намаз. «Ежедневно в положенное время совершать намаз выработывало у детей привычку не пропускать обязательные молитвы», – писал Ф. О. Капельгородский².

В теплое время года ногайцы любили молиться на свежем воздухе. Вот что об этом писал А. Павлов: «Каждый из них вынесет в летнее время на земную траву ковер, постелет его на ней; обмоет из кувшина холодной водою все члены своего тела, исключая одной спины, вытрется белым полотенцем и, поджав ноги, с приподнятыми вверх руками произносит молитвы, вслух присоединяя к каждой: О Алла! О Алла!, т.е. О Боже! О Боже!»³.

1 Серебрякова М. Н. О некоторых особенностях этноэтикета у современных турок // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 248.

2 Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 134.

3 Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 23-24.

Наибольшее влияние ислам оказал на культуру поведенческой ориентации во времени. Ногайцам, как и всем мусульманам, полагается молиться пять раз в день – на утренней заре (саят ассубах), в полдень (саят асазухр), вечером до заката солнца (саят аль-аср), при заходе солнца (саят аль-магриб) и после захода солнца (саят аль-иша). Перед каждой молитвой человек обязан совершить ритуальное омовение – тахара.

Намаз, помимо чтения молитв, включает и кинесические приемы, такие как поклоны, коленопреклонение, поза падения ниц, жесты. Их количество строго варьируется в зависимости от времени суток, когда совершается намаз. Известно, что утренний намаз состоит из двух ракатов, в каждом ракате по три поясных поклона, обеденный – из четырех ракатов, послеобеденный – из четырех ракатов, вечерний – из трех, ночной – из четырех.

Все совершеннолетние мусульмане обязаны были с первыми призывали к молитве оставить на время все дела и приступить к намазу. Определенные требования предъявлялись и к внешнему виду молящегося. Мужчинам и женщинам следовало совершать намаз в одежде, прикрывающей все части тела, кроме ступней ног и ладоней рук. На голове мужчины должна быть тюбетейка, голову женщины должен покрывать платок так, чтобы не было видно волос. Одежда и тело молящегося должны быть чистыми и опрятными.

Человек, совершающий намаз, должен всецело погрузиться в молитву, никакие земные дела не должны его отвлекать. В народе говорят, что во время молитвы человек выходит на прямой контакт с всевышним, и никто не вправе прерывать эту духовную связь с ним. В одном из хадисов говорится: «Когда кто-нибудь из Вас начинает молиться, это значит, что он вступает в тайную беседу с Господом своим».

По исламским нормам считается запретным прерывать молящегося или готовящегося к молитве человека, отвлекать читающего Коран, совершающего омовение. Нельзя также проходить перед молящимся, разговаривать, шутить, смеяться при нем. Молящийся же должен выбрать место тихое, спокойное,

чтобы ни люди, ни животные не смогли помешать совершению намаза. Молились обязательно в направлении Мекки, Каабы. Пространство, выбранное для молитвы, должно быть свободным от посторонних предметов, нельзя молиться в сторону каких-либо вещей.

Согласно религиозным правилам и этическим нормам, человек, находящийся в непосредственной близости от совершающего намаз, должен присоединиться к нему, раскрыв на уровне груди ладони, и про себя произнести соответствующую молитву.

Правила приличия предусматривали обращение к человеку, закончившему молитву, со словами: «Алла кабыл этсин эткен намазын» (Пусть примет Аллах твои молитвы).

Особым уважением в народе пользовались люди, соблюдающие пост в священные для всех мусульман месяцы - раджаб, шахбан, называемый в народе «зуваб ораза». Пост в месяцы раджаб и шахбан был желательным. Предназначение его состоит в том, чтобы мусульмане, пропустившие по каким-либо причинам обязательные дни поста в месяц рамадан, могли восполнить их в эти месяцы.

Пост в месяц рамадан был обязательным для всех мусульман. Освобождались от поста беременные женщины, малолетние дети и больные. В присутствии постящихся не ели, не пили, старались не говорить о еде, избегали фривольных тем. Соблюдающего пост старались не загружать тяжелой работой. Вечером для разговения постящемуся приносили еду со словами: «Ораза тутканларга ас аькелдик» (Постящемуся еду принесли), ему отвечали: «Алла кабыл этсин» (Пусть примет Аллах).

Определенные требования предъявлялись к поведению проходящих мимо мечети, кладбища. Так, подходя к кладбищу, люди прекращали любые разговоры, останавливались, поднимали руки на уровне груди, раскрыв ладони и склонив голову, начинали читать молитву «Альгам».

Кладбище у ногайцев посещали во время религиозных праздников. Мир усопших требовал от живых соблюдения определенных правил поведения. Так, у входа на кладбище ногайцы должны были поздороваться с умершими, прочитать соответ-

ствующую суру из Корана и лишь затем подойти к могиле. Подойдя к могиле, ногайцы прикасались к надмогильному камню и читали соответствующие молитвы. Любые разговоры, смех, шутки на кладбище строго запрещались.

Людям, проходящим мимо мечети, также запрещалось громко разговаривать и смеяться.

Определенные требования предъявлялись и к тем, кто держит в руках Коран, четки, молитвенный коврик. К ним нельзя было прикасаться немытыми, грязными руками. Перед прикосновением к четкам, Корану необходимо было произнести сакральную фразу, произносимую мусульманами перед началом любого дела: «Бисмилягъи рахмани рахим» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного). Коран хранили в специально сшитом матерчатом мешочке. Мешочек с Кораном держали в недоступном для детей месте. Поверх Корана ничего не клали, по своей святости Корану эквивалентен лишь хлеб. Недаром самыми прочными клятвами считались клятвы, данные на Коране и на хлебе. Четки старались не ронять. Если все же четки случайно роняли, то их тут же поднимали, целовали и прикладывали ко лбу. Четки (зулхан) детям в руки для забавы не давали. Не разрешалось детям наступать на молитвенный коврик (намазлык), особенно если ноги были нечистыми. Коврики для молитвы всегда хранились в чистом, укромном месте.

Многочисленные свидетельства подтверждают, что ногайцы были убежденными мусульманами и строго выполняли предписания ислама. Так, немецкий колонист И. Корнис отмечал: «Ногайцы исповедуют закон мугаммеданский с буквальной строгостью»¹.

Между тем ногайцы были вполне толерантны в религиозном плане, им не свойственны религиозный фанатизм и навязывание инаковерующим своих религиозных убеждений, тем более задевать их религиозные чувства. Здесь сказывалась генетическая память народа, в которой еще были живы традиции кочевого мира. Вот что писал по этому поводу А. Павлов: «Ногайцы

¹ Корнис И. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии //Телескоп. 1836. Ч. 33. № 9. С. 15.

в большинстве своем довольно уважительно относятся к представителям других исповеданий и не проявляют склонности к обращению в ислам иноверцев»¹. У горцев же Дагестана – наоборот: «спорить, убеждать иудея, христианина с целью «наставить его на путь истинный» не просто разрешалось, а даже приветствовалось, поощрялось»².

Надо признать, что не все кочевые народы скрупулезно и ревностно выполняли предписания ислама. Это объясняется, прежде всего, поздним принятием ислама. Так, например, казахи, киргизы, южные башкиры, восточные группы ногайцев, оказавшись на окраинах Золотой Орды, не подверглись сильной исламизации, как казанские татары, исламские традиции которых восходят еще к X веку и поддерживались влиятельной богословской школой древних городских центров, и группы ногайцев, близких к Дагестану – известному центру миссионерской деятельности, откуда ислам распространился по Северному Кавказу и прилегающим к нему степям³. П. Паллас, побывавший в Малой Орде в конце 60-х годов XVIII в., отмечал, что казахи об исламе и его законах «весьма темное имеют понятие, потому что у них мало магометанских духовных»⁴. Но известно, что уже в XIX веке казахи приглашали в свои стойбища казанских и тобольских татар для обучения своих детей основам ислама. В старину среди казахов бытовало мнение, что Коран нужно читать только по покойнику, и поэтому бывали курьезные случаи, когда читающему Коран гостю – татарину предлагали покинуть юрту, так как в ней нет покойников и хозяин опасался, как бы чтение Корана не вызвало пагубных последствий⁵.

В. В. Радлов, побывавший у казахов в XIX веке, отмечал, что «мусульмане, живущие рядом с киргизами (казахов в дореволюционной литературе именовали либо киргизами, либо кир-

гиз-кайсаками. – М. Г.), упрекают их в пренебрежении многими законами шариата, в незнании догматов веры и часто называют кафирами (неверными). Действительно, у них сохранились некоторые языческие обычаи, которые внушают ужас правоверным мусульманам. Так, почти все молодые люди не читают в течение дня молитвы... Омовением часто пренебрегают вполне намеренно, так как у киргизов есть такое суеверное представление, что человек, часто умываясь, приносит этим вред молодому скоту... Хотя скот забивают по мусульманскому обряду, однако следуют этому обряду не слишком строго. Если падет лошадь, бедный киргиз часто совершает церемонию ее умерщвления много времени спустя после ее смерти, убеждая себя, что животное было еще живым, и ест потом мясо павшего животного... Кроме того, вопреки требованиям мусульманского обряда, у животного не выбивают зубы, так как считается, что это причинило бы вред молодому скоту. Более того, киргизы употребляют в пищу кровь, которую тайком собирают во время убоя, что, разумеется, вызывает ужас у правоверных мусульман»¹.

Представители мусульманского духовенства, алимы и джамаат предостерегали мусульман вступать в споры и диспуты на религиозные темы с иноверцами, не имея солидной суммы знаний и достаточной подготовки. А этические нормы горцев и вовсе предписывали им не вступать в религиозные диспуты с иудеем, христианином либо говорить на эту тему, вооружившись глубокими познаниями и чувствуя постоянство и глубину своих собственных религиозных убеждений².

Ногайцы считали себя рабами божьими (Алланы кулу). Они были уверены, что от воли всевышнего зависят ход человеческой жизни, его благополучие, здоровье, состояние дел. Ногайцы твердо уверены в том, что все беды и радости людские – это не что иное, как послание божье. В народе говорят, что, посылая людям несчастье или же богатство, Аллах испытывает их. Если богатый забывает, что своим благополучием он обязан всевышнему, то Аллах лишает его благосостояния, если же бедняк ропщет на судьбу и на всевышнего, то на него никогда не сни-

1 Павлов А. Указ. раб. С. 22.

2 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX- начало XX века). С. 101.

3 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 76.

4 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 575.

5 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 77.

1 Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 302-303.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 102.

зойдет милость божья. Ногайцы верят, что все во власти Аллаха. Он всемогущ и милосерден, ему подвластно все. Ногайцы убеждены в том, что у каждого мусульманина на лбу записана его судьба (кысмаг), которую он не в силах изменить. Так, у ногайцев существует ряд пословиц о судьбе: «Алладынъ язганы болар» (Что предначертано Аллахом, то и сбудется), «Алладынъ язылганы баска келер» (Что предписано Аллахом, то и будет). Неотвратимость и неизбежность того, что предначертано судьбой и всевышним, – одна из характерных черт ногайского характера.

Таким образом, ногайцы ничем не отличались от других мусульман северокавказского региона в плане своих религиозных убеждений, взглядов, отправления мусульманских обрядов и поведения во время посещения культовых мест.

в) Базар, ярмарка

Общественным местом у всех северокавказских и дагестанских народов, в том числе и у ногайцев, считался базар, ярмарка. Торговля в хозяйстве ногайцев занимала немаловажное место. Ногайцы издревле занимались торговлей. Еще в XVI веке между Москвой и Ногайской Ордой установились прочные торговые отношения. Десятки тысяч овец и особенно лошадей ногайцы пригоняли, продавали или обменивали на нужный товар на рынках Москвы, Казани. Из Москвы в Ногайскую Орду вывозили шлемы, наручи, наколенники, сабли, саадаки (разновидность боевых стрел. – М. Г.), военные музыкальные инструменты и т.д.¹ Московское правительство, установив пошлину на бухарские товары, «...сохраняло льготные условия для торговли ногайцев, стремясь таким способом поощрять их к дальнейшему увеличению скота для продажи»². Ногайцы поставляли в города Сибири (Тобольск, Тюмень) лошадей, скот, который по-

купали сибирские татары, казаки. Тесные торговые отношения у ногайцев установились и с бухарскими купцами. Так, к сибирским ногайцам поступали хлопчатобумажные ткани и другие товары из Бухары¹.

Об обмене товаром с народами Средней Азии в середине XVI века ногайский бий Исмаил писал брату Юсупу: «Твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои ходят к Москве»². Даже в начале XIX века в Бухаре сохранялся ногайский караван-сарай, где обменивали или распродавали товар купцы из Индии, Ирана и других стран³.

В XIX – нач. XX в. ногайцы торговали в портах Каспийского моря, в Кизляре, Грозном, Астрахани, Ставрополе, Пятигорске, Тифлисе. Торговали в основном лошадьми, скотом, кожей, овечьей и верблюжьей шерстью, войлоками. Торговля приносила ногайцам немалый доход. Так, караногайцы, сбывая шерсть в порты Каспийского моря, в Астрахань, выручали ежегодно от продажи шерсти 108 000 руб., кож и овчин – 50 000 рублей⁴. В Ставрополе, Пятигорске и на Кавказской линии ногайцы торговали шерстью, что приносило до 30 тыс. рублей серебром дохода⁵.

Но большой доход ногайцы получали от продажи лошадей и скота. В среднем ногайцы от продажи разного скота получали в год дохода от 100 до 175 тыс. руб. серебром⁶.

На вырученные деньги ногайцы приобретали мануфактурные и бакалейные товары. Вот что об этом писал Г. Малявкин: «Все предметы жизненного обихода караногай закупает на ярмарке в Кизляре, Грозном и др. близлежащих местах. На каждую ярмарку собираются почти все кочевники; это своего рода праздник, в котором не участвует только больной и

1 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 22.

2 Продолжение Древней Российской Вифлиофики. СПб., 1801. Ч. IX. С. 103.

3 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 22.

4 Капельгородский Ф. Указ. раб. Л. 206.

5 Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб., 1851. С. 178.

6 Кочераев Б. -А. Б. Указ. раб. С. 116.

1 Керейтов Р. Х. Общeturкские элементы в этнической истории и бытовой культуре ногайцев: Автореф. дис...докт. ист. наук. М., 2002. С. 22.

2 Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем с XV до второй половины XVIII в. Ташкент, 1958. С. 13.

подневольный, не имеющий возможности свободно распоряжаться своим временем, да женщины. Караногайцы пригоняют на ярмарки для продажи лошадей, рогатый скот, овец и проч.; здесь же они закупают все для них необходимое: дверь к кибитке, сундуки, котлы, кирпичный чай, соль, ситец и проч.»¹.

Все же необходимо отметить, что основная масса простых ногайцев не знала денег и приобретала необходимые товары у армян путем обмена на скот, шерсть, животноводческие продукты. Подобный обмен необходимыми видами продукции происходил у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа².

По примеру армян, которым принадлежала почти вся внутренняя торговля в Ногайской степи, ногайцы начали постепенно приобщаться к торговле. Так, к концу XIX века ногайских семей, занимавшихся различной формой торговли в Ставропольской губернии, насчитывалось 88, в Дагестанской области – 14, в Кубанской – 46³.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века ногайцы, как и остальные народы Северного Кавказа и Дагестана, были вовлечены в рыночные отношения, охватившие к тому времени всю Россию.

Для установления торговых связей от представителей торгующей стороны требовалось соблюдение определенных правил ведения торговли, знание местных обычаев и этикета. Самым главным требованием являлось ведение честной торговли. Это условие являлось обязательным для всех правоверных мусульман, так как ислам запрещает любой обман покупателя. Вообще занятие торговлей одобралось в исламе. Вспомним, что пророк Мухаммед с ранних лет занимался торговлей и постиг все секреты торгового дела, им даже были выработаны правила заключения торговых сделок для мусульман.

Народы Северного Кавказа и Дагестана, в том числе и ногайцы, в торговых делах следовали восточным традициям, ко-

торые стали им известны благодаря проникновению в их среду арабской культуры и паломничеству к святыням мусульман.

Базар, ярмарка, в исследуемое время, как мы уже отмечали, считались местами общественными, редко какое событие могли отменить базарный день или ярмарку. Со всех концов народ съезжался на базар, здесь обменивались новостями, встречались с друзьями, кунаками, устанавливались деловые взаимоотношения. Надо отметить, что ногайцам наладить отношения с представителями другой национальности не представляло особого труда, так как тюркский язык знали многие. В XVIII – первой половине XIX века тюркский язык был языком межэтнического общения. «Татарский язык» преподавался в средних учебных заведениях края, например, в Ставропольской гимназии¹. Им владели казаки, грузины и армяне региона. Е. Бутова, учительница Бороздиновского станичного училища в 80-е гг. XIX столетия, отмечала, что хотя у местных казаков язык русский, но по соседству много ногайцев, с которыми частые сношения. Казаки хорошо знают ногайский и им нередко пользуются в разговоре между собой².

Таким образом, ногайцы составляли основное население огромного региона плоскостных районов Северного Кавказа и Предкавказья и являлись своеобразным связующим звеном между народами³.

Торговлей у ногайцев занимались исключительно мужчины. Женщины у ногайцев в исследуемый период не только не торговали, но и редко ездили на базар, ярмарку. «В редких случаях ногаец едет на ярмарку с женой; обыкновенно сам едет верхом, а она плетется пешком и лишь изредка в арбе», – писал Г. Малявкин⁴.

Торговлей и приобретением всего необходимого для семьи занимался глава семейства. Продукты животноводства

1 Малявкин Г. Караногайцы. Этнографический очерк //ТС. Прилож. к Терскому календарю на 1894г. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 160.

2 См. : Османов М. О. Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. //Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2005. №3. С. 59-78.

3 Кочкаев Б. - А. Б. Указ. раб. С. 117.

1 Волкова Н. Г. Ногайцы //Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 80.

2 Бутова Е. Станица Бороздиновская //СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 52.

3 Великая Н. Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001. С. 118.

4 Малявкин Г. Указ. раб. С. 160.

– масло, сыр, сметану – специально на базар не возили, закупать эти продукты, скорее, обменивать их на бакалейные, мануфактурные товары приезжали армяне. Молоко и яйца ногайцы не продавали. Эти продукты у ногайцев считаются священными. Яйцо у ногайцев, как и у большинства народов мира, символизировало плодородие, а молоко – богатые удои, от которого зависело благополучие семьи. Продажа этих продуктов, по мнению ногайцев, якобы могла лишить их достатка. Излишки молока раздавались соседям, а яйца обменивались на другие продукты питания.

В отличие от ногаек, другие дагестанские женщины могли не только посещать базар, но и торговать. Так, дагестанки торговали молоком и молочными продуктами, предметами женского туалета. Горец же мог позволить себе торговать сыром и топленым маслом, съедобными и лекарственными травами, красками, красителями, иглами, наперстками, нитками, пряжей. Обычно мужчины торговали на базаре седлами, конской сбруей, инструментами для металлообработки, а также соответствующим материалом (железом, полосами стали, листами желтой и красной меди и др.), холодным или огнестрельным оружием. Предосудительным для горца Центрального Дагестана считалось торговать на базаре садовыми и лесными плодами и ягодами, хотя такой торговлей у кумыков занимались преимущественно мужчины, а у народов Южного Дагестана – и мужчины, и женщины¹.

У ногайцев существовали свои правила торговли, которым они следовали. Главным правилом в торговле ногайцы считали дешево купить и выгодно продать. Прежде чем справиться о цене, покупатель мог поинтересоваться, откуда продавец, своим ли товаром торгует, какой урожай собрали в этом году в его краях и т.д. Продавец кратко отвечал на вопросы, интересующие покупателя, выжидая момент, когда можно будет переклестить его внимание на товар, чтобы убедить покупателя приобрести именно здесь.

Для удачной, хорошей торговли от продавца требовались такие качества, как доброжелательность, умение уступить, веж-

ливое обращение к покупателю, заинтересованность продавца и в делах покупателя.

Цена на товар всегда была чуть завышена, чтобы в случае торга продавец без ущерба для себя мог снизить цену, при этом делая вид, что остается в проигрыше. Опытный продавец всегда находил какой-нибудь довод, который «заставил» его пойти на уступку.

Постоянным клиентам всегда предоставлялись скидка и даже рассрочка в выплате за приобретенный товар. К постоянному покупателю продавец обращался по имени. Они могли обмениваться новостями, расспросить о делах и т.д. Доброжелательное отношение продавца к покупателю сокращало между ними дистанцию и создавало благоприятную и непринужденную обстановку для общения и торга.

В разговоре во время торга всегда употреблялись термины родства, означавшие уважительное отношение к покупателю. Если покупатель был моложе продавца, то к нему обращались «кедем» (сын, сынок) или же «иним» (младший брат). Если покупатель был старше, то к нему обращались «агам» (старший брат), «атам» (отец). Если эта была покупательница, то к ней обращались соответственно ее возрасту «анам» (мать), «авай» (тетя, тетушка), аптем (старшая сестра), «синълим» (сестренка), «кызым» (доченька). Если социальный статус покупателя был высоким, то к покупателю обращались соответственно его положению в обществе – «бай» (богач), «мурза» (князь).

Ногаец – продавец со знанием дела расхваливал свой товар, но крайне неэтичным считалось приписывать товару те качества и свойства, которыми он явно не обладал. Так, например, продавая корову, продавец указывал на хвост коровы: если он был длинным, а на конце волосы, то она должна давать много молока. Слой перхоти («кайызгак») на хвосте и в ушах коровы указывал на жирность молока. Лошадь же определяли по спине: у выносливой лошади спина короткая, а у слабой – длинная. При покупке лошади торговались редко, обычно за хорошего коня давали ту цену, которую запрашивал хозяин¹. Вообще,

¹ Лугуев С. А. Указ. раб. С. 203-204.

¹ Гимбатова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX - начале XX в. Махачкала, 2005. С. 153-154.

когда вопрос касался значимых для народа символов (так, например, конь для ногайцев, папаха для горцев), торг с этической стороны считался неуместным.

Продавец всегда интересовался, с какой целью приобретает скот, и в зависимости от этого предлагал подходящий товар. В разговоре продавец подчеркивал, что, купив товар, покупатель никогда не пожалует о своем приобретении и, мало того, следующую покупку сделает именно у него.

Услышав хвалебные речи о товаре, покупатель начинал интересоваться ценой. Узнав цену, покупатель просил о ее снижении. Покупатель и продавец продолжали торговаться и в конце концов останавливались на цене, которая устраивала обе стороны. Согласно правилам торговли, продавец в начале торга должен стоять на своей цене, но к концу, как правило, снижать ее. Договорившись о цене, продавец поздравлял покупателя с выгодным приобретением. Универсальной формулой поздравления с покупкой является: «Хайырлы болсын!» (Пусть будет на благо!). Если покупали коня, то продавец поздравлял словами: «Йигерли ат болсын!» (Пусть сильным, игривым будет конь!), если корову – «Туяклы болсын!» (Пусть корова плодovitой будет!). Если приобретали одежду, обувь, то продавец поздравлял словами: «Эсен-аман тоздыр!» (Добром тебе износить!), если приобретали продукты питания, то говорили: «Аман-эсен аша!» (Добром тебе съесть!). На все поздравления покупатель отвечал: «Сав бол!» (Спасибо!).

При расчете за приобретенный товар покупатель говорил: «Алал болсын!» (Деньги (цену), которые дал тебе, добром тебе да будут!), «Базар болсын!» (Торговли вам!), на что продавец отвечал: «Сав бол!» (Спасибо!). Если покупателем был мужчина, то сделку, как правило, скрепляли дружеским рукопожатием, если же покупателем была женщина, то о рукопожатии и речи быть не могло. Малейший намек на недобросовестность продавца или на несостоятельность покупателя тут же обрывал торг.

Согласно морально-этическим установкам, существовавшим в торговле, категорически запрещалось третьему лицу вмешиваться в торг двоих, особенно если соглашение между ними почти

достигнуто. Неэтичным считалось продавцу, торгующему рядом, предлагать покупателю свой товар по более низкой цене в присутствии продавца, сделка с которым не состоялась. Случалось и так, что покупатель интересовался ценами у разных продавцов, как бы прицениваясь, и в итоге ничего не покупал или же покупал там, где подешевле. Опытный продавец сразу распознавал «настоящего» покупателя, намеревающегося сделать покупку. А над тем, кто выяснял цены и ничего не приобретал или обходил весь базар в поисках дешевого товара, продавец совершал такую шутку. Продавец специально занижал цену и выжидал момент, когда покупатель вернется, чтобы сделать покупку, заранее припрятав товар. Вернувшемуся покупателю продавец отказывался продать товар, сетуя на то, что уже продал его более удачливому покупателю, высказывая обиду за недоверие. Это не приносило никакой выгоды, но зато повышало престиж торгового дела и приносило моральное удовлетворение продавцу.

Во время торга всегда существовал этический момент: продавец должен был предоставить покупателю необходимый и качественный товар в собственность, а покупатель вовремя и в срок оплатить оговоренную сумму за полученную вещь (товар). Продавец обязан был предоставить вещь надлежащего качества: если вещь продана в таком состоянии, что ее или невозможно использовать по назначению, или она обесценена вследствие имеющихся в ней недостатков, то вещь возвращалась обратно, а продавец обязан был вернуть деньги за товар. Продавец отвечал и в тех случаях, когда в его действиях можно было усмотреть намеренное сокрытие, умолчание об известных продавцу и не известных покупателю недостатках с целью сбыть негодную вещь (например, зная, что продаваемая корова больна, продавец умышленно скрывает это от покупателя).

Продавец нес полную ответственность перед покупателем за то, что приобретенный товар не является краденым и, выплатив его цену, покупатель приобретает одновременно и право собственности на вещь. Если выяснялось, что проданная вещь является краденой и принадлежит другому человеку, то покупатель был вправе требовать возмещения убытков в судебном порядке.

Нарушение этической стороны (обман, представление заведомо некачественного товара и т.д.) расторгло сделку и подрывало авторитет продавца. Весть о его непорядочности быстро распространялась среди завсегдатаев базара. Боязнь о недоброй славе предостерегало продавцов от обвеса, обсчета и обмана.

Продавец всегда следил за точностью мер весов и длины. В каждом регионе существовали свои единицы измерения жидких и сыпучих тел. У ногайцев же самой крупнейшей единицей измерения сыпучих тел являлся чувал. Один чувал равнялся трем сабу, а в сабе – четыре пуда¹. Таким образом, если считать, что один пуд равен 16 кг, то один саб равен 64 кг, а один чувал – 192 кг. Более мелкой единицей измерения сыпучих тел был «бытыр», которой равнялся 2,5 кг. Самой мелкой единицей измерения являлось «куьреке», равнявшееся 400 г, 2,5 куьреке равнялось 1 кг, 25 куьреке – 10 кг, 40 куьреке – 1 пуду.

Весы у ногайцев назывались «бежмен». Они представляли собой металлический прут с делениями, одно деление равнялось 1 куьреке. На одном конце висел груз в виде гири, на другом – крючок, на который вешали то, что хотели взвесить.

Количество зерна измеряли еще и мешками «капшык» вместимостью от 1 до 2 сабу, т.е. 64-128 кг. Кукурузу в початках, арбузы, дыни, тыкву, сено продавали арбами. Например, в одну арбу вмещалось приблизительно 15-20 охапок сена.

Для измерения ткани использовали следующие меры длины. Наименьшей мерой длины считалась «эли» (ширина указательного пальца), затем «суьем» (ширина двух пальцев – указательного и среднего), «карыс» (расстояние между большим и указательным пальцами), далее «шыганак» (расстояние от среднего пальца до локтя).

Ткань измеряли аршинами (арсын). Один аршин равнялся 0,71 метру русской меры длины. Самой крупной мерой длины считался «кулаш» – расстояние между двумя вытянутыми в стороны руками.

Хлеб, сыр, калмыцкий чай покупали и продавали кусками или половинками. Так, плитка чая, поделенная пополам, на-

зывалась «эки ярим» (букв. две половины), на четыре части – «шерик», на восемь частей – «тымар». Мерой для жидких тел служила «мерке» – посуда, которой измеряли жидкость. Г. Малявкин писал: «Караногайцы употребляют точные меры только в торговых сношениях с русскими, в городах и станицах; между собою же они обыкновенно ограничиваются глазомером. В домашнем обиходе караногайцы считают по пальцам. Они недурно соображают, и простые вычисления им легко даются»¹.

В денежном обращении больше использовали серебряные монеты: «манет» (рубль), «ярим манет» (50 коп.), «абазы» (20 коп.), «алты» (6 коп.), «шей» (пятак). Золотые монеты («мисханъ») использовали реже.

Обман, недовес и обсчет покупателя осуждались обществом, это шло вразрез с морально-этическими установками и догмами ислама. В народе считали, что продавца за обман покупателя в загробном мире ожидают спрос и час расплаты. Так, например, продавец, торгующий разбавленным молоком, на том свете будет отделять молоко от воды.

За обман покупателя осуждали не только у ногайцев, но и у других дагестанских народов².

Итак, в XIX – начале XX века у ногайцев сложились свои правила торга и заключения торговых сделок, что предполагает существование у них торгового этикета. Нарушение правил торгового этикета влекло за собой не только общественное порицание, но в некоторых случаях даже судебное разбирательство.

5.2. Повседневно-бытовая культура поведения и этикет

Этикет общественной жизни – это, прежде всего, правила, регулирующие процесс общения людей, т.е. приветствия и прощания при встрече, манера вести беседу, обороты речи,

¹ Малявкин Г. Указ. раб. С. 161.

² Лутуев С. А., Магомедханов М. М. Торговые обычаи народов Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 155.

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 369.

жестикуляция и т.п.¹ У ногайцев существуют различные формы приветствий. Для мужчин общепринятой формой приветствия, как и для всех мусульман, было обращение «Ассаламу алейкум!» (Мир вам!), в ответ говорили: «Алейкум ассалам!» (И вам мир!). У женщин же приветствие зависело от времени суток. Повстречавшиеся утром женщины приветствовали друг друга словами: «Тань яхшы болсын!» (Доброго вам утра!), «Сизге де яхшы болсын!» (И для вас пусть будет добрым). В обед приветствие было таким: «Куьн яхшы болсын!» (Доброго вам дня!), вечером – «Кеш яхшы болсын!» (Доброго вам вечера!). Этими словами друг друга приветствует большинство тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана². Так, например, карачаевские женщины, повстречавшись утром, приветствовали друг друга словами: «Эртен ашхы болсун» (Доброе утро), днем – «Кюн ашхы болсун» (Добрый день), вечером – «Ингир ашхы болсун» (Добрый вечер), ночью – «Кече ашхы болсун» (Доброй ночи)³.

У ногайских женщин во время приветствия принято было спрашивать о здоровье. Караногайки здоровались «Яхшымысыз?!», в ответ говорили: «Яхшымыз!», кубанские ногайки – «Аьруьвсизбе?!», кумские – «Ийгисизбе», терские – «Амансызба?!». Приветствия у всех групп ногайцев Северного Кавказа и Дагестана были синонимами слова благополучие. Таким образом, ногайцы, приветствуя, спрашивают: «Благополучны ли вы?».

После приветствия следовало рукопожатие. Людям почтенного возраста, родственникам, представителям духовенства и высшего сословия в знак особого почтения при рукопожатии подавали обе руки, слегка наклонив вперед голову. Первым приветствовал младший, приближаясь к старшему, он протягивал обе руки. Старший обыкновенно ждал рукопожатия, стоя на месте. Руку следовало пожимать ладонями, а не кончиками

пальцев, это считается невежливым, и первый подавший руки не отнимал раньше, чем это сделает протянувший руку позже; этих правил придерживалось большинство ногайцев. При рукопожатии лицу своему следовало придавать доброжелательное выражение. По правилам рукопожатие сопровождалось произнесением краткой молитвы.

Для приветствия всегда подавали правую руку, так как для мусульман правая рука считается ритуально чистой. Правой рукой начинали любое «достойное» дело (надевали одежду, приступали к еде, касались «чистых» частей тела), левой рукой снимали одежду и обувь, совершали омовение, потому как она у мусульман считается «нечистой». Этими правилам мусульман учили с детства. Так, например, адыги, заметив, что ребенок становится левшой, предупреждали его несколько раз. Если словесные предупреждения оказывались малоэффективными, они били его по левой руке, когда тот вместо правой руки протягивал левую. Если и это не помогало, они ранили ножом не очень глубоко один из пальцев левой руки, завязывали его левую кисть и держали в таком виде до тех пор, пока ребенок не привыкнет брать предметы и есть правой рукой. Так постепенно приучали его правую руку к более активной работе¹.

Представление о правой и левой стороне нашло отражение в религиозных представлениях ногайцев. Ногайцы уверены, что у каждого человека на плечах сидят ангелы, которые записывают его добрые и недобрые дела, совершенные им на протяжении жизни. Ангел, сидящий на правом плече, Пакъид записывает добрые дела человека, ангел, сидящий на левом плече, Ракъиб – плохие. После смерти человека на одну чашу весов кладут его хорошие дела, на другую – плохие. Если чаша с добрыми делами перевесит, то человек попадет в рай, если же перевесит другая чаша – в ад. Подобные представления бытуют у адыгов², русских³ и других народов мира. Связь правой стороны со счастьем, удачей, благополучием, а левой – с несчастьем и

1 Никишенков А. А. Указ раб С. 95.

2 Алимова Б. М. Пицца и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 139.

3 Тамбиева Ф. А. Коммуникативные этикетные стереотипы (на материале французского, русского и карачаевского языков) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003 гг. : Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 56.

1 Мамхегова Р. А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. С. 130-131.

2 Там же. С. 131.

3 Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 29.

неблагополучием нашла свое отражение как в Коране, так и в Библии¹. У православных христиан не следовало плевать на правый бок, на правую сторону, потому что ангел – хранитель на правой стороне, полагалось плевать на левую сторону, где дьявол².

Мусульманам также следовало плевать влево, где якобы обитают злые духи, при этом надо упомянуть имя Аллаха. Так, например, ногайцы говорят: «Тьфу, тьфу, Алла сакласын, Алла эрек этсин!» (Тьфу, тьфу, сохрани, Аллах, отведи от меня, Аллах!).

У ногайцев первым должен приветствовать тот, кто едет верхом, младший приветствует старшего, проходящий – сидящих, пришедший – собравшихся, идущий – стоящих. Если простому ногайцу на его пути повстречается мурза или бий, то он первым приветствует его. А. Джанибеков пишет: «Если крестьянин встретится с князем на пути, то крестьянин должен возвратиться и проводить несколько шагов князя, иначе он будет наказан»³.

Приветствовали обязательно стоя, сидя дозволялось ответить на приветствие человеку почтенного возраста, духовному лицу. Этим правилам следуют многие народы Кавказа. Стоя приветствуют друг друга и женщины. Рукопожатие среди женщин-ногаек было обязательным актом приветствия. Девочкам вменялось при встрече со взрослой женщиной подойти, поздороваться, взять за руку, поцеловать ее и приложить ко лбу. Так поступали все женщины во время приветствия, когда встречали женщину старше себя. Подобное приветствие между мужчиной и женщиной считалось недопустимым.

Запрет на рукопожатие между лицами противоположного пола налагался у чеченцев и таджиков⁴. Рукопожатие между мужчиной и женщиной допускалось лишь в том случае, когда брак между ними был невозможен. В остальных же случаях ру-

копожатие между мужчиной и женщиной не допускалось. При встрече с дальними родственниками, родственниками мужа, соседями, односельчанами женщина свое приветствие выражала кивком головы, при этом смотреть в глаза мужчине считалось дурным тоном. Все эти ограничения для женщин, связанные с приветствием, были взяты из Корана. В нем говорится, что любое прикосновение мужчины к женщине, кроме жены, дочери, матери, бабушки, тети, ведет к нарушению омовения для совершения намаза (молитвы) и наоборот.

Приветствие с рукопожатием требовало соблюдения определенных норм. Нельзя было держать левую руку в кармане, курить, стоять, расслабившись, смотреть в сторону, сидеть.

Если это был сход джамаата, то ограничивались общим приветствием всех собравшихся поднятием правой руки. Если же пришедший на общее собрание все же кого-либо приветствовал рукопожатием, то правила этикета требовали от него, чтобы он пожал руку и всем остальным присутствующим.

Существовали особые правила при рукопожатии с людьми высшего сословия, духовенством, уважаемыми людьми, паломниками, высокими гостями. После рукопожатия человеку, пользующемуся всеобщим уважением, совершившему хадж, знаменитому эфенди, почетному гостю, мурзе, бию в знак глубокого уважения целовали руку и трижды прикладывали ко лбу.

У терских ногайцев после обмена рукопожатием как женщины, так и мужчины обязательно обменивались легкими похлопываниями. Этот обычай они переняли у своих соседей чеченцев, у которых объятия являются обязательным актом во время приветствия. Другие же группы ногайцев Дагестана и Северного Кавказа во время приветствия ограничиваются рукопожатием.

По исламу приветствие – это не только долг вежливости, но и строгая обязанность. «Если двое мусульман встречаются, они обязаны приветствовать друг друга, не придавая значения тому, в дружественных или враждебных отношениях они находятся, потому что приветствие установлено пророком»¹.

1 Резван Е. А. Этнические представления в Коране //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 49.

2 Байбурун А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 29.

3 Джанибеков А.-Х. Ш. Указ. раб. Л. 44.

4 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1998. С. 81.

1 Мухаммад Садык-и Кашакари. Адаб-уль-Сали-хан. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1895. С. 25.

Приветствовать друг друга должны не только люди, доброжелательно настроенные друг к другу, но и те, кто накануне поссорился. При встрече они могут не пожимать друг другу руки, но поздороваться обязаны.

Обмениваться рукопожатием запрещалось с трапезничающим, с выполняющим тяжелую работу, связанную с определенным риском для здоровья (с кузнецом, коневодом, пытающимся обуздать коня и т.д.). Не приветствовали спящего, читающего проповедь в мечети муэдзина, во время призыва к молитве, совершающего намаз (молитву), читающего Коран.

Если повстречавшиеся знали друг друга хорошо или находились в родстве, то приветствия переходили в расспросы о делах, здоровье и т.п., которые были своего рода знаками внимания.

Приведем отрывок из повести «Аш хаду» Ф. О. Капельгородского, который в начале XX века жил среди ногайцев.

– Салям алейкум, аджи! (Аджи – человек, совершивший паломничество к святым для мусульман местам).

– Алейкум салям!

– Здоровы ли твои скакуны? Плодятся ли коровы?

– Слава богу!

– Целы ли твои овечки? Не причинил ли кто вреда твоим козам?

– Благодарение Милосердному, все благополучно.

– Доволен ли ты своей семьей?¹

У караногайцев согласно этикету при встрече давних знакомых, родственников первым делом было принято спрашивать о состоянии скота, так как скотоводство было одной из основных отраслей хозяйства, от которой зависело благополучие семьи. У кубанских же ногайцев при встрече больше интересовались урожаем, состоянием пахотных земель, как это было принято у их соседей карачаевцев, балкарцев, абазинцев, кабардинцев. Согласно этикету у ногайцев не принято было спрашивать о жене, дочерях, интересоваться их здоровьем, делами.

В речевом этикете женщин после приветствия используются как краткие, так и расширенные формулы расспроса о делах,

здоровье и т.д. Например, на вопрос: «Яхшы турасынъма?» (Как поживаешь?), «Балаларынъ нешик?» (Как твои дети?) – отвечали: «Аьруьв, Аллага шуькир!» (Хорошо, хвала Аллаху!). Или же на вопрос: «Яхшы турасынъма?» (Хорошо ли живешь?), «Келин, кеде аьруьвме?» (Как сын с невесткой?), «Картынъ яхшыма?» (Как поживает твой старик?), «Мал, ян нешик?» (Как скот, живность), «Авылдастар аьруьвме?» (Как поживают соседи?), «Шаркынъ аьруьвме?» (Как твое самочувствие?) – отвечали: «Аьруьв, Аллага шуькир!» (Хорошо, хвала всевышнему!), «Савлыгым да аьруьв!» (И здоровье хорошее!), «Балалар да аьруьв!» (И дети в порядке!), «Карт та аьруьв!» (И старик в порядке!).

Если пожилая женщина повстречает девушку, то после обмена приветствиями женщина вела расспросы: «Сен кимнинъ кызысынъ?» (Ты чья дочь?), «Кайсы авылдан?» (Из какого аула?), «Атынъ ким?» (Как зовут тебя?), «Кайсы авылда турасынъ?» (В каком ауле живешь?), «Эрге шыккансынъма?» (Замужем?), «Эринъ барма, балаларынъ барма?» (Есть ли муж, дети?).

Во время приветствия у ногайцев было принято выражать чувство удовлетворения от встречи. У женщин при встрече с близкими родственницами, знакомыми, подругами было принято улыбаться. Для мужчин малознакомых и разного возраста в составе приветствия улыбка была недопустимой. Недопустимость улыбки во время приветствия проф. Б. Х. Бгажноков объясняет так: «...улыбка сообщает некоторую фамильярность акту приветствия, в то время как этикет предписывает совершать его с серьезным, сосредоточенным выражением лица»¹.

Но при встрече с другом, сверстником, приятелем улыбка среди мужчин все же допускалась. В составе мужского приветствия считались nepозволительными и антиэтикетными различные похлопывания, постукивания, а у женщин и вовсе запретными.

Ритуал прощания был не менее значимым, нежели приветствие. Прощание у всех народов мира напоминает во многом приветственный акт. В акте прощания обнаруживается намерение одной из сторон или обеих сторон одновременно прервать

¹ Капельгородский Ф. О. Аш хаду. Краснодар, 1984. С. 12.

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 87.

контакт. Формулы прощания являются по существу конвенциональными способами освобождения от общения. Они выполняют, таким образом, сигнальную и регулирующую функцию. Прощание, кроме того – долг приличия¹. Прощаясь, люди, прежде всего, стремились выразить свое удовлетворение от встречи. Акт прощания насыщен всякого рода благопожеланиями, как правило, желали друг другу здоровья, всех земных благ и дальнейших встреч по радостным событиям в жизни. Так, прощаясь, люди обменивались такого рода благопожеланиями: «Аман турынгъыз! Аьр заманда, аьр вакытта Алла наьсип этсин, солай шатлык пан коьриспеге!» (Счастливо оставаться! Дай Аллах нам встречаться только в связи с радостными событиями!) или сокращенная форма: «Аман калынъыз!» (Счастливо оставаться!). Если прощались ближе к вечеру, то желали друг другу доброй ночи: «Кешенъиз яхшы болсын!» (Доброй вам ночи!), «Сизики де яхшы болсын!» (И вам доброй ночи!). Приблизительно те же формулы во время прощания произносятся большинством тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана. Так, например, у карачаевцев, прощаясь, говорят: «Ашхы кечели къалыгъыз!» (Спокойной ночи!), в ответ: «Биргелей» (Всем нам спокойной ночи!)².

Во время прощания соблюдались следующие правила: младшему следовало дождаться, пока старший первым отвернется от него, женщины в зависимости от степени знакомства и родства могли обмениваться поцелуями, мужчины же, независимо от степени знакомства и родства, обменивались рукопожатием, при этом подававший руку не должен первым ее отнимать.

У мужчин местом для ежедневных сборов и общения являлся «арка» (букв. спина). В свободное время старейшины аула собирались на «арка» для того, чтобы пообщаться, обменяться новостями, скоротать время. Место для сбора мужчин не случайно называлось «арка» (спина, опора), именно там формировалось общественное сознание, вырабатывались морально-нравственные установки, выступающие ориентирами в общественной жизни людей.

1 Там же.

2 Тамбиева Ф. А. Указ. раб. С. 56.

На «арка» жители аула обсуждали свои проблемы, спрашивали совета у старейшин, которые являлись так называемой их «спиной», опорой в жизни. Подобную роль у горцев Дагестана выполняли годеканы¹. Так, например, у жителей селения Хрюг Ахтынского района годеканы различались даже по тематике образовательно-воспитательных бесед².

Как и на сельском сходе, участие в «арка» требовало от присутствующих хотя не столь строго официального, но все же определенного стиля поведения и общения. Беседа обычно велась в непринужденной форме.

«Арка» находилось в центральной части аула, обязательно на возвышенности. Если место было ровным, то возвышенность создавали искусственно. Старейшины аула садились полукругом, к ним могли присоединиться и взрослые мужчины. Молодежь обычно стояла поодаль. Различного рода позы также несли этикетную нагрузку. Позы для сидения были мужскими и женскими. Так, у большинства тюркских народов из-за отсутствия высокой мебели было принято сидеть на кошмах и коврах. Мужчины сидели «по-турецки», поджав обе ноги под себя. Сидеть по-другому считалось неприличным³. Сидящие на «арка» соблюдали эти правила. У горцев же крайне неприличным, антиэтикетным считалось сидеть на стульчике, бревне, камне и проч., широко раздвинув колени. Сидеть в позе «нога на ногу» мужчина - горец мог себе позволить только в кругу ровесников-друзей, товарищей, соседей, близких родственников⁴.

Любой присутствующий, кроме молодого, мог начать разговор. По правилам этикета говорящего не перебивали, давали возможность высказаться и лишь затем либо задавали

1 См. : Исламагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII-нач. XX в.). С. 394.

2 Хиясова С. Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С. 272.

3 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 70.

4 Лутуев С. А. Традиционные нормы поведения и этикет у народов Дагестана (XIX- начало XX в.). С. 59-60.

уточняющие вопросы, либо сами продолжали начатую тему. Говорили все по очереди. Если кто-то из присутствующих хотел что-то уточнить, добавить, то вначале он просил прощения, что прерывает разговор: «Кешир мени, сенинъ собзинъди боьлгенге» (Прости, что делю твои слова), и лишь затем вступал в разговор. Он старался говорить кратко, по существу дела, чтобы не задерживать внимание слушателей. После того, как он выскажет свое мнение, инициатива ведения разговора вновь переходила к тому, кто заводил разговор. Категорически запрещалось прерывать старшего. Подобные вмешательства в разговор допускались лишь между сверстниками, хотя в их разговор мог вмешаться и старший, от которого не требовалось предваряющих разговор извинений. Неприличным считалось задавать много вопросов. Задающего много вопросов резко прерывали: «Не орыс соравлар?!» (Что за русский допрос ты устроил?!). Ногайцы считают, что русским свойственно задавать много вопросов и много говорить.

Реплики, громкий смех, высокомерный тон, насмешки, подшучивания в обществе были непозволительны. Категорически запрещалось делать язвительные замечания кому-либо из присутствующих. Собравшиеся могли обсуждать новости, полученные из других регионов, особенно новости, привезенные из хаджа (рассказы о жизни, быте, обычаях и традициях других народов), вести из соседних и отдаленных сел. Им обязательно давалась оценка, иногда и отрицательная. Так, кубанские ногайцы в свое время осуждали канглинцев (ставропольских ногайцев) за то, что последние продали свои сенокосные угодья местным казакам. Продажа общинных земель у ногайцев запрещалась.

По этому случаю кубанские ногайцы сочинили песню:

*Карамыклар озарлар
Кара тонлар тозарлар,
Ликрауна этик тоздырып,
Тавдан ыдырык излерлер.*

*Сенокосные угодья закончатся,
Черные тулупы износятся,
Лаковые сапоги изорвав,
Придете в горы (к кубанским ногайцам. – М. Г.)
В поисках кожаных чарыков (разновидность
кожаной обуви. – М. Г.).*

Живой интерес у собравшихся вызывали и юмористические рассказы, анекдоты, смешные случаи, которые произошли с их односельчанами. При этом использовались такие выражения, как «хотите верьте, хотите нет...», «сам этого не видел, передаю то, что слышал...». Самым главным в подобном разговоре было умение не задевать самолюбия и достоинства окружающих. Шутки должны были носить безобидный характер. У ногайцев существует поговорка: «Ойнап айтсанъ да, ойлап айт» (Даже если говоришь в шутку, то сначала подумай).

По нормам речевого общения во время беседы говорящий не должен был употреблять неприличных выражений и слов. Запретной считалась тематика, касающаяся негативных поступков членов семьи, особенно женщин, кого-либо из присутствующих. Если кто-то и касался запретной темы, то один из старших прерывал разговор словами: «Тилинъ токтаса, тыныш боларсынъ, тилинъ токтамаса, кыйынлыкка йолыгарсынъ» (Придержи язык – полегче будет, не придержишь языка – беды не оберешься).

Коммуниканты тщательно избегали названий срамных мест и половых органов, номинаций, имеющих отношение к физическим актам, интимным отношениям, половым извращениям и т.д. Не только отдельные слова, но и вся тематика вокруг этих и им подобных понятий традиционно считалась запретной¹. Если кто-нибудь из коммуникантов все же решался рассказать что-то неприличное, то вначале он извинялся: «Уят болса да, мен сизге айтайым» (Хоть и стыдно, но я все же расскажу) или же: «Ер тар болса да айтайым, аьйип этпе» (Хоть от сказанного

¹ Лугуев С. А. Указ. раб. С. 53.

и места будет мало, но я все-таки скажу, не обессудь). Если же при этом присутствовали еще и молодые, то говорили: «Юзинъди Алла сыйласын» (Да простит меня Аллах, грешного) и лишь после этого вступления начинали свой рассказ.

Неэтичным считалось обсуждать, подсчитывать доходы, прибыль от совершенной сделки того или иного члена общества, разбираться в его семейных делах, напоминать о неудачах, промахах в жизни. Совершенно неэтичным было обсуждать достоинства или недостатки фигуры кого-либо, его молодость не по годам или, наоборот, дряхлость. Не допускались в общении мужчин разговоры, касающиеся женской работы по дому.

В разговоре мужчинам категорически запрещалось употреблять междометия, принятые у женщин. Совершенно не допускалось говорить с усмешкой, высокомерно, говорить с одним, а смотреть на других, говорить и пристально смотреть собеседнику в глаза или же разглядывать детали его одежды, говорить, скрестив руки на груди или подбоченившись. Категорически запрещалось ковыряться в зубах, чистить уши, нос, плевать, чесаться и т.д., одним словом, все, что могло не понравиться окружающим. Антиэтичным считалось во время беседы смотреть на собеседника, оглядывая его с головы до ног.

Если двое говорили о чем-то своем и в это время к ним приближался третий, то он должен был после рукопожатия спросить разрешения присоединиться к ним. Согласно этикету они не могли ему отказать, но и не давали согласия, как правило, они отшучивались, прекращали разговор и не предлагали сесть или стать рядом - это означало, что присутствие третьего нежелательно. Если же у них не было секретов, то третьему предлагали сесть рядом или подойти поближе и присоединиться к разговору.

Как мы уже отмечали выше, речь ногайцев не изобиловала жестами и мимикой. Во время беседы не приветствовалась чрезмерная жестикуляция. Мужчины минимально использовали мимику и жесты во время общения, это было вызвано, прежде всего, военизированной быта в прошлом и влияни-

ем мусульманской этики, осуждающей всякую эмоциональную активность человека.

Самыми распространенными среди мужчин являлись следующие жесты: кивок головой направо - налево, означающий отказ, кивок головой сверху вниз - согласие, рукой вперед - указание, похлопывание руками по бедрам - удивление, потрясение, движение ладонью от себя - отвергающий жест, рукой к себе - приглашение и т.д. Недопустимыми с этикетной точки зрения у ногайцев считались жесты и мимика, используемые в разговоре женщинами и те, что могли показаться окружающим как проявление неуважения к ним. Совершенно были недопустимы антиэтикетные жесты и мимика во время бесед на религиозные темы. Жестко пресекались богохульные разговоры. Запрещалось брать под сомнение мусульманское толкование о сотворении мира, о ниспослании Аллахом Корана людям, о пришествии пророка Мухаммеда и о неизбежности наступления конца света и т.д.

Известный дагестанский этнограф С. А. Лугуев пишет, что «традиционные нормы общения у горцев Дагестана характеризуются минимальным использованием мимики и жестов»¹. Позволим себе не согласиться с этим положением. Вообще сопровождение речи жестами во многом зависит от темперамента народа, от природно-климатических условий, в которых живет тот или иной этнос. Известно, что горцы всегда отличались своей горячностью и темпераментом, что не могло не отразиться на их характере, танцах, одежде, стиле поведения и манере общения.

Известный кавказовед К. Х. Унежев отмечает, что судьба каждого народа во всех сферах своего проявления, в том числе и культуре, находится в тесной диалектической взаимосвязи со средой его обитания, с ее природно-климатическими условиями². Бескрайние степные просторы, безусловно, повлияли на характер ногайцев, поведение и манеру общаться. С одной

1 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). С. 175.

2 Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 26.

стороны, суровые климатические условия (холодные ветры зимой, пески, отсутствие воды, летняя жара и т.д.) объединяли и сплачивали людей. Отсюда надо понимать присущее ногайцам чувство коллективизма. С другой стороны, равнина благотворно влияла на психологическое состояние людей. Еще В. О. Ключевский писал, что степь олицетворяет широту натуры¹. Ее жители степенны, сдержанны, уравновешенны. Недаром психологи советуют утром посмотреть на горы, а вечером – на морскую гладь или же степь, равнину. Здесь многие могут не согласиться, ведь история свидетельствует об обратном. В прошлом жители степи – кочевые народы в поисках новых пастбищ для своего скота постоянно находились в состоянии войны. Вспомним лишь походы Чингисхана. Но, согласно теории Л. Н. Гумилева «поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени». Известно, что еще до окончательного включения в российскую социальную структуру ногайцы характеризовались как воинственный, неустрашимый народ, способный переносить невероятные трудности². Но под влиянием правительственной политики военизированные элементы быстро утрачивались³, ногайцы постепенно становились оседлыми, что не могло не сказаться на их менталитете и стереотипах поведения.

Развивая свою мысль, К. Х. Унежев пишет: «Среда обитания накладывает большой отпечаток не только на физический облик народа, но и на культуру, традиции, обычаи, уклад жизни, характер, дух народа – словом, на образ жизни и образ мышления данного этноса, на его ментальность»⁴. Мы добавим к этому высказыванию еще одну существенную, на наш взгляд,

1 Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур: Учебн. пособие. М., 1999. С. 163.

2 Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах (Собранные с 1816 по 1826 гг.). СПб., 1829. С. 136.

3 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 79.

4 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 27.

деталь, что среда обитания формирует у людей и определенные стереотипы поведения, культуру общения. Так, например, спокойствие и сдержанность можно отнести к национальным чертам характера ногайцев. Это не раз отмечали и русские путешественники. Вообще для ногайцев характерна спокойная, неторопливая манера общения. Еще в XIX веке Г. Малявкин, исследуя быт ногайцев, отмечал, что «общая манера говора (у ногайцев. – М. Г.) медленная, с паузами и короткими восклицаниями. Характер беседы мирный, спокойный; ни резкого движения, ни неприятного жеста вы не увидите. Старики обыкновенно в промежутках речи вставляют слова какой-нибудь молитвы. Молодежь говорит быстрее и односложнее. Тон речи веселый, пересыпанный шутками и остротами, форма выражений отрывистая»¹. Надо отметить, что спокойная, сдержанная манера общения присуща всем тюркоязычным народам Северного Кавказа и Дагестана. Можно с уверенностью сказать, что именно это и отличает их от других народов Кавказа.

Собравшиеся на «арка» говорили спокойно, сдержанно. Умение говорить очень ценилось ногайцами. Красноречием обладали немногие. Поэтому в народе высоко почитали поэтов и певцов, чьи стихи и песни передавались из уст в уста. Быть высмеянным в песне было подобно смерти. Ногайцы ценили слово, знали его силу. Об этом свидетельствуют многочисленные ногайские поговорки. Вот лишь некоторые из них: «Соьз тас ярар, тас ярмаса бас ярар» (Слово расколет камень, если не камень, то голову), «Айтылган соьз – атылган ок» (Сказанное слово – выпущенная стрела), «Оьнер алды – кызыл тил» (Начало искусства – красный язык).

Речевой этикет ногайцев насыщен различными стандартными формулами, используемыми в разговоре: «Сизинь шагынъызга етсем, мен де билермен, эгер билмей айткан соьзим бар болса, кешип койынъыз» (Когда я достигну вашего возраста, и я буду все знать, но если я сказал что-то не так, то прошу вас меня извинить), «Сиз оьзекте уйкенсинъиз, акыллысыз» (Вы,

1 Малявкин Г. Указ. раб. С. 145.

конечно, старше и мудрее...), «Меннен сиз коьп билесиз, коьп коьплеклер тоздыргансыз...» (Вы больше меня знаете, много рубашек износили...). Обращение подобного рода произносились с почтением, но с чувством собственного достоинства. Следует отметить характерную особенность речевого этикета ногайцев – это обращение к людям старшего поколения и малознакомым.

Младшие никогда не называли старших по имени. Обратиться к старшему по имени считалось верхом бескультурья. Для обращения к старшим существует специальная терминология, используемая и в наши дни. Так, к пожилому человеку, к старцу обращались «атай» (дедушка), к старшему по возрасту «акай» (дядя), к пожилой или взрослой женщине обращались «авай» (тетя). Например, Йолманбет атай, Явгайтар акай, Аксекер авай, Райлет авай. Такая форма вежливого обращения младших к старшим была обязательной и строго соблюдается до сих пор. По имени друг к другу могут обратиться лишь ровесники. Этикетная форма обращения к старшим с использованием слов «дядя», «тетя» призвана была подчеркнуть особое уважение к старшим. Как, впрочем, и весь речевой этикет, включая интонацию, взгляд, тембр голоса и т.п., продуман так, чтобы лишним раз показать почтительное отношение к старшим. Подобное обращение к старшим принято не только у ногайцев, но и у других тюркоязычных народов России.

С подчеркнутым уважением на Северном Кавказе и в Дагестане относились к людям, совершившим паломничество в Мекку. Обращаясь к ним, добавляли слово «хъаджи». У тюркоязычных народов слово «хъаджи» произносится как «аьжи». Например, Асанали аьжи, Йолманбет аьжи, Шарапдин аьжи, Явгайтар аьжи, Акманбет аьжи.

Речь коммуникантов была насыщена тропами. Троп – это образное выражение, иносказание, слово или фраза в переносном значении, построенная на сходстве и контрасте признаков, явлений. Подобного рода устойчивые выражения, применяемые коммуникантами в процессе взаимного общения, призваны были подчеркнуть, усилить этикетную направленность речи.

воспитанность, толерантность говорящего, его уважительное отношение к окружающим, присутствующим¹.

Характерны для этикетной речи ногайцев также и разновидности метонимии: гипербола и ее противоположность – литота, например, «кара канын кусып» (черной кровью блеваясь) говорили от чрезмерного напряжения, «уялганымнан, кайсы тессикке киреегимди билмедим» (от стыда не знал, в какую дырку зайти); «кан тенгиздей эди» (море крови); «коьз ясындай» (мало, как слез); «шышканнынъ коьзи» (мышьиные глаза); «колы тастай» (каменный кулак) и многие другие. Подобными же тропами изобиловала и этикетная речь горцев².

Присутствие в общественных местах требовало от людей и определенной формы поведения. Так, например, категорически запрещались драки.

В силу своей занятости домашними работами женщины не располагали свободным временем для общения, как мужчины. Общение женщин в основном происходило у источников, куда они приходили за водой, у печи, где выпекали хлеб. Здесь они могли расспросить о детях, хозяйстве, перекинуться друг с другом новостями.

Речь женщин была спокойной, неторопливой, доброжелательной. Бывало и так, что женщины между делом могли и посудачить, высмеять кого-либо. Так, женщины иронично могли намекнуть на высокий рост, сказав: «Дурная трава (имели в виду сорняк) быстро растет!» или же на физические недостатки: «Алла яратканнынъ яны эки болар буйреги, аксак пан сокырдынъ оьктем болар юреги» (У рожденного Аллахом две почки, у хромого, слепого – сердце большое), на чью-либо бездетность: «Юмыртка бермейтаган тавыкты азбарда сакламайды!» (Курицу, не несущую яиц, во дворе не держат!), «Бала таппайтаган пишеден эссе, бакылдайган эшки ийги» (Чем содержать нерождающую жену, лучше держать блеющую козу) или же многодетность: «Яман карбыздынъ урлыгы коьп болар» (У плохого

1 Лугуев С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX-начало XX в.). С. 51.

2 Там же.

арбуза семян много бывает!), «Акканы, тамганы бариде бала болады» (Что капнет, что потечет – все дети получают) и т.д.

Речь женщин по своему характеру была более эмоциональной. В общении они чаще употребляли междометия, выражающие восхищение, радость, удивление, удовлетворение, испуг, сомнение, неудовольствие и т.д.: и-и-и, ай, ае, ой, ух, уф, о-о-о, ай-ай-ай, лайле, айле, янымды алдын (букв. душу взяла), ва-а-а, ай-ю, ай-е и др., а для передачи полноты чувств, настроения, отношения друг к другу использовали мимику и жесты.

Мимика и жесты, как мы уже отмечали, составляют предмет кинесики. Многообразные кинесические проявления, обычно включаемые в паралингвистику в широком ее понимании¹, могут быть и этикетно значимыми, функционируя порой относительно самостоятельно (по отношению к речи как к таковой)². Для наглядности приведем лишь один из многочисленных примеров. Встречая гостей, пожилая ногайка у порога подавала предупредительные знаки своим снохам. Если хозяйка дома почесывала голову, то это означало, что гости почетные и их следует принять подобающим образом. Если же она почесывала бедро, то это означало, что гости «неважные» и можно обойтись более скромным приемом. Подобные жесты, дополняющие или же заменяющие речь коммуниканта, существуют у многих народов. Так, свое согласие или несогласие на замужество девушка – лачка из Балхара и других ближних селений передавала сватам посредством системы знаков. Закручивание – раскручивание нити означало ее позитивное отношение к сватовству, к сватам. Напротив, вздернутый подбородок, взгляд, устремленный вверх или мимо говорящих, руки, заложенные за спину, выдавали ее несогласие³. Знаковый характер имели и жесты, совершаемые девушкой во время сватовства у русских. Задувание девушкой свечи перед иконой означает ее

отказ, а «колупание» ею пальцем печи – согласие¹. Использовали мимику и жесты как дополняющие и даже заменяющие речь и татарские девушки. Во время посиделок они мимикой (бровями) объяснялись с парнями, а чтобы привлечь к себе их внимание, пощелкивали суставами пальцев.

Речь женщины изобиловала благопожеланиями. В них прослеживается дифференциация по половому признаку. Женские благопожелания резко отличались от мужских: мужские благопожелания были краткими и соответствовали конкретной ситуации, женские – пространными, детализированными. Вот одно из характерных благопожеланий для ногайской женщины:

<i>Алла разы болсын, Ак куьн тувсын. Аягынъ-колынъ хайыр аькелсин, Балаларынънан хайыр коьр. Балаларынъ табынышлы болсын Сен ашавшы бол. Оьмиринъ узак болсын, Оьлиминъ узак болсын. Узак оьмирди Алла берсин, Тынъши яшавды да Алла берсин!</i>	<i>Пусть доволен будет тобою всевышний, Пусть настанет светлый день для тебя. Руки и ноги твои пусть добро приносят, От детей только добро тебе видеть. Чтобы дети добытчиками стали, Тебе пользу приносили. Жизнь пусть будет долгой, Пусть смерть будет неблизкой. Пусть долгую жизнь даст Аллах, Пусть легкой жизни даст Аллах!</i>
--	--

Мужчины же избегали благопожеланий, относящихся к жене, сестре и дочери собеседника, связанных с прибавлением в семье² и т.д.

Помимо многочисленных благопожеланий, существовали и проклятья. Их в своей речи чаще употребляли женщины, нежели мужчины. Так, женщины проклинали друг друга во время

1 Файбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии: Сб. статей. М., 1988. С. 29-30.

2 Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика //Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 69-79.

3 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 57.

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 25.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 49.

ссор, в порыве гнева. Вот некоторые из них: «Ашылмасын эсигинъ, тербетилмесин бесигинъ» (Пусть дверь твоя не откроется, люлька не качнется), «Аласа уьйинъ авдарылсын, коьк Алла уьйинъ тоьнътерилсин» (Чтобы твой низкий дом опрокинулся, Аллах дом твой перевернул), «Тагарагынъ шатласын, эки коьзинъ батласын, тутнак уьйдин ишинде кабырганъ сенинъ куртласын» (Пусть волосы твои выпадут, глаза вылупятся, сгнить тебе в собственном доме).

Проклятья могли быть адресованы и мужчине:

*Кырга шыксанъ атынъ оьлсин,
Уьйге келсенъ хатынынъ оьлсин,
Юргенде йолынъ болмасын,
Ясаган ясына етпе,
Тилегинъ биртте болмасын.*

*На улицу выйдешь – пусть конь твой сдохнет,
В дом войдешь – пусть жена умрет.
Чтобы дороги тебе не видеть,
Чтобы не дожил ты до конца дней своих,
Чтобы мечты твои никогда не сбывались.*

Совершенно недопустимым, антиэтикетным считалось молодой девушке посылать проклятья в адрес пожилой женщины. Молодые девушки относились к взрослым женщинам почтительно, с уважением. Любая просьба пожилой женщины выполнялась девушкой, девочкой незамедлительно. Молодые девушки, обращаясь к пожилой, взрослой женщине, к имени прибавляли слово «авай» (тетя).

Говорить в присутствии взрослых женщин молодым без особой надобности было непозволительно. Если их о чем-то спрашивали, то отвечать надо было по существу вопроса тихо, спокойно, как бы стесняясь. «Девушки вообще мало говорят даже в присутствии своих подруг и женщин. Скромность считается лучшим качеством девушки, и они стараются подде-

рживать свою репутацию», – писал о ногайских девушках Г. Малявкин¹.

Громко смеяться, перебивать, поправлять старших, препираться с ними было не принято. Девушку, которая позволяла себе такое поведение, общество осуждало. Не принято было ссориться и с ровесницами, а тем более вступать в драки. Надо отметить, что кротость нрава, мягкость и вежливость в обращении характерны для ногайской девушки. Она не обладала той свободой, которую имели, например, казашки, которые были более вариативны в выборе поведения. Например, ведущим поведенческим мотивом казашки в девичестве являлись свобода, слабая связь с домом, динамичная роль в кругу сверстников обоого пола². В поведении же ногайки явно прослеживается оторванность от поведенческих традиций кочевого мира. Ногайская девушка была привязана к дому, семье и не имела свободного общения с представителями противоположного пола. Здесь, прежде всего, сказывается влияние тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана на характер и нравы ногайцев.

В речевом этикете ногайцев, как и других мусульман, большое место занимают выражения, обращения, формулы религиозного характера, что свидетельствует об огромном влиянии ислама и мусульманского духовенства на их сознание и образ жизни.

Во всех своих делах ногайцы полагались только на Аллаха. У ногайцев есть выражение: «Аллага аманат!» (букв. надеюсь на Аллаха, на все милость Аллаха). При каких-либо осложнениях в жизни ногайцы советуют попросить Аллаха о благополучном исходе дела: «Аллага тилек сал, коьмек этсин!» (Аллаха попроси, пусть тебе поможет). Потому в речи ногайцев часто упоминается Аллах. В речевом общении ногайцами употребляется выражение, содержащее магическую направленность.

1 Малявкин Г. Указ. раб. С. 146.

2 Попова Л. Ф. Казахская женщина: Штрихи к этнопсихологическому портрету // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг. : Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 43.

Эта фраза известна всем тюркоязычным народам: «Алла буйыртса!», что означает «Если Аллаху будет угодно!». Употребляется и фраза арабского происхождения «Иншаллах!», имеющая то же значение, что и «Алла буйыртса!». Ногайцы верят, что произнесение этой сакральной фразы обязательно принесет удачу в делах и в исполнении намеченного. Приведем наиболее часто употребляемые выражения, связанные с именем Аллах:

«Алла бермесин!» –	<i>Не дай Бог! Не приведи Аллах!</i>
«Алла коьрсетпесин!» –	<i>Не дай Аллах!</i>
«Алла сакласын!» –	<i>Не покажи Аллах!</i>
«Алла овмир берсин!» –	<i>Не дай Аллах!</i>
«Алла савлык берсин!» –	<i>Дай Аллах долгую жизнь!</i>
«Алла навсин берсин!» –	<i>Пусть Аллах даст здоровье!</i>
«Алла мырадына етсин!» –	<i>Пусть Аллах даст счастья!</i>
«Алла сабырлык берсин!» –	<i>Пусть Аллах исполнит твои желания!</i>
«Алла накыр этпесин!» –	<i>Пусть Аллах даст тебе терпение!</i>
	<i>Пусть Аллах не даст мне страданий!</i>

Имя Аллаха упоминалось в словах благодарности: «Алла разы болсын!» (Спасибо! Да благословит тебя Аллах!), «Аллага шуькир!» (Слава Аллаху!), в благопожеланиях: «Хайырлы болсын!» (Пусть пойдет впрок!), в проклятьях: «Алла этсин!» (Пусть накажет тебя Аллах!), «Алладынъ наьлети болсын!» (Аллаха проклятье тебе!), «Алла янынъды алсын!» (Пусть Аллах заберет твою душу!).

Говоря о плохом человеке, используют выражение: «Алланы азабы» (Божье наказание). Когда хотят кого-либо остановить от совершения дурного поступка, говорят: «Алладан корк!» (Побойся Аллаха!), «Алла котермес!» (Аллах не простит). В разговорной речи для выражения удивления, недоумения исполь-

зуют также междометия: Валла! или Лайлахи! (Ей богу!). Выражения «Алла биледи!» (Аллах знает!), «Алладынъ иши!» (Дело Аллаха!) характерны для повседневного общения ногайцев.

В речи коммуникантов часто использовались словесные формулы, связанные с именем Аллаха. Они произносились при изъявлении благодарности, извинения, клятв, благопожеланий. Для стариков благопожелание было следующим: «Алла денинъе савлык берсин» (Пусть Аллах даст здоровья), «Юзим ашанъыз, юз йыл яшанъыз» (Ешьте виноград, живите сто лет); для молодых – «Ай, балам, сен таныйсынъма Айтулу курткады, юз йыл яшаган, сонынъ йолын берсин сага Алла, юз йыл яшамага» (Эй, дитя, ты знаешь старуху Айтулу, прожившую сто лет, дай бог и тебе жить столько же); для больного – «Алла иманынънан айырмасын, Алла савлык берсин сага, я Алла» (Пусть Аллах не отлучит тебя от веры, пусть даст тебе здоровья, я Алла).

Клятвы, связанные с именем Аллаха, были следующего плана: «Алла уьшин ант этемен» (Клянусь Аллахом), извинения – «Алла уьшин кештагы мени» (Прости меня, ради Аллаха).

Использовались и другие клятвы: «Ант болсын, шерт болсын, алганым арам болсын» (Клянусь, божусь, если взял, пусть мне впрок не будет); «Картайган атам овлсин, аявлаган балам овлсин» (Чтоб мой старый отец умер, чтоб любимое дитя умерло); «Анамнан эмген ак суьтим арам болсын» (Чтобы материнское молоко мне впрок не пошло); «Куьннинъ коьзин коьрмейим, айдынъ юзин коьрмейим» (Не видеть мне солнечного ока и лунного лика); «Малым арам болсын, хатыным талак болсын» (Чтоб скот мой пал (т.е. стал запретным), чтоб я с женой развелся).

Ногайское общество выработало не только правила общения, но и определенные правила поведения в общественных местах. Традиционный ногайский этикет предписывал мужчине быть вежливым и учтивым по отношению ко всем женщинам, независимо от возраста, и запрещал вести себя развязно в их присутствии. Считалось непозволительным заигрывать

с женщиной, остановив ее на улице, шутить с ней, говорить о ней в компании мужчин, если она проходила мимо. В этикете не только ногайцев, но и других кавказских народов уважительное отношение к женщине – признак благородства мужчины, особое его достоинство¹.

Одним из проявлений этикета в отношениях между мужчиной и женщиной было соблюдение пространства. Считалось неприличным мужчине идти рядом с женщиной или в непосредственной близости от впереди идущей женщины. По правилам он должен либо выждать, пока она окажется на приличном расстоянии от него, либо обогнать ее. Так, у северных кумыков мужчина, заметив идущую навстречу молодую женщину или девушку, не состоящую с ним в родстве, заворачивал в первый попавшийся переулок либо строил свой маршрут таким образом, чтобы между ними оставалось как можно больше пространства². Подобное поведение характерно для всех тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа.

Если мужчина и женщина состояли в родстве (сын и мать, племянник и тетка, внук и бабушка), то они могли идти рядом. В этом случае согласно этикету женщина шла с левой стороны от мужчины, так, чтобы правая рука мужчины была свободной и могла защитить от любой угрозы или нападения. Во всех остальных случаях мужчина шел впереди, женщина, как бы отставая от него, шла на 2 – 3 шага сзади – слева. Подобные же правила передвижения существовали и у других народов Дагестана. Так, у даргинцев, лакцев, части аварцев, у кумыков, у народов Южного Дагестана (кроме агулов) женщина занимала позицию «сзади – слева»; у терекеменцев, дербентских азербайджанцев, тлярагинских и чародинских аварцев, арчинцев, ахвахцев, каратинцев, хваршин, тиндинцев, багулалов, чамалалов и агулов

1 Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Пальчик, 1983. С. 47-49; Чеснов Я. В. Женщина и этика жизни и менталитет чеченцев // ЭО. 1994. №5. С. 33-44; Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). Махачкала, 2006. С. 131.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 82.

– «сзади – справа»¹. Этих же правил придерживались и мусульмане Средней Азии и Казахстана².

Недопустимым считался и любой телесный контакт во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Традиционный ногайский этикет не допускал прикосновения мужчины к женщине: нельзя было брать ее за руку, пытаться обнять и т.д. Подобные контакты исключались даже между супругами в присутствии домочадцев и тем более посторонних. Телесные контакты (дружеские похлопывания по плечу, легкие объятия после долгого расставания) между представителями одного пола считались допустимыми с друзьями – ровесниками, подругами, близкими родственниками. Совершенно недопустимыми с этикетной точки зрения считались телесные контакты между представителями низшего и высшего сословия. Простолюдии в общении с представителем высшего сословия мог рассчитывать только на разрешение поцеловать руку. Подобные ограничения на телесный контакт во время общения существовали и у других народов Дагестана. Следует отметить, что эта общая тенденция имела и свои исключения. Прежде всего ограничения касались общения между мужчинами и женщинами. Девушки и женщины при встрече могли обменяться поцелуями, держать руку собеседницы в своих руках, взять подругу под руку и т.д. Инициаторами обмена поцелуями выступали, как правило, старшие женщины. Прочие контакты были уместны лишь между ровесницами. Злоупотребления, связанные с телесным контактом в дагестанской женской среде, общественным мнением осуждались повсеместно. Лишь кумычки составляли некое исключение в этом ряду: в их среде полуобъятия с ровесницами, свойственницами (а также с родственниками, свойственниками), с подругами, соседками считались не только допустимыми, но и этикетно обязательными или, точнее, этикетно затребованными³.

1 Там же С. 136.

2 Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 168.

3 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 134-135.

Во время общения между коммуникантами возникает некое пространство, так называемая дистанция общения. Впервые с научных позиций весь комплекс связей между поведением человека и пространством стал рассматривать Е. Холл. На основе своих наблюдений над жителями Северной Америки и Западной Европы он определил четыре дистанции: интимную, личную, социальную и общественную. Для каждой из них он установил минимальный (close) и максимальный (far) варианты. Из обследованных Е. Холлом народов минимальные дистанции общения характерны для арабов и латиноамериканцев, максимальные – для североамериканцев и североевропейцев¹.

Для каждой культуры свойственны свои ограничения дистанции общения. Для степных ногайцев дистанция общения составляет от 75 до 90 см, для кубанских ногайцев – от 90 см до 1 метра. Эта дистанция может сокращаться и увеличиваться в зависимости от пола, возраста, статуса и степени знакомства коммуникантов. Следует отметить, что дистанция общения у степных ногайцев приблизительно такая же, как у их ближайших соседей, – северных кумыков (75 – 85 см), а у кубанских, как у адыгов, – около метра. Между мужчиной и женщиной дистанция общения, независимо от вышеперечисленных условий, всегда увеличивается.

Для дагестанцев дистанция общения характеризуется постепенным увеличением в направлении с юго-востока на северо-запад. Если для народов Южного Дагестана средняя дистанция между общающимися определяется 45 – 60 см, то для северных кумыков – 75 – 85 см, для горцев Центрального Дагестана характерна дистанция в пределах 65 – 75 см². У адыгов же пространство между беседующими женщинами немного сокращается, а между мужчиной и женщиной, наоборот, увеличивается до полутора метров, если позволяла обстановка³. Кроме того, у всех северокавказских и дагестанских народов, в том числе и у

1 Цит. по: Байбурун А. К. Указ. раб. С. 33-34.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 134.

3 Бгажноков Б. Х. Указ. раб. С. 46.

ногайцев, считалось неприличным мужчине пристально смотреть на женщину, разглядывать ее.

Определенные правила поведения в отношении мужчин соблюдались и женщинами. Всем своим поведением женщина должна была демонстрировать почтение и уважение к мужчине. Она должна была уступать мужчине дорогу, вставать, когда он входил в помещение или проходил мимо. Кроме того, согласно этикету ногайка не имела права переходить дорогу мужчине, а должна дожидаться, пока мужчина пройдет, даже если женщина была почтенных лет, а встречный – малолетний мальчик, находящийся от нее на приличном расстоянии. Аналогичное наблюдал Б. Буткевич, будучи в Ахтах, «когда старуха лет 70 вставала во время прохождения мальчугана лет 13-14»¹. Она обязана была уступить дорогу и идущей скотине, и едущей телеге. Анализируя подобный же обычай у адыгов, Б. Х. Бгажноков связывает его с представлениями о вредоносной магии, исходящей якобы от женщины. Если женщина пересекала дорогу мужчине, это считалось плохим предзнаменованием, не было сомнений, что теперь дело, с которым человек отправлялся в путь, не будет иметь успеха, что его ждет беда и даже смерть². Мы же склонны видеть в этом обычае отголоски культа мужского начала. Вообще на культуру поведения ногайской женщины огромное влияние оказали тюркоязычные народы Северного Кавказа и Дагестана. В силу ограниченной хозяйственной роли в семье тюркоязычные женщины Дагестана и Северного Кавказа находились в более зависимом от мужа, подчиненном положении. В родительском доме они подчинялась отцу, братьям, выйдя замуж – мужу. Все поведение тюркоязычных женщин как в семье, так и в обществе строилось на главенстве мужчины. В этом плане относительно независимыми были горские женщины. Их участие во всех отраслях производительного труда наравне с мужчинами давало женщинам некую свободу, что не могло

1 Буткевич Б. Запись об участии в дагестанской этнографической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

2 Бгажноков Б. Х. Указ. раб. С. 39.

не отразиться на поведении и манере общения. Значительными правами женщины обладали и у тюркоязычных кочевников Средней Азии и Казахстана. Так, казашка еще в девичестве пользовалась свободой, ее отличала непринужденная манера поведения, умение держать себя в обществе и вести разговор. В девичестве заметны отголоски «амазонства» с его культом ловкости, силы, удалства¹. Здесь уместно привести эпизод из жизни султана Старшего жуза Зука, описанный английским путешественником Аткинсоном: «Заехав как-то раз к султану черных киргизов, я увидел случайно его дочь, Айханым. Превосходно умея ездить верхом, она укрощала самых диких коней так же ловко, как мужчина, владела копьем и топором и в особое себе удовольствие доставляла охотиться с соколами»². Среди характерных способов самопроявления девушек – различные состязания, где девушка бросает вызов мужчине. Они могли иметь характер спортивный (например, известная игра «догони девушку»), так и интеллектуальный (соревнования в искусстве музыкально – речевых импровизаций, находчивости и т.д.). В случае враждебных набегов на аулы казашки наравне с мужчинами вступали в бой³.

В далеком прошлом признаки «амазонства» прослеживаются и у ногайских женщин, вспомним лишь эпическое сказание «Отважная Ян-Бикеш», относящееся к периоду правления ногайского хана Джанибека. В этом произведении Ян – Бикеш собирает отряд девушек и вступает в борьбу с врагами. В центре произведения образ храброй, отважной, бесстрашной девушки – защитницы Родины Ян – Бикеш. Образ девушки – богатырши известен и дагестанским народам – это полупоэтические Магсума и Парту Патима⁴.

1 Попова Л. Ф. Указ. раб. С. 43.

2 Фон Этцель А. и Вагнер Г. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии, по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. фон Миддендорфа и Г. Вагнер. СПб., 1865. С. 496-497.

3 Попова Л. Ф. Указ. раб. С. 43-44.

4 Аджиев А. М. Героико-эпические сказания и песни //Традиционный фольклор народов Дагестана. М.,1991. С. 39.

Поведение людей регламентировалось и различными приметами и суевериями. Своими установлениями они запрещали выполнение каких-либо действий. Так, например, не разрешалось переступать через топор, лопату, веник, скрещивать пальцы, руки на груди, стоять подбоченившись, молодым закладывать руки за спину, сидеть, прижав колени к груди.

С наступлением темноты не рекомендовалось подметать, а также подметать в четверг-пятницу и после отъезда кого-нибудь из домочадцев, ночью кроить одежду, стричь ногти, волосы, выливать воду, выносить мусор, стирать и вывешивать одежду, нельзя вывешивать белье, не вывернув его наизнанку (наизнанку не выворачивали одежду покойника), выходить за водой, одалживать что-либо. Нельзя было белить ночью – к покойнику. Нельзя выливать воду за порог – ноги будут болеть, прижимать колени к груди, молодым – стоять, подбоченившись или скрестив руки на груди, закладывать руки за спину, стоять у порога – там живет шайтан. Стоять у порога не разрешалось и по причине того, что это место обычно занимали рабы. У ногайцев существует выражение: «Есирдей болып, эсик алдында турма» (Не стой у порога, как раб).

Существовали запреты и в отношении продуктов питания. Все продукты питания у ногайцев, как и у большинства народов мира, священны, наступить на них – к беде, их надо подобрать и положить в безопасное место. Переступить порог нового дома следовало с хлебом, маслом, солью, чаем. Эти продукты должны были обеспечить достаток в новом доме. Нельзя было рассыпать муку, соль – к соре. Не разрешалось раздавать, продавать яйца (их можно было лишь обменивать на что-то). Известно, что у многих народов мира яйцо – символ плодородия, зарождающейся и воскрешающейся жизни. Отдать яйцо или продать означало лишиться достатка в доме. Не полагалось продавать молоко. Оно символизировало богатые удои. Продав молоко, человек якобы лишал себя в будущем этого достатка, от которого зависело благосостояние его семьи. Ногайцы говорят: «Суьт сатканнынъ агы яйылмас» или «Суьт сатканнынъ береке ти болмас» (У продавшего молоко достатка не будет). Излишки

молока надо было раздать соседям. Нельзя было оставлять на ночь кости в доме, а то их будет грызть шайтан. Утром всю посуду следовало перемыть, говорили, что ночью ее якобы облизывали шайтаны.

Руководством по этикету могут служить и многие бытовые поверья ногайцев, поскольку почти любые из них подразумевают поведенческие рекомендации. Некоторые запреты опираются на поверья, уходящие в доисламский период. Их нарушение, сознательное или по неведению, воспринималось как нарушение этикета. Например, опасен счет. От пересчета «улетает благословение» (араб. барака. – М. Г.), поэтому полагают, что счет приносит несчастье. Чабан никогда не сообщит число овец в своем стаде и никогда не разрешит пересчитывать их, а только скажет: «Аллаха шуькир, бар!» (Хвала Аллаху, есть!). Точно так же поступит и многодетная мать. Она не назовет общее количество своих детей, а скажет: «У меня два сына и две дочери. Пусть Аллах не сочтет, что их у меня много». В ответ должны сказать: «Тьфу, тьфу машалла!» (букв. То, что угодно Аллаху), это выражение употреблялось с целью уберечь что-либо или кого-либо от сглаза.

Существовали поверья, связанные и с самими этапами жизни. Так, во время похорон нельзя переходить дорогу траурной процессии – иначе умрешь, нельзя ставить лопату в вертикальном положении – к покойнику, нельзя провожать за ворота прибывших на соболезнование, иначе и у них в доме вскоре кто-то умрет.

Ряд примет регулировал поведение беременной женщины. Так, ей запрещалось переступить через коромысло – роды будут тяжелыми, через аркан – у ребенка будет внутриутробное обвитие шеи пуповиной, дотрагиваться до собаки, кошки – ребенок родится волосатым, переходить дорогу верблюду – будет вынашивать ребенка двенадцать месяцев.

По традиции ногайцы разделяют дни лунного календаря на благоприятные и неблагоприятные. Благоприятным днем для любого начинания считался понедельник. Лучший день для

сватовства – четверг, для заключения брака «неке» – пятница. Неблагоприятными днями считались вторник и среда. Во вторник нельзя отправляться в путь, в среду – выполнять тяжелую работу, купаться, выносить из дома мусор, выливать грязную воду. Последняя среда каждого месяца мусульманского лунного календаря считалась опасной для людей, в этот день не рекомендовалось заключать какие-либо сделки, отправляться в путь.

Не рекомендовалось также отправляться в путь и после заката солнца. У ногайцев на этот счет существует поговорка: «Экилиде эллин таслаган, оькинер» (Покинувший родные места после трех часов дня (в это время совершалось послеобеденная молитва), пожалеет). Благоприятными считались дни полнолуния. Полагают, что эти дни благоприятствуют плодородию, поэтому в этот период проводили сев, покрытие овец и коз и т.п.

Нельзя примерять чужую новую одежду прежде хозяина. Нельзя переворачивать туфли подошвами вверх. В народе говорят, что на перевернутой подошве молится шайтан.

Завершая обзор действий и примет, считающихся неблагоприятными, приведем еще несколько примеров: нельзя пристально смотреть на кого-либо или на что-либо – сглазишь, нельзя плевать в воду, брызгать воду на огонь, а то разгонишь их духов.

Итак, общепринятые нормы поведения строго соблюдались в повседневной жизни. Отступление от них или же их невыполнение грозило общественным осуждением, а в некоторых случаях даже изгнанием из общины.

Соблюдение неписанных правил поведения в обществе поддерживалось общественным мнением, силу которого трудно переоценить. Общественное мнение являлось мощным рычагом воздействия на сознание и поведение людей, а также выступало в роли надзирательного органа, обеспечивающего соблюдение общественных норм поведения, этикета и нравственных установок.

Таким образом, поведение людей в традиционном ногайском обществе поддерживалось не только семейными традициями, но и общественными установками, что в целом способствовало выработке общественных норм поведения.

На поведенческую культуру и этикет большое влияние оказывали и различные поверья, приметы, которые не только регламентировали поведение людей, но и обогащали традиционно-бытовую культуру ногайцев.

Повседневно-бытовая культура поведения ногайцев имеет много общего с культурой поведения и этикетом других тюркоязычных народов Северного Кавказа и Дагестана, которые, как и ногайцы, достаточно сдержанны в общении и поведении. Этот факт лишний раз подтверждает, что тюркоязычные народы в основе своей культуры имеют общие детерминанты.

5.3. Праздничная культура поведения и этикет

Одной из форм проявления культуры поведения и этикета были общественные праздники. Яркая зрелищность и массовость большинства ногайских праздников, возможность интересно и увлекательно провести досуг, развивая свои физические и духовные способности, а также тесная связь многих праздников с религиозной и социальной обрядностью – все это обусловило значение народных развлечений как средства общения.

Общественные праздники ногайцев можно условно разделить на три категории: календарные, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, религиозные и семейные. Последние (свадьба, праздники, связанные с рождением и воспитанием детей) мы рассмотрели в разделе «Культура поведения и этикет в семейных обрядах». Здесь мы коснемся лишь двух категорий общественных праздников – связанных с традиционной хозяйственной деятельностью ногайцев и с мусульманскими религиозными верованиями.

Общественные праздники нас интересуют не с точки зрения сценария их проведения, а их этикетная сторона – формы приветствия, благопожелания, поведение участников праздника и т.д.

Одним из первых годовых праздников, отмечаемых ногайцами, был Навруз байрам – праздник встречи весны. Навруз отмечают многие народы мусульманского Востока. Под разными

местными названиями его знали народы Южного Дагестана (Яран-сувар – лезгины, Эверчин, Эбельцен – табасаранцы, Эр – рутульцы, Эвелцан – агулы), лакцы (Интнил хху), аварцы и даргинцы некоторых селений¹. Праздник встречи весны отмечали и другие народы мира².

Отмечали праздник Навруз 21 марта, в день весеннего равноденствия, который знаменовал собой и начало Нового года. Утром 21 марта ребята ходили по аулу, держа в руках зеленые ветки облепихи, подснежники, и поздравляли односельчан с приходом весны: «Навруз келди. Байрамынъыз бан кутлаймыз!» (Навруз пришел. С праздником поздравляем!). Процессия во главе с ведущим, который держал в руке шест, должна была посетить каждый дом, приветствуя и поздравляя хозяев с праздником весны, с наступлением Нового года, даря им песни. Каждая семья должна была одарить детей сладостями и привязать к шесту ведущего платок. Считалось, что чем щедрее окажутся хозяева дома, тем обильнее будет урожай в предстоящем году. Проявить скупость, не одарив детей хорошими подарками во время обхода дворов, грозило быть высмеянным в детских песнях. А слова из уст детей быстро расходились по всему аулу и могли серьезно подорвать авторитет семьи в глазах общности. Содержание песни менялось в зависимости от того, кто проживал в доме. Если в доме жила бабушка, то песня была следующего содержания:

*Тур анай, тур анай, тур анай
Туьлки тоньнъ кий, анай!
Бизге явлык бер, анай.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден
Навруз келди мубарек!*

*Вставай, вставай, бабка!
Надень свою лисью шубу,
бабушка,
Дай нам платок, бабушка.
Азан-азан, подснежник,
подснежник,
Навруз пришел, мубарек!*

1 См.: Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1988.

2 См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Обычно в песне указывали имя хозяйки дома, чтобы она ее услышала и вышла из дома с подарками. Подарки должны были быть щедрыми, иначе в следующем году дети могли вставить в песню слова, высмеивающие хозяйку. На поведение детей взрослые не обижались, ведь это был единственный день в году, когда им позволялось сказать все, что они думали о взрослых, конечно же, соблюдая рамки приличия. Так, подойдя к дому молодой хозяйки, дети пели:

*Ай, Айбийке, турып бак,
Ак сандыкка колынъ как,
Азан, Навруз куъни, мубарек.
Ай Куънбийке, эсик аш
Наврузга шашув шаш,
Язлык берсень йылтырат,
Акша берсень сылтырат
Азан, Навруз куъни, мубарек¹.*

*Ай, Айбике, встанъ-ка,
В белый сундук руку протяни,
Азан, день Навруза, мубарек.
Ай, Куънбийке, дверь открой,
На Навруз сделай подарок,
Весну дашь – заблестит,
Деньги дашь – загремит,
Азан, день Навруза, мубарек.*

В песнях были не только поздравления с весной, но и благопожелания. Так, ребята, подходя к дому работников, пели:

*Навруз йырлай келдик биз,
Ишиилердинъ эсигине.
Наърик улы Шорадай,
Батьтир берсин бесигине².*

*Распевая Навруз, пришли мы
К дверям работников.
Как у Нарика сын Шора,
Чтоб для люльки родился
Богатырь.*

Обрядовые песни, посвященные празднику весны, содержали пожелания односельчанам радости, счастья, надежды, благополучия. Обойдя всех жителей аула, процессия направлялась к месту, где должны были проходить массовые гулянья.

Постепенно жители аула собирались в условленном месте, каждая семья со своими продуктами и посудой направлялась на майдан (поле, где намечалось провести праздник). Согласно этикету жители аула должны были поздравить друг друга с наступлением Нового года, пожелать добра и счастья. Приведем лишь некоторые из них: «Янъы йылда яшавынъ онъ болсын, ырызкынъ мол болсын, савлыгынъ берк болсын, йолынъ кенъ болсын (Чтобы в Новом году жизнь была хорошей, еды было вдоволь, здоровье крепким, дорога широкой). У ногайцев часто встречается пожелание широкой, счастливой дороги, а в проклятьях – наоборот, пожелание неудачной дороги или вовсе ее отсутствия. Это вполне понятно, учитывая кочевой образ жизни ногайцев, когда люди находятся в постоянном поиске новых пастбищ для своего скота, от которого зависит их благополучие.

На поле забивали предназначенный для праздника скот, готовили угощение, сюда же до начала праздника пригоняли коров, доили их и угощали молоком всех присутствующих.

Согласно этикету право начать праздник принадлежало самому старшему человеку в ауле. Старейшина аула, взяв в руку пиалу с молоком, обращался лицом к солнцу и произносил пожелания, несколько капель молока выплескивал. Молоко в этот день считалось главным напитком. Затем на поле приводили коня, и старейшина обливал копыта коня водой и при этом произносил следующее пожелание: «Атынъ сувда да юрик болсын» (Чтобы конь был быстрым даже в воде). Следующей вели корову, ей на копыта поливали молоком, приговаривая: «Сыйырынъ суътли болсын» (Чтоб корова молоко давала). Последним приводили барана. Ему копыта мазали маслом и говорили: «Койынъ майлы болсын» (Чтобы баран был жирным). После совершения этого обряда мулла читал молитву, и люди приступали к коллективной трапезе.

Следует отметить, что инициаторами проведения праздников выступали представители духовенства. Обряды и церемонии, проводимые на праздниках, сопровождалась молитвами. После угощения начинались развлечения: песни, танцы, игры.

1 Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 103.

2 Шора сын Нарика – главный герой ногайской поэмы «Шора батыр».

Среди молодежи были популярны спортивные состязания. Ни один праздник не обходился без конных состязаний. Соревновались и в перетягивании каната – «аркан тартув», в заарканивании лошади, лазании на «къязыкъ» (столб высотой в 15 м) за призами. Любимым видом состязаний у ногайцев была борьба «куърес». Согласно правилам борьбы «куърес» разрешалось, оторвав противника от ковра, взять его на бедро и произвести бросок на спину или на бок без отрыва рук от пояса. Характерная особенность борьбы – наличие в ней разнообразных приемов – различных подножек и зацепок, бросков стоя и с падением, многочисленных поворотов и «кружения» противника¹. Победить в «куърес» было весьма почетно.

Участники соревнований должны были соблюдать спортивные правила. Согласно им, соревнующиеся должны были вести честную борьбу. Например, не позволялось в борьбе «куърес» использовать недозволенные приемы, нападать на противника сзади, обмазывать тело жиром, дабы затруднить применение различных приемов борьбы, добивать на ковре соперника, сознательно применять болевые приемы или же приемы, опасные для жизни, продолжать поединок с обессилевшим противником. За нарушение спортивных правил не только отстраняли от дальнейшего участия в них, но и довольно резко осуждали.

Победитель соревнований не должен был своим поведением унижать поверженного, демонстрируя перед собравшимися свое превосходство в силе.

В конных состязаниях также существовал ряд этических норм, за нарушение которых могли назначаться штрафы, а за грубые нарушения спортивных правил участника соревнований могли снять с дистанции. Так, не допускалось сокращать дистанцию, подрезать бегущего скакуна, выбивать из седла всадника, наносить увечья бегущей лошади соперника и т.д.

По-своему развлекались и самые маленькие участники праздника. Для малышей специально устраивали показ кукольного театра «Оъртеке». Куклы «оъртеке» по способу управления

относились к типу вертепных. Обычно персонажи кукольного театра сквозь призму юмора отображали негативные события, происходившие в ауле. Из этических соображений домбрист не называл имен героев той или иной сцены, но все присутствующие догадывались, о ком идет речь, кого изображают куклы. Кукольный театр «оъртеке» имел большое воспитательное значение, взрослые старались не нарушать правила поведения, дабы не оказаться героями «оъртеке». Подобные развлечения с деревянными куклами существовали и у аварцев¹. Вертепные театры были широко распространены в Польше, затем они проникли на Украину, в Белоруссию и в Россию².

Праздничное настроение у людей создавали и музыканты. Вокруг них собиралась молодежь, которая пела песни под домбру. Песенные состязания под домбру назывались «саз». Каждый участник праздника должен был в полной мере проявлять свои возможности и талант для поддержания хорошего настроения и веселья у остальных участников торжества. Дурным тоном считалось, когда человек, имеющий музыкальные способности, отказывался петь или играть на инструменте.

В песенных состязаниях ногайские женщины не участвовали, как не участвовали и в других видах музыкальных и спортивных состязаний. Хотя имеются многочисленные примеры того, как женщины у кочевников Средней Азии, не желая ни в чем уступать мужчинам, вступали с ними в песенные и спортивные состязания. В частности, у казахов на крупных торжествах и годовых поминках в таких видах развлекательной программы, как поединки на пиках, конная и пешая борьба, а также скачки, обязательно выступали и женщины. При этом женские состязания ни по правилам, ни по снаряжению, ни по ритуалу ничем не отличались от соответствующих мужских номеров программы и носили подчас не менее острый и драматичный характер³.

1 Булатова А. Г. Указ. раб. С. 112-113.

2 Свод этнографических понятий и терминов. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991. Вып. IV. С. 128.

3 Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX-начале XX в. Историко-этнографические очерки. Л., 1984. С. 171.

1 Калмыков Б. Самобытные физические упражнения у тюркских народов // Повецкая луна. 1994. № 1/8. С. 131.

Женщины у киргизов и казахов были более вариативны в выборе поведения, нежели ногайки. Об этом свидетельствует эротическое зрелище «Туйе шешу» (букв. отвязывание верблюда), устраиваемое казахами и киргизами во время годовых поминок «аш», хотя изредка включалось и в программу других торжеств¹. Содержание ритуального действия состояло в том, что обнаженная женщина должна была развязать зубами узлы поводьев, за которые был привязан к столбу призовой верблюд. Известен вариант, когда в игру вступал другой персонаж – обнаженный мужчина, препятствовавший женщине в достижении цели и пытавшийся на виду у публики овладеть ею, буквально изображая из себя жеребца «айгыра»². Участие казахских и киргизских женщин в подобных развлечениях известный казахский просветитель XIX в. Чокан Валиханов объясняет тем, что «...пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом»³.

Во время празднования Навруза гуляния продолжались до вечера. Вечером взрослые расходились по домам. Согласно этикету на праздниках во время прощания было принято говорить: «Алла наъсип этсин, келеген йылда да солай шатлыкпан коъриспеге!» (Дай Аллах нам встретиться в следующем году по такому же радостному событию!). Подобные выражения во время прощания характерны для речевого этикета кумыков, дагестанских азербайджанцев, терекменцев, карачаевцев, балкарцев. «Пусть мы встретимся по хорошему поводу!» – принято говорить и у адыгов⁴.

Молодежь оставалась допоздна, проводя время в играх и развлечениях. Навруз праздновали в течение трех дней.

С весной связан еще один праздник – Тепреш, проводимый кумскими ногайцами. Кубанским и степным ногайцам этот праздник не известен. Тепреш проводился за день до Пасхи, обычно в апреле-мае. Инициаторами его выступали женщины, участво-

вали в нем лишь незамужние девушки и дети. Согласно этикету мужчины в этом празднике участия не принимали. За день до Пасхи девушки катали крашеные яйца с пригорка Адыр, а дети ловили их, очищали и съедали. Участие в этом празднике только девушек, как нам кажется, не случайно: они олицетворяли собой женское начало, а яйцо выступало символом плодородия.

Кумские ногайцы связывают появление этого праздника с местными казаками, у которых по христианской традиции принято красить яйца на Пасху. В народе считали, что если крашеная яичная скорлупа кумских ногайцев упадет на землю раньше, чем у русских, то скота у ногайцев будет больше.

Катание крашеных яиц с горки и употребление их в весенний период было известно лезгинам, агулам, табасаранцам, рутульцам, цахурам¹. Подобная игра существовала и у узбеков².

Другим большим весенним праздником был праздник первой борозды Сабантой (букв. свадьба плуга), открывавший новый сельскохозяйственный год. Его отмечали кубанские ногайцы, занимавшиеся помимо скотоводства и земледелием. В ногайскую степь он был привнесен гораздо позже, в начале XX века, в период седентеризации степных ногайцев. Но, несмотря на это, праздник первой борозды Сабантой прочно вошел в праздничную культуру степных ногайцев. Определенной даты проведения этого праздника не существовало, отмечали его, как правило, весной, после встречи Нового года. Праздник первой борозды был одним из самых значительных и распространенных и среди многих дагестанских народов³.

1 Булатова А. Г. Указ. раб. С. 141, 145, 157.

2 Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 206.

3 См.: Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис, 1927; Шамова В. А. «Кубахруми» – праздник первой борозды. Махачкала, 1960; Османов М. О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культуры // Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаев А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Агларов М. А. О происхождении календарного праздника «выход плуга» // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 27-28; Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX-нач. XX в. Л., 1988. С. 35-53.

1 Там же. С. 119.

2 Кукашев Р. К семантике казахского эротического ритуального состязания «Туйе шешу» // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2002-2003 гг.: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 90.

3 Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1958. Т. 1. С. 372.

4 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 116.

Организаторами праздника выступали совет старейшин аула и муллы. Этот праздник отличается обилием специальных этикетных правил, подчеркивающих в ритуально – карнавальной форме фундаментальные этические ценности ногойской культуры¹.

Первую вспашку совет старейшин поручал провести опытному земледельцу, известному своей хозяйственностью. Пахарь должен был быть зажиточным, так как после первой вспашки он нес все расходы по угощению присутствующих. Угощались обрядовой кашей «сабан ботка» (букв. плужная каша). Готовила кашу многодетная женщина, имеющая благополучную семью с достатком.

На совете старейшин выбирали «хана» – главу и распорядителя предстоящего праздника, отвечавшего представлениям людей об идеальном человеке. «Ханом» избирали мудрого и уважаемого старика с организаторскими способностями. Обязательным условием было наличие у «хана» хорошей шевелюры и густой бороды, что предвещало обильный урожай. Хороший урожай в конце года считали заслугой «хана», и за это ему преподносили подарок.

В помощь «хану» выделяли двух молодых крепких парней – телохранителей «саклавшылар». В помощники «хану» избирали также «ханий» (букв. ханша). К ней также предъявлялись высокие требования. «Ханий» должна была иметь дружную, большую семью, уметь вкусно готовить и рукодельничать. Она занималась приготовлением пищи, приемом гостей и угощением всех присутствующих на празднике.

Для «хана» выбиралась «дочь» – «тотай», якобы воспитанная им «асырав» (воспитанница) 14-15 лет. «Тотай» должна быть из добропорядочной семьи, здоровой и красивой. «Тотай», как и «хана», охраняли «саклавшылар».

За околицей аула, на возвышенности, «хану» устанавливали шалаш, в который, кроме самого хана и его телохранителей, никто не смел входить. Возле шалаша в землю вбивался флаг.

Это означало, что начался сбор пожертвований для проведения праздника. Пожертвования собирались телохранителями. Они посещали дома односельчан, которые одаривали гостей продуктами питания, более зажиточные давали барана или быка. Все продукты свозили в шалаш «хана».

За день до праздника в помощь «хану» выбирали «судью» – тоьрши, заместителя, помощников – четверых мужчин со своими подводами. «Судья» и его заместитель, также как «хан», должны были быть людьми уважаемыми, справедливыми, пользующиеся авторитетом у односельчан. Свита «хана», избираемая также по определенным критериям: «ханий» – ханша, «саклавшылар» – телохранители, тоьрши – «судья», «тотай» – дочь хана, теке – карнавальная противоположность хана, шут, обряженный в козла, и др. – подчеркнуто демонстрируют беспрекословное подчинение, почтение перед «ханом» с нарочитым исполнением соответствующих этикетных правил, задавая, таким образом, общий тон праздника. Тон этот, впрочем, постоянно нарушается шутом – теке, выходки которого являют собой антиэтикет и, таким образом, оттеняют нормы действительного этикета. Так, например, ряженный мог напугать женщин, детей, погнаться за девушкой, отобрать у мужчины папаху и бросить ее другому, а тот в свою очередь третьему и т.д.

Ряженный был непременным атрибутом и коллективных мероприятий, проводимых народами Дагестана по случаю календарных праздников. Так, например, ряженные могли непочтительно, с точки зрения повседневности, подшутить над взрослым человеком, в том числе и стариком: обсыпать его сажой, мукой, облить водой, снять с головы папаху, обнять, вскопчить ему на спину и т.д.¹ Обижаться на действия ряженого считалось неуместным.

Сбор средств на праздник определяется серией поведенческих установок: телохранители «хана» с помощниками приходят в каждый дом и водружают на дворе специальный флаг – это означает, причем нередко это парадоксально трактуется и как

¹ Лугуев С. А. Традиционные нормы поведения и этикет у народов Дагестана (XIX- начало XX в.). С. 71.

выполнение мусульманской обязанности пожертвования бедным (бедняки и нищие не участвуют в складчине, но на празднике сидят за общим достарханом), и как соревнование в щедрости – иногда богатый может отдать коня или значительную сумму денег, что считается проявлением благородства.

Кульминацией Сабантоя является заседание «ханского двора» во временном шалаше, сооружаемом на кургане близ аула и специально огороженном бороздой. За эту линию по всем правилам этикета приглашают гостей аула (часто ими бывают кунаки из числа северокавказских народов, русских казаков) и наиболее уважаемых одноаульцев.

Весь ритуал характеризуется специфическим для кочевников сочетанием принципов коллективизма, демократии и аристократизма: все, независимо от сословного ранга и состояния, равны перед «ханом» и достарханом, каждый имеет право на участие в расходах и проведении праздника, но каждый сам выбирает количественную меру этого участия, отвечающую его рангу, каждый же рассчитывает на соответствующее своему званию и вкладу этикетное отношение окружающих к себе.

Само «заседание ханского двора» имеет черты карнавальная имитация аульного схода или совета старейшин аула – центральных органов ногайской общины. Здесь обсуждаются традиционные для этих органов вопросы – осуждают виновных, чествуют отличившихся, «теке» может высмеять, невзирая на ранги, неблагоприятные поступки, совершенные за год общинниками (жадность, жестокость, распутство, лень и т.п.). Коллективизм ногайской общины проявляется и здесь: «хан» может повелеть накануне праздника помочь при посеве отстающим, вдовам, беднякам.

Мусульманские священнослужители – эфенди – неперменные участники торжеств. Все начинается с омовения и молитвы. Но заканчивается безудержным весельем, в котором принимают участие и мужчины, и женщины, что никак не вяжется с установлениями ислама¹. Различные конно-спортивные состязания, игры, танцы, проводимые молодежью, являлись неперменным атрибутом праздника Сабантой.

Молодые девушки могли раз в году на время праздника взять на себя брачную инициативу. Им разрешалось преподнести подарок одному из участников соревнований и тем самым проявить свои симпатии, расположенность к представителю противоположного пола. Так, на празднике Сабантой девушка могла преподнести победителю состязаний «кюз берк» (букв. ореховую шапку) – плетение из ореховых прутьев в форме шапки, на которое нанизывали сдобные хлебцы, кусочки сыра, орехи, яблоки и др. Эту традицию кубанские ногайцы переняли у адыгов, у которых предметы из орехов являются важной частью обрядовой культуры. По мнению В. А. Дмитриева, изготовление различных предметов, в том числе и шапки, из плодов ореха и ореховых прутьев для различных обрядовых игр было сопряжено с любовной магией, гаданием о будущем и в определенной мере его коррекцией¹.

Веселье продолжалось до вечера, взрослые расходились по домам, а молодежь продолжала гулянья допоздна.

Ногайцы, как и все мусульмане, широко отмечали и религиозные праздники. Ислам в традиционном ногайском обществе имел огромное значение. Для каждого мусульманина праздничным днем считается пятница (юма), так как по поверью в этот день Аллах создал человека и в этот же день родился пророк Мухаммед. К пятнице ногайцы готовились заранее. Уже в среду вечером обязательно делали уборку, мылись, меняли белье, в четверг – поминали умерших родственников. Хозяйка дома пекла ритуальные пышки (баурсак), варила калмыцкий чай и приглашала соседей на юма шай (букв. пятничный чай). Перед началом трапезы самый старший произносил известную фразу: «Бисмиллагъи рахмани раххим» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного), и только после этого приступали к трапезе. По ее окончании читали молитву (фатиха) и произносили следующие слова: «Альхамдуллилягъ, Алла берекет берсин. Оьлгенлеринънинъ яны тойсын, савларынънынъ алдына садака болсын» (Хвала Аллаху, пусть Аллах ниспошлет нам благодать. Пусть насытятся души умерших, пусть для живых будет милостыней).

¹ Дмитриев В. А. Адыгские календарные жезлы из ореха // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003г. : Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 115-116.

¹ См.: Керейтов Р.Х. Указ. раб. С. 109-113; Никишенков А.А. Указ. раб. С. 77-79.

На подобных мероприятиях люди общались, все разговоры носили в основном религиозный характер. Старики говорили о жизни, наставляли молодых, учили жить так, чтобы каждый прожитый день был не напрасным, при этом произносили следующие слова:

<i>Бу дуньяга куллык эт, Пина каламан деп. Ахыретке куллык эт, Буь гуьн алсань, абзирмен.</i>	<i>Делай добро для земной жизни, Как будто ты бессмертен. Делай добро для того, Чтобы попасть в загробный мир. Если забереешь меня сегодня (если призовет к себе Аллах. – М. Г.), я готов.</i>
---	--

Таким образом, ногайцы постоянно вспоминали своих предков, которые, по их представлению, способны оказывать прямое и существенное воздействие на жизнь и состояние дел живых, и они заслуживают большего почитания, нежели живые.

Годовой цикл также отмечен мусульманскими праздниками, каждый из которых диктует определенные нормы поведения¹. Так, одним из самых любимых праздников мусульман был Ораза (Ураза) – байрам – Малый праздник разговения. Этому празднику предшествовал 30-дневный пост в месяц Рамазан, предписывающий соблюдение определенных правил поведения для всех мусульман, главное из которых заключается в строгом воздержании от пищи и питья в дневное время суток.

Ученые считают, что происхождение поста уходит в доисламские времена. Древние арабы в числе прочих божеств почитали и луну. Один из месяцев года – Рамазан – был посвящен ночному светилу: по ночам, когда на небе светила луна, в честь нее устраивались коллективные трапезы, а днем постились².

Существование поста до ислама подтверждается и Кораном: «Предписан вам пост, как предписан он и тем, кто был до вас»¹.

Не соблюдающим по определенным причинам пост согласно этикету запрещалось есть и пить на виду у постящихся.

Всем мусульманам в месяц Рамазан, помимо воздержания от пищи и воды, следовало изучать и часто читать Коран, обращаться к всевышнему с просьбами, воздерживаться от пустословия и других дурных привычек, прекратить брачные сношения. Во время поста мусульманам категорически запрещается употребление спиртных напитков.

В дни месяца Рамазан у кубанских ногайцев мальчики исполняли колядные песни, именуемые в народе «шарамазан»². Подобное поведение детей не вызывало у людей обиды, злобы, хотя оно и шло вразрез с общепринятыми традициями повседневной культуры поведения.

Первые куплеты текста колядных песен посвящались мусульманскому празднику, а дальше шло высмеивание различных людских пороков или воспевание добродетели.

*Шарамазан айтын келдик биз сизге,
Шарамаз зекатин бер бизге,
Кой берип, козы берип саван сизге,
Магометтинь бетине шарамазан.
Келди, малек Рамазан,
Сали, Али, Магомет.
Ана тоьбе, муна тоьбе туман, туман,
Сол туманнынь ишинде яхшы улан,
Яхшы уланнынь колтыгында куьмис Куран,
Магометтинь бетине шарамазан.
Келди, малек Рамазан,
Сали, Али, Магомет.*

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 75.

2 Мусаева М. К., Магомеддадаев А. М., Курбанов М. Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). Махачкала, 1999. С. 191.

1 Цит.: Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. М., 1980. С. 55.

2 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 133-134.

Мы пришли к вам и говорим шармазан,
 Полагающийся зекат отдайте нам,
 Овцу, ягненка дадите, это вам воздаяние
 В честь Магомета шармазан.
 Пришли ангелы Рамазана,
 Сали, Али, Магомет.
 Тот курган, этот курган в тумане,
 А в тумане сидит хороший парень.
 У хорошего парня под мышкой Куран
 В честь Магомета шармазан.

Дальше шли куплеты разного содержания. Например, в ауле Ураковском (ныне Эркин – Юрт Адыге-Хабльского р-на КЧР) пели следующие куплеты:

Шармазан - шарка-шарка,
 Майлы аркадынъ эти йок,
 Оны Берген курткадынъ бети йок!

Шармазан шарка-шарка,
 Нам дали жирный хребет,
 У жирного хребта куска мяса нет.

С этой песней группа мальчиков вечером обходила аул. Первые строки пели «солисты», затем подхватывали остальные. Содержание песни исходило от материального и морального авторитета каждого дома. В иных песнях высмеивались жадность, в других желали богатства дому, в третьих – критиковалось поведение некоторых членов семьи. Однако на мальчиков за критику не обижались. Считалось, что дети – это посланники всевышнего и надо выслушать критику в свой адрес. За исполнение песен мальчиков одаривали продуктами, иногда мелкой монетой. За вечер, таким образом, набиралось значительное количество продуктов и денег, все это распределялось между участниками игры.

Исполняемые стихи «шармазан» имели свой мотив, поэтому часто слушать хорошие колядные песни некоторые люди собира-

лись заранее в определенном доме, естественно, приготовив богатые подарки, иногда не только ягненка, но и барана. В таком случае мальчики исполняли весь репертуар. Здесь женщины могли услышать пожелания не только в свой адрес, но и сына, хорошего зятя или невестки, бедняки – богатства, удачной зимовки и т.д. Поскольку в игре «шармазан» участвовали почти все мальчики аула, то испытывались на щедрость и их семьи. Делом чести каждой добропорядочной семьи было не ударить лицом в грязь, а заранее приготовить локумы, баурсак, куски мяса, сыр и т.д. По тому, пусть даже небогатому, подарку, как встречали группу, т.е. приветливо или грубо, создавалось общественное мнение о семье. Таким образом, «шармазан» хотя и исполнялся в месяц поста ораза и имел религиозную направленность, тем не менее в своей основе все-таки выступал народным колядованием¹.

Исполнение колядных песен в дни Рамазана зафиксировано нами и у засулакских ногайцев. Содержание их песен отличается от стихов «шармазан», но смысл их один и тот же.

Гудур, гудур, гудурбай,
 Харс вай!
 Тагы келдик уялмай
 Харс вай!
 Куржынымыз толмай
 Харс вай!
 Куржынымыз толсын
 Харс вай!

Гудур, гудур, гудурбай,
 Харс вай!
 Опять пришли к вам не стеснясь,
 Харс вай!
 Мешки наши не наполняются,
 Харс вай!
 Пусть наполняются наши мешки,
 Харс вай!

За исполнение песен мальчики получали сладкие хлебцы, печенье в форме птиц. Колядные песни в месяц рамазан исполнялись у туркмен², киргизов³.

1 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 133 - 134.

2 Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения, игры. Ашхабад, 1983. С. 21.

3 Лйтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX – начале XX века. Фрунзе, 1963. С. 83.

Предрассветный обход постящихся подростками совершался и в Турции. За два часа до восхода солнца на улицах раздавался бой барабана, оповещающий о том, что настало время «сахур» (еда на заре) – последней трапезы перед началом дневного поста. Раз в неделю, уже днем, эти барабанщики в сопровождении музыканта, играющего на зурне, совершали обход домов и собирали с обывателей денежную мзду – «бахшиш» за свой предрассветный труд в месяц Рамазан¹.

Обычай вечерних посещений детьми постящихся в месяц Рамазан мы склонны относить к древним традициям кочевников, так как сохранился он лишь у тех народов, которые некогда вели кочевой образ жизни.

Двадцать седьмую ночь месяца Рамазан «Лейлят аль-Кадр» – ночь предопределения согласно этикету проводили в молитвах, так как считалось, что Аллах услышит в эту ночь все желания людей.

Накануне праздника все ногайцы обязательно посещали могилы родственников. За день до праздника ногайцы раздавали «битир» («закят» – милостыню бедным, сиротам, одиноким старикам).

В день праздника Ораза-байрам дети с сумками обходили дома одноаульцев и поздравляли всех с праздником. У ногайцев согласно этикету с праздником Ораза-байрам было принято поздравлять словами: «Туткан Оразанъды Алла кабыл этсин» (Пусть примет Аллах ваш пост). Во всех домах, куда бы дети ни заходили, их одаривали яйцами, сушеным сыром, кусками мяса и др.

Согласно этикету в первый праздничный день взрослые должны были посетить те дома, в которых по покойнику не справили еще годовщины. Затем шли с поздравлениями к родственникам, соседям, друзьям. Младшие поздравляли старших, мужчины – мужчин, женщины – женщин.

По этикету женщине являться с поздравлениями в дом соседей, родственников раньше мужчины не полагалось, в народе говорили, что с женщиной якобы приходит несчастье. В данном случае следует упомянуть Б. Х. Бгажнокова, который связывает

это с представлениями о вредоносной магии, исходящей якобы от женщины. Подобные представления характерны для многих народов мира, особенно для мусульман.

Обходить дома с поздравлениями по несколько раз было не принято, о таких людях в народе говорили: «Уятсызга байрам уыш куьн, акылсызга – бес» (Для бессовестного праздник длится три дня, для глупого – пять).

На второй, третий день праздника ногайцы посещали кладбище, осыпали могилы родственников пшеницей и просом, повязывали на могильные памятники платки.

Через десять недель после Ораза-байрама, в 10-й день двенадцатого новолуния, наступает главный мусульманский праздник – Курбан-байрам (Ид-ал-адха) – великий праздник жертвоприношения, который длится три-четыре дня. Каждый мусульманин обязан был в течение праздника Курбан-байрам совершить обряд жертвоприношения, зарезать козу, барана, теленка, быка, корову – в зависимости от достатка.

Праздник Курбан-байрам восходит к древним традициям исламской культуры и несет этическую нагрузку, олицетворяя собой идеалы милосердия, добра, любви к людям. Курбан-байрам – это праздник не только послушания и смирения перед волей всевышнего, но и помощи нуждающимся. Мусульманин, совершив заклание, должен раздать бедным треть мяса жертвенного животного. Как правило, тушу животного разделяют на три части: одну из них надо раздадут бедным, вторую – родственникам и друзьям, а третью – оставляют для своей семьи. Можно также раздать все мясо бедным.

Во всех домах устраивают обильное угощение для соседей, родственников. Согласно правилам этикета младшие поздравляют старших, женщины – женщин, мужчины – мужчин. По этикету с праздником Курбан-байрам принято поздравлять словами: «Курманынъ хайырлы болсын» (Жертвоприношение пусть на пользу будет), в ответ говорили: «Алла разы болсын» (Пусть доволен будет Аллах).

Первых с праздником поздравляли старших. Хозяева дома, принимая гостей, встречали их словами:

¹ Мусаева М. К., Магомеддаев А. М., Курбанов М. Ю. Указ. раб. С. 192.

Ясыл, ясыл кийинип	Надев зеленые наряды,
Яслар юрген аьруьв куьн,	Ребята гуляют в праздничный
Кызыл, кызыл кийинип	день.
Кызлар юрген ийги куьн.	Надев красные наряды,
Азиз байрам, ийги куьн,	Девушки гуляют в
Ат шаптырган сыйлы куьн.	праздничный день.
	Любимый праздник,
	хороший день,
	Скачут на конях в почетный
	день.

Празднование Курбан-байрама носило массовый характер и продолжалось в течение трех дней.

В организации праздничных мероприятий активное участие принимал ямагат. На Курбан-байрам устраивались различные спортивные состязания, скачки. Вот как описывает массовые гулянья Курбан-байрама у ногайцев А. П. Архипов: «Курбан-байрам празднуется три дня. В дни Курбан-байрама устраивались скачки. После того, при общем съезде ликующей толпы в какое-либо заблаговременно назначенное место, производится борьба между охотниками выставлять напоказ свои мускулистые члены и выказывать ловкость или силу, затем приступают к скачкам на конях, производимым иногда и стрельбою в цель. К этим зрелищам съезжаются кроме джигитующей молодежи и степные любители удовольствий, также женщины и девушки, приглашаемые распорядителями празднеств и сами собою стекающиеся отовсюду на арбах. Прекрасному полу предоставляется право присуждать победителям-удальцам добровольно принесенные как ими самими, так и другими жертвователями скаковые призы: шелковые или бумажные пояса, платки, иногда собственные изделия, шапки, чарыки, а от богачей – баранов, коров и даже лошадей»¹.

Общественные и некоторые религиозные праздники временно снимали ограничения в общении между мужчинами и

женщинами, существовавшие в повседневной жизни. Так, например, у степных ногайцев девушка во время праздника могла преподнести понравившемуся юноше приз собственного изготовления (кисет, ватный пояс, вышитый носовой платок), чего не могла себе позволить в обыденной жизни.

Еще одним религиозным праздником, отмечаемым кубанскими ногайцами (степные ногайцы его не отмечали), был праздник «Аьсуьвре» (Ашура). Этот праздник приходится на 10 число месяца Мухаррам (первый месяц мусульманского календаря). 9 и 10 числа месяца Мухаррам принято поститься.

В день Ашура ногайцы, как и все мусульмане, вспоминали о мученической смерти внука пророка Мухаммеда Хусейна, убитого в Ираке в 680 году по хиджре. Этот день был насыщен рядом этикетных правил и норм поведения. В день «Аьсуьвре» в каждом доме готовили ритуальную пищу из семи ингредиентов: мяса жертвенного животного, зарезанного на Курбан-байрам, фасоли, соли, молока, лука, кукурузы, пшеницы. Приготовленное блюдо, называемое «Аьсуьвре», дети разносили в семь дворов со словами: «Аьсуьвре акелдик» (Аьсуьвре принесли). Хозяева дома благодарили: «Асаннынъ эм Хусейнининъ яны тойсын» (Пусть насытятся души Асана и Хусейна) и давали детям разные вкусности. Этим блюдом угощали даже тех, с кем находились в ссоре. Вообще по нормам исламской этики поссорившимся запрещается держать обиду более трех дней. Нарушителей этих правил считали грешниками. Не принять «Аьсуьвре» считалось неэтичным.

Ритуальное блюдо «Аьсуьвре» надо было попробовать всем членам семьи, его остатки нельзя было скормить животным, птицам. Отведав «Аьсуьвре», люди согласно этикету должны были поблагодарить всевышнего за ниспосланную им пищу и пожелать друг другу здоровья, чтобы в будущем году дожить до этого светлого дня и вновь собраться, чтобы всем вместе отведать это блюдо.

Если кто-либо из членов семьи в день праздника отсутствовал, то его долю мяса оставляли, чтобы по его прибытии домой приготовить для него «Аьсуьвре».

¹ Архипов А. П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. 1855. № 30.

С днем Ашура у ногайцев связано одно предание, которое своими корнями уходит в доисламские времена. «Во времена всемирного потопа в лодке Ноя (у ногайцев Нух) спаслось несколько человек. Выбравшись на сушу, им захотелось есть. Тогда каждый из них стал искать в своем кармане что-нибудь съестное. Так перед ними оказались кусочек мяса, немного фасоли, кукурузы, соли, лука, пшеницы, молока. Обрадовавшись, люди сварили все это и съели. Это блюдо люди называли «Аьсуьвре». Так род человеческий спасся от голодной смерти. С того дня в память об этом событии люди стали готовить «Аьсуьвре» и восхвалять всевышнего за спасение людей»¹. Предание, связанное с днем Ашура, существует и у крымских татар².

Итак, для общественных праздников ногайцев характерен временный отказ от тех или иных норм этикетного поведения, принятых в повседневно-бытовой поведенческой культуре. Так, на празднике позволялось беззлобно подшутить над односельчанином, высмеять скупого, глупого, что считалось неприличным в повседневной жизни. Всеобщее веселье и праздничное настроение поддерживалось поведением ряженого, чьи действия не вызывали злобы и обиды. В то же время для участников спортивных состязаний, которыми были насыщены календарные праздники, соблюдение спортивных правил и этикета было обязательным условием.

Всем праздникам были присущи и особые речевые формулы и выражения. Это проявлялось, прежде всего, в приветствиях, поздравлениях, благопожеланиях. По сценарию и комплексу спортивно-зрелищных мероприятий общественные праздники ногайцев ближе к казахским, киргизским праздникам.

5.4. Культура поведения и этикет в обычаях взаимопомощи

Особое место в жизни людей занимает труд. В нем, как и во всяком другом виде человеческой деятельности, существуют определенные правила поведения.

В исследуемый период основным видом хозяйственной деятельности для большинства ногайцев являлось скотоводство. Следует отметить, что степные ногайцы негативно относились к земледелию и ко всему, что с ним связано. «Где саман, там и сабан, а сабан пахал – Караногай кунчал!» – говорили караногайцы в старину¹. Отрицательное отношение кочевников к земледелию и хлебопашеству отразилось и в устном народном творчестве ногайцев. Так, ногайская поговорка гласит: «Сабан – яман, сабанчи – шайтан!» (Земледелие – плохое дело, хлебопашец – черт). Караногайцы говорили: «Сам Чингисхан сабан (плуг – М. Г.) не признавал, и пророк Мухаммед сабан не признавал. Долой сабан!». Такое отношение к земледельцам свойственно всем скотоводам.

Скот был главным мерилом степняков. С ним были связаны многочисленные благопожелания и проклятья. Согласно этикету степные ногайцы при встрече первым делом спрашивали о состоянии скота, а затем о делах, здоровье. У кубанских же ногайцев расспросы о скоте стояли на втором месте, первым делом они интересовались состоянием пахотных земель, прогнозом погоды (ждать ли выпадения осадков, долго ли будет лежать снег на полях и т.д.), будущим урожаем. Этих правил при встрече придерживаются все скотоводы. Так, монголоязычные народы, приветствуя, говорят: «Мэнд уу?» (Здоровы ли?), «Мэнд сайн байна уу?» или «Амар сайн уу?», у калмыков есть сокращенный вариант: «Мэнд!», у бурят: «хайн гуу?» После этих слов принято в первую очередь осведомляться о здоровье скота. У тувинцев фраза: «Как поживает ваш скот?» – в прошлом даже заменяла приветствия².

1 Капаев С. И. Указ. раб. С. 125.

2 См.: Куртиев Р. Календарные обряды крымских татар. Симферополь, 1996. С. 43-44; Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки /Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М., 2003. С. 311.

1 Капельгородский Ф. О. Аш хаду. Повесть. Краснодар, 1984. С. 45.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 96.

По правилам этикета спрашивать у хозяина о количестве скота, приплоде во время окотной компании, состриженной шерсти было не принято. Человеку, не знающему этих правил и задающему подобные вопросы, весьма уклончиво отвечали: «Аллага шуькур, бизге болаяк!» (Слава Аллаху, нам хватит!).

Скотоводство считалось делом мужским. В скотоводстве самыми ответственными моментами считались окот и стрижка овец. Стрижка делилась на весеннюю (язлык кыркым) и осеннюю (куыз кыркым). На стрижку овец собиралось все трудоспособное мужское население аула. Руководил стрижкой овец самый опытный в этом деле старейшина. День проведения стрижки согласовывали с советом старейшин. Начать стрижку овец раньше назначенного срока воспринималось как вызов обществу, нарушение установленных правил этикета, игнорирование старших.

Стрижку овец, как и любое другое серьезное дело, не начинали в среду (этот день недели считался неблагоприятным), четверг – пятницу (в эти дни принято было поминать усопших). Подобные запреты на выполнение каких-либо работ в определенные дни недели налагались и на жителей других регионов Дагестана. Так, для жителей с. Аркит запретными днями являлись вторник и среда, с. Хоредж – пятница. В пятницу жители всех табасаранских сел не начинали ткать ковер, не выходили в путь, до обеда нельзя было выполнять какие-либо работы¹. Нарушение подобных предписаний обычно связывается с плохими последствиями для нарушителей (болезнь, неудачи и т.д.), но имеют они и этикетный смысл – нарушение воспринимается как проявление невоспитанности, дурного тона, а порой и вызов общественному мнению².

На начало стрижки овец обязательно приглашался мулла. Его молитвы и религиозно-магические действия, совершаемые перед стрижкой овец, якобы приносили удачу³. Согласно

этикету начать стрижку поручали человеку опытному, хозяйственному. О таком человеке в народе говорили: «Берекетли аьдем. Колы енъгил аьдем» (Человек, от которого исходят польза, достаток. Человек, у которого рука «легкая»). Быть ведущим в коллективных работах считалось очень почетным, это было своего рода общественным признанием его трудовых и нравственных качеств. И, наоборот, если дело не ладилось, то говорили, что его начал человек, от которого нет пользы – «хайырсыз, онъсыз аьдем; авыр аьдем» (бесполезный человек, неудачник; «тяжелый» человек).

Согласно этикету перед стрижкой ведущий обязательно произносил речевую формулу: «Бисмилла рахман рахим. Хайырлы, огырлы кой болсын» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Пусть на пользу и на счастье будет скот) – и только после этих слов приступал к работе.

У ногайцев существовал и ряд запретов, связанных со скотоводством, которые со временем стали этикетными нормами. Так, например, нельзя разбивать стадо овец, проходя по середине отары, стадо следует обойти; нельзя хватать овцу за переднюю ногу, необходимо брать за заднюю ляжку; нельзя бить животное палкой по спине, голове, ногам; нельзя проверять барана на жирность, трогая его палкой или каким-либо другим предметом, надо обязательно это делать правой рукой.

Некоторые запреты существовали и относительно крупного рогатого скота. Так, например, привязывать корову к стойлу надо было за рога, а доить – с правой стороны. Не разрешалось также переходить дорогу идущему стаду, надо дожидаться, когда скот пройдет мимо. Нельзя садиться верхом на мелкий рогатый скот, корову.

Существовали и магические приемы, связанные со скотоводством, которые со временем приобрели статус этикетных норм. Так, например, хозяин, купив лошадь, водил ее за удила по двору и нашептывал на ухо свои пожелания. Делалось это для того, чтобы животное повиновалось своему новому хозяину. Прежде чем загнать во двор купленную корову, хозяйка

1 Алимова Б. М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 26-27.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 120.

3 См.: Гимбатова М. Б. Указ. раб. С. 93.

рассыпала перед ней просо со словами: «Тарыдай болып тасысын» (Как просо, пусть разливается (молоко) через края)¹.

Другой не менее важной отраслью хозяйства у ногайцев было земледелие. Земледелием в основном занимались кубанские ногайцы, но в конце XIX – начале XX века этот вид деятельности в связи с ограниченностью пастбищ были вынуждены осваивать и степные ногайцы. Это было вызвано, прежде всего, быстрым заселением степей Предкавказья в XIX в. русскими и украинскими переселенцами, которые активно занимались распашкой земель, тем самым ограничивая кочевое скотоводство².

Земледелие считалось мужским делом, женщины привлекались лишь в самую горячую пору – во время жатвы. Поэтому в речевом этикете ногайских женщин отсутствуют приветствия, обращенные к людям, занимающимся исконно мужскими видами труда. Так, у ногайцев женщине не принято приветствовать пахаря, чабана, воина, охотника, кузнеца, так как по этикету вслед за приветствием должно следовать какое-либо пожелание, соответствующее выполняемой работе, что расценивалось как желание вступить в разговор. Подобные ограничения в речевом этикете, связанные с половозрастным разделением труда, характерны для большинства северокавказских и дагестанских народов, особенно строго они соблюдались теми народами, которые следовали обычаям избегания.

Каждая ногайская семья самостоятельно обрабатывала, засеивала и собирала урожай со своего участка. Все работы, связанные с земледелием (пахота, сев, уборка урожая) облекались различными религиозно-магическими действиями, направленными на успешный исход мероприятия, их игнорирование воспринималось как нарушение этикета. Так, согласно этикету, перед началом пахотных и посевных работ глава семьи обязательно читал молитву, просил Аллаха о сохранении и приумножении урожая: «Алла ерге берсин, ер бизге берсин» (Пусть Аллах даст земле, а земля отдаст нам) или же «Онъыслы болсын.

Йылымыз ямгырлы болсын» (Пусть будет урожай. Год – дождливым) – и произносил универсальную для всех действий мусульманина речевую формулу: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Аллах велик».

Ногайцы – бахчеводы, перед тем как засеять поле арбузными семечками, сажали на них самую тучную женщину аула, руководствуясь принципом: подобное вызывает подобное. При этом она должна была произнести следующие слова: «Мендей онълы болсын!» (Пусть будут такими, как я!). Сопровождались трудовые действия и различного рода заговорами и благопожеланиями. Главным в заговоре и благопожелание был зачин. Он всегда прост и понятен, в нем присутствовала спокойная уверенность в том, что голос коллектива будет услышан покровителем и желаемое будет достигнуто. Приведем лишь один из зачинов:

*Алай да этик, болай да,
Арпа костык бийдайга,
Шуькир болсын Кудаьга,
Ишлер кетер онъайга,
Айтайык бир-экиди,
Тартайык таьмекиди,
Келмей болса эбине,
Келтирейик эбине!*

*Поступили так и эдак,
К пшенице добавили ячмень,
Слава Кудаю,
Дела наши пойдут на лад,
Скажем несколько слов.
Выкурим табачок,
Если не получится,
Сделаем так, чтобы получилось!*

Носитель магического слова должен говорить или петь важно, спокойно, метко, ясно, красиво и образно, но без лишнего многословия, трижды повторяя наиболее важные места, то есть главную просьбу. Заговорами и заклинаниями сопровождалось любое начинание, в том числе и стрижка овец, обработка шерсти, приготовление войлока, бурок, ритуальной пищи и т.д.¹

Конец мая – начало июня – время весеннего травостоя. В мае скотоводы выходили на сенокос. У кубанских ногайцев выход на сенокос был делом общественным, требовавшим разрешения совета старейшин.

1 Гимбатова М.Б. Указ. раб. С. 153-154.

2 Кидирниязов Д. С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX–нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). Махачкала, 2005. С. 55.

1 Сикалиев А. И.-М. Магическая поэзия ногайцев //Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1989. С. 70.

Сено заготавливали за пределами аула. Время и день начала сенокоса определял совет старейшин. В назначенный день собиралось все трудоспособное мужское население аула и устраивались торжественные проводы косарей¹. Молодежь веселилась, пела, танцевала.

Непременным участником проводов был ряженный «теке» (букв. козел). Он рядился в грязную одежду, на лицо надевал маску козла и веселил людей. «Теке» мог взобраться кому-нибудь на спину, напугать, облить водой, обмазать сажей и т.д. На шутки ряженого не обижались.

На период общего веселья люди временно отказывались от соблюдения правил этикета. В рамках всеобщего веселья смех, радость, шутки, танцы воспринимались как явление, вполне соответствующее общему позитивному настрою.

Женщины в сенокосе участия не принимали, сенокос считался мужским делом. Согласно правилам этикета отбивать косы поручали самому опытному косарю, а начать сенокос – самому старшему и уважаемому человеку. Перед началом сенокосения старейшина произносил сакральную фразу: «Бисмилла рахман рахим, айванларга хайырлы тамак болсын!» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного, пусть на пользу будет скотине). Сенокос старались завершить в кратчайшие сроки, опасаясь дождливых дней.

В июле-августе приступали к сбору колосовых, жатва и молотьба требовали участия всех членов семьи, включая подростков и женщин. Согласно этикету сжать первый сноп доверяли самому старшему в роду, а связать сноп – самой старшей женщине². Перед тем как начать уборку хлеба, самый старший произносил следующее пожелание: «Алла тала куват берсин. Асымыз таьтли болсын. Ырызкымыз коьп болсын!» (Пусть Аллах даст нам силы. Чтобы хлеб был вкусным, чтобы еды было много!).

В соответствии с правилами этикета проходящие мимо должны были приветствовать работающих и предложить им

свою помощь. В приветствии обязательно содержалось какое-либо пожелание, которое зависело от характера выполняемой работы. Так, пахарей приветствовали словами: «Алла коьмек этсин!» (Бог в помощь!), ведущему посев колосовых – «Алла коьмек этсин. Юртынъ аска толсын» (Да поможет тебе Аллах. Пусть дом твой наполнится хлебом!), к собирающим хлеб – «Алла коьмек этсин. Аранлар бидай ман толсын!» (Да поможет тебе Аллах. Пусть закрома твои наполнятся пшеницей!), к косарям – «Алла коьмек этсин сизге, пишен шалувшылар» (Да поможет вам Аллах, косари), к стригалям – «Алла пайдалы этсин» (Пусть Аллах принесет пользу) или «Акшалы болсын» (Пусть ваш труд прибыль принесет), «Мал коьп болсын» (Пусть скота будет много).

Людей, занятых каким-либо полезным делом, приветствовали следующими словами: «Ис колай болсын. Яхшы саьати мен. Алла коьмек этсин!» (Легкого вам труда. В добрый час. Да поможет вам Аллах!). Благодаря соседству с ногайцами подобные тюркские формулы употреблялись и моздокскими адыгами мусульманской веры. «Иш кьолай болсун; Яхшэ агъайлы бол», – обращались они, приветствуя людей, занятых каким-либо делом, – кузнецов, стригалей и т.п. У моздокских адыгов христианской веры эти формулы по вполне понятным причинам не прижились. Не встречаются они и у всех других этнографических групп внутри этноса¹.

Согласно этикету на приветствие должны были ответить: «Алла разы болсын! Аминь, я Алла!» (Спасибо! Да благословит тебя Аллах!). После обмена приветствиями по этикету проходящий должен был предложить свою помощь: «Коьмек керекпе?» (Нужна ли помощь?). Пройти мимо работающего и не предложить помощь считалось признаком плохого воспитания.

Если работающий был пожилым человеком, то простого предложения помощи было недостаточно, необходимо было остановиться и хоть ненадолго включиться в трудовой процесс. Этого требовал ногайский этикет, предписывающий оказывать

1 Керейтов Р.Х. Указ. раб. С. 115.

2 Там же. С. 120.

1 Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. С. 80.

посильную помощь при наличии свободного времени любому человеку или группе лиц, занятых тем или иным видом труда. Однако надо отметить, что в соответствии с правилами этикета мужчина не мог оказать помощь работающей женщине, а женщина не могла помочь мужчине, выполнявшему какую-либо работу. Согласно этикету женщины помогали женщинам, мужчины – мужчинам. Получить помощь от женщины считалось непристойным для мужчины.

Помощь в основном оказывалась старшим и родственникам. Старшие же оказывали помощь молодым в виде совета, наставления. И даже в этом случае младшие обязаны были поблагодарить старшего за совет и участливость. Отказать в помощи родственникам считалось неэтичным, более того, безразличным. При этом чем ближе родня, тем существенней была помощь. Родственная взаимопомощь имела место едва ли не при всех видах сельскохозяйственных работ: при пахоте, севе, уборке сена, стрижке овец.

К проявлениям родственной взаимопомощи Я. С. Смирнова относит и обычай самовольного заема имущества одним из членов патронимии у другого¹. Обычай этот был весьма распространен среди ногайцев. Отсутствие чего-либо (сена, зерна, сельскохозяйственного инвентаря) у одного из членов семейно-родственной группы давало право позаимствовать недостающее у другого. Самовольный заем никоим образом не воспринимался как воровство. При случае «самовольный заемщик» извещал хозяина об этом. При необходимости последний сам мог воспользоваться данным обычаем. Обычай самовольного заема бытовал у ногайцев вплоть до середины XX века, но больше как соседская, а не родственная взаимопомощь. Подобный обычай имел место и у адыгов, карачаевцев² и балкарцев³.

1 Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). С. 92.

2 Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 57.

3 Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 92.

К помощи родственников часто прибегали и во время приема почетных гостей. Расходы, связанные с их приемом, обеспечением безопасности личности и имущества, несла на себе не отдельная семья, а вся патронимия. То же происходило во время важных семейных событий. Так, во время праздника, устраиваемого по случаю рождения ребенка, родственники приносили с собой не только подарки, но и продукты питания. Весьма существенную помощь родственники оказывали во время уплаты калыма, при составлении приданого, в проведении свадьбы.

Более широкий круг родственников привлекался во время похорон и поминок. Основная часть расходов на проведение похоронно – поминальных обрядов ложилась на плечи обеих патронимических групп – отцовской и материнской.

Ощутимую материальную помощь и моральную поддержку родственники оказывали во время выплаты «цены крови». Г. Малявкин отмечал, что «в отношении взаимной помощи родственников, например, при уплате калыма, в несчастии какого-либо члена рода, родство считается до 7 колена. Все родственники должны помогать в несчастии»¹.

Соседская и родственная помощь оказывалась безвозмездно. Не оказать помощь нуждающемуся, упрекнуть его или ждать благодарности за поддержку и помощь считалось неприличным, недостойным настоящего мужчины-ногайца.

Среди ногайцев широкое распространение получил и другой вид взаимопомощи – «талака» (у кубанских ногайцев), «мылка» (у степных), когда для выполнения определенной работы приглашались все члены общины. Одноаульцев приглашали на строительство дома, на замес глины для саманного кирпича.

Место под строительство нового дома и день начала строительства согласно правилам этикета определял самый старший родственник. Выбор места для строительства дома был очень серьезным и ответственным делом. Как рассказывали наши информаторы, даже место для новой стоянки выбиралось очень тщательно. В старину, перед тем как выбрать место для нового

1 Малявкин Г. Указ. раб. С. 168.

стойбища, вперед посылали гонца, который должен был определить, пригодно ли новое место для жизни. Он засыпал ведро землей и переворачивал его верх дном, если земля принимала форму ведра и при этом не рассыпалась, то место считалось пригодным для жизни, а если рассыпалась в кучу, то ничего хорошего от этих мест не ждали, такая земля считалась менее плодородной, скот прокормить на ней было трудно.

Назначив день, глава семьи объявлял о проведении «талака» или «мылка». «Эртен келинъиз. Талака менде» (Приходите утром. У меня талака), - сообщал хозяин. На «талака («мылка») приходили все желающие. Отказать в помощи, не имея на то веской причины, считалось неприличным, ибо все было взаимнообразно. Ногайцы жили по принципу: «Сегодня я тебе помог, а завтра – ты мне». Обязанностью всякого, кто когда-либо воспользовался помощью односельчан, было откликнуться на аналогичное приглашение.

Несмотря на то, что труд, связанный со строительством дома, был сопряжен с тяжелой физической нагрузкой и работать приходилось в основном с глиной, люди приходили на помощь в приличной одежде, особенно хорошо выглядели старалась молодежь.

Строительство дома делилось на несколько этапов: вначале делали разбивку фундамента, строили цоколь, затем возводили стены, закрывали крышу, обмазывали стены глиной. Следует отметить, что фундамент из камня строили лишь кубанские и кумские ногайцы, степные и терские ногайцы при строительстве дома фундамент не закладывали, а начинали сразу с цоколя. Мы связываем это с традицией устанавливать юрты и с природно-географическими условиями. Известно, что ногайцы в основном живут на плоскости, где ощутимые геомагнитные колебания земли происходят крайне редко, следовательно, и нет необходимости строить добротный фундамент для относительно легкого саманного или камышового дома.

Хозяева тщательно готовились к проведению «талака». Хозяин приглашал музыкантов, хозяйка готовила угощение для

работников. Утром, перед тем как начать работу, и вечером хозяйка погчевала всех чаем.

В помочах можно выделить ряд этикетных моментов. Так, согласно правилам этикета первый колышек в разбивке фундамента поручали забить самому старшему родственнику. После чтения молитвы и произнесения благопожелания: «Хайырлы мекан болсын» (Пусть дом принесет пользу) – старейшина рода забивал первый колышек, после чего все остальные начинали возводить цоколь. Строительство цоколя считалось мужским делом, женщины в этих работах участия не принимали.

Из числа работников выбирали главного, обычно это был кто-либо из старших. Он распределял работу, давал соответствующие указания и распоряжения, следил за качеством выполняемой работы, мог сделать замечание и т.д. Самую ответственную работу выполняли главный распорядитель и его помощники из числа молодых ребят, которых он выбирал себе сам. В ходе помочи придерживались определенных правил поведения. Так, хозяин работал наравне с остальными и также выполнял указания главного распорядителя, делать замечание работающим, поторапливать или указывать на их недостатки, упрекать кого-либо в недобросовестности хозяин не мог. Работали, как правило, хорошо, так как все работники трудились добровольно, а не по принуждению. Помочане, в свою очередь, также придерживались определенных правил поведения. Работать плохо, спустя рукава во время коллективных работ было не принято. Нерадивого, ленивого работника могли подвергнуть насмешкам со стороны окружающих. Показать неумелым, неспособным трудиться было непозволительно. Среди работников всегда мог оказаться балагур, шутник, остро слов, который не прочь был высмеять, поставить в неловкое положение нерадивого работника.

Правила этикета требовали от работников полной отдачи сил. В коллективных работах всегда присутствовал некий дух соревновательности. Быстро выполнив свою работу, участник коллективных работ помогал остальным. Все старались завершить

работу одновременно. Подобных правил придерживались и горцы Дагестана. Приведем лишь некоторые из них: на помощь приходи вовремя и со всеми; работу начинай и заканчивай по знаку старшего; помогая, состязайся в усердии, не уступай другим в труде и старании; отдыхай, радуйся и веселись со всеми; закончив работу, не занимайся самовосхвалением, не напоминай человеку об оказанной помощи и т.д.¹

После строительства цоколя на второй день начинали месить глину для саманного кирпича, этот вид работы назывался «ашыткан». Сооружение стен также считалось делом мужским. После возведения стен приступали к настилу крыши. Настил крыши считался особенно трудоемким делом, его доверяли опытным работникам. У кубанских ногайцев работники, спускавшиеся с крыши, по традиции должны были инсценировать перелом руки, а хозяева в знак уважения и признательности за оказанную помощь повязать им на руки платки.

Обмазка стен дома считалась женским делом. Инициатором здесь уже выступала хозяйка дома. Особый тон здесь задавали молодые девушки, ведь общественная работа являлась для них своеобразными смотринами. Самой лучшей работнице хозяйка от сглаза повязывала на руку платок. Работа проходила весело. Женщины присматривались к девушкам и подбирали невест для своих сыновей. Неумелая девушка рисковала подорвать в глазах общественности свою репутацию и тем самым снизить свои шансы на скорый и удачный брак.

Вечером после работы хозяева устраивали угощение, оплата деньгами за проделанную работу исключалась. Заранее резали барана, чтобы на ужин сварить мясо и приготовить лапшу.

Главный распорядитель руководил и застольем. Все помочане после работы приглашались к столу. Здесь действовали общепринятые правила застольного этикета, соблюдаемые всеми участниками коллективной трапезы. Ее участники рассаживались за столом по половозрастному принципу. Старики и мужчины среднего возраста садились по правую и левую стороны от

тамады согласно возрасту и социальному статусу, отдельно от них садились молодые мужчины и юноши.

Трапеза начиналась и завершалась мытьем рук. После произнесения молитвы самым старшим работники приступали к трапезе. Согласно этикету первым к еде прикасался самый старший, после него все остальные.

Существовал ряд этикетных правил, которым следовали сотрапезники. Так, начинать есть следовало от ближнего края блюда. Брать из общей посуды полагалось то, что ближе всего расположено. Считалось неприличным выбрать из общего блюда самый лучший кусок мяса. Если такой и находился в непосредственной близости от одного из сотрапезников, то правила приличия требовали, чтобы он предложил его кому-нибудь из старших за столом.

Правила застольного этикета требовали быть сдержанными в еде, не торопиться, не заглядывать в тарелку соседа, не есть больше других. Эти правила не позволяли чавкать, ковыряться в зубах, облизывать губы, пальцы рук, жевать пищу и при этом одновременно разговаривать, чихать, кашлять, сопеть за столом.

Непременным атрибутом застолья считалось употребление кумыса или бузы. Их потребление носило ритуальный характер. Согласно этикету правом наливать хмельные напитки пользовался самый старший мужчина. Кумыс, бузу пили круговой чашей старшие мужчины, молодежь к распитию крепких напитков не допускалась. Взять чашу с хмельным напитком и передать ее в руки другому могли лишь мужчины, равные по возрасту и социальному положению. Пьянство и недостойное поведение за столом считались грубейшим нарушением этикета.

Тамада провозглашал здравицу в честь одного из присутствующих и предлагал ему произнести тост. Во время провозглашения тоста по этикету все присутствующие прекращали есть, пить, разговаривать. Тамада следил за тем, чтобы провозглашавший тост не задел чести и достоинства кого-нибудь из присутствующих. От его жизненного опыта, мудрости, красноречия и умения вести стол зависело настроение присутствующих. Если вечер не удался, то в этом винили тамаду.

¹ Хиясова С. Г. Указ. раб. С. 275.

Одним из этикетных моментов коллективного застолья считалось объявление тамадой о вкусовых достоинствах тех или иных блюд и кулинарных способностях девушек, приготовивших их. Тамада, представляя блюдо, говорил следующее: «Вот перед вами локум, приготовленный Зейнаб, дочерью Байманбета. Я попробовал локум и чуть палец себе не откусил, да чего же вкусно она его приготовила!». Участники коллективной трапезы могли по достоинству оценить кулинарные способности девушек на выданье.

На подобные мероприятия приглашались известные музыканты, певцы. После ужина работники расходись по домам. Согласно этикету хозяин, провожая помочан, выражал им свою благодарность: «Алла кыйынынъызды савапка язсын. Сизинъ талакада мен де болайым» (Пусть Аллах ваш труд отнесет к благим делам. На вашем «талака» дай бог и мне быть).

Таким образом, помочи являлись не только местом общения людей разного возраста, но и школой трудового и нравственного воспитания. Именно во время коллективных работ вырабатывались, закреплялись и передавались производственные приемы и навыки, происходил обмен знаниями. «Талака» был местом, где молодежь могла проявить свои способности и завоевать репутацию завидного жениха, невесты.

Часто к этому обычаю прибегали богатые общинники, прикрываясь взаимопомощью и чувством общинной солидарности, они бесплатно использовали труд бедняков на поле во время сельскохозяйственных работ, при строительстве дома и т.д.

Проявлением чувства сострадания, взаимовыручки было участие в помощи погорельцам. Помощь одноаульцам, оказавшимся в трудном положении, была моральным долгом всех общинников. Помощь пострадавшим оказывалась бескорыстно и безвозмездно.

На общем собрании ямагат принимал решение силами общинников оказать помощь погорельцам стройматериалами и в строительстве дома. На собрании одному из общинников поручали объехать аул для сбора строительных материалов. Оттанавливаясь у каждого дома, он громко произносил: «Янган

уьйге бир зат тасланъыз!» (Для погорельцев пожертвуйте что-нибудь!). Каждый хозяин был обязан выйти из дома и положить в телегу что-нибудь из стройматериалов, обычно выносили гвозди, рейки, доски, состоятельные общинники могли помочь и деньгами. Собрав необходимые стройматериалы, начинали строительство дома. Угощение в этом случае устраивалось на средства общины или вскладчину. Подобного рода помощь оказывалась у всех народов Дагестана¹ и Северного Кавказа².

Помощь могла оказываться и в виде предоставления на время сельхозинвентаря, тягловой силы, предметов домашнего обихода и т.д.

Соседская взаимопомощь проявлялась и во время валяния войлока, мытья, сортировки шерсти и т.д. Для совместной работы соседки собирались в доме у одной из женщин, каждая со своей работой. Присоединиться к ним могли и молодые девушки. На помочах молодежь должна была придерживаться определенных правил поведения: нужно было как можно лучше и быстрее работать, выполнять поручения старших, прислушиваться к их советам, не вступать в разговоры, не поучать взрослых, не вступать в разговор со старшими по собственной инициативе и т.д.

Девушки на помочах старались показать все свое умение, сноровку и мастерство. Умелые девушки вызывали всеобщее восхищение и похвалу. О таких говорили: «Счастливец тот, кто возьмет ее замуж!».

Такие же нормы поведения соблюдались и молодыми ребятами, участвовавшими в помочах, устраиваемых взрослыми мужчинами для изготовления деревянной домашней утвари, конской сбруи, кожаных изделий и т.д. На таких мероприятиях молодежь приобретала трудовые навыки, приобщалась к миру взрослых, училась культуре поведения и этикету.

Итак, соблюдение определенных правил поведения и этикета требовала и такая сфера жизнедеятельности человека, как труд.

1 Хиясова С. Г. Указ. раб. С. 275.

2 Хасбулатова З. И. Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX-начале XX века // Культура Чечни: История и современные проблемы // [Отв. ред. Х. В. Туркаев]. М., 2006. С. 207.

У ногайцев существовало жесткое половозрастное разделение труда: женщины занимались домашней работой, воспитанием детей, мужчины – земледелием, скотоводством. В связи с этим в ногайском этикете существует целая система приветствий и благопожеланий в адрес работающих, которая связана с половозрастным разделением труда.

Этикетом предусматривались помощь старшим, участие в помочах, требовавшая от работников полной отдачи и добросовестного выполнения порученного дела. Нарушители правил трудового этикета подвергались общественному порицанию.

5.5. Культура поведения и этикет во время досуга

В прошлом люди сами организовывали свой досуг, стараясь как можно более рационально использовать свободное от работы время. Чаще для отдыха и развлечений люди использовали коллективные формы досуга, которые они организовывали не только для того, чтобы просто провести время, но и для обмена информацией, знаниями, опытом.

Совместный досуг людей – это не просто обмен информацией, но еще и возможность показать свою внутреннюю культуру, умение общаться и вести себя в обществе.

В исследуемое время для кубанских ногайцев излюбленной формой совместного досуга в холодное время года было проведение обряда «кезбе боза» (букв. буза по очереди). Смысл этого обряда заключался в том, что мужчины-ровесники квартала выбирали из своего круга главного «боза агасы» (букв. старший бузы) и зимними вечерами собирались в доме у каждого по очереди пить бузу. Здесь мужчины обменивались новостями, шутили, пели песни. Молодежь не допускалась к подобным мужским мероприятиям.

Первым принимал гостей и угощал бузой «боза агасы» (букв. брат бузы). Приготовив бузу и угощение, «боза агасы» приглашал мужчин к себе домой. Собравшись, мужчины подходили к дому и пели:

*Боза, боза, боза ды,
Боза сувдан таза ды,
Эрбегей шоьптинъ басы ды,
Эрлердинъ суййип ишкен
асы ды.
Боза таппай, харам деп,
Афендилер азады!"*

*Буза, буза, да будет буза,
Буза чище воды.
Она любимый напиток
Мужчин.
Не найдя бузы, объявляя ее
Запретной,
Эфенди худеют!*

Во время распития бузы существовали свои правила этикета. Так, согласно им первым пригубить напиток должен был сам «боза агасы». Он произносил свои пожелания и передавал «тостакай» (специальная посуда для хмельных напитков) с бузой сидящему справа от него, который считался вторым после «боза агасы» лицом, а тот, в свою очередь, передавал следующему по рангу, то есть сидящему слева от «боза агасы», затем чаша передавалась по кругу всем остальным².

На дно «тостакая» специально клали маленькую палочку, когда человеку вручали кубок, то ему приказывали: «Вынь занозу!». Пьющий бузу должен был поймать ее губами, кому не удавалось этого сделать, тот должен был спеть песню и пригласить домой на бузу. Подобные сборы в попойки не превращались, показаться пьяным считалось непристойным для мужчины. Непозволительным считалось учинять драки, ссоры на «кезбе боза». Подобное поведение вызывало всеобщее осуждение.

Аналогичный обряд имеется у киргизов (жоро бозо)³ и кумыков (боза йыр)⁴. У степных ногайцев обряд «кезбе боза» не сохранился.

Мужские увеселительные собрания были характерны для многих народов. В свое время они были зафиксированы исследователями культуры и быта народов Закавказья, Северного Кавказа, России, стран Западной Европы, Восточной Азии и др.

1 Сикалиев А. И. -М. Указ. раб. С. 70.

2 Керейтов Р. Х. Указ. раб. С. 132.

3 Симакон Г. Н. Указ. раб. С. 160-161.

4 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 312.

В недавнем прошлом изучением мужских союзов горцев Кавказа занимался Ю. Ю. Карпов¹, а этикетом и нормами поведения в мужских объединениях горцев Дагестана – С. А. Лугуев².

Местом же для общения молодежи являлись различного рода посиделки. Взрослые обучали детей красноречию с самых ранних лет. Так, в одном из рассказов о борьбе Эдиге с ханом Тохтамышем мы находим следующее: «Едге (Эдиге. – М. Г.) приказал новорожденному (сыну Нурадину. – М. Г.) омыть медом голову, чтобы язык его был сладкий (красноречивый) и подпоясать ремнем от меча, для того чтобы он мог убеждать словом и побеждать мечом»³.

Взрослые разучивали с детьми пословицы, поговорки, колыбельные и детские песни, которые запоминались и включались детьми в процессе общения со сверстниками во время игр и развлечений.

В подростковом возрасте красноречие оттачивалось и совершенствовалось на посиделках. Так, у девушек они назывались «басланув» (от слова «баслан» – начинать). Присутствие юношей на девичьих посиделках не допускалось. Девушки, заранее договорившись, собирались в доме у одной из подруг и приносили с собой продукты, мелкую работу. На подобных посиделках девушки успевали и поработать, и отдохнуть. Девичьи посиделки могли посещать и молодые женщины, которые помогали девушкам осваивать навыки рукоделия, кулинарии. Благодаря совместному труду и досугу приобретались навыки общения со сверстницами, взрослыми женщинами. Подобные девичьи посиделки проводились у оренбургских ногайцев⁴, были они известны и киргизам⁵.

1 См.: Карпов Ю. Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

2 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). Махачкала, 2006.

3 Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. №67. Л. 65.

4 Мошков В. А. Указ. раб. С. 44.

5 Симмаков Г. Н. Указ. раб. С. 189.

Помимо девичьих посиделок, проводились и вечеринки с участием парней. Совместные вечеринки устраивались в доме одного из парней или девушки, обязательно в присутствии молодой снохи.

На совместных вечеринках ногайская молодежь, в отличие от своих южнобашкирских и казахских сверстников, которые в добрачный период были более раскованны в отношениях с противоположным полом¹, вела себя вполне пристойно, никакие телесные контакты с представителями противоположного пола не допускались.

У ногайцев общение на совместных вечеринках происходило с помощью шуточных куплетов, иносказательной речи. Как правило, девушки и парни держались отдельно друг от друга. Молодежь, разбившись на группы, начинала состязаться в красноречии. Побеждала та группа, за которой оставалось последнее слово. Подобные совместные мероприятия имели распространение в Дагестане², Чечне³.

В молодежной среде, как мы отмечали, был популярен язык иносказаний. Вообще умение «спрятать» за словами истинный смысл происходящего высоко ценилось у ногайцев. Иносказательная форма общения у ногайцев называется «кенает соьз» (букв. тайная речь). Высокохудожественные образцы «тайной речи» ногайцев в свое время были записаны известным ногайским просветителем А. -Х. Ш. Джанибековым. Приведем лишь некоторые из них. «Как-то хан приказал элши (посыльному) вызвать к нему одну из местных красавиц. Элши направился к женщине и передал, что хан желает ее видеть. Женщина ответила посыльному, что не может в данный момент появиться у хана, так как ожидает возвращения мужа.

Вернувшись с этой вестью, элши застаёт хана в окружении людей. Хан спросил у посыльного: «Что тебе ответили?». Элши, чтобы скрыть от окружающих правду, ответил так:

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 79.

2 Лугуев С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX-начало XX в.). С. 74-75.

3 Хасбулатова З. И. Указ. раб. С. 214-215.

Барын эдим, уйде йок,
Шакырып эдим, келеек,
Келмесегене келеек,
Келди бугай келмеси.

Пошел бы, дома нет,
Позвал бы, пришел,
Придет тот, кого не ждут,
Пришел, кажется, кого не ждали.

Кроме хана, никто не догадался, что же скрывалось за сказанным»¹.

Вот другой пример «тайной речи» ногайцев. К матери, ласкающей своего ребенка, подошла женщина и начала интересоваться, чей это ребенок? Женщине не хотелось раскрывать правды, и ей пришлось ответить так:

Баламнынъ баласы,
Байымнынъ аданасы.

Ребенок моего ребенка,
Брат моего мужа.

За этими словами скрывалась целая история. Когда-то женщину и ее маленького сына продали за долги разным людям. Прошло время, мальчик вырос, и настала пора ему жениться. Ни о чем не подозревая, юноша женится, и у него рождается сын. Неожиданно для себя женщина выясняет, что юноша, за которого она вышла замуж, и есть сын, с которым ее когда-то разлучили. Об этом она догадалась по родимому пятну на его теле².

Помимо тайной речи, существовали табу и эвфемизмы на произнесение отдельных слов и словосочетаний, своего рода «замена какого-либо выражения, носящего по разным причинам запретный характер, другим выражением»³.

Табу и эвфемизмы возникают, как известно, в тех случаях, когда произнесение того или иного слова по какой-либо причине становится нежелательным. Некоторые слова заменяются

из-за их неприемлемой в силу различных обстоятельств прямолинейности, которая может быть воспринята как непочтительность. Неприятные для слушателя или собеседника слова заменяются менее неприятными – эвфемизмами¹. Многие тюркские народы, например, избегают употребления слова «умирать», когда речь идет о смерти близких родственников или других уважаемых лиц. Так, например, ногайцы, извещая о смерти человека, говорят: «тайды», «кетти» (отошел, ушел в мир иной). Этот обычай восходит к древнетюркскому времени. В орхонских надписях о смерти членов семьи «автора надписи» и уважаемых им лиц говорится в иносказательной форме: он стал отсутствующим. Только по отношению к врагам, представителям низших сословий и лошадям употребляется слово «умер»².

В ногайском языке, как и у большинства тюркоязычных народов, имеется ряд выражений для обозначения материнства. Так, например, слово «буаз» (беременность) употребляется только применительно к животным, в разговоре о женщине оно заменяется выражением «авыр аяклы» (букв. тяжелые ноги), «шаркы авыр» (букв. тяжелое тело). Слово «тувдырув» (рожать) применимо только к животным, в разговоре о женщине оно заменяется выражением «бала таппак» (букв. находить ребенка).

В ногайском языке заменялись названия и некоторых болезней. Так, например, для обозначения оспы использовали слово «кызылша» (букв. красная болезнь), туберкулеза – «оьпке авырув», «юка авырув» (тонкая болезнь), нарыва пальца – «ялгыз» (одинокий), остеохондроза – «ель авырув» (букв. ходячая, как ветер болезнь), кори – «кызыл шешекей» (красные цветочки). Для обозначения психических заболеваний использовали выражение «ян авырув» (букв. душевная болезнь). Ногайцы также избегают употреблять слово «рак» и используют в этом случае выражением «яман авырув» (плохая болезнь).

В ногайском языке существует табу на произнесение названий некоторых диких животных. Так, ногайцы не произносили

1 Джанибеков А. -Х. Ш. Сокровищница слов, или ногайский фольклор. Камызяк, 1994. Часть 1. С. 74.

2 Там же. С. 75.

3 Лауде-Циртаутас И. К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // СТ. 1976. №4. С. 72.

1 Там же.

2 Там же. С. 75.

слова волк, его заменяли словом «иткус» (букв. ит – собака, кус – птица), «аты уйкен» (большое имя), «доьрт аяк» (четвероногий). Среди ногайцев бытует поверье, что если они произнесут это слово, то волк нападет на их скот. Подобные поверья существовали и у других скотоводов-кочевников¹.

Лису называли «тульки» (хитрая), оленя – «кыр буга» (дикий бык), ежа – «кирпи» (колючий), хорька – «сасык-куьзен» (зловонный), филина – «япалак кус» (мохнатая птица), пчелу – «балшыбын» (медовая муха), мула – «катыр» (крепкий). Подобные языковые табу на произнесение названий отдельных видов животных были характерны и для многих дагестанских² и северокавказских народов³. Эти языковые запреты на произнесение названий отдельных животных в этнографической литературе именуется «охотничьим языком»⁴.

Охота по-ногайски «ав». Человеку, отправляющемуся на охоту, желали: «Канжыга канлы болсын» (Пусть торока твоя будет в крови от добычи), «Юреги янлы болсын» (Сердце пусть будет бесстрашным).

К одному из видов проведения совместного досуга молодежи относился обычай собираться у постели больного, называемый кубанскими ногайцами «шаьвшеке». Основная цель его заключалась в том, чтобы отогнать злых духов, мешающих выздоровлению больного.

У степных ногайцев подобного обычая не было, вероятнее всего, у кубанских ногайцев он возник под влиянием северокавказских народов. Обычай собираться у постели больного существовал у кабардинцев под названием «щлопщаклуэ», у черкесов – «щлапцэ», у адыгейцев – «клапце»⁵. Этот обычай был

также известен абхазам¹, карачаевцам², балкарцам³ и абазинам⁴. В XVIII в. элементы «шаьвшеке» зафиксированы С. Г. Гmeliным у кайтагцев в Дагестане⁵.

Юноши собирались в доме больного, чтобы облегчить его страдания, развеселить, поднять настроение и тем самым ускорить выздоровление. Еще недавно адыгейцы и кабардинцы устраивали у постели раненого (а также пострадавшего от всякой серьезной физической травмы) шумные игры с музыкой, пением и театрализованными представлениями ряженных, - писал Л. И. Лавров⁶. При этом они прибегали к разным магическим способам, чтобы оградить больного от общения с лицами, имеющими порочную репутацию⁷.

У кабардинцев бытовало мнение, что во сне больной защищен от злых духов, и потому у постели больного день и ночь должны находиться люди, не давая ему заснуть⁸.

З. М. Налоев отмечал, что «щлопщаклуэ» – это обряд, который устраивался при тяжело больном с целью пользуеть его. Больной, как правило, лежал в кунацкой, куда ежевечерне стекались веселые люди, девушки, юноши, подростки, зрелые мужчины и носители смеховой культуры – джегуко. Обряд с перерывом на световой день длился до тех пор, пока больной находился в опасности⁹.

1 Лауде-Циртаутас И. Указ. раб. С. 73.

2 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). С. 173.

3 Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. С. 118-123; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазцы. Сухуми, 1965. С. 189; Техов Д. Охотничий язык у осетин // Известия ЮО НИИ. Цхинвали, 1971. Вып. 18. С. 121-137.

4 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 128-129.

5 Там же. С. 96.

1 Джанашия Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 79; Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 212.

2 Народы Кавказа (сер. «Народы мира»). М., 1960. С. 264.

3 Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // СЭ. № 11. Л., 1939. С. 178.

4 Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. Труды Института этнографии. М., 1955. Нов. сср. 26. Т. 1. С. 35.

5 Гмелин С. Г. Путешествия по России для исследования трех царств естества. СПб., 1784. Т. IV. С. 97.

6 Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. М., 1959. Нов. сср. Т. LI. С. 223.

7 Лавров Л. И. Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 270.

8 Бабич И. Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. С. 63.

9 Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 5.

Подобный обычай существовал и у черноморских казаков. И. Д. Попко в середине XIX в. писал, что в Черномории «раненому не давали спать около трех суток; у его изголовья стучали в бубен и пели боевую песню. Лежал ли он на биваке или в курене, пред его глазами раскладывали огонь, блеск которого облегчал тоску, какая чувствуется от потери крови и избытка телесных страданий. Пуще всего не допускали к нему людей с дурным глазом и с излишней, если угодно, восприимчивостью»¹.

Таким образом, «шаавшеке» был известен не только ногайцам, но и другим народам Северного Кавказа, а также казакам украинского происхождения.

Ногайская молодежь у постели больного вела себя свободно и непринужденно, говорила на любые темы. Участники обряда не были стеснены рамками этикета. У постели больного организовывали различные игры, особенно популярной была игра с калачиком. Участники этой игры должны были по очереди зубами схватить вращающийся калач, который специально выпекали из пресного теста с заостренными краями. Кому удавалось это сделать, доставался маленький приз – кисет, носовой платок и т.д. Задание было не из легких, многие оставались с пораненными губами.

Следующей игрой ребят была «белбав сокыш» (букв. удар ремнем). Участники становились в ряд, вытянув обе руки вперед и сложив ладони лодочкой. Ведущий, спрятав в руках какую-нибудь вещицу, обходил ряд и оставлял ее в чьих-нибудь руках. Последний должен был догадаться, что же спрятал ведущий. Если догадается, то он становится ведущим, если нет, то ведущий бил его ремнем по спине. Боль переносили мужественно. Никто из участников этих игр не плакал, не жаловался на боль. Наоборот, игроки всячески подбадривали больного, отвлекая его от недуга.

У постели больного юноши и девушки разыгрывали шуточные сценки. Один из юношей представлялся зятем (ездей), а

одна из присутствующих девушек – его свояченицей, младшей сестрой жены (балдыз).

Девушка надевала на голову сито и обращалась к зятю с просьбой дать ей денег:

Ал-ал, ездем, ал ездем,
Кисенънинъ туббин как,
ездем,
Кисенъде акшанъ йок болса,
Борышка алып бак, ездем.
Ярк-ярк этейим,
Яркылдатып маънет берсенъ,
кетейим,
Без-без этейим,
Безилдетип маънет берсенъ,
кетейим.

Возьми, возьми, зять,
Возьми, зять,
Потряси карманы, зять,
Если нет в кармане денег,
То попроси в долг, зять.
Ярк-ярк сделаю,
Если дашь мне звонкую
Монету, то я уйду.
Без-без сделаю,
Если дашь даже мелочь,
То я уйду.

Не получив денег от зятя, свояченица говорит:

Кызганыш экен ездемиз,
Соқыр каыпик бермеди.
Ялгызым деп балдызын
Совъ бен алдап билмеди...

Жадным оказался зять,
Даже дыривой монеты не дал.
Единственную свояченицу
Не смог словесно обмануть...

Затем девушка преподносила юноше пиалу с водой, которую преднамеренно подсаливала. Юноша, отпив глоток соленой воды, отказывался пить дальше, тем самым вновь становился должником своей балдыз¹. Подобная сцена вызывала у всех присутствующих смех, создавая обстановку всеобщей радости и веселья.

Вольный, смеховой характер общения в данном случае являлся пережитком того периода, когда функция обряда «щЮпщакЮэ» состояла только в том, чтобы создать идею жизни, воскресения, преодоления смерти. В XIX – первой половине XX века этот обычай предстает в виде своеобразного увеселения, стимулирующего развитие музыкального, танцевального,

¹ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 165-166.

¹ Капаев С. И. Ногайский дом. Черкесск, 1999. С. 120.

поэтического искусства и имевшего в отдельных случаях ярко выраженную общественную направленность¹.

Итак, проведение коллективного досуга как во взрослой, так и в молодежной среде требовало от его участников знаний этикета, которые позволяли им общаться и поддерживать дружеские отношения.

Согласно этикету мужчины свой досуг проводили в кругу ровесников, молодежь к ним не допускалась. Досуг мужчин представлял собой круг друзей, собиравшихся в основном в зимнее время года для приятного времяпрепровождения. Одним из обязательных атрибутов застолья на мужских увеселительных собраниях был слабоалкогольный напиток буза, который они пили круговой чашей, не доводя себя до состояния сильного опьянения. Каждый член мужского собрания помнил о правилах приличия и старался вести себя подобающим образом. Пьянство, драки, оскорбления на подобных мероприятиях считались недопустимыми и шли вразрез с установленными в обществе правилами этикета.

Как таковой досуг женщин в данном разделе работы мы не рассматривали, так как свой досуг женщины проводили, выполняя какие-либо работы, что делает его скорее одним из видов женских помочей, нежели досугом.

Молодежные вечера проводились как совместно, так и отдельно друг от друга.

На совместных вечерах требовалось обязательное присутствие старших. Девушками и юношами соблюдались установленные правила приличия и этикет, любой телесный контакт между ними был непозволителен, недопустимыми считались и реплики, которые могли бы задеть самолюбие кого-либо из присутствующих на вечере. На вечерах молодежь имела возможность в полной мере проявить знания этикета, свои умения общаться и быть интересным собеседником. Подобные формы проведения совместного досуга существовали и у других северокавказских и дагестанских народов. Анализ общественных

форм досуга ногойцев позволил нам прийти к заключению, что ногойцы свой досуг в большинстве случаев проводили в соответствии с половозрастными принципами, с вытекающими отсюда правилами поведения и этикетом.

5.6. Культура поведения и этикет в обычаях гостеприимства и куначества

Одним из самых стойких и строго соблюдаемых обычаев у ногойцев, как и у других северокавказских и дагестанских народов вообще, является обычай гостеприимства и куначества.

Гостеприимство – сложное явление. Институт гостеприимства существовал у самых разных народов мира: у древних германцев и евреев, австралийцев и арабов, индейцев и народов Севера. Поразительные совпадения в ритуале приема гостя у народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, конечно, не могут быть случайными, они свидетельствуют об устойчивости неких глубинных структур ритуала, его семантических мотиваций¹.

Проблеме гостеприимства посвящено немало работ, она с давних пор интересовала многих исследователей. Высказывались различные точки зрения по поводу генетических основ обычая гостеприимства. Одни исследователи склонны видеть столь широкое распространение этого обычая в трудностях и опасностях, подстерегавших путников во время передвижений или странствий по путям сообщения в эпоху варварства. Так, например, Д. Е. Еремеев отмечает, что «слабое развитие путей сообщения в прошлом, опасности, всюду окружавшие путника, - все это выработало на Востоке особые правила взаимопомощи и гостеприимства, которые свято соблюдаются простым народом до сих пор»². Л. Я. Люлье усматривал в гостеприимстве реализацию права на защиту и покровительство³. С. М. Броневский выводил распространение обычая гостеприимства из

1 Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 113.

2 Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы. М., 1980. С. 99.

3 Люлье Л. Я. О гостеприимстве у черкесов //К. 1859. № 7.

образа странствующих рыцарей¹, существует и религиозно – магическая концепция внутренней сущности гостеприимства². Все эти точки зрения вполне приемлемы и рациональны, однако они не отвечают на главный вопрос: когда же возник обычай гостеприимства? Исследуя генетические корни этого обычая, Б. Х. Бгажноков пришел к следующему выводу: «Сознание того, что все, чем располагает общество, является одновременно и твоим, не могло существовать без сознания «мое есть одновременно общественное», т.е. обычай гостеприимства берет свое начало с эпохи первобытного коммунизма коллективной собственности»³. С. А. Лугуев, как бы развивая эту мысль, пишет, «что обычай развивался, содержательно наполнялся и обретал институтоизированные черты особенно с периода становления производящего хозяйства, выделения, обособления таких его форм, как земледелие, скотоводство, а в последующем – домашних промыслов и ремесел, хозяйственной специализации (видовой, зонально-региональной) и результата этих сложных процессов – развития обмена и торговли. Именно с развитием торгово-обменных операций и налаживанием, интенсификацией соответствующих связей обычай гостеприимства и куначества обрел ту «законченную», «классическую» форму, которая с некоторыми изменениями и этноспецифическими чертами, характеристиками дошла до поколений людей нового и новейшего времени»⁴.

Со временем обычай гостеприимства приобрел морально – этический оттенок. Пожалуй, нет такого народа на земном шаре, у кого бы принцип гостеприимства не входил в систему моральных ценностей, вопрос только в том, какое место он занимает в этой системе.

Обычай приема гостей имеет давние традиции. Прием гостей является типичной этикетной ситуацией. Развитые формы

гостеприимства ориентированы на человека, прибывшего издалека, незнакомого или малознакомого¹, а наиболее простые, зачаточные формы наблюдаются при приеме хорошо знакомого гостя, возможно, соседа или родственника. У народов Севера хорошо сохранились наиболее простые формы гостеприимства. У народов Кавказа оно приобрело характер высокоразвитого правового института, а прием гостя разворачивается как многодневный детализированный ритуал². Таким образом, ногайцы, как и другие народы Кавказа, имеют довольно развитые формы гостеприимства.

Гостеприимство (конакбайлык) – одна из черт национального характера ногайцев. Ногайцы говорят: «Гость – от Аллаха». Хорошо принять гостя – не только обязанность, но и святой долг кочевника. Поэтому этот обычай, зародившийся в среде кочевников, укоренился в сознании всех ногайцев весьма прочно. Обычай основан на принципе взаимопомощи и взаимовыручки. Путника, странствующего по степи, подстерегало много опасностей и неожиданностей, и без поддержки чужих людей приходилось трудно. Вот почему у ногайцев каждый путник имел право войти в первую встретившуюся кибитку и рассчитывать на гостеприимство. «Человеколюбие, приязнь и дружеское расположение оказывает своему знакомому, приятелю, другу, страннику в собственной отчизне. Приезжаете вы к нему в аул как незнакомец, он принимает вас с приветливостью, дает место, расспрашивает о вашей нужде», – сообщает А. Павлов о ногайцах³. Прием известных и неизвестных лиц осуществлялся без особой разницы, что не раз отмечали путешественники. Между мусульманами и христианами не делалось различий. Для последних единственным ограничением было не заносить в кибитку свинину (если она была куплена где-то заранее)⁴. Определенных правил в приеме мусульманина

1 Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 130.

2 Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 74.

3 Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 40.

4 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 228.

1 Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 179.

2 Там же.

3 Павлов А. Указ. раб. С. 31.

4 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 104.

придерживались и казаки. Так, «если дом казака посещал кумык, чеченец, кабардинец или другой человек мусульманского вероисповедания, образа закрывались пеленой. Спиртное на стол не подавалось, и гостю было дано право самому забить скотину или птицу»¹.

Г. Малявкин отмечал, что «гостеприимство – основная черта их (ногайцев. – М. Г.) кочевого быта. Путешествуя по степи на далекие расстояния, караногаец никогда не берет с собой запаса пищи; он вполне уверен, что в каждой кибитке ему дадут и чаю, и чурека, а иной раз и барана зарежут. Хозяин отводит гостю лучший угол в кибитке для отдохновения, отдает ему единственную свою подушку»².

Кстати, у многих народов – скотоводов не брали с собой запаса провизии, отправляясь в дальний путь: они знали, что в любой юрте их накормят, а если понадобится, то и дадут лошадь или верблюда. Предложение принять деньги за ночлег и пищу воспринималось (а кое-где и сейчас воспринимается) как оскорбление³.

Гости делились на несколько категорий: специально приглашенные (званные гости), неожиданные (незванные гости, случайный путник) и гости, которые могли прийти без приглашения (соседи, родственники, односельчане). Соответственно ситуации проходил и прием гостей.

Прием званых гостей обставлялся более пышно, торжественно. Визит незваных гостей, как правило, был непродолжительным. Хозяева дома прилагали все усилия, чтобы принять неожиданных гостей по всем правилам ногайского гостеприимства. Соседи, родственники, односельчане обычно довольствовались пиалой чая.

Все гости, независимо от статуса, возраста, пола, вероисповедания, могли рассчитывать на радушный прием хозяина. Ногайцы говорят: «Эт писирмесень, бет писир» (Если мясо не варишь, лицо свари, т.е. покажи свое радушие).

Ногайцы охотно принимали гостей, так они были уверены, что вместе с гостем в дом приходит благополучие. «Конактынъ колтык туьбинде калакай бар!» (У гостя под мышкой кусок хлеба есть!), – говорили ногайцы. Подобное выражение существует и у кумыков: «С кунаком и берекет (обеспеченность) приходит!»¹.

Завидев далеко в степи путника, хозяин отправлял к нему навстречу младшего сына. Подойдя поближе, встречающий обязательно первым подавал две руки для рукопожатия, пожал руку гостя, целовал и прикладывал ее ко лбу, произнося слова приветствия: «Хош келдинъыз!» (Добро пожаловать!). У ногайцев бытует поговорка: «Алты ясындагы келсе, алпыс ясындагы алдына шыгар» (Если даже шестилетний придет (в гости), шестидесятилетний встречать выходит). Вот что писал о гостеприимстве ногайцев А. Павлов: «...выбежал лет 12-ти мальчик, живой, резвый, проворный. Он взял под уздцы наших коней и, указывая на свое переездное жилище, сказал нам учтиво: «Милости просим, добрые гости! Войдите, мы рады вам!». Потом отвел он наших лошадей сажень на десять, разнуздал их, стреножил и пустил пастись»².

Хозяин лично встречал гостей. Прием гостя – важное событие в любой семье. Достоинно принять гостя – священный долг ногайца, хозяина дома (конакбая). Соблюдение законов гостеприимства считалось одной из наиболее важных обязанностей человека и строго контролировалось обществом. «По отношению к гостеприимству они довольно щепетильны и презирают тех, кто не соблюдает этого патриархального обычая; упрек в негостеприимстве – одно из тяжелых оскорблений для караногайцев», – писал о ногайцах Г. Малявкин³.

Встреча гостей начиналась с традиционной приветственной фразы: «Хош келдинъ!» (Добро пожаловать!). Гость на приветствие отвечал: «Аьруьвсизбе?!» (Здорово ли живете?!). Одновременно с приветствием шел обмен рукопожатиями. Если хозяин

1 Там же. С. 106.

2 Малявкин Г. Указ. раб. С. 168.

3 Байбурий А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 115.

1 Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 260.

2 Павлов А. Указ. раб. С. 31.

3 Малявкин Г. Указ. раб. С. 170.

желает оказать особое внимание гостю моложе его летам, он при встрече подает ему руку; гость должен ее пожать двумя своими руками. Только почетным и уважаемым лицам караногайцы пожимают руку двумя своими руками¹. Если среди гостей были женщины, то мужчины здоровались с ними и передавали под покровительство женщин, которые «обнимаются, целуют у гостей руки и прикладывают их ко лбу»².

После обмена приветствиями хозяин приглашал гостей в юрту. В богатых семьях имелась специальная юрта для гостей – кунацкая (конак уй), она обставлялась лучше других. Первым в юрту входил гость, вслед за ним хозяин, а затем все остальные. Чтобы снять обувь, войти в юрту и поджать под себя ноги, надо пользоваться особым уважением хозяина³. Порог юрты переступали правой ногой. Усаживали гостя на почетное место (тоьр) напротив входа. Если гость был моложе хозяина, то на почетном месте сидел хозяин, а гостю предлагали сесть слева от хозяина. У ногайцев есть поговорка: «Сыйлы конак тоьр баста олтырар» (Знатный гость сядет на почетное место). «Если гостей было несколько, – пишет А. Павлов, – то они размещались по летам, состоянию, известности ближе или дальше к хозяину. А тем временем кто-то из младших отправлялся к стаду, ловил барана или жеребенка, приводил к кибитке и закалывал»⁴. На приеме гостей караногайцы никогда не экономили, зачастую бедняки резали для этих целей последнего барана⁵. У ногайцев существует следующая поговорка: «Конак келсе конар, кой семизи сойылар» (Придет гость – жирного барана зарежут). Зарезать в честь гостя птицу было не принято, также как и подать на стол дичь, добытую на охоте.

В дом, который посетил приезжий, собирались родственники, соседи послушать новости, поговорить. Поэтому угоще-

ния должно было хватить на всех¹. Тут же женщинам подавали незаметные знаки приготовить чай. Для гостя всегда готовили свежий чай, даже в том случае, если в казане оставался запас чая от предыдущих посетителей. Для особенно почетного гостя чай готовили с верблюжьим молоком («туье сут»)², которое ценилось за высокую жирность и отличные вкусовые качества.

Пока готовили еду, хозяин и его гости вели непринужденную беседу. В этой связи нельзя не отметить информационную значимость прибывших (будь то странники, отставные солдаты, торговцы и пр.), которые рассказывали о важнейших событиях в ближайшей округе, городе, области, наконец, стране и мире³. Существовали особые правила ведения разговора. Не принято было задавать гостю двусмысленных вопросов, касаться тем, неприятных гостю. В свою очередь гость не должен был интересоваться здоровьем жены, дочерей и делами, как-то связанными с ними. Во время беседы старались не перебивать друг друга, не спорить, даже если кто-то был не прав, не задавать уточняющих вопросов. Слушать гостя надо было внимательно и заинтересованно. При госте не принято было переговариваться на непонятном языке, перешептываться. Этих правил придерживались все народы Северного Кавказа⁴.

Вообще хозяин старался создать максимально комфортную обстановку для гостя. Ногайские пословицы по этому поводу гласят: «Конак келсе, эт писер, эт писесе, бет писер» (Гость придет – мясо будет вариться, если мясо не будет вариться – то твое лицо сгорит от стыда), «Конак кел демек бар, кет демек йок» (Гостей приглашают, но не прогоняют).

1 Там же.

2 Фарфоровский С. В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 12. С. 199-201.

3 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 104.

4 См.: Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). М., 1967. С. 295; Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. С. 38; Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. С. 103; Мамхегова Р. Г. Указ. раб. С. 123; Лугуев С. А. Традиционные нормы поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX в.). С. 81.

1 Там же.

2 Цит. по: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. – М. Указ. раб. С. 153.

3 Малавкин Г. Указ. раб. С. 169.

4 Павлов А. Указ. раб. С. 34.

5 Великая Н. Н. Указ. раб. С. 104.

Действительно, в семье старались создать комфортные условия для гостя. По правилам этикета, хозяин в течение трех дней не спрашивал гостя, кто он такой, куда едет и на какое время задержится, и даже по истечении трех дней гость при желании мог оставаться инкогнито. В юрте, где останавливался гость, царил порядок: в присутствии гостей не прибирались, не подметали, не суетились. В доме старались говорить спокойно, не шуметь. Эти правила распространялись не только на взрослых, но и на детей. Им запрещалось шалить и озорничать. В присутствии гостей на детей не кричали, их не наказывали, так как это могло быть воспринято как отказ в гостеприимстве. Так, у ногайцев есть такие пословицы: «Суймесинь келсе, уьй сыпыр» (В доме подметают, когда гостей не желают), «Конак суймеген баласын йылатар» (Кто не любит гостей, тот при госте ребенка наказывает).

Оставлять гостя одного в юрте было не принято. Гость для ногайца – лицо святое, независимо от возраста, пола, положения. Отказать в гостеприимстве – значит уронить честь, достоинство в глазах общества. После непродолжительной беседы гостю предлагали помыть руки. «Хозяин дома берет рукомойник с теплой водой, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. По окончании этой обязательной церемонии хозяйка раздаст чай в ковшах, на деревянном подносе (сыпра) вроде скамейки, раскрашенном в разные цвета, и разломанный в куски хлеб-пышку»¹. До начала любой трапезы (основной еды) ногайцы подавали чай. Это правило застолья соблюдалось всеми тюркоязычными народами. У тюркоязычных народов считалось, что до еды нужно обязательно «сморчить» желудок, освежить дыхание².

Вообще ритуал гостеприимства – строго регламентированный порядок с приемом человека, не входящего в данную семейную группу родственников. Его сердцевиной и средоточием

является совместная трапеза. Это испытанное веками средство приобщить пришельца к дому, сделать его «своим»¹. Процесс угощения приезжего завтраком ли, обедом или ужином был не только удовлетворением потребностей гостя, но и целой системой ритуализированных предписаний, а также ограничений и запретов, представлявших в совокупности детализированный церемониал².

Начинали трапезу с произнесения фразы: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!». Только после этого присутствующие приступали к еде. «Первым прикасался и пробовал еду старший из сидящих за столом. Если среди присутствующих гостей находится старик, то он в первую очередь получает чашку чая. Взяв в руку чашку чая, старик начинает его пить. Выпив половину, он передает его своему соседу, тот пьет немного и передает другому. Чашка чая старика обходит всех гостей до хозяина включительно. Если же подается только мясо, то начатый первый кусок стариком обходит также всех гостей. По понятиям ногайцев, это делается для того, чтобы те, кто помоложе старика, дожили до его лет, т.е. сделались бы такими, как он и восприняли бы мудрость его седых волос. Отказаться выпить хоть один плоток чая из чашки старика считается неприличным и неуважением к старику», – писал И. Т. Мутенин³. Следует добавить к этому, что вкусить первым пищу считалось еще и проявлением уважения. Эта привилегия по праву принадлежала самому старшему за столом.

У многих народов традиция, когда хозяин первым пробовал пищу и питье, приготовленные для гостей, служило доказательством того, что угощение не отравлено и с ним не насылается порча⁴.

После калмыцкого чая на стол подавали вареное мясо. «В отличие от обычной трапезы, при которой мясо между членами семьи распределяла старшая хозяйка, во время приема высоко-

1 Фарфорвский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // ЗКОРГО. Тифлис, 1909. Кн. 26. Вып. 7. С. 11.

2 Алимова Б. М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX– начало XX в. : Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий. Махачкала, 2003. С. 86.

1 Байбури А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 121.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 81.

3 Мутенин И. Т. Указ. раб. Л. 50.

4 Байбури А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 149.

го гостя обслуживал стол сам хозяин – вынимая из котла вареное мясо, разрезал его на куски, распределяя его между сотрапезниками»¹.

У ногайцев, казахов, тувинцев, монголов, калмыков, занимающихся скотоводством, существует строго установленная связь между статусом участников застолья и определенными частями подаваемой мясной пищи. Так, у ногайцев самыми «престижными» частями бараньей туши считаются: «ай багар» – голова (правая сторона ее), «куьн багар» – лопатки или «тесикли» – тазовые кости – их выделяли для самых старших участников застолья. Следующими хорошими кусками считались: бедренные части – «орта сан», часть ножек – «ер басар», «бут», ребра – «кабырга», грудинка – «тоьс», сердце – «юрек», почки – «буйрек». Остальные куски похуже (шейная часть, самые нижние части ножки) считались менее престижными, они предназначались для младших участников трапезы².

Обычай распределения мяса старшим между участниками застолья существовал и у адыгов, вероятно, они переняли его у кубанских ногайцев, так как у остальных северокавказских и дагестанских народов строгого распределения мяса на «престижные» и менее «престижные» куски не наблюдается.

У адыгов, как и у ногайцев, «престижными» кусками мяса считаются: правая половина головы, лопатки, бедро, тазовые кости, грудинка, бедренные кости, поясничные и крестцовые позвонки. Менее «престижными» частями, предназначенными для младших членов застолья, считаются: шейные, грудные позвонки, предплечье, плечевая кость, берцовая кость³.

По нормам этикета старший или почетный гость, отведав от «каждой из этих частей понемногу»⁴, передавал их следующему, а тот – другому и т.д.

Большой интерес в этом отношении представляет сообщение Г. Рубрука, который, в частности, пишет: «Прежде чем поставить мясо барана, господин сам берет, что ему нравится,

а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому»¹. По сообщениям некоторых авторов XIX в., хозяин дома, оказывая гостю уважение, подавал ему лакомые куски прямо в рот. Р. Эркерт, свидетельствуя о существовании в прошлом этого обряда, пишет: «Хозяин своими пальцами всовывает в рот гостю жирные куски баранины, так называемое блюдо бешбармак»². Это блюдо у ногайцев считается первым питательным кушаньем³.

Сообщение Г. Рубрука и Р. Эркерта Б. М. Алимова объясняет следующим образом. В первом случае, по ее мнению, речь идет о специфической ситуации, когда у знатного хозяина останавливаются рядовые члены общества, прибывшие к нему по какому-либо спешному делу⁴. По поводу второго сообщения Б. М. Алимова рассуждает так: «По традиционным нормам культуры поведения многих народов приезжий, находясь в гостях, не насыщался угощением, а лишь слегка пробовал несколько кушаний или какое-нибудь одно из них. Отсюда и справедливое оправдание с точки зрения народного этикета поведения хозяина, подкладывающего в посуду перед гостем лучшие куски, непосредственно в руку гостя, а иногда подносящего их прямо ко рту приезжего и даже запикивающего то или иное лакомство ему в рот»⁵.

Здесь следует учесть и такой момент, что гости не насыщались угощением не только потому, что это не принято по традиционным нормам культуры поведения и предписаниями ислама, по которым насыщение считается грехом, но и потому, что оставшееся угощение передавали женщинам и детям. Женщины и дети за один стол с гостями не садились, кроме старшей женщины. Они садились за стол после того, как поедят гости, либо устраивались поближе к выходу. Молодые снохи обычно садились, подложив под себя куски кизяка, спиной к мужчинам,

1 Рудановский А. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах //Кавказ. 1862. № 37.

2 Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – нач. XX в. С. 38

3 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 135.

4 Мугенин И. Т. Указ. раб. Л. 50.

1 Плато Карпини. История монголов. Гильом Рубрук. Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 96.

2 R. Yon. Erckert. Der Kaukasus und seine volker. Leipzig, 1887. S. 40.

3 Фарфорковский С. В. Указ. раб. С. 12.

4 Алимова Б. М. Указ. раб. С. 83.

5 Маливкин Г. Указ. раб. С. 154-155.

около двери¹. Г. Малявкин писал, что «за столом караногайцами соблюдается некоторый порядок: сначала обыкновенно едят мужчины постарше, потом молодежь, остатки передают женщинам, и те уже делятся с детьми»². Согласно ногайскому этикету женщинам не разрешалось приветствовать гостей и сидеть с ними за одним столом, участвовать в их разговорах, даже в том случае, когда речь шла о ее семье, о муже³.

В знак особого уважения почетному гостю предлагались всегда баранья голова, печень и курдюк⁴, кусочек мяса с берцовой костью – «йимекли уьли». Голова с древнейших времен осмыслялась как наиболее важная часть тела и человека, и животного. У скотоводческих народов голова убитого животного – самая «престижная» часть туши, которая полагалась высшему лицу в социальной иерархии либо почетному гостю⁵.

Не оказать должного приема гостю считалось позором для ногайца. Семья, оказавшаяся неспособной должным образом исполнить долг гостеприимства, подвергались упрекам аксакалов, насмешкам со стороны соседей, знакомых. Подобные случаи нашли отражение и в фольклоре в виде преданий. Вот одно из них: «Пришел как-то к одному человеку гость. Как и подобает по ногайскому обычаю, гостя пригласили в дом, накрыли на стол и принесли ему вареную баранью голову. Взял гость голову в руки, крутит-вертит ее, а есть-то нечего. Что же делать? Как пристыдить хозяина? Гость оказался находчивым человеком. Взял он в руки баранью голову и стал с ней вести такой разговор:

– Эй, обглоданная голова, обглоданная голова! – начал гость.
– Посмотрела бы ты на меня – да глаз нет, заговорила бы сомной – да языка нет, подумала бы – да мозгов нет, послушала бы – да ушей нет, что же мне с тобой делать?

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 39.

2 Малявкин Г. Указ. раб. С. 154-155.

3 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 39.

4 Малявкин Г. Указ. раб. С. 154.

5 Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 77.

После этих слов гость положил голову обратно. Услышал эти слова хозяин, от стыда чуть сквозь землю не провалился, не простой это человек, подумал он и, чтобы сгладить свою вину, зарезал барана»¹.

Вареную баранью голову подавали уважаемому гостю адыги, кабардинцы². Б. Х. Бгажноков приводит курьезный случай, связанный с подачей гостю вареной бараньей головы. «Некто Балкаров Тего, будучи в гостях, обратил внимание на то, что ему подана левая часть головы барана, и, возмущившись, сказал: «Я не «левый», я пришел сюда правым (почетным), принесите мне правую часть головы барана». Незадачливым хозяевам, израсходовавшим эту часть, пришлось зарезать еще одного барана, а гостям, собравшимся было уходить, ждать, пока он будет разделан и их уважаемому старшему принесут положенную ему часть»³.

Голова, как и мясо барана, также имела свои «престижные» части. Право раздела головы принадлежало старшему. Попробовав кусочек мяса, он начинал делить голову между участниками застолья, сопровождая свои действия комментариями, кому и за что подается та или иная часть головы. Получить любую часть головы считалось почетным. Подобный раздел головы происходил и у адыгских народов⁴. У большинства же горских обществ Дагестана обязательное угощение гостя отваренной бараньей или говяжьей (бычьей) головой не практиковалось. В знак особого уважения к гостю голова к столу подавалась лишь в некоторых селениях лакцев (Аштикулинского участка), у андийцев, ахваццев, хваршин, у кайтагских даргинцев. Обычно же среди прочих блюд гостю подавали сваренную целиком курицу⁵.

В знатных ногайских семьях важному гостю, судя по источникам, подавалась голова лошади. «Лошадиные головы, – пишет

1 Капаев С. И. Ногайский дом. Черкесск, 1995. С. 21.

2 Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов. С. 186.

3 Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. С. 62.

4 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 136-137.

5 Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX века). С. 144-145.

С. Герберштейн, – **считаются лакомством** и подаются только знатым»¹.

Наиболее любимым и, соответственно, «престижным» мясом кочевники считали конину. Закалывали обычно лошадь. Как известно, верховой конь у кочевников не предназначался в пищу. Более того, съесть верхового коня у кочевников считалось предосудительным, «позорящим, в высшей степени неэтичным»². Неэтичным, предосудительным прирезать коня на мясо считалось и у некоторых горцев Дагестана. Так, у ахваццев, каратинцев, бежтинцев, гинухцев, гунзибцев, цезов человек, прирезавший на мясо коня (разбившегося при падении, поломавшего ногу и др.), в течение месяца (33 дней) не имел права передвижения верхом. Ему полагалось сделать жертвенные раздачи по трем семьям или три дня поститься³.

Верблюжати́ну ели редко, полагая, что она хороша для ритуальных событий вроде Уразы-байрама, поминок и т.п. Козлятину гостям обычно не подавали, ибо они могли счесть это обидным для себя⁴.

Особое место в застолье занимало обжаривание грудинки. Грудинку, как лакомство, обычно обжаривал каждый сам для себя на открытом огне очага, насадив ее на палку. Подобный способ приготовления грудинки знаком и казахам⁵. По всей видимости, это древняя традиция кочевников. Как известно, грудинка у монголов входила в число продуктов, которые приносились в жертву огню. Обычно после мяса подавали бульон (сорпа) в общей для всех чаше, из которой все пили по старшинству.

Твердую пищу ели руками, беря ее из общего блюда обязательно правой рукой, жидкую пили из деревянных чашек. Ели за столом неторопливо. Если трапезу начинал хозяин, то завер-

шал ее почетный гость, так как согласно традиционному этикету ногайцев хозяин дома должен быть уверен, что гость насытился. Поев, все трапезничающие вытирали губы и руки «тастамалом» (салфеткой), которые хозяйка дома раскладывала на столе по количеству участников трапезы. Следует отметить, что ногайцы в гигиенических целях всегда при себе имели платки: «кол явлык» (платок для рук), «бет явлык» (платок для лица).

После завершения трапезы все присутствующие благодарили всевышнего за ниспосланную пищу. «Проводят руками по лицу и говорят хозяину: «Аллах берекет берсин», т.е. «Бог да вознаградит взамен», а хозяин отвечает: «Аш болсун», т.е. «Пусть будет пищей». Эти выражения со стороны как гостей, так и хозяина высказывались после еды. После еды и благодарственной молитвы хозяин подает гостям воду из того же ручейника для умывания рук. Все эти церемонии прodelываются с замечательно важным и «чинным» видом», – писал о гостевой трапезе ногайцев С. В. Фарфоровский¹.

Если гость был издалека, то он оставался с ночевкой. Его провожали в гостевой дом, если таковой имелся, или же специально для него отводили место в общей юрте. Односельчанам, людям, живущим в соседнем ауле, оставаться с ночевкой без крайней нужды было не принято. Обычно они заходили в гости днем по какому-либо делу или просто выпить чашку чая.

Испытание на гостеприимство хозяин проходил еще в молодости. Проводили его умудренные опытом старики, жившие по соседству. Они приходили в гости к молодому хозяину и начинали беседовать, вдруг один из них в виде загадки задает хозяину непонятный вопрос: «Слушай, ты спугал или заковал?». Хозяин в недоумении не мог понять, в чем дело. Видя реакцию, старики начинали весело хохотать. Потом хозяин начинает догадываться. Быстро выходит из дома, дает указание жене быстро приготовить угощение и накрыть на стол. Затем хозяин приглашает гостей к столу. Выражение «Ты спугал или заковал?» означало: если есть чай и что покушать, то покушаем,

1 Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 134.

2 Липец Р. С. Образ Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 63.

3 Лутуев С. А. Указ. раб. С. 111.

4 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 82.

5 Шаханова Н. Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 178.

1 Фарфоровский С. В. Указ. раб. С. 12.

поговорим, если нет, то нам у тебя делать нечего и мы уйдем¹. Уроки гостеприимства молодежь получала еще в родительском доме, так как ухаживание за гостями лежало в значительной мере на их плечах.

Для почетных гостей хозяин устраивал званый ужин с приглашением соседей, родственников. Готовились специальные угощения. Обычно гостям подавали шашлык из баранины, халпаму (хинкал из кукурузной муки) с мясом, бешбармак. Непременным атрибутом застолья у тюркоязычных народов были кумыс, буза, арака (молочная водка).

Прием гостя без кумыса у кочевников был немыслим. Ногайцы, кроме кумыса, могли еще подать бузу (напиток из проса). У казахов же подавать важному гостю иной напиток, не кумыс, значило оскорбить гостя. До середины XIX века их потребление носило исключительно ритуальный характер, осуществлялось только старшими мужчинами круговой чашей, и опьянение в торжественной трапезе везде считалось не просто нарушением этикета, но и признаком непристойной для мужчины слабости². Правом налить в чарку кумыс обладал хозяина дома. Он наливал кумыс в большую чарку и подносил почетному гостю. Гость, отпив глоток, передавал ее дальше по кругу, таким образом, чаша вновь возвращалась обратно в руки почетного гостя. После произнесения очередной заздравной речи чаша с крепким напитком вновь обходила круг. Молодые мужчины во время произнесения тоста старшими стояли. Обычай пить круговой чашей, известный многим народам, имеет архаические истоки. Необходимость равного причащения к спиртному напитку ученые объясняют как потребность делиться пищей и угощать гостей – представлением о том, что пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом³.

Пили за столом в меру. Пьянство у ногайцев осуждалось, как, впрочем, и у других дагестанских и северокавказских на-

родов. Например, у адыгов считалось большим позором и для самого человека, и для его семьи, если он напился в гостях¹. Кстати, необходимо отметить и тот факт, что адыги переняли у кубанских ногайцев не только традиции рассаживания, распределения мяса и раздела головы за столом, но и традицию распития крепких напитков. Наряду с вином, пивом, бузой и аракой, адыги подавали к обеденному столу и кумыс – хмельной напиток кочевников².

Осуждение пьянства нашло отражение в ряде ногайских пословиц: «Биринши тостакай – арака, экинши – ийт акы, ушинши – боьри акы, доьртинши – донъыз акы, бесинши – конъыз акы» (Первая чарка – водка, вторая – ты собака, третья – волк, четвертая – свинья, пятая – жук навозный), «Бийдайдан – боза, бозадан – каза» (Из пшеницы – буза, от бузы – беда), «Арака ишкен сыйын йояр» (Кто пьет водку, тот теряет авторитет), «Шагыр акылды эки боьлер» (Вино разум делит надвое).

За столом завязывалась беседа. Сотрапезники шутили, веселились. Обычно рассказывали смешные истории, анекдоты. Шутки, веселье продолжались до глубокой ночи.

Присутствующие следили за своей речью, чтобы ни в коем случае не обидеть кого-нибудь из сидящих за столом. Ссориться за столом, выяснять отношения, сводить старые счеты считалось грубейшим нарушением этикета. Руководил и следил за столом почетный гость. С его разрешения за столом говорили, шутили. Он и завершал вечер. Право первым выйти из-за стола, что означало – вечер окончен, принадлежало почетному гостю. Сыновья хозяина провожали гостя в кунацкую, где его ожидала постель. Соседей, родственников провожал хозяин дома с благодарностью за приятный вечер.

В зажиточных ногайских семьях в честь почетного гостя устраивали богатое угощение, проводили соревнования борцов, приглашали известных в округе музыкантов, певцов, танцоров.

1 Мутенин И. Т. Указ. раб. Л. 50.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 82.

3 Байбурун А. К., Топорков А. Л. Указ. раб. С. 149.

1 Бгажников Б. Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов //СЭ. 1987. № 2. С. 94.

2 Мамхегова Р. А. Указ. раб. С. 127.

Размах гостеприимства зависел от ранга и состояния принимающей стороны. В прошлом традиционный обычай гостеприимства разворачивался по полной программе представителями аристократии¹.

Почетным гостем знатного ногайца мог быть только ему равный. У его дома специально устанавливались три столба, к которым прибывшие гости привязывали своих коней. «Ближайший к дому князя столб предназначен для коней султана, т.е. беков ханского рода, второй – для узденей, а дальний столб – для коней б. крестьян», - пишет А. Джанибеков².

Кочевникам свойственно устраивать пышные торжества по случаю какого-либо праздника или приема гостей. Вот как В. В. Радлов описывает прием гостей казахским султаном: «Знатный казах Ата Бек отмечал поминки по своему отцу, на которые прибыло по приглашению более пяти тысяч гостей, не считая тех нескольких сот родственников, слуг и соседей, кто выступал принимающей стороной. Для приема гостей были разбито около ста юрт, забито тридцать лошадей и сто пятьдесят овец. Самых знатных гостей принимал в своей огромной юрте сам султан, прочих – его родственники в других кунацких юртах.

Прием гостей сопровождался пением знаменитого певца, специально приглашенного султаном, конскими скачками на приз, джигитовкой, раздачей подарков всем прибывшим»³.

На следующий день если гость изъявил желание отправиться дальше в путь, то хозяин дома его не задерживал, но для приличия предлагал без излишней настойчивости остаться еще хотя бы на ночь. «Конак келсе капы ашык, кетсе йол ашык» (Придет гость – ворота открыты, уходит – дорога открыта), – говорят ногайцы.

Согласно этикету первым из дома выходил хозяин, вслед за ним – гость. Оказаться позади гостя в данном случае означало, что хозяин выпроваживает гостя, а это считалось для ногайца большим позором. Проводить гостя выходили мужчины.

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 79.

2 Джанибеков А.-Х. Ш. Указ. раб. Л. 44.

3 Цит. по: Никишенков А. А. Указ. раб. С. 79-80.

Прощаясь, гость и хозяин пожимали друг другу руки и при этом произносили традиционные фразы: «Аман турыңыз!» (Счастливого оставаться!), «Яхшы йол!» (Доброго пути!). Непременным условием при прощании была просьба гостя к хозяину, чтобы последний обязательно посетил и его дом.

Уехать, не попрощавшись, считалось верхом неприличия. Если гость приехал верхом, то сыновья хозяина поддерживали стремя, чтобы он сел на лошадь. Если гость был молодым или средних лет, то он с удалью быстро садился в седло, как бы лишая возможности помочь ему. Садится на лошадь следовало обернувшись лицом к дому. Такие же правила существовали и в абхазском этикете¹.

Вообще обычай гостеприимства подчинен одному сценарию, где строго прописаны правила поведения каждого «персонажа». С одной стороны – это хозяин и его семья, которые ведут себя активно и задают тон всей процедуре приема гостя, а с другой – гость, лицо пассивное, принимающее все знаки внимания, оказанные хозяином и членами семьи.

Так, хозяин строго следует правилам гостеприимства, выработанным обществом. Он должен создать максимально комфортные условия для гостя. Хозяин дома должен выполнять все желания гостя, оказывать знаки почтения и прощать незначительные проступки, за которые в иной обстановке последовал бы упрек или же наказание.

В обязанность хозяина входило не только создание максимально благоприятных условий для отдыха гостя, но и содействие в решении его проблем, охране чести, достоинства, жизни и имущества. Причинение гостю какого-либо вреда, а тем более ущерба его здоровью и жизни считалось позором для семьи, принимавшей гостя, и ложилось пятном на весь аул.

По завершении визита гостя обязательно снабжали в дорогу провизией. Сам хозяин, его братья или сыновья провожали его до околицы аула.

В кодексе гостеприимства существовали и правила поведения гостя. Так, подъезжая к дому, он не мог подъехать к входу

1 Инал-Ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 16.

в жилище – нужно было объехать его вокруг по солнцу. Переступить порог юрты надо было с правой ноги (ни в коем случае нельзя наступать на порог согласно ногайским поверьям, на пороге живет шайтан, наступивший на порог мог якобы заболеть). Входить в дом и садиться за достархан без приглашения хозяина считалось неприличным, как и заглядывать за занавес женской половины, шутить, заигрывать с женщинами и даже случайно прикасаться к ним. Также неприличным считалось задерживаться в чужом доме более трех дней. Гость не должен вмешиваться в дела семьи. Недопустимым считалось со стороны гостя оскорбить кого-либо из членов семьи.

В гостях не следовало много есть и пить. Также неприличным было есть с жадностью, нюхать пищу, чавкать, облизывать пальцы, вытирать после еды рукавом рот и т.д.

Нарушение этих правил воспринималось хозяином как оскорбление. Подобные же правила поведения в гостях соблюдались и другими тюркоязычными народами, в частности татарами, башкирами, казахами¹.

Наряду с гостеприимством у ногайцев существовал и обычай куначества («кьонакълыкъ»). Куначество происходит от тюркского слова «кунак», т.е. гость. Это слово в горскую среду было привнесено тюркскими племенами.

Институт куначества играл огромную роль в укреплении дружбы между различными народами, не говоря уже об укреплении дружеских связей внутри одного и того же народа². Вовлечение ногайцев в рыночные отношения расширило круг их общения, между людьми стали устанавливаться не только деловые и торговые, но и дружеские, куначеские взаимоотношения. У ногайцев на этот счет существует поговорка: «Бир коьрген билис, эки коьрген таныс» (Один раз увидел – знакомый, дважды увидел – приятель).

Вообще по своей природе ногайцы общительны и доброжелательны. Еще в XIX веке Г. Малявкин отмечал, что «по характе-

ру караногайцы общительны и легко вступают в приятельские отношения»¹.

Особенно институт куначества был важен в условиях гор, когда при передвижении из одного места в другое путника на каждом шагу подстерегала опасность. А при наличии своего кунака в среде других племен и народов ему была гарантирована личная безопасность. Известны случаи, когда армянские, грузинские, еврейские купцы использовали институт куначества в своих торговых делах. Они нанимали за определенную плату кунаков с тем, чтобы те сопровождали их на своей территории во избежание ограбления или, что еще хуже, убийства².

Куначеские отношения позволяли людям свободно передвигаться, обеспечивали им защиту и покровительство в чужих краях, что по тем временам являлось немаловажным. Ногайцы говорят: «Азбар-азбар мал болганша, авыл-авылда дос болсын» (Чем иметь несколько загонов скота, лучше иметь в каждом ауле друзей), «Конаксыз аьдем, канатсыз кустай» (Человек без гостей – что птица без крыльев).

Одним из способов для начала куначеских отношений могло послужить обыкновенное знакомство где-то в пути, на ярмарке, в гостях и т.д. Между людьми могла возникнуть взаимная симпатия, а общие взгляды на жизнь и общие интересы могли привести к установлению дружеских, а затем и куначеских отношений. Классическим же способом возникновения куначеских отношений считается прием гостя. Долгие годы общения, дружбы между семьями, как правило, перерастают в куначеские отношения.

Гостеприимство «исторически предшествовало куначеству, которое представляло собой следующий этап в развитии межродовых и межплеменных отношений». Между понятиями «кунак» и «гость» нельзя ставить знак равенства, – пишет В. К. Гарданов³. На разницу между кунаком (хьунахъ, лиман, хион,

1 Малявкин Г. Указ. раб. С. 168.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 368-369.

3 Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов //СЭ. 1964. № 1. С. 46-47.

1 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 81.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 368.

узага) и гостем указывает Б. А. Калоев¹. Так, например, в горах хозяин дома обязан был отвечать за безопасность гостя до тех пор, пока он находился в его доме. После того, как гость покинул его дом, хозяин не только не отвечал за его жизнь, но мог даже участвовать в его ограблении, даже убийстве². Здесь следует отметить, что в архивных материалах не зарегистрированы факты ограбления ногайцами своих гостей, не подтверждает их и наш полевой материал.

С кунаком дело обстояло иначе. Хозяин дома всегда, где бы ни находился его кунак – гость, приятель, обязан был защищать его, оказывать необходимую помощь, вплоть до совершения вместе с ним кровной мести. Далее: обычай гостеприимства строго запрещал хозяину интересоваться делами незнакомого ему гостя, задавать такому гостю какие-либо вопросы, нарушать его инкогнито до тех пор, пока он сам не сообщал о себе необходимое. В отношении кунака-друга, приятеля хозяин, наоборот, должен и обязан был вести себя иначе: проявлять повышенный интерес к тому, с какой целью он посетил его дом, принимать самое активное участие в разрешении его проблем. Принципиальное отличие кунака от обычного гостя заключалось еще в том, что связь гостя с хозяином носила одновременный характер, а с кунаком – постоянный³.

Существовали определенные различия и в приеме. Кунака принимали с особым радушием. Во время приветствия, после обмена рукопожатиями между сверстниками не исключались и легкие объятия, похлопывания по плечу, что, например, не допускалось в отношении гостя. Здесь надо отметить, что во всех случаях инициатива всегда исходила от хозяина. Легкие объятия при встрече кунаков считались нормой для большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Неоднозначно подобное поведение расценивалось у народов Дагестана. Так, например, андийцы, хунзахцы и гидатлинцы в по-

добных ситуациях объятий избегали, предосудительными они считались у кайтагцев и кумухских лакцев. Если левашинцы на объятия кунаков смотрели как на вполне допустимый акт, то хаджалмахинцы старались к ним вообще не прибегать¹.

Если гостя следовало хорошо накормить и предоставить ночлег, то для кунака устраивали богатое угощение с обязательным приглашением родственников, соседей, известных музыкантов, певцов. Для кунака устраивались и различные конно-спортивные состязания.

На прощание хозяин преподносил кунаку подарок. Дары занимают особое место в этикете гостеприимства и куначества. Дарообмен между гостем и хозяином не являлся обязательным актом, исключение составляли лишь почетные и званые гости.

Званный гость, кунак обязательно являлся с подарком хозяину и его семье. Это были сладости, игрушки детям. Хозяину дома – кийиз (войлочный ковер), сбрую, кинжал.

В свою очередь хозяин дарил почетному гостю, кунаку что-нибудь сообразно его званию. В качестве подарка он мог преподнести намазлык (коврик для совершения намаза – молитвы), пояс (бельбаув), кнут (шыбырткы), домбру, ложку (касык), папаху. Следует отметить, что дарили только новые вещи.

Прекрасным подарком для мужчины были камча, лук, стрелы и другое оружие и снаряжение. Богатые ногайцы дарили своим почетным гостям оружие из серебра и золота, инкрустированное драгоценными камнями. Согласно ногайскому этикету оружие не вручали, а бросали на землю.

В качестве подарка могли преподнести живого барана или теленка. Самым дорогим подарком для ногайца считался конь. В этих взаимных дарениях всегда присутствовал принцип эквивалентности – нельзя было дарить вещь менее ценную, чем получил сам, в случае, если это происходило, давший меньше оказывался в зависимом положении и делал все возможное, чтобы при случае одарить партнера более ценной вещью².

1 Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С. 198.

2 Унежев К. Х. Указ. раб. С. 367.

3 Там же.

1 Гамзатова А. Ш. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX-начало XX века) // Вестник ДНЦ. 2006. № 24. С. 83.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 80.

Активное участие кунаки принимали в семейных мероприятиях и торжествах. Отношения кунаков напоминали отношения близких родственников. Кунаки были на правах членов семьи. Они взаимно принимали участие в строительстве дома, помогали в сельскохозяйственных работах, несли наравне с родственниками расходы в случае свадеб, похорон, сборе средств для «выкупа крови» и т.д. Подобные взаимоотношения между хозяином и кунаком складывались и у большинства народов Дагестана¹ и Северного Кавказа².

Куначеские отношения у ногайцев устанавливались как с ногайцами из других аулов, так и с представителями соседних народов. Кунаками степных ногайцев были в основном засулакские кумыки, терские и гребенские казаки.

К терским ногайцам приезжали кунаки чеченцы, гребенские казаки. Так, кунаком ногайца Нурмамбетова Керима из станицы Старогладовка был чеченец Мехтиханов Абубакар из Акболат-юрта, а Отепова Залимхана из с. Сары - Су – казак Павел Озявин из станицы Каргалинская.

Кунаками же кубанских ногайцев были абазины из с. Дударк – Кавак (Псыж), черкесы из с. Кош – Хабль, осетины, балкарцы, карачаевцы, кабардинцы. Так, ногайский поэт Шал-Кийиз Тиленши улы, чье творчество относится к XV веку, писал:

*Тот, кто танцует в моем доме,
Это красавец-кабардинец.
Эй, друзья мои!
То, что кипит в моем котле,
То большая голова
Ногайского барана.
...Я сегодня не пожалею
Ни скота, ни головы
Ради друга – кабардинца³.*

1 Гамзатова А. Ш. Указ. раб. С. 81-82.

2 Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XV III-первая половина XIX в). С. 309.

3 Капаев С. И. Ногайский дом. С. 21.

Много кунаков у кубанских и кумских ногайцев было и среди казаков близлежащих станиц¹. Так, в с. Эркин – Халк приезжали кунаки из казачьей станицы Беломечетка, а в с. Канглы – из станиц Нагутское, Крым – Гереево, Султановка.

Куначеские отношения поддерживались на протяжении всей жизни и передавались детям по наследству. Наши информаторы до сих пор помнят кунаков своих дедов и отцов, а многие из них и сейчас поддерживают с ними отношения.

Кунак – иноверец также принимал активное участие в делах семьи своего кунака. Исключение составляли лишь религиозные обряды (обряд бракосочетания «никах», обрезание, обмывание покойника), коллективные и индивидуальные молитвы, посещение мечети, когда присутствие представителя иного вероисповедания было нежелательным. Запрещалась и раздача жертвенного мяса, зарезанного на Курбан-байрам, кунакам – иноверцам.

У многих народов Дагестана и Северного Кавказа существовали определенные правила поведения с кунаком – христианином, иудеем, во многом схожие между собой, так как все они отвечали основным требованиям ислама, предъявляемым в отношении человека иной веры.

Перечень правил поведения горца с кунаком иного вероисповедания, приведенный С. А. Лугуевым, характерен и для остальных мусульман Северного Кавказа и Дагестана, в том числе и для ногайцев. Так, например, и гость, и главным образом хозяин старались по возможности учесть взаимные национальные традиции, в т. ч. и в вопросах религиозных². Если хозяин и его домочадцы избегали в присутствии христианина читать молитвы и творить намаз, гость со своей стороны не позволял себе действия, характерные для его вероисповедания (например, креститься перед едой). Установилась традиция, согласно которой в дружеской беседе совершенно исключались дискуссии

1 Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. - М. Указ. раб. С. 153.

2 Лугуев С. А. Изменения в традиционной культуре общения народов Дагестана после присоединения к России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 169.

и споры между хозяином (или его окружением) и гостем – инверсией на религиозные темы, восхваление в какой бы то ни было форме своих религиозных догм и символов.

После гостевания кунака – христианина в доме все, к чему он прикасался, мылось. Считалось, что христианин осквернил своим прикосновением предметы, вещи не потому, что он заблудший в отношении истинной веры, а как потребитель свинины и спиртного¹.

Добрососедские взаимоотношения ногайцев с северокавказскими и дагестанскими народами способствовали развитию дружеских отношений между ними. Можно с уверенностью говорить, что обычай гостеприимства и куначества способствовал экономическому, политическому и духовному сближению народов Северного Кавказа и Дагестана, что сделало правила приема гостя общими для многих народов.

5.7. Культура поведения и этикет в обычаях кровной мести

Одним из важных регуляторов общественных взаимоотношений в условиях отсутствия сильной законодательной власти был обычай кровной мести, который существовал у ногайцев вплоть до начала XX века. Убийцу у ногайцев называли «душпан» (враг), «кан ишкен» (выпивший кровь), «канлы яв» (кровный враг).

По обычаю кровная месть не осуществлялась внутри рода – мстили только чужому человеку. Убийства на почве кровной мести среди простых ногайцев были редки. Мы думаем, что обычай кровной мести у ногайцев возник под влиянием дагестанских и северокавказских народов, так как у кочевых народов, некогда входивших в состав могущественной империи Чингисхана, кровная месть была запрещена под угрозой смертной казни. Ногайцы, пожалуй, один из немногих народов Се-

¹ Лутуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). С. 103.

верного Кавказа и Дагестана, у которых обычай кровной мести не получил широкого распространения. Наши информаторы не помнят случаев убийства ногайца ногайцем. Известный дагестанский этнограф А. И. Исламмагомедов, некогда изучавший общественный быт ногайцев XIX – начала XX века, объясняет это «спокойным, уравновешенным и миролюбивым характером ногайцев, отсутствием экономических конфликтов (земли было много, из-за нарушения границ и потравы пастбищ ссоры не возникали), строгим соблюдением норм общественного поведения и, наконец, характером быта (семейно-родственная группа жила замкнутой жизнью в своем ауле и мало общалась с представителями другого рода)»¹.

В исследуемый период обычай кровной мести наибольшее распространение получил в среде знатных ногайцев. Так, К. Сталь сообщает, что в «1847 году Тазаруков, бесленевский дворянин, претерпел кровавую обиду от ногайского князя Карамурзина, подстерг его на р. Урупе и убил. Совершив убийство, Тазаруков с семейством бежал к кабардинцам. Ногайские князья, получив об этом весть, тотчас поскакали в аул Тазарукова и, не застав его дома, сожгли его сакли и хлеба»².

Обычно месть переходила из поколения в поколение, срока давности кровная месть не имела. Преднамеренное убийство тут же вызывало ответную меру – убийство виновного. Отомстить за кровь должен был самый близкий родственник по отцовской линии – родной брат, при его отсутствии – двоюродный, троюродный брат. Не отомстить убийце, его родственникам считалось позором для семьи покойника. Мстили, прежде всего, убийце, а если ему удавалось скрыться от возмездия, то мстили самым близким родственникам преступника. Иногда от этого страдали ни в чем неповинные люди только потому, что они являлись родственниками убийцы. Бывали случаи, когда ногайские князья мстили не только одному человеку, а всей

¹ Исламмагомедов А. И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX-нач. XX в. //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 705. Л. 43.

² Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа //КС. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 118.

семье, оставляя их без крова. При этом страдали и простые ногойцы тех князей и мурз, которым мстили.

Бесконечная вереница взаимных убийств подрывала общество изнутри, поэтому в целях самосохранения оно выработало ряд способов прекращения этого бедствия. Этому требовали и изменившиеся социально-экономические условия жизни ногойцев. Таким образом, обычай кровной мести видоизменялся, приспособляясь к новым обстоятельствам. Если на ранних этапах развития ногойского общества действовал принцип «око за око», «кровь за кровь», то в XIX – начале XX века примирение сторон осуществлялось через уплату штрафа.

Уплата штрафа ложилась тяжким бременем не только на членов семьи убийцы, но и на весь его род. Штраф, цену крови («кан тольев») пострадавшей стороне выплачивали родственники убийцы. Размеры его часто зависели от влияния и многочисленности родни покойного. Обычно выкуп за кровь платили скотом, он мог составлять от 10-20 баранов, 1 корову за убийство простолюдина, 200 коров за убийство узденя. По сведениям К. Сталя, «плата за кровь по шариату за убийство крестьянина 200 коров, за дворянина 400 коров. Цена крови князя разнится по фамилиям. Некоторые княжеские фамилии, например, Болотокова, учредили для себя цену за кровь невозможную к выплате»¹.

Выплата цены крови скотом существовала и у других народов Дагестана². Так, в своде решений, обязательных для жителей Андалальского общества (он датируется XVII в.) записано: «Если из наших один другого убьет, то с убийцы взыскиваются четыре быка...»³. Между жителями Казикумхского, Даргинско-

го и Гунибского округов было выработано соглашение о выплате цены крови за убитого¹. По этому соглашению, если мужчина одного округа, участника соглашения, убивал представителя другого (участника соглашения), виновный лично подвергался кровомщению или же платил за кровь 7 быков (4 руб. каждый), 7 кусков бязи (по 3,5 ханских аршина в каждом), а также одного быка в пользу общества убитого². Существовал он и у других народов Северного Кавказа. У ингушей цена крови достигала 130 коров и более, собираемых широким кругом родственников. «Цена крови» адыгского князя в XVIII – пер. пол. XIX в. колебалась от 6 до 8 тыс. быков, а тлхукотля (свободного крестьянина) – всего 160 быков. При этом следует отметить, что в эту «цену крови» князя входили и самые различные ценные предметы и снаряжения, начиная от кольчуги, кончая высокопородными лошадьми и конской сбруей³. Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови», что считали большим позором. «Мы не торгуем кровью убитого», – нередко можно было услышать в Чечне⁴.

Позднее выкуп стали вносить деньгами. По сведениям информаторов, в исследуемый период в каждом ауле имелись большие весы, на одну чашу которых сажали убийцу, а на другую – родственники убийцы как по отцовской линии, так и по материнской клали серебряные монеты и украшения. Вес обеих чаш должен был сравняться. Все собранное отдавалось в качестве «кан тольев» семье убитого. Если же семья покойного оставалась без главного кормильца, то убийца большую часть расходов по ее содержанию должен был взять на себя. Если в семье убитого имелись неженатые сыновья или незамужние дочери, то свадебные расходы ложились на плечи кровника.

1 Сталь К. Ф. Указ. раб. С. 118.

2 См. : Исламгагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII-нач. XXв.). С. 378-380; Лугуев С. А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. //Семейный быт народов Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1980. С. 79-80.

3 Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа //Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы /Состав., пред. и прим. Х. -М. Хашаева. М., 1965. С. 63.

1 Цит. : Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы). Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 55.

2 Никишенков А. А. Указ. раб. С. 123-124.

3 Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 144.

4 Калоев Б. А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи //КЭС. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989. Вып. IX. С. 144.

После выплаты цены крови убийца мог оставаться жить в родном ауле. Только у терских ногайцев, живущих по соседству с чеченцами, кровная месть продолжала существовать вплоть до Октябрьской революции, они, как и чеченцы, не признавали выплаты штрафа за убийство.

Согласно морально-этическим установкам, выработанным ногайским обществом, запрещалось убийство обидчика из-за угла, со спины, внезапно без предупреждения. Убийство должно быть совершено холодным или огнестрельным оружием. Убийство, совершенное другим предметом (палкой, камнем, плетью и т.д.), считалось подлым, недостойным мужчины – кровника. Время и место убийства тщательно продумывались. Запрещалось убивать во время месяца Рамазан, религиозных (календарных праздников), в людном месте. Категорически запрещалось выяснять отношения в доме у кого-либо или в общественных местах (в мечети, на свадьбе, похоронах, на базаре, во время праздника).

Запрещалось убивать обидчика спящим, трапезничающим, совершающим намаз, справляющим естественные нужды. При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину, слабоумного, больного человека. Категорически запрещались надругательство над трупом, ма-родерство. Эти действия считались недостойными мужчины и резко осуждались обществом. Подобное приравнивалось к разбою и сводило на нет священный акт возмездия, негласно санкционированный обществом.

Особых правил поведения должны были придерживаться и родственники двух враждующих сторон. Согласно этическим нормам родственникам убийцы категорически запрещалось веселиться, шутить, развлекаться в присутствии родственников убитого, беседовать с кем-либо при них, смотреть им в глаза. При встрече с родственниками убитого в общественном месте родня обидчика должна была покинуть это место. Если они повстречались в пути, то родственники убийцы должны были беспрекословно уступить дорогу потерпевшей стороне.

Примирение кровников приобрело характер довольно сложных обрядов, в которых для нас важны этикетные моменты, поведение обеих сторон. До примирения убийца и его родственники по отцовской линии, их жилье находились под защитой влиятельных представителей джамаата.

Примирение кровников у ногайцев происходило обычно следующим образом: через несколько дней после похорон убитого почетные и влиятельные люди данного аула – аксакалы, кадий, мурза или князь – устраивали обряд «лицезрения» – «бет коьруьв», во время которого враждующие стороны должны были несколько минут постоять лицом к лицу в 20-30 шагах друг от друга. Примиряющие размещались между ними, увещевая их прекратить вражду. Согласившись с этим предложением, обе стороны расходились по своим домам¹.

У терских ногайцев обряд примирения кровников проходил следующим образом. К дому убитого направлялась процессия во главе со стариками – родственниками и самим убийцей, затем шли женщины, а за ними юноши и девушки. Во дворе убитого их встречали старшие родственники покойного, которые после многочисленных просьб могли простить убийцу. Бывали случаи, когда родственники убитого долго не прощали убийцу. Боль и горечь потери родного человека были настолько велики, что близкие убитого даже близко не допускали мысли о примирении. Если в просьбе отказывали, то в дом убитого приходили несколько раз, пока не получают прощения. Если родственники убитого не соглашались на примирение, то просительницами («тилекши») становились незамужние девушки, которым согласно этикету и установившимся традициям не отказывали. У ногайцев по этому поводу есть выражение: «Кыз хаьтер ак хаьтер» (Просьба девушки – святая). В данном случае просьба незамужних девушек расценивалась как просьба целомудренных, чистых созданий, будущих продолжательниц рода, хранительниц домашнего очага, которым нельзя было отказать в просьбе. Отказать в их просьбе было равносильно святотатству.

¹ Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX-начало XX в. С. 131.

После получения прощения в знак примирения в доме убитого проводили совместную трапезу. Семья убийцы раздавала подарки детям покойного: одежду, обувь, отрезы на платье, платки. Если в семье убитого были малолетние дети, то семья убийцы в знак примирения просила отдать одного из детей на воспитание. Обычно семья покойного не соглашалась с подобным предложением, так как в случае смерти ребенка кровная месть могла возобновиться. Если в семье убитого имелись дочь на выданье или неженатый сын, то обе семьи старались произвести обменный брак. Все расходы по организации свадьбы в этом случае брала на себя родня убийцы.

У ногайцев Терско-Сулакской низменности, также как у их соседей кумыков, убийца обязательно должен был уйти из аула в канлы на 2-4 года. Обычно он скрывался в ауле другой группы ногайцев (таргу-ногаец мог убежать к костек-ногайцам и наоборот) под чьим-либо покровительством¹. До отбывания срока канлы на изгнанника распространялись самые разнообразные запреты. Он вел замкнутый образ жизни и всегда при себе имел оружие, не стригся и не брился, не участвовал в каких-либо торжествах, не появлялся в общественных местах. По окончании срока изгнания убийца просил разрешения вернуться в родной аул и назначения срока окончательного примирения – «ярасув». В этот день каждая сторона собиралась у себя. Обряд примирения должен был произойти перед заходом солнца². Представители джамаата вели убийцу и его близких родных в дом убитого, босиком, засучив рукава и подвернув штанины. Родня, сопровождавшая убийцу, также была без шапок. Подходя к дому, все становились на колени и ползли на четвереньках навстречу семье потерпевших. Убийца первым подходил к самому старшему из рода убитого (брату, дяде и т.д.), который срезал с его головы прядь волос, тем самым освобождая его от траура по убитому, произнося: «Челом бейте не нам, а богу». Касание ножами бо-роды убийцы в знак прощения происходил в обряде примире-

ния кровников и у карачаевцев¹. Затем подходили к потерпевшим и били челом все родственники, сопровождавшие убийцу. Старший из родственников произносил: «Вставай, прощаем». Родня убийцы приводила с собой корову для угощения, а также коня убийцы, его кольчугу, шлем, оружие, что означало, что он больше защищаться не будет, а отдается во власть тех, сородича которых он лишил жизни. Обычай требовал, чтобы семья убитого возвращала убийце коня и доспехи. Прием убийцы и его родни в доме покойника был кратковременным, проходил без лишних слов. Аксакалы в это время вели разговор в основном о посторонних делах, о богоугодных поступках и т.д. Нередко женщины в другом помещении, вспоминая убитого, оплакивали его. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями – «кан кардаш» и устанавливали между собой тесные взаимоотношения². Подобный обряд примирения был известен и другим народам Дагестана³.

Следует отметить, что случаи убийства среди ногайцев были редки. Джамаат силой общественного мнения регламентировал поведение и взаимоотношения общинников, предотвращая их от совершения неблагоприятных поступков. Обычай кровной мести в условиях отсутствия сильной законодательной власти был тем инструментом, который сдерживал людей от совершения такого рода преступлений, как убийство⁴.

Ногайское общество в прошлом невольно вовлекалось в различного рода конфликты – будь то конфликт на почве кровной мести или же вооруженный конфликт, нередко принимающий масштаб войны.

1 Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 213.

2 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 132.

3 См. : Адагы южнодагестанских обществ. ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 6; Лугуев С. А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX-нач. XX в. С. 84. Он же. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX-начало XX в.). С. 89-90; Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII-нач. XXв.). С. 380-381; Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. С. 257-258.

4 Исламмагомедов А. И. Аварцы. Указ. раб. С. 380.

1 Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 131.

2 Цит. по: Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Указ. раб. С. 152.

Конфликт – это нормальное явление, в отношении которого общество вырабатывает определенные правила поведения, в том числе и этикетные¹.

Обилие конфликтов придало всей жизни северокавказских народов, в том числе и ногайцев, некий военизированный характер². С самых ранних лет мальчиков приучали переносить трудности, обучали боевому искусству: стрелять из лука, метать копьё, владеть мечом, ездить верхом и т.д. Века постоянных войн и столкновений не могли не отразиться на психологии ногайцев, породив особый тип мужского воинственного характера. Характер ногайца-воина был ориентирован на власть, лидерство, стремление заслужить славу храбреца, выносливого, равнодушного к комфорту вояки. Вот что писал И. Барборо о ногайских воинах: «Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуется «талубагатер», что значит безумный храбрец. Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случае военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, сбивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов»³.

Эти качества в мужчине воспитывались с детства. Вот что писал о воспитании детей Г. Боплан, посетивший ногайцев в XVII веке: «...все они храбрые и сильные воины, не поддающиеся усталости, легко переносящие перемены погоды, ибо с семилетнего возраста, когда они выходят из своих «кантар»,

т.е. домов на двух колесах, они спят не иначе как под открытым небом, начиная с этого возраста им никогда не дают пищу, пока они не собьют ее стрелой. Вот как татары (ногайцы. – М. Г.) научают своих детей метко стрелять из лука. А когда они достигнут 12-летнего возраста, их посылают на войну. Когда дети находятся в малом возрасте, их матери стараются ежедневно купать их в соленой воде, чтобы сделать их кожу грубее и менее чувствительной к холоду на случай, когда им зимой придется переходить реки вплавь»⁴.

Свое военное мастерство юноши демонстрировали на праздниках. Здесь оценивались не только сила, быстрота, ловкость, меткость, умение владеть оружием, управлять конем, но и красота движений, с которой это все выполнялось. Нужно было не просто удержаться в седле, а держаться в нем уверенно, с достоинством. Так, Н. Дубровин пишет о ногайских наездниках: «Многие из них отличные наездники, стройны, довольно привлекательной наружности, превосходные стрелки...»².

Самым серьезным испытанием мужской отваги и доблести являлись военные сражения. О ногайских воинах писали следующее: «Они очень крепко сидят верхом, высоко подтягивают стремя, чтобы, как они уверяют, опираясь на них, тверже сидеть верхом. Уздечку держат пальцем левой руки, лук той же рукой, а стреляют правой. Пускают стрелы вперед и назад весьма скоро»³. Платон Зубов также отмечает, что «сей народ (ногайцы. – М. Г.) с удивительной способностью переносит все трудности и недостатки, воинственен, проворен, ловок управлять оружием»⁴.

Во время военных походов в войске существовала жесткая дисциплина, любое неповиновение своему начальнику, невыполнение приказа, проявление малодушия, трусости,

1 Никишенков А. А. Указ раб. С. 121.

2 См. : Никишенков А. А. Указ. раб. С. 121-122; Лутуев С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX-начало XX в.). С. 85-87.

3 Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Состав. Д. С. Кидирниязов. Махачкала, 1999. С. 89.

1 Там же. С. 221.

2 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 267.

3 Там же. С. 215.

4 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 2. С. 147.

неоказания помощи товарищу в бою и т.п. карались смертью. Также запрещалось проявлять чувство вражды, ненависти, неприязни к товарищу по оружию. В ногайском войске действовали общепринятые правила и нормы поведения для всех без исключения воинов, соблюдалась жесткая субординация между военачальниками и рядовыми, железная дисциплина. Нарушение правил несения воинской службы неминуемо влекло за собой наказание. Военные походы иногда длились больше четырех месяцев, и без жесточайшей дисциплины управлять войском, в котором насчитывалось до 200000 всадников, было невозможно.

Обязательными качествами, которыми должен был обладать каждый воин, являлись храбрость и мужество. О храбрце в народе говорят: «Сувда йол табар, кумда сув табар» (В воде дорожку найдет, в песке – воду), «Эр йигит эли ушин тувады» (Смелый джигит для Родины рождается).

Воспевая храбрость, мужество ногайских батыров, народ слагал песни:

*Сидя на боевых конях,
Удалыми они себя считали.
Завидят вражеские рати,
Их с радостью они встречали.
Железо боевых мечей
В сраженьях кровью закаляли!*

Храбрым воинам посвящен и ряд ногайских героических песен: «Мамай», «Сорок ногайских богатырей», «Адиль – Солтан» и другие.

Трусов в народе осуждали, им не подавали руки, отказывали в помощи, их не приглашали в гости. Такая форма публичного наказания за трусость существовала у многих дагестанских² и северокавказских народов³. Так продолжалось до тех пор, пока

трус не проявит свою храбрость в бою. Недаром говорят: «Коркакты коьп кувсань, баьтир болар» (Если труса долго погонять, то и из него может богатырь получиться).

Понимая всю тяжесть положения труса в обществе, мужчины были готовы умереть в бою, чем прослыть трусом. Важнейшим делом для настоящего мужчины, по представлению ногайцев, было защитить свою семью, свой народ и Родину от врага. Ногайская пословица гласит: «У мужчины есть два искусства: одно – застрелить и свалить врага, другое – открыть и прочитать книгу».

Еще в XVII веке Джованни Лука писал: «Ногайские татары сражаются храбро, не допускают врага до своих жилищ, но далеко выступают к нему навстречу»¹.

В силу кочевого образа жизни ногайцы специальных оборонительных сооружений не строили. На вопрос И. Барбаро к одному ногайцу: «Почему они не строят башен?» – он получил ответ: «Ба! Кто боится, тот и строит башни!»².

В случае же внезапного нападения врагов на ногайцев и во время их перекочевков они делают тотчас из своих кибиток четырехугольное укрепление и, поместив в середине имущество и семейство, обороняются до последней невозможности³.

Ногайские богатыри строго соблюдали правила ведения боя и воинскую этику. Так, по традиции битва начиналась с поединка богатырей двух враждующих сторон. Богатырский поединок по ногайски называется «екпеек», или, более правильно, «иекке – иек согысув» (биться один на один, буквально – подбородок к подбородку). А выражение «иекке – шыгув» означает выйти на единоборство перед войском с оружием в руках⁴. Этот поединок имел большое морально-психологическое воздействие на воинов и, как правило, влиял на исход битвы. Подобные правила ведения боя известны с древних времен. С поединка

1 Ногайцы в известиях русских, западноевропейских... С. 217.

2 Там же. С. 91.

3 Зубов П. Указ. раб. С. 48.

4 Сикалиев (Шейхалиев) А. И. -М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 130.

1 Гаджиева С. Ш. Ногайцы //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 75.

2 Лугуев С. А. Указ. раб. С. 87.

3 Бгажноков Б. А. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 70.

лучших воинов начинались битвы у древних римлян, у монголов с древними русичами¹.

Известный ногайский ученый А. И. Сикалиев, исследуя ногайский эпос, выделил ряд правил, которым следовали ногайские богатыри во время поединка: приблизившись друг к другу, противники спрашивали о роде – племени, о происхождении, о целях друг друга; право первого удара или выстрела принадлежало старшему по возрасту богатырю. Каждый из них старался запугать противника своим героическим именем, прошлыми подвигами и громоподобным криком перед броском на врага². Основными же статьями воинской этики считались:

1. нельзя нападать на врага спящего, связанного, безоружного;
2. нельзя убивать просящего пощады;
3. слабому противнику надо дать право первого выстрела или удара;
4. богатырь сам должен выйти из трудного положения (плена, заточения), чтобы в будущем не получать от спасителя напоминаний о том, что благодаря ему остался жив.

Настоящий мужчина – воин предпочтет умереть, чем быть спасенным чванливым или хвастливым товарищем³. У многих народов Северного Кавказа и Дагестана существовали подобные этические установки для мужчины-воина. Одним из ярких примеров этого может служить выработанный адыгами кодекс мужской чести, именуемый «Уэркъ хабзэ», который во многом схож с кодексом чести средневековых рыцарей. «Уэркъ хабзэ» считал более предпочтительными для мужчины такие качества, как храбрость, красноречие, щедрость, гостеприимство, уважение к старшим и скромность, стойкое перенесение страданий и галантное обращение к женщинам, отличное владение всеми видами оружия и соблюдение условий рыцарского поединка⁴.

1 Рыбаков Б. А. Куликовская битва // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 13-14.

2 Сикалиев (Шейхалиев) А. И. - М. Указ. раб. С. 130.

3 Там же. С. 143-144.

4 Бгажноков Б. Х. Кабардинцы // Расы и народы. 1981. Вып. 11. С. 207-208.

Ногайский богатырь ни на минуту не разлучался со своим оружием. Даже тогда, когда ложился спать, он, сняв доспехи и оружие, клал их под себя. Богатырь без оружия – это уже не богатырь. Поэтому требовать снять свое оружие и отдать кому-то воспринималось батыром как высшая форма оскорбления. Почетнее же всего для воина было нести боевое знамя. При-сутствие знамени вдохновляло войско. С другой стороны, захват неприятельского знамени – проявление высокого мужества и отваги богатыря. Захватить вражеское знамя и свалить его на землю – значит победить врага, принудить его полностью сдаться на милость защитникам ногайской земли¹.

Мужчина – воин в разговорах никогда не говорил о своих подвигах с мужчинами, особенно с женщинами, не бравировал оружием, не терял самообладания.

Итак, в ногайском обществе были выработаны особые правила поведения для мужчин, предохраняющие их от совершения различных преступлений, в том числе и такого тяжкого, как убийство, которое могло повлечь за собой необратимые последствия.

Подобные правила имели место во всех обществах Северного Кавказа и Дагестана, их соблюдение обеспечивало мирное сосуществование на небольшой территории разных по языку, культуре, менталитету народов и сохраняло относительную стабильность в регионе.

1 Сикалиев (Шейхалиев) А. И. - М. Указ. раб. С. 123-125.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ приведенного в работе материала дал нам возможность показать традиционную культуру поведения и этикет ногойцев. Мы попытались рассмотреть культуру поведения и этикет различных групп ногойцев, населяющих Северный Кавказ и Дагестан, сквозь призму семейного и общественного быта, показать особенности внутрисемейных отношений и взаимоотношений в обществе в будни и в праздники. В ходе исследования мы стремились выявить в культуре поведения и этикете ногойцев как тюркские, дагестанские, северокавказские черты, приобретенные в результате этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, так и локальные, этноспецифические. Так, например, мы обнаружили, что ногойцы, северокавказские и дагестанские народы имеют единую систему морально-этических ценностей, в которой одно из первых мест занимает уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство и куначество. Это подтверждается наличием в их языках таких слов, как *намыс* и *кунак*. Система морально-этических установок позитивно влияла на политическую обстановку в регионе, помогала разным народам лучше понимать друг друга и во многих случаях способствовала предотвращению межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Анализ материала обнаружил, что в исследуемое время у ногойцев этикет семейной жизни был достаточно развит. Так, члены семьи строго соблюдали «этикетную дистанцию» и придерживались «этикетной субординации» в отношениях между членами семьи, особенно в отношении старших.

Ногойцы высоко ценили и уважали старших. К мнению старших прислушивались, без их личного одобрения не начинали ни одного серьезного дела, к ним всегда обращались, прибавляя к имени слово «дядя» или «тетя» в зависимости от пола. Старший в семье являлся главным распорядителем в доме. Младшие члены семьи всякий раз подчеркивали роль и значимость старшего в семье, этому способствовали и правила этикета. Так, со-

гласно этикету старшему принадлежало почетное место в доме, за столом, он начинал и завершал трапезу ему, как старшему, предназначался самый лучший кусок мяса.

Старшие являлись главными организаторами семейных мероприятий. Согласно этикету они первыми принимали и поздравления, и соболезнования по случаю различных семейных событий. Старшие следили за соблюдением «этикетной дистанции» и «этикетной субординации» в семье. Они же отвечали за поведение членов семьи в обществе.

Таким образом, старшие в семье не только олицетворяли собой мудрость, опыт, знания, но и являлись живым воплощением народной культуры, образцом этикетного поведения. Они были своеобразным гарантом стабильности и благополучия в семье, хранителями традиций предков, тем самым обеспечивали неразрывную связь времен и преемственность поколений.

Важным блоком поведенческой культуры ногойцев являлся обычай избегания, который помогал строить взаимоотношения между членами семьи и создавал здоровый микроклимат в семье. Кроме того, обычай избегания выполнял еще и ряд других важных функций: регламентировал взаимоотношения между старшими и младшими, между родителями и детьми, между мужчинами и женщинами, предотвращал семейные конфликты, исключал случаи снохачества и т.д. Подобный обычай и связанные с ним правила общения и поведения существовали у большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа, весьма распространен он был и среди адыгских народов.

Как показывают материалы исследования, у ногойцев в исследуемый период в семье придерживались этикетной проксемике. Так, почетным местом у ногойцев, как и у большинства тюркоязычных народов России, Средней Азии и Казахстана, являлась центральная часть юрты, мужской половиной считалась правая ее часть, женской – левая. Согласно этикетной проксемике во время семейной трапезы почетное место занимал глава семьи, правая сторона от него традиционно считалась мужской, левая – женской. Престижными считались места, расположенные ближе к хозяину, менее престижными – ближе к выходу.



М. Б. Гимбатова

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
НОГАЙЦЕВ
в XIX – начале XX в.**



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Гимбатова М.Б.

*ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Махачкала
2005

ББК – 63.5 (2)
УДК – 902.7

Мадина Багавутдиновна Гимбатова
Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Алимова Б.М.*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Магомедсалихов Х.Г.*
кандидат исторических наук *Мусаева М.К.*

Г – 48 Гимбатова М.Б.

Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – Махачкала: Изд. дом «Эноха», 2005. – 188с. – (ДНЦ РАН. Институт истории, археологии и этнографии).

Монография является первым специальным исследованием духовной культуры ногайцев в XIX – нач. XX в. В ней рассматриваются основные формы традиционной духовной культуры: система народного образования, особенности устного народного творчества, народного календаря, календарных праздников, народной медицины и ветеринарии, религиозных представлений у ногайцев.

Книга предназначена для этнологов, историков, культурологов и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой ногайцев.

ВВЕДЕНИЕ

Культура – понятие многогранное. Общеизвестно, что понятие «культура» обычно используется в двояком смысле. С одной стороны, оно имеет широкое содержание, включающее в себя весь многогранный комплекс материального и духовного процесса общества, непрерывно развивающегося в конкретно-исторических границах, но, с другой стороны, наряду с таким широким толкованием в понятие «культура» вкладывается более узкое значение, совпадающее с понятием «духовная культура», которое ограничивается явлениями, создаваемыми лишь в процессе духовной деятельности человека¹.

Целью нашего исследования является исследование духовной культуры ногайцев XIX – нач. XX века, проживающих главным образом на Северном Кавказе. Для достижения поставленной цели надлежит решить ряд задач, а именно:

– во-первых, рассмотреть социально-экономическую, культурную адаптацию ногайцев, жизнь ногайского общества в исследуемый период, особенности среды обитания, систему традиционного хозяйства, образа жизни, который непременно находится в прямом взаимодействии с духовной культурой как его результат;

– во-вторых, изучить составные элементы духовной культуры ногайцев (система народного образования; устное народное творчество; праздники, обычаи и обряды семейного, общесельского, календарного и религиозного цикла; религиозные представления; народный сельскохозяйственный календарь и счет времени; народная медицина и ветеринария);

– в-третьих, выявить всеобщее, повсеместное в области духовной культуры, присущее всем этническим группам ногайцев;

¹ Социальное и национальное: Опыт этно-социологических исследований. - М., 1973. - С. 79.

– в-четвертых, показать взаимовлияние и взаимопроникновение духовной культуры ногайцев с культурами дагестанских и северокавказских народов;

– в-пятых, выявить общее и специфическое в области духовной культуры ногайцев и современных тюркских народов (татар, башкир, казахов, киргизов и др.).

Тема нашего исследования – духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. как комплексная единая проблема в намеченных аспектах и поставленных хронологических рамках не рассматривалась.

Актуальность исследования заключается в том, что в последнее время у людей молодого поколения растет желание знать историю своего народа, его традиции и обычаи. В этом плане изучение наследия старшего поколения представляет собой значительный интерес. Все это и определило выбор темы нашего исследования, методологической и теоретической основой которого послужил принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в конкретных исторических условиях и связях, выявление его исторической перспективы, рассмотрение его в единстве настоящего, прошлого и будущего. Мы придерживаемся утвердившегося в отечественной этнографии учения о преемственности и взаимопроникновении культур разных народов, о взаимосвязанных процессах развития народов в рамках всеобщей истории. И поэтому предпочтение отдается системно-структурному, комплексному типу исследования с использованием историко-сравнительного и историко-типологического методов.

Источниковой базой нашего исследования послужил полевой этнографический материал¹, собранный нами во время экспедиционных работ в Ногайском районе Республики Дагестан в течение 2001-2003 гг. Источником же по северокавказским ногайцам послужила доступная нам научная литература, письменные источники (исторические и этнографические очерки, монографии, статьи, данные устного народного творчества, литературные произведения, материалы РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).

Литературу по ногайцам можно условно разделить на рассматривающую аспекты политической истории ногайцев¹ и собственно этнографическую.

Первые этнографические сведения о ногайцах мы находим в трудах польского историка XVI в. Матвея Меховского², С. Герберштейна³, московского купца Ф. Котова⁴.

В течение XVII века Россию и Северо-Восточный Кавказ с различными целями посещает значительное число европейцев. Все они оставили описания увиденного и услышанного. В этом плане следует отметить записки советника гольштинского по-

¹ *Татищев В.Н.* История российская. - М., 1962. Т. 1; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. - СПб., 1892. Т. 1; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. - М., 1988. Кн. 1. Т. 2; *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 годы. - СПб., 1793; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. - СПб., 1877. Ч. II; *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках. - М., 1877; *Посольская книга* по связям России с Ногайской Ордой. 1489-1508 гг. - М., 1984; *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ. Т. XIII, № 6 – Пгр., 1922; *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв – Саратов - Москва, 1923; *Новосельский А.Н.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. - М.-Л., 1948; *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во 2-й половине XVI в. // Сб. научных работ. - Саранск, 1949; *Кочкаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. - Черкесск, 1973; Он же. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1988; *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. - Л., 1974; *Кужелева Л.Н.* Ногайцы (из истории ногайцев XVIII-нач. XX в.) // УЗ. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Т. 13., сер. Истор. - Махачкала, 1964; *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы XV-XVIII вв. - Махачкала, 2000; Он же. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. - Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с Россией XVIII в. - Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. - Махачкала, 2003; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. - М., 2002 и др.

² *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. - М.-Л., 1936.

³ *Герберштейн С.* Записки о Москве / Под ред. В.Л. Янина. - М., 1988.

⁴ *Котов Ф.А.* Хождения купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост.: В.Г. Гаджиев. - Махачкала, 1992.

¹ Ссылки на собственный полевой материал в работе мы не делаем.

сольства Олеария¹. Опираясь на его сведения, можно воссоздать материальную культуру ногайцев XVII в.

Интересные материалы по ногайцам содержатся в трудах турецкого путешественника Эвлия Челеби², голландского путешественника Яна Стрейса³, доминиканца Дортелли Д'Асколи⁴. Работы И.Г. Гербера⁵, С.Г. Гмелина⁶, И.Г. Георги⁷, И.И. Гильденштедта⁸ объединяет единая система изложения материала. Они подробно описали местность, занимаемую ногайцами, перечислили ногайские роды, детально описали юрту, одежду (как мужскую, так и женскую), быт ногайцев, их промыслы.

В XIX в. изучением малочисленных кочевых народов России занялись профессиональные историки, этнографы, такие, как С. Броневский⁹, А. Павлов¹⁰, П. Небольсин¹¹, К.Ф. Сталь¹², Н. Дубровин¹³, Г. Малявкин¹. Работы этих авторов схожи по

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. - СПб., 1906.

² Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. - М., 1979.

³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. - М., 1935.

⁴ Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмилио Дортелли Д'Асколи, префектом Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. // ЗИООИД. Т. 13. - Одесса, 1902.

⁵ Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. - М., 1958.

⁶ Гмелин С.Г. Путешествие по России. - Ч. 2. - СПб., 1777.

⁷ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. Т. 2. О народах татарского племени. - СПб., 1799.

⁸ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия акад. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1773 гг. // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост.: В.Г. Гаджиев. - Махачкала, 1992.

⁹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. - Ч. 2. - М., 1823.

¹⁰ Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. - СПб., 1842.

¹¹ Небольсин П. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // ВИРГО на 1851 г. Т. 2. Кн. 2. - СПб., 1851.

¹² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. (1852) // КС. Т. 21. - Тифлис, 1900.

¹³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. - СПб., 1871.

своему характеру: как и их предшественники, они подробно описали образ жизни ногайцев, их быт, занятия, жилища, национальные блюда, костюмы, женские украшения.

В начале XX в. о ногайцах писали А.И. Якобий², И.Л. Щеглов³. В их трудах систематизирован и обобщен богатый этнографический материал. Неоценимый вклад в разработку вопросов материальной культуры, семьи и брака у ногайцев внесла С.Ш. Гаджиева⁴.

Для нашего исследования большой интерес представляют работы, в которых освещаются те или иные вопросы, составляющие духовную культуру этноса. Наиболее ярко духовная культура ногайцев выражена в устном народном творчестве: героическом эпосе, былинах, сказках, пословицах, поговорках, загадках и т.д. Именно с помощью устного народного творчества можно представить традиционное мировоззрение ногайцев. Одними из первых собирателей ногайского фольклора были А. Ходзько, А. Архипов, А. Рудановский⁵. Проведенная в середине XIX столетия работа Ч. Валиханова⁶ по сбору эпических песен казахского народа имеет огромное значение для нашего исследования в силу того, что автором выявлены исторические связи между ногайцами, казахами, киргизами и общность их происхождения, языка и преданий. Значительный вклад в сбор ногайского фольклора внес Мухаммед Османов⁷. Наряду с эпическими песнями им были записаны и ногайские поэмы «Эдиге», «Шора батыр», «Мамай», «Ахмед, сын Айсула», «Адиль-

¹ Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. / Под ред. Г.А. Вертепова. - Владикавказ, 1893.

² Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. - СПб., 1901.

³ Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х тт. Т.1. - Ставрополь, 1910.

⁴ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. - М., 1976; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX - нач. XX в. - М., 1979.

⁵ Chodzko A. Specimtns of the Popular Poefry of Persia. - London, 1842; Архипов А. Подстреленный орел (рассказ) // Кавказ. 1851. № 27; Рудановский А.О. Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 51.

⁶ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. - Алма-Ата, 1961.

⁷ Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. - СПб., 1883.

Солтан», «Эссен-Болат» и др. Их работу продолжил В. Радлов¹, записавший поэмы «Шора Батыр», «Адилъ Солтан», «Амет» и др.

В конце XIX века сбором ногойского фольклора занялся Г. Ананьев². Им были записаны ногойские поэмы «Тохтамышхан», «Мирза Мамай», «Адилъ-Солтан Крымский», «Эрю-Ахмед, сын Айсулы», «Нарыг и Чира Батыр». Помимо этого, Г. Ананьевым изучен быт ногойцев, а также ритуалы, связанные с рождением ребенка, свадебные обычаи, положение женщины в семье и занятия караногойцев³.

Вопросам быта, образа жизни и духовного наследия ногойцев посвящена и работа Н. Семенова⁴. Разносторонний материал по ногойцам сосредоточен в труде Ф.О. Капельгородского⁵. Ему удалось детально изучить социально-экономическую ситуацию в Караногое, вопросы судопроизводства, народного образования, обычаи, верования, игры, развлечения и др.

Первым профессиональным собирателем фольклора ногойцев был А.-Х.Ш. Джанибеков⁶. Им собран и обработан большой пласт устного народного творчества ногойцев. Собранные А.-Х. Джанибековым во время экспедиций с 1905 по 1930 г. поговорки, поговорки, сказки, проклятия, песни и диалогические диалогические помогают воссоздать богатые духовные традиции ногойцев, их миропонимание и мироощущение.

В сборнике «Песни народов Северного Кавказа» представлены образцы песенного творчества ногойцев: обрядовые песни и плачи, героические и величальные песни, песни о женской доле и о любви, колыбельные песни, которые послужат ценным источником в изучении духовной культуры ногойцев⁷.

¹ Радлов В.В. Предисловие // Образцы народной литературы северных тюркских племен. Т. VII. - СПб., 1896.

² Ананьев Г. Караногойцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. - Ставрополь, 1909.

³ Ананьев Г. Караногойцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Вып. 20. - Тифлис, 1894.

⁴ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Ногойцы. - СПб., 1895.

⁵ Капельгородский Ф.О. Караногой, страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68.

⁶ Джанибеков «Созъ казнасы» (Сокровищница слов) на ногойск. языке. - Ч. 1. - Камызяк, 1994.

⁷ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976.

Традиционные игры у ногойцев рассматриваются в работах И.Х. Калмыкова¹.

В историко-этнографическом очерке «Ногойцы»² представлены все стороны жизнедеятельности ногойцев. Одна из глав очерка посвящена духовной культуре ногойцев, в которой рассмотрены вопросы народного образования и здравоохранения, народные знания, фольклор, литература.

Сведения о мечетях, школах, рукописных и печатных книгах религиозного, исторического, медицинского плана у ногойцев отражены в работах А.Х. Курмансеитовой³, которые существенно дополняют сведения информаторов о системе народного образования XIX – нач. XX в.

Изучением творчества ногойских поэтов XV – нач. XX в. занимается известный ногойский ученый-фольклорист А.И. – М. Сикалиев⁴. В их произведениях проявляется самобытный характер ногойцев, их жизнь и быт. Обычаи, обряды, традиции, народный календарь, календарные праздники кубанских ногойцев исследуются в работе С.И. Капаева⁵.

Большое значение для освещения тех или иных вопросов, рассматриваемых в нашем исследовании, имеют труды видного ногойского ученого Р.Х. Керейтова⁶.

¹ Калмыков И.Х. Традиционные виды игр у ногойцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1980; Он же. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов // Половецкая луна. 1994. № 1 / 8.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногойцы. - Черкесск, 1988.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабическнменной книги у ногойцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 3. - Черкесск, 1990; Она же. Древо познания. Письмена и книги. Очерки, статьи на ногойском языке. - Черкесск, 1996; Она же. «Универсалы» Петра Великого и начало ногойского книгопечатания // Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность. Труды международ. конференции в 3-х томах. Июнь 9-13, 1992. - Казань. Т. 2. - М., 1997.

⁴ Завещание. Сб. произведений ногойских поэтов XV- нач. XX в. / Сост.: А.И.-М. Сикалиев (Шейхалиев). - Махачкала, 1990; Он же. Ногойский героический эпос. - Черкесск, 1994.

⁵ Капаев С.И. Ногойский дом. Повесть, статья. - Черкесск, 1995.

⁶ Керейтов Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногойцев // СЭ. 1980. №2; Он же. Весенний праздник «Сабантой» у ногойцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. - Черновцы, 1984; Он же. Два сюжета из мусуль-

Таков круг основной научной литературы по ногайцам¹.

Духовную культуру ногайцев невозможно рассматривать вне общетюркской культуры². Исторические судьбы современных тюркских народов и ногайцев тесно переплетены, их формирование и становление происходило на обширной территории державы чингизидов. Исследователи отмечают ногайский период не только в политической истории, но и в духовной культуре большинства тюркоязычных народов.

Духовную культуру ногайцев XIX – нач. XX в. нельзя рассматривать и в отрыве от культуры народов Северного Кавказа, т. к. длительное совместное проживание на одной территории привнесло определенные северокавказские черты не только в материальную культуру, но и в духовную. Поэтому в качестве сравнительного материала нами будут использованы труды видных кавказоведов и известных дагестанских этнографов С.Ш. Гаджиевой, С.С. Агашириновой, А.Г. Булатовой, М.-З.О. Османова, А.И. Исламмагомедова, М.А. Агларова, С.А. Лугуева, Б.М. Алимовой, Г.А. Гаджиева, Б.Р. Рагимовой, М.Ш. Ризахановой, Р.И. Сефербекова, М.К. Мусаевой, З.Б. Рамазановой, М.А. Дибирова, М.М. Магомедханова, М.-З.Ю. Курбанова, Х.Г. Магомедсалихова.

манского месяца «Ораза» у ногайцев // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. - Л., 1988 и др.

¹ Наиболее полный список научной литературы по ногайцам см.: *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. - Махачкала, 1998.

² См.: Казахская литература и ее интернациональные связи. Сборник статей. - Алма-Ата, 1973; Казахские народные сказки. - М., 1953; Казахские сказки о животных: (Легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни) / Сост.: *С.А. Каскабасов* и др. - Алма-Ата, 1979; Казахский музыкальный фольклор. Отв. ред. *Б. Ерзакович*. - Алма-Ата, 1982; Каракалпакские народные легенды и анекдоты. - Нукус-Самарканд, 1962; Каракалпакские народные сказки. - Казань, 1965; Каракалпакский фольклор. - Нукус, 1980; *Абишев Х.* Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. - Алма-Ата, 1949; Материалы и исследования по этнографии казахского народа. - Алма-Ата, 1963; *Абрамзон С.М.* Очерки культуры киргизского народа. - Фрунзе, 1946; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972; Этнография Башкирии. Сб. статей / Под ред. *Н.В. Бикбулатова* и *Р.Г. Кузеева*. - Уфа, 1976; Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Сб. статей / Под ред. *Р.Г. Кузеева* и *Н.В. Бикбулатова*. - Уфа, 1980; *Липец Р.С.* Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. - М., 1984; *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования у тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск, 1992.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НОГАЙЦАХ

Ногайцы – один из тюркоязычных народов, издревле населяющий нашу страну. Самоназвание ногайцев – «ногай» (ногайлар). Под этим этническим названием ногайцы еще в XIV-XV вв. были известны народам Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма. Формирование ногайской народности началось еще в VI веке. Согласно выдвинутой Р.Х. Керейтовым периодизации формирования ногайской народности выделяются пять этапов: I (VI-VIII вв.) связан с тюркскими племенами; II (IX-XI вв.) – печенежский; III (XI-XIII вв.) – кипчакский; IV (XII-XV вв.) – золотоордынский; V (XIV-XVII вв.) – ногайский (связан с появлением Ногайской Орды)¹. Становление ногайцев завершилось в XVII веке и связано с окончательным утверждением Ногайской Орды как самостоятельного государства. Ногайцы подразделяют друг друга на группы, названия которых подчас совпадают с названием территорий их проживания.

Так, ногайцев, живущих на р. Кубани, называют «кьобан ногайлар» – кубанскими ногайцами, ногайцев, живущих на р. Кума – кумскими ногайцами – «куьми ногайлар», «Бестав (пять гор – с ногайского) ногайлар» – бештовскими ногайцами, ногайцев, живущих на Пятигорье. Также ногайцы делятся на крымских ногайцев – «Крым ногайлар», волжских или астраханских ногайцев – «Эдиль (старое тюркское название р. Волги) ногайлар» или «астрахан ногайлар», ембойлуковцев – «ембойлуқлар», «етишкульлер» – етишкульцев, етисанцев – «етисанлар», караногайцев «тюмен ногай», таркинских «таргъу», аксайских «яхсай», костековских «костек» ногайцев (дагестанские ногайцы).

В 1998 году в мире насчитывалось в общей сложности 4379800 ногайцев¹. По переписи 1989 г. в Российской Федерации насчитывалось 73703 ногайца.

Большинство их проживает на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане – 28294 человека, в Чеченской Республике –

¹ Sami Nogay. Turkieri. Ankara. Kasim. - 1998.

6884, в Ставропольском крае – 15569, в Карачаево-Черкесии – 12993, в Астраханской области – 3958¹. Отмечены компактные группы проживания ногайцев в Сибири. В ближнем зарубежье ногайцы проживают в Белоруссии и Литве, в дальнем – в Турции, Румынии, Польше². Одним из основных путей распространения ногайского этноса за пределы бывшей Российской империи было широко известное «мухаджирство», ориентировавшее переселенцев на страны мусульманского Востока. Однако еще раньше, начиная с эпохи расцвета Великого Княжества Литовского в период позднего средневековья, ногайцы проникали и в европейские страны, где составили группу западных ногайцев, или «литовских татар» внутри шляхетского сословья. К 1939 г. ногайцы Западной Белоруссии, Польши, Литвы были объединены в 19 религиозных общин, имели 17 мечетей, музей, архив, издавали журналы. В годы сталинских репрессий многие из этих ногайцев бежали в Польшу, затем в Америку, Австралию, страны Западной Европы. В настоящее время ногайцев в Белоруссии, например, насчитывается по разным источникам от 10 до 15 тысяч человек³.

В современной России ногайцы проживают как в городах, так и в сельской местности. Наибольшими группами ногайцы проживают в Махачкале, Кизляре, Черкесске, Ставрополе, Нефтекумске, Пятигорске, Минеральных Водах, Владикавказе, Тюмени, Якутске, Уренгое. В Дагестане в 1929 г. был образован Ногайский район. Он включает в себя Терекли-Мектеб (районный центр) и аулы Батыр-Мурза, Бажиган, Боранчи, Карагас, Карасув, Кумлы, Куньбаттар, им. Ленина, Нариман, Таьтли Булак (бывш. им. Калинина), Сулу-Тюбе, Орта-Тюбе, Уйсалган, Червленые Буруны (племзавод), Эдиге аул (бывш. Яньгы-аул).

Помимо Ногайского района ногайцы проживают в Бабаюртовском (в с. Бабаюрте, Тамаза-Тюбе, Новой Косе, Токсанаке), Кизлярском (аулы – Боранбай, Ново-Владимировка, Крайновка, Макараул, Сангиши, Огузер, Урицкого, Крестьяновка),

Тарумовском (с. Александра Невского, Алексейяуле, Выше-Таловке, Ново-Дмитриевке, Шубутлы) районах, в аулах Асаул, Мейтаул, Кумаул, а также в поселке Главсулак.

В Ставропольском крае ногайцы проживают в Нефтекумском районе в аулах Абрам-Тюбе, Артезиан-Мангыт, Ачикулак, Бийсей, Бияш, Ильяс-Кишлау, Кара-Тюбе, Каясула, Нукус-Артезиан, Махмуд-Мектеб, Мирзабек, Тукуй-Мектеб, Ямангой, в городах Ставрополь и Нефтекумск. В Степновском районе того же Ставропольского края они населяют аулы Ыргаклы, с. Степное; в Минераловодском районе – аул Канглы, в Кочубеевском районе – аул Карамурзинский, частично селение Балахоновское, в райцентре.

В Чеченской Республике ногайцы проживают, в основном, в Шелковском районе в сс. Воскресенское, Сарысу, Каршыгаул, Ораза, Коккуй, Коби, Красный Восток, Курганаул, в поселке Шестой совхоз, в станицах Шелковская, Червленая, Старогладовская, Каргалинская, Курдюковская.

Проживают ногайцы и в Астраханской области: в ауле Лапас (Харабалинского района), в Красноярском районе – в аулах Сеитовка, Айсапай, Коялы, Ланчык, Хожетай, Джанай, Ясын-Соккан, Белячное, Иодшалык, Малый Арал; в пригороде областного центра в поселках Киркиле и Свободное¹. В Астрахани этих ногайцев называют карагашами. В Володарском районе Астраханской области и в основном в селе Тулугановка проживают кундоровские ногайцы².

На Северном Кавказе ногайцы проживают еще и в Адыгге-Хабльском районе Карачаево-Черкесии: Адыгге-Хабль (районный центр), Адиль-Халк, Икон-Халк, Кобан-Халк, Кызыл-Тогай, Эркин-Юрт, Эркин-Халк, Кызыл-Юрт (Хабезского района), в ауле Ильичевском (Прикубанского района), в поселке Московском (Усть-Джегутинского района), в городах Черкесске и Карачаевске.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 7.

² Арсланов Л.Ш. К вопросу о караногайском языке // Советская тюркология. 1977. № 4. - С. 73-74; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. – Черкесск, 1988. - С. 102.

¹ Народы России: Энциклопедия. - М., 1994. - С. 433-436.

² Народы Кавказа. Т. 1. - М., 1960. - С. 301.

³ Кидирниязов Д.С. Западные ногайцы // Половецкая луна. 1993. №№ 3-7. - С. 35.

Часть ногайцев обосновались в Калмыкии: – это ногайцы – утары каспийского района. Потомки ногайцев – «нагайбаки» проживают и в Нагайбакском районе Челябинской области.

В плане антропологической характеристики ногайцев необходимо отметить, что ногайцы расово неоднородны, у них сочетаются европеоидные и монголоидные черты с преобладанием последних.

Ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским образует кипчакско-ногайскую подгруппу¹.

Основным районом обитания ногайцев в исследуемый период становится Северный Кавказ. Традиционная хозяйственная система со строгой регламентацией пастбищных угодий между родоплеменными объединениями способствовала образованию на Северном Кавказе ряда административных районов с ногайским населением.

В 1793 г. на территории Северо-Восточного Кавказа царская администрация образовала четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское.

Калаус-Саблинскому приставству были отмежеваны земли по верховьям Калауса и его нагорной стороне, а также участок между озерами Большой и Малой Янкули. Кроме того, к приставству отошел район Кавказских Минеральных вод. На этой территории кочевали едисанские, едишкульские и касаевские ногайцы.

Низовья Калауса и районы бассейнов рек Айгур, Барханчук, Камбулат и Кугульта отвели Калаус-Джембойлуковскому приставству. Здесь обитали джембойлуковцы со следующими подразделениями: канглинским, караюмским и меситским.

Территорию закумской части передали Ачикулак-Джембойлуковскому приставству. На этом участке кочевали едисанцы и джембойлуковцы.

Территориальные границы Караногайского приставства сложились гораздо раньше, чем в трех предыдущих приставствах. Граница Караногайского приставства на юго-востоке дохо-

дила до побережья Каспийского моря, на северо-западе – до реки Кумы и на юго-западе до Степан-Бугорского урочища.

На закубанской территории, населенной ногайцами, было организовано 3 приставства: 1) главное приставство закубанских народов; 2) приставство Тохтамышевское; 3) приставство Бесленеевское и закубанских армян, куда входили наврузовские ногайцы. Ногайцы проживали также в Моздокском и Георгиевском уездах.

Ногайцы степных районов Северного Кавказа в административном отношении были разделены на четыре приставства.

Ногайцев, кочевавших на территории Сулакской низменности, именовали аксаевскими или костековскими ногайцами. На юге и юго-востоке они граничили с кумыками и Тарковскими ногайцами. Последние, составляя небольшую группу, кочевали вдоль Каспия в пределах Тарковского шамхальства. Их здесь насчитывалось около 300 кибиток¹.

Итак, в начале XIX века на северо-востоке Кавказа были созданы ногайские приставства. Управляли приставствами с помощью разработанного в 1827 году «Положения о кочующих инородцах».

В 1847 г. Кавказская область, куда входили все 4 приставства, была преобразована в Ставропольскую губернию. Позднее, в 1888 году, Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области. В середине XIX в. калаусо-джембойлуковские ногайцы численностью 14538 чел. занимали около 87 тыс. дес. земли. На юго-западе от них проживали калаусо-саблинские ногайцы численностью 12245 чел., занимая 39 тыс. дес. земли.

Ачикулак-джембойлуковцы и едисанцы кочевали по Ачикулак-Джембойлуковскому приставству, составлявшему в общей сложности 184 тыс. дес. земли.

Самым крупным приставством считалось Караногайское. Его территория составляла 1 млн дес. с численностью 38450 человек караногайцев и едишкульцев. Так обстояло дело до переселения ногайцев в Турцию. В результате двух эмиграционных потоков (1859 и 1860гг.) из 4 приставств сохранилось лишь два

¹ Баскаков Н.А. Тюркские языки. - М., 1960. - С. 165.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 41-43.

– Караногайское и Ачикулакское. Последнее общей площадью 824807 дес. земли было образовано в 1880 г. В конце XIX века единсанцы и частично джембойлуковцы уже вели оседлый образ жизни. С переходом к оседлости ногайцы начали ежегодно делить пахотные угодия подушно. Пахотный надел обычно не превышал 7 дес. на одного члена семьи. Таким образом, пахотный надел семьи зависел от количества ее членов. За свой надел каждая семья платила налоги в государственную казну. С оседлых и полуоседлых ногайцев взимались налоги и за содержание скота. Так, за одного верблюда в казну платили 1 рубль, за голову крупного рогатого скота или лошадь – по 40 коп., овцу или козу – по 5 коп., а также воинский налог общей суммой 1379 руб. Только за 1908 г. по этим видам налога они внесли в государственную казну 15125 руб¹.

К юго-востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и по численности жителей оно значительно превосходило Ачикулакское. По данным переписи 1828 года в Караногое насчитывалось 3060 дворов с 19634 душами.

С караногайцев взимались повинности: на содержание управления Кизлярского отдела – 5000 рублей, на содержание судебного следователя Кизлярского отдела – 2500 рублей. На 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37.845 руб. 05 коп., причем взималось с каждого верблюда по 1 рублю, с головы крупного рогатого скота – 50 коп., мелкого – 5 коп. По закону караногайцы не служили в войсках, а вместо этого выплачивали 60 коп. воинского налога с каждого рубля общественных повинностей. Со временем налоги стали увеличиваться: с верблюда взималось 1 р. 60 коп., с крупного рогатого скота – 80 коп. и мелкого – 8 коп. Но зато больше никаких земских и государственных повинностей караногайцы не знали. В общем на бедняцкое хозяйство падало всех налогов от 80 коп до 4 руб.,

¹ Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 5. Оп. 1.- Д. 67. - Л. 24.

на середняцкое – от 40 руб. до 80 руб. и на кулацкое – до 500 руб.; четыре хозяйства платили от 600 до 800 рублей¹.

Кроме того, с 1828 по 1862 год караногай-едишкульский народ нес особую повинность в виде доставки провианта с пристаней в продовольственные магазины².

Караногай управлялся на основании «Положения об инородцах» и особой инструкции, утвержденной наместником кавказским. В административном отношении он числился в военном ведомстве, и всеми правами по управлению этим приставством, как и в равной степени и другими областями Северного Кавказа, обладал начальник Терской области, а атаман кизлярского отдела пользовался правами «главного пристава» кочующих народов³.

Непосредственно в самом Караногое имелся начальник караногайского участка. Штаб его располагался в ставке Терекли-Мектеб.

Начальнику участка вменялся надзор за общественным управлением и хозяйственной жизнью караногайцев. Согласно «Положению об инородцах» на начальника участка возлагались следующие обязанности:

- 1) «ограждение и защищение пользы и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности»;
- 2) «внушение преимущества постоянного (оседлого) жительства как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее»;
- 3) «попечение о введении и умножении в обществах ведомства его доходов от таких статей, как для пользы общества могут быть изобретены»;
- 4) «наблюдение за расходами, за правильностью судопроизводства в местных судах, составление смет и представление их на рассмотрение общества»;
- 5) «по желанию обеих сторон он сам мог выступать в качестве судьи на основании местных адатов»⁴.

¹ Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ Ф. 5. Оп. 1. - Л. 187-188.

² Там же. - Л. - 199.

³ Там же. - Л. 148.

⁴ Там же. - Л. 149.

Кроме начальника участка имелся целый штат работников: два помощника, народный казначей, кассир вспомогательной кассы, народный голова, 4 кубных и 3 аульных старшины, 13 десятников при старшинах, 19 дуванчиков (посыльных-переводчиков), 17 аксакалов (сборщиков податей), писарь с двумя помощниками и переводчик с помощником.

Кроме того, в Караногае существовал полицейский участок, в котором было 2 урядника и 10 казаков-охранников¹.

В 1910-1916 гг. был введен новый порядок общественного самоуправления. С этого времени все общественные должности в Караногае становились выборными. Выборы проводили 1 раз в три года на всенародном низаме. Выбирали народного голову, казначея, кассира вспомогательной кассы. Затем каждый куб, а их было 4 (нойманов, терков, кипчаков, минов), выбирал себе старшину, кадия, помощника казначея. И, наконец, каждое аксакальство (всего их было 17) выбирало себе аксакала (сборщика податей) и ахуна (духовное лицо). Таким образом, одновременно с должностными лицами баллотировалось и духовенство. Выбирали кадиев, имамов, наибов, ахунов, эфендиев.

Народный голова руководил общественным хозяйством, выпасами, покосами, распашками земель, собирал сходы. Народный казначей принимал от аксакалов и разъездных казначеев деньги.

Старшины находились в подчинении у народного головы. Они следили за порядком, за сбором налогов, возглавляли маслагатный суд.

Вообще в Караногае до 1917 года действовало два местных суда: шариатный (духовный) и маслагатный (гражданский). Возглавлял маслагатный суд, как было отмечено выше, старшина, ему помогало несколько авторитетных стариков. Этому суду подлежали: 1) иски на сумму до 30 и свыше рублей; 2) разбирательства неблагоприятных поступков, дела о кражах, грабежах на сумму до 30 руб. Дела о более тяжких преступлениях передавались на рассмотрение в окружной суд.

Маслагатный суд носил состязательный характер. И истец, и ответчик перед началом судебного разбирательства приносили судье присягу. Обе стороны могли представить свидете-

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. – Л. 146.

лей. Маслагатные разборы по гражданским делам чаще всего заканчивались миром.

Разбирал маслагатный суд и уголовные дела, в основном это были кражи. За кражи наказывали розгами и приговаривали к отсечению руки, но руку обычно не отсекали. Почти каждый маслагатный суд по уголовному делу выносил примерно такое решение: «Приговорили взыскать с него 50 рублей за быка, а чтобы и впредь ему неповадно было воровать, дать ему 50 розог»¹.

Маслагатные суды находились в ведении начальника участка. В случае неудовлетворительного приговора сторона могла подать апелляционную жалобу начальнику участка для пересмотра решения суда, а тот в свою очередь мог назначить новый суд в составе уже не одного, а нескольких старшин. Выигравшая сторона была обязана отблагодарить старшину. Помимо этого обе стороны платили судебные пошлины.

Шариатские суды рассматривали более широкий круг вопросов. Рассматриваемые дела обычно были связаны с регулированием семейно-правовых отношений, в большинстве случаев – с вопросами наследства. Шариатский суд состоял из одного или двух кадиев. При разборе дела судья руководствовался «Аль-кораном» и разными шариатскими книгами. Были случаи, когда рассматриваемый в суде вопрос не был предусмотрен нормами шариата, и тогда судья руководствовался адатами, выработанными обществом. Маслагатный и шариатский суды вполне удовлетворяли потребности общества в судопроизводстве и регулировали все стороны общественно-политической жизни того времени.

Кочевое общество ногайцев в XIX веке было патриархально-феодальным. Социальная структура ногайского общества была довольно сложной. В нем выделялось два основных класса: господствующий класс феодалов в лице султанов, князей, мурз и баев (к нему причисляются также представители духовенства (кадии, эфенди, муллы) и уздени); и эксплуатируемый – в лице полузависимых кочевых бедняков, простых ногайцев и патриархальных рабов (ясыри), байгушей, тарханов, чагаров.

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 168.

В исследуемый период практиковались различные способы присвоения феодалами прибавочного продукта ногайских крестьян. В одних случаях прибавочный продукт присваивался в форме помощи феодалу в его хозяйстве, ухода за его скотом (отработочная рента). Так, с трех семей взималось два воза сена и два воза дров или кизяка и с каждой семьи – по две мерки проса в пользу мурз. Взимался также «зекят» – десятая часть урожая в пользу духовенства. Кроме этого, ногайские крестьяне отбывали повинности и платили подати в пользу царской власти. Они заключались в виде выставления арб для перевоза казенного провианта, выставления конных «милиционеров» для кордонных постов, прямого налога на скот, воинского налога, подводной, конной, почтовой повинности¹.

Таким образом, только в Караногайском приставстве на 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37845 р. 05 коп.²

Основой хозяйства ногайцев являлось скотоводство. Разводили овец и коз, крупно-рогатый скот, лошадей и верблюдов. Скотоводство приносило немалый доход. Разведение скота для многих кочевников было единственным средством для существования. Скот обеспечивал продуктами питания и сырьем для изготовления одежды, обуви и т. д.

У ногайцев Ачикулакского приставства в разные годы насчитывалось скота:

Годы	Рогатый скот	Овцы
1829	15259	8452
1879	19187	55545
1902	23298	43302 ³

Более высоких результатов в разведении скота добились караногайцы. С середины XIX в. поголовье скота у них неуклонно росло:

¹ Кочкаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX - начале XX века. - Алма-Ата, 1973. - С. 173-174.

² Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 169.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 67-68.

Годы	Верблюды	Рогатый скот	Овцы и козы
1862	—	39347	130000
1864	328	44726	158299
1876	461	28180	101960
1886	1200	23000	166000
1896	2112	23854	111000
1906	1061	36471	178669
1916	1259	38299	227000 ¹

В основном скот был сосредоточен в руках зажиточных ногайцев. Так из 6000 кибитковладельцев 255 человек, т.е. около 4%, имели 900 верблюдов (99 %), 10000 лошадей (70 %), 13400 рогатого скота (40 %), 90530 овец (55 %). На долю же остальных 5700 хозяйств приходилось 34 % всего скота, хотя они составляли 76 % всех кибитковладельцев. При этом 540 хозяйств, т. е. 9 %, совершенно были бесскотными².

Значительное место отводилось коневодству. Оно было одной из наиболее развитых отраслей хозяйства. На количество лошадей влияли различные социально-экономические и политические процессы, происходившие в России, а также погодные условия (чрезмерная засуха, холод). Так, в начале XIX века погибло три четверти лошадей у ногайцев Мелитопольского уезда. Резко упала численность табунов и у закубанских ногайцев от частых набегов русских экспедиционных войск³. Количество лошадей уменьшилось и у джембойлуковцев.

В 1824 году у них насчитывалось 7749 лошадей⁴, в 1885 году – 842⁵. И только в середине XIX в. численность их увеличилась до 3240⁶. У караногайцев и едишкульцев в 1812 году насчитывалось 22698 лошадей⁷, в 1850 г. – 15557, в 1892 г. – 18773⁸, а в 1914 г. – 16.600⁹.

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 191.

² Там же. - Л. 52.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 65.

⁴ ГАСК. - Ф. 249. ОП. 3. - Д. 167. - Л. 45-48.

⁵ Там же. - Д. 2385. - Л. 3.

⁶ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1852. № 4.

⁷ АКАК. V. 1873. - С. 877-878.

⁸ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 190.

⁹ Там же. - Л. 190.

Другой отраслью хозяйства ногайцев являлось земледелие. Земледелием преимущественно занимались оседлые калаусо-джембойлуковские и калаусо-саблинские ногайцы, проживающие по левому берегу р. Кубань, где земли были более плодородны, что способствовало занятию хлебопашеством. Поля засеивали пшеницей, ячменем, просом, кукурузой, полбой. Так, калаусо-джембойлуковскими ногайцами в 1880 г. было засеяно различными злаковыми культурами 1855 четвертей земли, а в 1850 г. – 3265; калаусо-саблинские и баштово-кумские ногайцы в 1885 г. засеяли 1250 и в 1850 г. – 3070 четвертей земли. Хлебопашеством отчасти занимались и полуседлые ногайцы Ачикулакского приставства. В 1855 г. ими было засеяно 111 четвертей земли, а в 1850 г. – 278, в 1880 г. – 726. Даже аксайские и костековские ногайцы Дагестана с населением в 850 семей высеивали в год около 250 чувалов пшеницы и до 150 чувалов проса¹. К концу XIX в. землю начали обрабатывать и караногайцы. В 1906 г. в Караногое было засеяно 60 дес. озимой пшеницы и 162 дес. проса, а в 1916 г. просом было засеяно 655 дес., а озимой пшеницей 5016 дес. земли².

В 1845 г. кочующими народами Кавказской области было посеяно озимых хлебов 3272 четверти, снято 7151 четверти; урожайность была самая низкая, ниже, чем у государственных крестьян, у которых урожайность озимых составила у ставропольцев сам – 5, пятигорцев сам – 8,5 и кизлярцев сам – 5³. Караногайцы же собирали урожай от 25 до 60 пудов с десятины⁴. Низкие урожаи объясняются несколькими причинами: непригодностью земель для занятия земледелием, отсутствием опыта и навыков в хлебопашестве, примитивностью земледельческих орудий и многими другими.

Подсобными отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота. Все добытое во время рыбной ловли и охоты шло на удовлетворение семейных нужд. Значительное место в экономике ногайцев занимали домашние промыслы. Хозяйственная

специализация ногайцев и ее полунатуральный характер способствовали развитию таких промыслов, как обработка шерсти, кожи, шкур, которые шли на приготовление сукна, полостей, войлока, шерстяных чулков, обуви и т. д. Изделия домашнего производства шли на удовлетворение собственных нужд и частично на продажу. Торговали обычно кожей, овечьей и верблюжьей шерстью, войлоками. Так, караногайцы сбывали шерсть в порты Каспийского моря, в Астрахань и выручали ежегодно от продажи шерсти – 108 000 руб., кож и овчин – 50 000 рублей¹. Калаусо-джембойлуковцы продавали шерсть в Ставрополе, Пятигорске и на линии до 5000 пудов. При средней цене шерсти от 50 до 75 коп. за пуд ногайцы могли получать доход до 30 тыс. рублей серебром². Но наибольший доход ногайцы получали от продажи лошадей и скота. В первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составила: на лошадь – от 15 до 30 руб., рогатый скот – от 10 до 15 руб., овец – от 1 до 1,50 рубля и на верблюдов – от 75 до 100 и более рублей серебром³. Караногайцы ежегодно выручали от продажи лошадей около 168 000 руб., рогатого скота – 360 000 руб., овец – 420 000 рублей⁴.

В целом ногайцы Северного Кавказа ежегодно продавали около 2000 лошадей, до 6000 рогатого скота и до 15 000 овец. Верблюды поступали на продажу только на меновые дворы, главным образом в Тбилиси. В среднем же ногайцы от продажи разного скота получали в год дохода от 100 до 175 тыс. руб. серебром⁵.

Еще одной доходной статьёй ногайцев являлся кизяк, который использовался в качестве топлива: от его продажи ногайцы ежегодно получали около 1000 руб. серебром.

Караногайцы и туркмены занимались и добычей соды. В год они выжигали до 10 тыс. пудов соды, от продажи которой получали от 7 до 10 тыс. рублей серебром в год. Продавали в

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 206.

² Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. - СПб., 1851. - С. 178.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 116.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 206.

⁵ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 116.

¹ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 83.

² Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 202.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 83.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 205.

большом количестве корень «кермекь», поставляемый на кожевенные заводы¹.

На вырученные деньги состоятельные ногайцы приобретали мануфактурные и бакалейные товары в мануфактурных и мелких торговых лавках, которых в начале XX в. у ногайцев насчитывалось более 40².

Но основная масса простых ногайцев не знала денег и приобретала необходимые товары у армян путем обмена на скот, шерсть, животноводческие продукты. По примеру армян, которым принадлежала почти вся внутренняя торговля в Ногайской степи, ногайцы начали постепенно приобщаться к торговле. Но количество торговцев из числа ногайского населения было весьма незначительным. Так, к концу XIX века ногайских семей, занимавшихся различной формой торговли, в Ставропольской губернии насчитывалось 88, в Дагестанской области – 14, в Кубанской – 46³.

Ногайцы, имевшие подводы и лошадей, занимались перевозкой грузов из Кизляра в Астрахань, в Ставрополь, Моздок и др. районы Северного Кавказа. Большинство ногайцев нанимались в пастухи к богатым ногайцам, батраками на виноградники к армянам в Кизляре и т. д.

Такова в целом картина социально-экономического и политического развития ногайского общества в XIX – нач. XX века. Изменения, произошедшие на рубеже двух эпох (в управлении, хозяйстве, экономике, быту), повлияли на развитие духовной культуры народа, особенности и своеобразие которой мы рассмотрим в последующих главах.



¹ Забудский И.Н. Указ. раб. - С. 178.

² Фарфоровский С.В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // Журнал Министерства народ. просвещения. - СПб., 1909. № 12 - Ч. 24. - С. 196.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 117.

ГЛАВА II. СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Появление и распространение письменности у ногайцев нельзя отнести ко времени их окончательного формирования как отдельного народа (XIV в.), она появилась гораздо раньше.

Предки ногайцев – тюркские племена – уже с V века пользовались древнетюркским руническим алфавитом. С VIII века среди них стала распространяться уйгурская письменность¹. С принятием ислама, еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг., среди населения Золотой Орды стала распространяться арабская письменность. О распространении арабской письменности среди простого населения свидетельствует найденная в 1961 г. в развале одного из зданий Нового Сарая лопатка быка типа *Bast'aurus* с надписью. Надпись сделана, как определил Э. Наджип, на кипчакском языке арабскими буквами и датируется серединой или третьей четвертью XIV в.²

На кипчакском языке свои грамоты и послания писали ногайские князья и мурзы.

Вот что по этому поводу писал Г. Перетяткович: «Князья и мурзы ногайские грамоты свои в Москву писали обыкновенно на своем языке, и оне для государя переводились толмачами в Посольском приказе»³.

Бумагу для ведения делопроизводства закупаали в основном на Руси⁴. Иногда русские правители писчую бумагу посылали в подарок ногайским мурзам наряду с дорогими меховыми

¹ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994. - С. 45.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М., 1996. - С. 206.

³ Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. - М., 1877. - С. 136.

⁴ Алексеева Е.П. Ногайцы // Очерки по истории Карачаево-Черкессии. Т. 1. - С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967. - С. 144.

шубами, шапками, сукнами, полотнами, драгоценной посудой, медом, вином¹.

Письменность была необходима не только для ведения дипломатической переписки с другими государствами, но и для делопроизводства внутри государства. У ногайского хана числился целый штат чиновников, занимавшихся делопроизводством. Это дуваны, которые помимо того, что выполняли различные дипломатические и финансовые поручения бия (хана), ведавшие дипломатической перепиской, встречей иностранных послов, были еще и секретарями при бие². Тока-дуван, другой придворный чиновник, отвечавший за обширное придворное хозяйство бия, встречу послов соседних улусов, организацию приемов у бия, ведал еще и канцелярией.

Кроме дуванов и тока – дувана, были чиновники и более мелкого ранга. Это афызы, которых русские источники часто называют дяками, бекшеи – писари³. Они занимались выдачей ханских тарханых ярлыков, указов-фирманов, подсчетом населения, войска, налогообложением, снаряжением и фуражом, учетом расходов казначейства на военные и государственные нужды⁴. Все это требовало знаний счета и письма.

Почти в каждом ауле был грамотей, который по просьбе простых кочевников составлял жалобы и прошения ногайским мурзам или представителям царской администрации⁵. Это подтверждают сохранившиеся документы (жалобы и прошения) ногайских крестьян и рабов.

У ногайцев были и литературные произведения. По содержанию они делились на религиозные, исторические, художественные, медицинские⁶.

¹ Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗИООИД. Т. XXIV, 1902. - С. 487.

² Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1988. - С. 41-42.

³ Там же. - С. 87.

⁴ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 45-46.

⁵ Курмангитова А.Х. Бытование арабписьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1990. - С. 173.

⁶ Там же. - С. 162.

О бытовании у ногайцев письменных произведений писал Г. Прозрителев: «...Ногайцы имели свои литературные произведения, но это были рукописи»¹. Распространение рукописей среди населения происходило путем их переписывания. В начале XX века Корнис писал, что ногайцы имеют историческую книгу под заглавием «Таврик»². А из ногайских рукописей начала XX века мы узнаем, что в прошлом у ногайцев существовали исторические сочинения «Тарихи ногай» («История ногайцев») и «Таварихи – и – ногай» («Ногайские летописи») ³. В 1922 году А.-Х.Ш. Джанибеков, будучи в одной из экспедиций по Краснодарскому краю, в библиотеке ногайского арабиста муллы Ахмеда обнаружил «Канун» – свод законов жителей ногайского улуса Касайаул на арабском языке, защищавший частную собственность феодалов и регулировавший различные вопросы уголовного, семейно-наследственного права. Документ относится к XVIII – началу XIX века, ко времени распада Малой Орды. Можно предположить, что у каждого крупного улуса был свой свод законов⁴, который составлялся грамотными людьми, знавшими обычное право и основы шариата.

Распространению знаний об исламе среди ногайцев способствовали в первую очередь Коран как в рукописи, так и в типографском издании, а также отдельные его главы – «Ясин», «Маульт», «Андик» и литература религиозного характера: «Калам шариф», «Иман-шарты» (условия веры), «Иман-ислам», «Книга о рождении пророка Магомета», «Сорок священных преданий пророка Магомета», «Рассказы о пророках», «Тафсир» (комментарий к Корану в 4 тт.) и др. Большой популярностью у ногайцев пользовалась не только религиозная литература, но и научная. Такая, как по астрономии – «Иллоон», мусульманскому праву – «Тавзих и Тальвих», по астрологии, логике, фарма-

¹ Прозрителев Г. Печатное дело на Северном Кавказе (Ставропольская губерния) // Труды Ставроп. уч. Архивной комиссии. Вып. 2. - Ставрополь, 1910. - С. 1.

² Корнис М. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. XXIII. - С. 4.

³ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 46.

⁴ Гымбатова М.Б. Из истории обычного права ногайцев (XVIII – начало XIX вв.) // Вестник ДНЦ. - Махачкала, 2001. № 10. - С. 110.

кологии¹. В этом плане справедливо высказывание академика РАН Г.Г. Гамзатова, что «через арабский язык проникала не одна религиозная схоластика, но и арабская словесность, произведения положительной научной мысли и литературы Востока»².

Помимо арабописьменной литературы у ногайцев бытовали книги на тюрки, татарском, турецком и кумыкском языках, переведенные с иранского. Так, у ногайцев бытует «Книга о звездах, земле, планете», «Книга о правильном чтении Корана», «Сокровищница мудрых изречений Абу Али Сина», «Светочи влюбленных», «Кабус намэ», учебники и учебные пособия по изучению арабского языка и др.

Большое распространение среди ногайцев получили книги на татарском языке. Это объясняется прежде всего общностью происхождения языков, обычаев татарского и ногайского народов. Так, у ногайцев до сих пор сохранились книги на татарском языке «Тысяча и одно предание», «Книга о сотворении мира», «Кисик баш китабы» («Книга об отрезанной голове»), «Бакырган китабы», «Рассказы о Ходже Насреддине», «Книга о знании», «Курс личного магнетизма», пособие по фотографии, «Правила общения», учебники и учебные пособия по арабскому и татарскому языкам, литературе, географии, арифметике, геометрии, а также календари, детская литература из серии «Балалар китап ханасы». Из книг на кумыкском языке у ногайцев сохранились «Абдурахман китаби» («Книга Абдурахмана»), «Сафар йолдаш» («Друг Сафар»), «Ибрахим-китаби» («Книга Ибрагима»)»³.

Среди разнообразной религиозной литературы ногайцам были известны и христианские книги. Усилиями шотландских миссионеров в 1816 году на ногайском языке были изданы «От Луки святое Евангелие», в 1818 г. «Библия. Новый Завет» и «Великое славословие царя и пророка Давида», позднее напечатана «Книга псалмов» и «Книга бытия»⁴.

Широкой известностью пользовались различные справочные издания: «Арабско-тюркский словарь», «Арабо-персидско-татарский словарь», «Арабо-турко-татаро-русский разговорник»¹.

Ногайцы очень бережно и трепетно относились к книгам. Их любовь к книгам отразилась в следующих поговорках: «У мужчины есть два искусства: одно – застрелить и свалить врага, другое – открыть и прочитать книгу», «Акыр досын акыры – китаб» («Последний друг – последняя книга»), «Кой баккан тонь алар, китаб оқыган билим алар» («Пасущий овец получит шубу, читающий книгу – знания»), «Яхшы китаб колдан – колга юрип тозар, яман китаб ятып – ятып шань болар» («Хорошая книга, переходя из рук в руки, порвется, плохая книга будет лежать пылиться»).

Одним из достоинств человека считалось умение читать книги. Так, в одной из эпических песен Эдиге, обращаясь к своему сыну Нурадину, хвалился, что «семь раз прочитал Алкорань книгу во имя Бога, семь раз проникал в тайны этой книги; по тридцать три раза постоянно повторял Славословие, по столько же раз повторял его при пятничном намазе в большой мечети», «...прочитал все четыре книги, полученные с неба: Библию, Псалтырь, Евангелие и Коран и, прочитав, поступал по требованию их»².

Авторитет написанного слова, книги, был настолько велик, что существовала клятва книгой «Китаптынъ хақына» («Книгой клянусь»). Об особенно убедительных словах человека говорили: «Слова его будто взяты из книги». Ногайцы читали и периодические издания. В местах совместного проживания с татарами ногайцы читали татарские газеты «Вақыт» («Время»), «Юлдуз» («Звезда»), «Ульфат» («Дружба»), женский журнал «Суюнбике», журнал «Терджуман» («Переводчик»), турецкий журнал «Мизан» («Весть»), «Савахъ» («Утро»), являлись подписчиками газет на арабском языке, издаваемых в Каире³.

¹ Курмансеитова А.Х. Указ. раб. - С. 163-164.

² Гамзатов Г.Г. Гамзат Цадаса. Жизнь и творчество. - Махачкала, 1983. - С. 51-52.

³ Курмансеитова А.Х. Указ. раб. - С. 174.

⁴ Курмансеитова А.Х. Библия на ногайском языке // Половецкая луна. - Черкесск, 1991. № 1. - С. 99-100.

¹ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 174.

² Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. - СПб., 1895. - С. 443.

³ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 46.

Распространению знаний среди населения способствовала широкая по тем временам сеть примечетских школ (мектебы, медресе). Почти в каждом ауле имелась мечеть, а при ней обязательно школа-мектеб. До поступления на обучение в примечетские школы дети уже дома получали элементарные знания об окружающем мире. С помощью взрослых дети узнавали о явлениях природы (о смене времен года, о выпадениях осадков, землетрясениях, паводках, наводнениях и т. д.), осваивали основы счета, метрическую систему, имели представления о народном календаре, основах народной медицины и ветеринарии. Все это постигалось путем наблюдений за окружающей средой, личного участия в трудовой деятельности взрослых, а также во время бесед-объяснений, рассказов родителей, родственников, людей старшего поколения.

Большое внимание взрослыми уделялось трудовому и физическому воспитанию детей.

Таким образом, прежде чем поступить в примечетскую школу, дети получали элементарные знания об окружающем мире, овладевали трудовыми навыками и были достаточно физически подготовлены.

История образования у ногайцев имеет давние традиции и глубокие корни. Еще в XV–XVI вв. ногайцы, проживающие в Поволжье, «обучали своих детей грамоте, а наиболее состоятельные предпочитали учиться в Крыму»¹.

В XVIII веке И.Г. Георги, посетив астраханских ногайцев отметил, что они имели «у себя 15 мечетей, изрядные школы»². Кубанские и астраханские ногайцы имели мечети в каждом ямагале (квартал), и каждый аул имел джума-мечеть, где собирались все мусульмане на молитву по пятницам и в праздники. У кубанских ногайцев в ауле Тохтамыс (Икон-Халк) было 5 мечетей, Ураковском (Эркин-Юрт) – 5 мечетей, Нижне-Мансуровском (Эркин-Халк) – 2 мечети³.

¹ Перетяткович Г. Указ. раб. - С. 146.

² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. Т. 2. О народах татарского племени. - СПб., 1799. - С. 30.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 165.

В ногайских кочевьях на Молочных водах проживал 17401 человек в 43 селениях, и в каждом из них была мечеть (в кибитках)¹.

У оседлых ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештаво-Кумского приставства школы размещались в домах, где обучали татарской грамоте, а в некоторых и арабской². В ауле Канглы в конце XIX в. на 546 дворов приходилось 13 мечетей с мектебами³.

Степные ногайцы летом, во время кочевья, детей учили в «терме» (кибитке), и этот метод обучения в пути назывался «йолым», зимой учили детей в «ер казба» (землянка), которую утепляли и отапливали. Размещались мектебы и в домах. Так, в начале XX века в Караногое были известны «Алаш мектеп», «Маштак куйы мектеп», «Кобгелли мектеп», «Муьлкали аьжи мектеп», «Куьн шырактагы мектеп уьй» (с куполом и минаретом)⁴.

Ногайцы уделяли большое внимание воспитанию и обучению детей. Каждый родитель, даже не очень состоятельный, считал своим долгом дать образование ребенку. Родители отдавали детей как мальчиков, так и девочек, в мектеб в семилетнем возрасте. Обучение мальчиков и девочек проходило совместно⁵. Хотя имеются сведения, что в некоторых духовных школах мальчиков обучал мулла, а девочек обучала и воспитывала жена муллы⁶. Девочки учились обычно 3-4 года – до 10-11 лет. С этого возраста девочка считалась уже невестой и должна была сидеть дома и помогать матери по хозяйству. Но и за этот короткий срок обучения девочки овладевали навыками чтения и

¹ Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии // Ногайцы. - Ч. 1. - Ставрополь, 1883. - С. 39.

² Там же. - С. 84.

³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1988. - С. 182.

⁴ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 166.

⁵ Апаньев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 59.

⁶ Анастасиев А. О татарских духовных школах // Русская школа. 1893. № 12. - С. 129.

письма. Так, по сообщению Г. Ананьева, среди женщин-караногаек были знающие арабскую грамоту¹.

Срок обучения мальчиков был от четырех до шести лет. Бедные ногайцы старались обучать ребенка грамоте хотя бы год, в дальнейшем обучение зависело от способностей и желания самого ученика.

В мектебе ученики сидели перед учителем полукругом на полу, застланном войлоком. Урок начинался с хорового чтения молитвы. В начале обучения приступали к изучению алфавита. Учитель записывал букву на дощечке, показывал ее детям, затем дети записывали ее у себя на бумаге. Для удобства ученики под бумагу подкладывали специальные дощечки. Писали на бумаге чернилами (делали чернила из проса) гусиными перьями или тростником с заостренным концом. Чернила и чернильницы изготовляли родители или же сами дети².

Мулла следил за тем, чтобы ученики писали аккуратно, красиво и без ошибок, правильно держали перо в руках. Старательных учеников мулла хвалил, ставил в пример другим, нерадивых наказывал.

Когда ученик выучивал наизусть все буквы, приступали к чтению. Первой книжкой на арабском языке, с которой приступали к обучению чтению, была «Аптиеке». Изучив «Аптиеке», приступали к чтению Корана. Суры из Корана заучивались учениками наизусть. Далее изучались «Иман-Ислам Китаб», «Шурутиссалат», «Ильмильяль» и др.³ В мектебе детей не только учили писать и читать Коран, но и преподавали арифметику, географию, литературу. Особое внимание уделялось изучению столпов ислама, выполнению намаза, религиозных обрядов, правил поведения и правоверного мусульманина⁴. Мулла разъяснял, как вести себя с родителями, соседями, родственниками, что положено делать мусульманину и что недозволено и т. п.

Требования к учителю-мулле предъявлялись довольно высокие. Не каждый мулла мог стать учителем. Прежде всего, он

¹ Ананьев Г. Указ. раб. - С. 59.

² Там же. - С. 61, 62.

³ Там же. - С. 62.

⁴ Там же. - С. 62.

должен был быть человеком уважаемым, пользоваться авторитетом, обладать высокими нравственными качествами, иметь репутацию хорошего учителя. Прежде чем заняться педагогической деятельностью, начинающий учитель должен был получить от кадия положительные рекомендации как высоконравственный человек, знающий свое дело¹. Учителя делились на эфендиев и мулл. Эфенди – это начитанный, знающий все священные книги, опытный в деле обучения детей учитель. Мулла-учитель – это грамотный и знающий из священных книг главнейшее. Положение эфенди было выше и почетнее, нежели положение муллы².

Эфенди и муллы пользовались уважением и почетом у ногайцев и занимали высокое положение в обществе. Так, в народе говорили: «Кто не верит мулле, тот не верит в Аллаха» («Ким инанмайдыр моллага, оль инанмайдыр Аллаха»), «Кто не признает муллы, тот не признает Аллаха» («Ким бильмейдир моллады, оль бильмейдир Аллахды»), «Кто не любит муллу, тот не любит Аллаха» («Ким суймейдырь моллады, оль суймейдыр Аллахды») и т. д.³

С родителей учеников взималась плата за обучение детей. Плата с каждого ученика составляла в год два рубля денег и годовалый теленок⁴. Учитель обычно жил в маленькой пристройке около мечети. Пропитание учителя, обустройство его быта полностью лежало на родителях учеников. Обычно бедные ногайцы нанимали учителя для своих детей сообща, богатые же приглашали учителя отдельно для индивидуального обучения своих детей⁵.

После получения образования в примечетской школе-мектебе часть ногайцев продолжала обучать своих детей в медресе.

Для продолжения учебы многим приходилось выезжать из аула. Выезды за пределы родных мест в целях получения знаний

¹ Ананьев Г. Указ. раб. - С. 60.

² Там же. - С. 60.

³ Там же. - С. 61.

⁴ Там же. - С. 61.

⁵ Там же. - С. 61.

поощрялись населением. Так, в Коране говорится: «Ищите науку, если бы она и находилась в земле Китая. Кто отправится в путь с целью искания науки и знания, тому бог откроет пути к раю, и ангелы осенят его крыльями своими из уважения и почести к искателю»¹. В медресе обучались дети состоятельных родителей, хотя были случаи, когда в них обучались одаренные дети из бедных семей.

В Ногайской степи большой известностью пользовалось медресе Зармамбет-аьпенди, который после 20-летнего обучения в Турции в а.Терекли-Мектеб арендовал дом и открыл свое учебное заведение².

В 1888 году Молла Садык в Петербурге открыл медресе для обучения детей на ногайском, арабском и русском языках³.

В 1889 году Абдрахман Умеров открыл новометодное медресе в Астрахани, где для иногородних имелось общежитие. В это медресе приезжали учиться из Казани, Оренбурга, Поволжья, Казахстана⁴.

В медресе изучали арабскую грамматику, логику, курс мусульманского права, географию, астрономию. Учащиеся медресе свободно читали Коран и грамотно писали по-арабски⁵.

После окончания выпускники медресе становились муллами, эфендиями, кадиями, муфтиями. Для получения соответствующей должности необходимо было сдать экзамен по исламу и, согласно правилам об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания от 11 октября 1890 г., при определении высшего духовенства в городах требовали свидетельство о сдаче экзамена по русскому языку (письменно и устно), а от кандидатов на должность сельских мулл – свидетельство о знании ими русской разговорной речи и чтения⁶.

Таким образом, выпускники медресе были достаточно образованными людьми для своего времени.

Многие выпускники медресе выбирали педагогическую деятельность, преподавали в примечетских школах-мектебах и медресе, неся в народные массы достижения арабо-мусульманской культуры. Это было очень почетным и, самое главное, богоугодным делом. В одном из аятов говорится: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому бог даст спасение семидесяти святых»¹.

В начале XIX века национальные окраины были включены в состав России, что ознаменовало собой начало нового периода в истории образования и просвещения ногайцев. В местах их проживания появляются светские школы, где обучение шло, в основном, на русском языке. Так, в 1816 году по ходатайству графа Ланжерона в г. Ногайске Таврической губернии было открыто училище с двумя классами для обучения детей ногайцев. Открытие школы состоялось в 1826 году. В официальных документах ее именовали русско-татарской (ногайской) школой. В первые годы существования ее контингент не превышал и десяти человек. Только в начале 1830-х годов число учеников увеличилось в связи с организацией пансиона. В 1832-33 учебном году в ее стенах обучалось 23 ногайца, 6 русских, 2 армянина и 2 француза. В первом классе преподавали русский язык и арифметику, а во втором – письменный ногайский язык. Выпускники школы из числа ногайцев, как правило, становились волостными писарями в ногайских аулах².

В 1869 году в Ачикулаке была открыта русская школа для обучения ногайских мальчиков с пансионом. В 1904 году в ней обучалось 25 мальчиков, учителю русского языка платили 420 рублей, ногайского – 180 рублей в год³. Обучаться в этой школе было под силу только детям богатых ногайцев.

¹ Баязитов А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. - СПб., 1887. - С. 20.

² Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 168.

³ Там же. - С. 168.

⁴ Там же. - С. 168-169.

⁵ Каймазаров Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. - М., 1971. - С. 37.

⁶ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 169.

¹ Баязитов А. Указ. раб. - С. 21.

² Сергеев А. Ногайцы на молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // ИТУАК. - Симферополь, 1912. № 48. - С. 58-60.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 170.

В 1868 году было открыто одноклассное училище в ауле Канглы на реке Куме, а в 1877 году – в Мансуровском ауле Баталпащинского отдела Кубанской области¹.

В 1914 году в ставке Терекли-Мектеб было открыто кара-ногайское одноклассное училище с пансионом на 60 детей, с мастерскими и хозяйственными постройками. Пансион был оборудован лучшей мебелью, бельем, одеждой, пищей. Строительство пансиона обошлось по тем временам в 75 тыс. рублей².

Школы, созданные в ногайских аулах Северного Кавказа, назывались окружными и начальными и работали по специальному уставу.

В ногайских школах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей преподавание велось по программе русских школ, но, в отличие от последних, дополнительно преподавалось мусульманское религиозное учение. Учителями в школах работали русские, ногайцы и представители других национальностей Северного Кавказа³. Школы располагались в хороших, светлых помещениях. Там учили писать, читать, считать. В число обязательных предметов входило и пение. Классы были оснащены необходимым инвентарем: имелись парты, скамьи, доска, мел, глобус, наглядные пособия. В конце XIX – начале XX века в Ногайской степи было достаточно много людей, получивших начальное образование в школах, умеющих читать и писать⁴.

Окончившие начальную школу принимались во второй класс уездных училищ и в гимназию⁵. В них обучались как мальчики, так и девочки.

В Астрахани в 1907 году ногайское общество «Джамияти-Исламия» имело 3 училища: 1-е мужское – в здании этого общества обучалось до 200 человек, 2-е женское – в доме Адельшинова по Старо-Заливной улице обучалось 200 девочек, и 3-е женское – в участке на Цареве.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 183.

² Капельгородский Ф.О. Карапогай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Л. 42.

³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 184-185.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 56.

⁵ Там же. - С. 184.

В 1908 году в г. Гурьеве было создано мусульманское общество, которое при содействии богатых мусульман открыло в городе пятиклассное училище для обучения детей ногайцев и киргизов¹.

После окончания училищ, гимназий многие ногайцы поступали в университеты России, Франции, Германии, где продолжали свое образование².

Ногайцы обучались и в высших мусульманских заведениях Крыма, Стамбула, Константинополя, Дамаска, Бухары, Самарканда. Так, Мухаммед-Зариф Алиев окончил в Казани медресе «Мухамадия» Шигана Марджани, Абдул-Хамид Курман Сеитов учился в Крыму, сыновья Карима Ходжаева, Абдрахмана Умерова, Абдрахмана Алиева, Исхак Хаджи, Мухамедрахима Эрэмбетова и Наджиб Гасри – в Константинополе, Аьжибекбер Джемакулов, Омьирбек Киримов, Керим Нурмамбетов и др. – в Борагане, Щедрине, Яхсае, Темир-Хан-Шуре Дагестанской области³.

Среди ногайцев были видные ученые, общественные деятели. Среди них известный ногайский ученый и автор учебников арабского языка Абдрахман Умеров, преподаватель медресе «Галия» – профессор Булат Салиев. Мазгар Муртазаев преподавал в Багдаде, Стамбуле, Дамаске, был известен в странах Ближнего Востока, Поволжья и Средней Азии⁴.

Видным ногайским просветителем был Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков. Свою деятельность он начал в конце XIX – начале XX века. А.-Х.Ш. Джанибеков – автор первой ногайской азбуки, первых учебников на ногайском языке, первых русско-ногайских терминологических словарей, первой грамматики родного языка⁵. Им собран ногайский фольклор, написаны содержащие этнографические материалы труды: «Ка-

¹ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 170.

² Там же. - С. 169.

³ Там же. - С. 168.

⁴ Там же. - С. 168.

⁵ Сикалиев А.И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х.Ш. Джанибекова (1879-1955) // Просветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. - Черкесск, 1981. - С. 5.

раногайцы», «Мое жизнеописание», «Исторический очерк ногогайской литературы».

А.-Х.Ш. Джанибеков заложил основы ногогайской национальной драматургии¹.

Всю свою жизнь он отдал делу просвещения ногогайского народа, воспитанию учительских кадров для национальных школ.

Итак, народное образование у ногогайцев имеет многовековую историю.

Предки ногогайцев, тюркские племена, еще в V веке пользовались древнетюркским руническим алфавитом. С VIII века среди них распространяется уйгурская письменность, с принятием ислама ногогайцами (XIII в.) повсеместно использовалась арабская графика.

Многочисленные грамоты ногогайских мурз, дипломатическая переписка между русскими князьями и ногогайскими мурзами, исторические и литературные памятники свидетельствуют о наличии письменности у ногогайцев.

Система образования имела следующую структуру.

Первая, начальная ступень образования – это примечетские школы-мектебы. В них учили читать и писать, изучали основы ислама. Вторая, более высокая – медресе. Там учащиеся получали помимо религиозных знаний и разносторонние светские. Они изучали астрономию, географию, философию, логику, арифметику и т. д. Выпускники медресе при желании могли поступить в высшие духовные учебные заведения как в России, так и за ее пределами.

В начале XIX века в местах проживания ногогайцев появляются светские школы, где обучение проходило на русском и ногогайском языках. Выпускники светских школ поступали в уездные училища и гимназии. Наиболее одаренные после окончания гимназии становились студентами высших светских учебных заведений г. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и др.

¹ Керейтов Р.Х. А.-Х.Ш. Джанибеков - этнограф // Просветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. - Черкесск, 1981. - С. 31.

В XIX – начале XX века из ногогайской среды выделилась целая плеяда высокообразованных людей. Среди них были и известные ученые, общественные деятели, журналисты, просветители.

Коренные изменения в системе образования произошли только после победы Октябрьской революции. Все детское и взрослое трудоспособное население было охвачено всеобучем, и через несколько лет в Ногогайской степи почти не осталось неграмотных людей.



ГЛАВА III. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Одной из составных частей традиционной духовной культуры является устное народное творчество, представленное различными фольклорными жанрами. Это героический эпос, календарно-обрядовый фольклор, семейно-обрядовый фольклор (свадебные песни, здравицы, похоронные плачи, благопожелания, проклятия), произведения народной прозы (сказки, легенды, предания, рассказы), паремиологический жанр (пословицы, поговорки, загадки), детский фольклор. Являясь в большинстве случаев продуктом индивидуального творчества, фольклор, попадая в народные массы, обрабатывался, обрастая новыми деталями, и в результате приобретал черты коллективного творчества.

В произведениях устного народного творчества прослеживаются мировоззрение, миропонимание, нравственно-этические идеалы народа, различные стороны его жизни и быта, представления о добре и зле, благородстве и справедливости, дается народная оценка многим событиям и человеческим поступкам.

В фольклоре отражена многовековая история духовного развития народа, выражены его мечты и чаяния, философия, взгляд на прошлое и настоящее, вера в светлое будущее¹. Вместе с тем, отражая особенности и своеобразие социально-экономических условий, быта, присущие данному народу и отличающие один народ от другого, в нем имеются схожие сюжеты, что подтверждает теорию о взаимопроникновении и взаимообогащении культур. В этом плане устное народное творчество ногайцев не является исключением. Имея свои отличительные особенности, устное народное творчество ногайцев несет в себе черты, характерные многим тюркоязычным народам, а, находясь в непосредственном контакте с народами Северного Кавказа, – и отпечаток северокавказской духовной культуры.

¹ Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 5.

В устно-поэтическом творчестве ногайцев одно из центральных мест занимает героический эпос. Ногайский героический эпос был создан относительно поздно – в XIV – XVII вв., т. е. после того, как сложилась ногайская народность и государственность, когда социальное развитие и классовое расслоение ногайского феодального общества достигли значительных высот. Эпические произведения ногайцев в основном имеют стихотворную форму. Хотя встречаются образцы, где стихотворная форма сменяется прозой. Героический эпос ногайцев отличается своей реалистичностью. В нем отразились основные исторические этапы становления и развития Ногайской Орды, ее распад на Больших и Малых ногаев, междоусобные войны ногайских мурз¹.

Идея создания ногайского государства зарождается в начале XIV века, и одним из самых ярких эпических произведений этого периода является «Сказание об Идиге», составленное, по-видимому, по заказу самого Эдиге, основателя Мангытского юрта (1391 г.). (Сделано это было прежде всего для обоснования своего господства в Орде, т. к. Эдиге и его потомки не принадлежали к роду чингизидов, а потому и не могли называться ханами.) «Сказание об Идиге» начинается с описания происхождения и детства Эдиге. В основе эпического сказания лежат подлинные исторические события, относящиеся к концу XIV – началу XV в., начальному периоду политического раскола Золотой Орды и утверждения на Востоке новой мировой державы Тимура (Тамерлана) с центром в Средней Азии. В центре внимания находятся распри между Эдиге и Тохтамышем. В поэме Тохтамыш представлен врагом народа и потому все действия Эдиге против Тохтамыша оправданы. Эдиге выступает защитником интересов ногайского народа. Эти события действительно имели место и подтверждаются сведениями летописцев, современников известных событий. В зависимости от круга своих территориально-политических интересов, национальных и политических пристрастий и оценок они описывают ту или иную часть событий с различной степенью полноты и объективности,

¹ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994. - С. 79.

но в целом критическое сопоставление источников позволяет восстановить довольно полную картину всей совокупности событий, послуживших основанием для развития эпического сказания¹. Сказание об Эдиге бытует у казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, туркмен, башкир, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев), что указывает на их общие генетические корни².

Наиболее ранним из ногайских эпосов, посвященным событиям периода правления золотоордынского хана Джанибека (сер. XIV в.), является эпическое произведение «Батыр Амит, сын Айсыла». В поэме ярко отражаются классовые противоречия, борьба за уничтожение социальных привилегий. С периодом правления хана Джанибека связано и эпическое сказание «Отважная Ян-Бикеш». В центре произведения – образ богатырши, несколько напоминающий дагестанских Максуму и Парту Патиму³. Во всех вариантах этого произведения народ рисует героический образ девушки Ян-Бикеш, славит ее как героя, изображает ее храброй, отважной, бесстрашной защитницей Родины.

Среди богатырских поэм о борьбе ногайцев с иноземными захватчиками можно выделить такие, как «Манашы», «Адиль-Солтан». Идеи патриотизма и защиты Родины от внешних врагов, национальной гордости преобладают в этих произведениях.

Период XV–XVII вв. в истории ногайского народа известен как «богатырский век ногайцев» и является эпическим временем былевой поэзии. Поэмы «Мамай», «Ормамбет», «Сорок ногайских богатырей» относятся к разным эпохам ногайской истории и отражают различные события. Однако при всем различии остается и нечто общее: их связывает общая идея осуждения кровавой междоусобной войны князей, стремления к единению ногайской земли. Положительные герои поэм хорошо понимают всю пагубность взаимной вражды мурз, которой пользуются враги ногайского народа. Эти поэмы сложились в

¹ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л., 1974. - С. 360.

² Там же. - С. 351.

³ Аджиев А.М. Героико-эпические сказания и песни // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 39.

Западном Казахстане, на территории Младшего жуза (Малой Орды), где в этот период происходила особенно ожесточенная борьба с родственными и иноплеменными соседями. В процессе этой борьбы в состав казахов Младшего жуза вошли в значительной степени и ногайцы, находившиеся на протяжении всего XV и XVI в. в теснейшем общении с родственными им казахскими племенами. По свидетельству казахских историков, «в памяти народа сохранился период «ногайлы», т. е. тесного сближения казахов и ногайцев, который запечатлелся как период расцвета Казахского ханства». В результате этих обстоятельств сказания о ногайских богатырях заняли прочное место в составе казахского героического эпоса, а в конечном счете и остальные исторические сказания этой группы оказались перенесенными в идеальное героическое прошлое «века ногайцев»¹.

Особого внимания заслуживает и эпическая поэма «Мамай». В ней повествуется о событиях, происходящих в XVI в. Семейные распри и междоусобные войны между сыновьями ногайского хана Мусы разоряют Ногайскую Орду. В центре внимания находится Мамай, призывающий к единению страны. Здесь Мамай выступает как мудрый и сильный правитель, которого боятся враги. Во времена правления Мамаю в Орде наступает период стабильности и спокойствия, прекращаются междоусобные войны.

Далее в поэме описаны исторические события, происшедшие в Ногайской Орде после смерти Мамаю². Со временем правления Мамаю связана и поэма «Эр Таргыл». В ней описаны подвиги ногайского богатыря Таргыла, совершаемые им во имя свободы и независимости Родины³.

Итак, в ногайском героическом эпосе представлен путь становления и развития ногайской государственности, стремление народа к единению. В нем в полной мере отражен патриотизм народа, его героическая борьба за независимость, за светлое будущее.

¹ Жирмунский В.М. Указ. раб. - С. 392.

² Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 71-72.

³ Там же. - С. 71-74.

В эпосе нашли отражение государственные институты, существовавшие в Ногайской Орде, общественный строй ногайцев, ярко представлено социальное неравенство и классовые противоречия.

В полной мере в эпосе отображен и духовный мир ногайцев. За политическими перипетиями и ратными подвигами ногайских батыров прослеживаются веками создаваемые морально-этические нормы, нарушение или неприятие которых осуждалось обществом. Народ презирал трусов, предателей, негодяев, относился к ним с отвращением. Супружеская верность, любовь к родителям воспеваются в эпосе с не меньшей силой, чем ратные подвиги батыров.

Эпические произведения имели большое воспитательное значение. Наполненные житейской мудростью, они воспитывали в людях лучшие человеческие качества, помогали в нравственном становлении молодого поколения. Помимо этого, героический эпос нес и познавательную нагрузку. С помощью эпических сказаний люди узнавали историю своего народа, о его героическом прошлом, воссоздавали хронологию исторических событий, давали им оценку. Героические песни, сказания несли в массы большой заряд жизненной энергии. Многие из них люди знали наизусть. Их исполняли на всех торжествах. Исполнителей героических поэм называли «йырау». Наиболее известными певцами прошлого являются Коркут, Шезбаян, Балашык улы, Кет-Буга Найманлы, Сыбра, Жиренше Шешен.

В довоенные годы в ногайских степях прославились своим исполнением героических песен Муса йырау, Касым, Идрис Исхак улы, исполнявшие цикл поэм «Сорок ногайских богатырей»¹.

Одним из наиболее крупных пластов устного народного творчества является семейно-обрядовый фольклор. Он сопровождал все важные события человеческой жизни, такие, как свадьба, рождение ребенка, похороны.

¹ Сикашев А.И.-М. Устное народное творчество ногайцев (к характеристике жанров) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Жанр и образ. - Черкесск, 1988. - С. 42.

Большое место в устном народном творчестве ногайцев занимает свадебный фольклор. В нем отражены основные этапы свадебного обряда: сватовство («айттырып келуьв»), помолвка («айттырув»), малая свадьба («кишкой той»), передача калыма, большая свадьба («уллы той»)¹. Перечисленные этапы сопровождались песнями – это свадебные плачи, прощальные, величальные песни, здравицы и т. д.

Брак у ногайцев был экзогамным. Экзогамия распространялась на всю фамилию до шестого поколения. Жители аула в основном принадлежали одному тухуму, и потому в большинстве случаев девушек выдавали замуж в другой аул, требуя за нее большой калым. Таким образом, многие семьи, где рождались девочки, обогащались. Так, родителей новорожденной девочки поздравляли со словами: «Кырк туварынъ хаирлы болсын» («Поздравляю тебя, и 40 быков пусть пользу тебе принесут»), т. к. за невесту семья жениха выплачивала калым скотом. Этому мы находим подтверждение в колыбельной песне:

Кызым, кызым, кыз тана
Кызымнан келер юз тана,
Юзеви де ак тана
Атасы тура мактана.
Айди, айди айдиав
Айди, айди кызымав.

Дочка, дочка – телочка,
От дочки мне сто телят,
Сто телят все белые,
И отец стоит хвастается.
Айди, айди айдиав
Айди, айди доченька.

Не каждая семья могла уплатить столь высокий выкуп, и многие ногайцы женились в возрасте 30-40 лет².

Нередки были случаи выдачи замуж за старого, нелюбимого. По сведениям И. Бентковского, «были и главы семейств в 60 лет, имеющие 16-летних жен»³. Как правило, девушку выдавали замуж без ее согласия.

¹ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – нач. XX в. - М., 1979. - С. 75-76.

² Там же. - С. 57.

³ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-мусульман, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. - Ставрополь, 1883. - С. 110-111.

Так как зачастую замуж выдавали против воли невесты, были известны случаи, когда девушка решалась на отчаянный шаг. Не смирившись с такой участью, девушка кончала жизнь самоубийством.

Терезеден куьн шыкты	За окном уж рассвело,
Куйдум Аваим!	Я сгорела, мама!
Шешекейли бавум ашылды	Расцвели цветы в саду,
Оьлдым Аваим!	Умерла я, мама!
Акь тонынны ягьасына	С белым воротом шубы,
Неттим Аваим!	Что я надела, мама!
Акь сутынды халал эт	Твое белое молоко
Кеттим Аваим!	пусть пойдет мне впрок,
	И ушла я, мама!

В большинстве случаев свадьба была радостным событием для обеих сторон. После сговора родителей жениха и невесты назначался день сватовства, обговаривались условия передачи подарков и назначался день свадьбы.

В условленный день свадебная процессия направлялась к дому невесты. У ворот дома невесты инсценировалась борьба с приехавшими, которые как бы старались ворваться в дом, а родственники невесты, в том числе ее отец и мать, с палками и кольями в руках препятствовали им в этом. Наконец, сторона жениха платила выкуп деньгами, и «борьба» прекращалась.

Когда все «препятствия» были преодолены, гостей приглашали в дом¹. И тут происходил церемониал обмена приветствиями в форме поэтического состязания.

Главный сват говорит:

Что синее там красиво?
Там синее пруд, яр-яр!
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!
Кто жуе листочки ивы?

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 89.

Молодой верблюд, яр-яр!
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!

На его приветствие сестра невесты отвечала так:

Вам, о сваты дорогие,
Рады мы сейчас, яр-яр.
В этот час мы не впервые
Речь вели о вас, яр-яр.
Мы приданым вас богатым
Удивим сейчас, яр-яр.
Мы сейчас покажем сватам
Бархат и атлас, яр-яр.
Нам не жалко для невесты
Красного сукна, яр-яр.
Средь подруг, своих ровесниц,
Ласточка она, яр-яр.

В ответ на слова сестры невесты сват отвечал:

На возах найдется место,
Каждый воз тяжел, яр-яр.
Если ласточка – невеста,
То жених – орел, яр-яр!

В это состязание вступала и сестра жениха. Ее слова были обращены к свату:

Милый сват, тебе я рада,
Выходи вперед, яр-яр.
Вот я шарик винограда
Положу в твой рот, яр-яр.
В дверь платочек мы протянем,
Кто его возьмет, яр-яр?
Пусть по очереди станем,
Кто звучней споет, яр-яр¹?

¹ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976. - С. 297.

После словесных состязаний, которые могли продолжаться долго, гостей усаживали за праздничный стол, угощали, развлекали музыкой.

Когда наступало время отъезда гостей и невесты, начинался ритуал прощания девушки с родителями. Невеста с плачем бросалась к матери. В песне, обращенной к отцу, звучали обида и упреки:

Айланайым, куват, элинънен,
Ак кув ушсын коблинънен,
Ак кувлайын занъыран
Кеттим, куват, элиннен.
Етегеним ети юлдыз еттим, акам,
Авырмалынъ менде болса, кеттим, акам
Яз келуъвим, кыс келуъвим койман, акам,
Аъвелгидинъ бир куъниндей болман, акам.
Эсигим алды татавыл,
Ойнаганым ят авыл,
Ак буъркеншик яр суъйреп
Мен де болдым ят авыл.

Обойду я твой родной аул,
Пусть белая лебедь улетит с твоего озера,
Как лебедь, издав звон,
Ушла я из своего родного аула.
Я до Большой Медведицы дошла (выросла), отец,
Если я была для тебя в тягость, я ушла, отец,
Летом, зимой навестить дом не забуду, отец,
Но не стану такой, как прежде, отец.
У порога моего – канава,
Попаду в чужой аул.
Белым покрывалом волоча по земле,
И я стала чужой, из другого аула¹.

После прощания с родителями невесту усаживали на красиво украшенную свадебную арбу и везли в дом жениха. По до-

роге подруги невесты пели песни. Они могли быть шуточными, как, например:

Эки ястык, бир тосек	Две подушки, один матрац
Котеригиз аркъагъа,	Взвалите на спину,
Келин алып келемиз	Невесту мы везем
Тамирландегъен манкъагъа.	Курносому Тамерлану.

Или же величальными. В таких песнях подруги подчеркивали обаяние невесты, богатство ее украшений, которыми обычно увешивали свадебное платье. К рукавам платья пришивали серебряные монеты, колокольчики. Грудь невесты украшала подвеска (мойтумар)¹, тонкую талию подчеркивал серебряный пояс.

Наша невеста обаятельна, яри-яр!
На груди красивые украшения, яри-яр!
На руках браслеты, яри-яр!
А колечко очень тонкое, яри-яр!
Колечко упало в родник, яри-яр!
Серьги малы для ее ушей, яри-яр!
Мы – девушки, юноши – идем, яри-яр!
К жениху домой в гости, яри-яр²!

В доме жениха невесту и гостей встречала будущая свекровь, родственники. Мать жениха поздравляла невесту с приходом в новый дом, желала ей счастья, здоровья, много детей, достатка.

На свадьбе произносили многочисленные пожелания, поздравления. Вот одно из благопожеланий, произносимых в адрес невесты в момент ее приезда в дом жениха.

Келин кирсин, кыз шыксын,
Кынъгыр кирсин, туъз шыксын,
Бизге келген келин

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 91.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 167.

² Халилов Х.М. Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. - Махачкала, 1985. - С. 37-38.

Хайырлы аягы ман,
Наьсиби ерден шыккан оьлендей,
Кокктен явган ямгырдай болсын,
Экевининь бавы бек болсын,
Оьмирлери узак болсын
Сыйырлары суьтли болсын,
Оьгизи куьшли болсын,
Аты шапкыш болсын,
Алганы тапкыш болсын,
Наьсиби артык болсын¹.
Невестой войдет, девушкой выйдет,
Кривой войдет, прямой выйдет,
Невеста, пришедшая к нам
С счастливой ногой будет,
Счастья пусть будет столько,
Сколько травы на земле и дождя с неба.
Жизнь пусть будет долгой,
Пусть коровы будут молочные,
Быки сильные,
Кони быстрые,
Чтобы умелой была
Счастья вдоволь было.

Благопожелания в адрес жениха и невесты звучали и в свадебных здравицах. Так, в старинной ногайской здравнице поется:

Пусть дом этот будет счастлив и богат,
Достаток его прибудет.
Пусть по верблюжонку вам народят
Все восемь ваших верблюдиц!
И пусть удой их будет неплох,
Чтобы доили их восемь снох!
Пусть изобилье пошлет вам творец.
Пусть будут возы от поклажи тяжки.
Рождаются пусть у ваших овец
Только двойняшки.

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 72.

Этому дому, бог наш Кудай,
Кипчакских кобыл во множестве дай!
Пусть будет угодно тебе и сподручно
Устроить все так, чтоб сбылась их мечта.
Чтобы счастливо на пастбищах тучных
Паслись все четыре вида скота.
Пусть счастье придет, пусть плукает недолго,
Пусть будет проворным, как перепелка.
Пусть дом удача не покидает.
Пусть здесь не знают недобрых вестей.
Пусть в этом доме не иссякает
Вовеки хлеб-соль для желанных гостей¹.

Из текста здравицы видно, что достаток дома связывают с увеличением поголовья скота. В здравнице прослеживаются следы религиозных представлений ногайцев. Так, просьбы и мольбы о благополучии новой семьи обращены к древнетюркскому богу Кудая. Упоминается также и один из древних обычаев ногайцев - обычай гостеприимства.

Итак, анализируя свадебный фольклор ногайцев, можно утверждать, что свадьба – это один из важных этапов в жизни человека. В свадебных песнях, здравицах отражены мечты и чаяния людей, их представления о лучшей жизни.

Благопожелания, сказанные молодым, должны были стать залогом их счастливой семейной жизни. Люди издавна верили в магию слова, в его чудесную преобразующую силу. С помощью слова люди пытались изменить судьбу в лучшую сторону. Одной из таких попыток были свадебные песни, здравицы, благопожелания.

Самое раннее знакомство человека с устным народным творчеством происходило через колыбельные песни. Они являлись средством воспитания через приобщение ребенка к человеческой речи, знакомства с окружающими людьми, предметами. Созданные женщиной-матерью и предназначенные для усыпления ребенка, они отразили не только глубокое чувство материнской любви, свойственное женщинам всех народов и времен, но

¹ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976. - С. 295.

и многовековой опыт народа по воспитанию детей¹. Колыбельные песни успокаивали ребенка, голос женщины создавал атмосферу покоя, уюта, защищенности. Песни были пронизаны любовью к малышу. Их пели детям мамы, бабушки, тетки. Женщины исполняли колыбельные песни, в основном те, что сложили сами. В них отражались самые заветные желания, надежды, связанные с воспитанием ребенка и его будущим. Колыбельные песни содержали много своеобразных, удивительно ярких сравнений и эпитетов, порой свойственных только этому жанру народной лирики.

Так, в колыбельной песне поется:

Меним бебем ап-пак	Мой малыш беленький-беленький,
Ак пыслак тай,	Как сыр, как сметана,
Суттен шыккан каймактай	Как белый сыр, золотце,
Ак пыслак тай алтынным,	Как фрукты в саду,
Бавда биткен емисим	которыми не насытишься.
Адам ашап тоймастай.	

Такие сравнения наблюдаются в колыбельных песнях и у других народов Дагестана. Например, девочку сравнивают с «вишней из Голотля», «тиндинской фасолью», ароматной грушей, красным яблочком, гранатом, орешком, мальчика ласково называют зайчиком, медвежонком, волчонком, голубем, беленьким ягненком, чернооким орлом². По мнению исследователей, наделение ребенка различными эпитетами в колыбельных песнях без произнесения имени оберегало его от сглаза, что является отголоском культового запрета³.

В колыбельных песнях нашли отражение и повседневные домашние занятия женщин.

Так, в колыбельной песне мальчику поется:

Лаъв-лаъв, бала, лаъв, бала,	Баю бай, дитя, баю бай,
лаъв, даъв болса, не бола	

¹ Мусаева М.К. Хваршины XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1995. - С. 114.

² Абакарова Ф.З. Детская поэзия // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 219.

³ Там же. - С. 212.

Айланайым, кетейим,
Актан каптал этейим,
Кокьктен туъйме туъейим...

Вокруг тебя обойду, пойду,
Из белого тебе бешмет сошью,
Из синего пуговку пришью...¹

В колыбельных песнях нашло отражение и социальное неравенство, существовавшее в ногайском обществе в исследуемое время.

У меня сыночек родился,
В красную рубашку нарядился,
Снял сыночек мой свою обновку
И сушить повесил на веревку.
Проходила мимо дочка бая,
Заспешила, глаз не поднимая.
Дочке хана проходить случилось,
Глянула она и рассердилась.
Проходила дочка бедняка –
Полюбила моего сына².

Или:

Кедем, кедем, кеделес,
Кеделер мен тоъбелес,
Тоъбеге барып мал уълес,
Тоъмен барып кыз тилес,
Тоъмен бай кызын бермесе,
Уъйин артын барып тес³.

Сынок, сынок, сыночек,
С мальчишками дерись,
На холме скот раздай,
В низину сойди, девушку попроси,
Если местный бай дочь не отдаст,
Сзади дом его разрушь (имелось в
виду продырявь юрту – М.Г.).

В колыбельных песнях представлен и женский взгляд на любовь, дружбу, представления о счастливой жизни.

Итак, колыбельные песни отличаются задушевностью, т. к. в них в полной мере проявляется безграничная материнская любовь. В них женщина-мать выражает все свои надежды и

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 113-114.

² Песни народов Дагестана. - С. 448.

³ Ай, Айданак: Народные колыбельные и детские песни. / Сост.: С. Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 88.

чаяния, мечты о том, какими она хочет видеть своих детей. В колыбельных песнях мать представляет сына будущим героем, защитником Родины, храбрецом, тружеником, красавцем-удальцом, наделенным высокими нравственными качествами, а дочь – спокойной, тихой, трудолюбивой красавицей.

Помимо всего, колыбельная песня несла определенную воспитательную функцию, являлась первой ступенью в музыкальном развитии ребенка.

Одним из древних и наиболее немиграционных жанров устной народной поэзии является похоронный плач¹.

Плач – это выражение скорби по умершему в стихотворной форме. Плач-притиание ногойцы называют «бозлав». У ногойцев по усопшему притиали громко, так, чтобы его услышали соседи, родственники и жители соседнего аула. Обычай требовал участия в оплакивании и притиании всех родственников и даже посторонних.

Среди ногойских женщин были профессиональные плакальщицы, которых специально приглашали для оплакивания покойника. Когда роль плакальщицы выполняла посторонняя женщина, родственницы должны были прекратить свои притиания и молча ее слушать². Узнав о жизни усопшего от родственников, плакальщицы слагали притиания.

Они были построены в форме обращения к покойнику: почему он покинул их, на кого оставил родителей, жену, детей и т. д. Покойники наделялись высокими нравственными качествами, даже если они ими не обладали при жизни. В плачах передавались безутешная боль, переживания родственников по усопшему, особенно если из жизни уходили молодые люди.

Так, в плаче по молодой девушке воспеваются ее красота, молодость, те украшения и предметы, которые окружали ее при жизни.

Ах-хай, кызым, ай, бебем....
Касы яйлай керилип,

Ай-хай, доченька, ай, дитя...
Брови твои, словно лук,

Кирпиги окътай тоьгилип,
Юзик касы йылтырып,
Алтын кусак сылтырып.

Ресницы – стрелы – позумент,
Камень на кольце твоём светит,
Золотой пояс звенит.

В плаче по безвременно ушедшему юноше приводятся другие сравнения.

Хан ялалы, бий сынлы
Илгери банкан тилекли,
Ийиллиген темирдей,
Ат басындай юреккли.
Аюв сынла ол оьзи,
Батыпир биткен билеккли,
Адаганда акыл табаган,
Алты юртка ол оьзи,
Кайтнай карсы шабаган,
Яз куьниндей яйнаган.
Яв коьргенде ол оьзи
Эки коьзи кайнаган¹.

С ханским размахом, с бийским станом,
Дальновидный, негнущийся, как железо.
С сердцем с голову коня.
С медвежьей силой,
Богатырской хваткой.
В трудную минуту решение находящий,
На шесть юртов (аулов) выходящий один.
Не отступающий никогда.
Как летний день, ясный.
При встрече с врагом
Глаза закипали.

Молодую хозяйку дома в плаче изображали щедрой, хлебосольной, называли княжной, красавицей и т. д.

Бийкелердинъ бийкеси,
Бийик тактынъ иеси,
Тастарын орай салынган,

¹ Халилов Х.М. Поэзия скорби // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 168-170.

² Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 128.

¹ Ногойские народные песни / Сост.: С.А. Калмыкова. - М., 1969. - С. 115-116.

Тамагынынъ астыннан
Ишкен асы коьринген
Тувмагалы уьйдинъ иеси,
Толгысыган коьп наьвметтинъ маьнеси...¹
Среди княгинь княжна,
Высокого трона хозяйка
В красиво накинута платке.
Через горло видно то, что ела.
Прекрасного крыльца хозяйка,
Хозяйка всего добра...

Создавали похоронные плачи исключительно женщины. Оплакивали усопших как женщины, так и мужчины, каждый в своем кругу.

Итак, несмотря на представление мусульман о загробном мире, как о лучшем, вечном, смерть близкого человека воспринималась людьми болезненно. Проводы в мир иной сопровождалась плачем, в котором родственники усопшего выражали всю скорбь и горечь утраты.

Другим жанром в устном народном творчестве являются сказки. Они занимают особое место в устном творчестве ногайцев. В них отражены мировоззрение народа, его миропонимание и представления о справедливости, о светлом будущем. Герои сказок наделены лучшими человеческими качествами: храбростью, честностью, благородством, готовностью прийти на помощь слабому, беззащитному, любовью к Родине и т. д.

Сказки любили слушать не только дети, но и взрослые. Обычно их рассказывали вечером, когда старшие завершали все работы по хозяйству.

Почти в каждом ауле был старик или старуха, которые знали много сказок. У рассказчиков собирались не только соседи, но иногда и половина аула. Многое зависело и от умения рассказчика интересно и красочно преподнести сказку. В этом ему помогали интригующие захватывающие зачины, уводящие слушателя в далекие, почти «сказочные времена». Например: «В давние времена, когда пшеница росла на льду, а просо – на кам-

не, когда ханская дочь была кадием, а скворец – колдуном, в той стороне, где встает солнце, жил богатый хан». Или: «В давние-давние времена, когда козы ходили толстыми, когда из черной воды сметану получали, а сухое дерево фрукты давало, лебеди без крыльев летали, а воробей жил в воде, когда жаворонок был иноходцем, быстрым, как поток, жил один старик».

Рассказывание сказок – это одна из форм проведения досуга. Нередко вечерами у рассказчика люди делились новостями, обсуждали чьи-то поступки и, как правило, итогом этих разговоров была сказка, в которой как бы преломлялись события реальной жизни и оценивались поступки людей.

Сказки всегда несли в себе нравственную, этическую нагрузку, и из них каждый слушатель извлекал для себя урок.

Ногайские сказки делятся на три группы: волшебные, о животных и бытовые.

Особой любовью у ногайцев пользовались волшебные сказки. Обычно герои таких сказок отправляются в другую страну за чудесными предметами или невестой. Они наделяются положительными качествами, помогающими им выполнить почти невыполнимые задания и с честью вернуться домой, но в этом им почти всегда помогают животные: волк, лиса, собака, кошка, змея и т. д.

Так, в сказке «Золотой петух»¹ юноша Яурынтак подвергается жестоким испытаниям, справиться с которыми ему помогает волшебный орел.

Героям волшебных сказок помогают и чудодейственные предметы. Так, в сказке «Три девушки и четыре елмавыза»² девушкам, попавшим в беду, помогают, на первый взгляд, самые обыкновенные предметы: кусочек бараньего сала, зеркальце и гребень.

В волшебных сказках нашли свое отражение и религиозные представления ногайцев. Герои сказок вступают в неравную схватку с такими демоническими персонажами, как аздаа, ал-

¹ Ногайские народные песни. - С. 115.

¹ Ногайские народные сказки. / Сост.: А.Ногай. - М., 1979. - С. 20-27.

² Там же. - С. 129-132.

баслы, див, оборотень, джинн. Встречаются сюжеты, в которых демоны помогают героям¹.

В репертуаре волшебных сказок ногайцев особенно часто обыгрываются семейные конфликты. Это сказки о мачехе и падчерице: «Луноликая девушка», «Мачеха», «О падчерице»².

В ногайских сказках встречается и такой сюжет, когда в роли бедной падчерицы выступает юноша-сирота, а в роли злой мачехи – перодные братья («Семеро братьев»)³.

В волшебных же сказках соперницами бывают и родные сестры («Прекрасный юноша в змеиной шкуре»)⁴.

К разряду волшебных относятся и богатырские сказки. Такова серия ногайских сказок о подвигах батыра Бекбулата.

Героям богатырских сказок помогают не чудодейственные предметы и чародейство, а их природная сила и безграничная любовь к своему народу, к Родине.

Следующую группу ногайских сказок составляют сказки о животных, которые делятся на комические (в них речь идет о проделках животных-хитрецов) и аполог (нравоучительные сказки).

Героями сказок здесь выступают представители степной фауны: орлы, волки, лисы, змеи, ежи, зайцы, ласточки и т.д. В сказках одних наделяют положительными человеческими качествами, других – отрицательными. Они умеют говорить, мыслить, рассуждать, различать добро и зло. В комических сказках животные-трикстеры не заботятся о соблюдении моральных норм, и сильный, но глупый всегда становится жертвой жестокой проделки более слабого пройдохи⁵.

В сказках о животных можно проследить один из основных признаков мифа – этиологизм. Этиологические сказки родственны легендам, в которых объясняются различные природные явления. Такие сказки обычно начинаются с формулы, указывающей на мифические времена: «Когда-то давным-давно

люди, птицы и звери говорили на одном языке» или «В давние времена люди, как и звери, ели траву» и т. д., а характерной этиологической концовкой считаются слова: «С тех пор...», «С тех времен...».

В сказке «Змея, ласточка и комар», бытующей у ногайцев и кумыков¹, объясняется, почему змея ест лягушек, у ласточки раздвоен хвост, а комар произносит только звук «ззз», а в сказке «Спор орлов и саранчи»² – почему на земле орлов меньше, чем саранчи. Объясняют сказки и появление орудий труда³.

Наибольшее распространение у ногайцев получили бытовые сказки. Они пользовались большой любовью и были разнообразны по сюжету. Бытовые сказки характеризуются, как правило, социальной направленностью. В них осмеиваются представители господствующих сословий и всякого рода человеческие недостатки: глупость, болтливость, жадность. Героями бытовых сказок являются простые люди: старик-бедняк, бедный юноша, девушка. Их противниками являются представители эксплуататорского класса: хан, бай, мулла⁴. Иногда героем в сказках выступает мулла, которого народ представляет жадным и глупым. В сказке «Молла и овца»⁵ высмеивается глупый мулла, который поверил старику, что овца может задрать волка.

Целый цикл ногайских сказок посвящен ловким ворам («Конокрады», «Воры и мулла»), хитрецам («Находчивый бедняк»⁶, «Хитрый мельник и старик ногаец»)⁷. Сказки этой группы всегда комические и близки к анекдотам. В них объектом одурачивания и постоянных насмешек становится жадный и глупый богач. Различные проделки, хитрость и обман ловкача-вора не осуждаются народом, наоборот, все его действия воспринимаются как торжество справедливости, даже если оно достигается нечестным путем.

¹ Ганиева А.М. Сказки о животных // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 361.

² Ногайские народные сказки. - С. 11-12.

³ Там же. - С. 13-14.

⁴ Там же. - С. 386.

⁵ Там же. - С. 172-173.

⁶ Там же. - С. 156-157.

⁷ Там же. - С. 166-168.

¹ Там же. - С. 47-55.

² Ногайские народные сказки. - С. 140-143, 178-180, 138-142.

³ Там же. - С. 147-149.

⁴ Там же. - С. 109-116.

⁵ Там же. - С. 18-20.

Следующую группу бытовых сказок составляют семейно-бытовые сказки. Их тематика многообразна. Касаясь общечеловеческих пороков и недостатков (таких, как лень, упрямство, глупость, невежество, супружеская неверность, трусость и др.), сказки дают им свою коллективную оценку, утверждающую высокие моральные качества и нравственный идеал народа¹.

Особую группу бытовых сказок составляют новеллистические сказки. Главной отличительной особенностью новеллистических сказок является уменьшение в них фантастичности, волшебства и приближенность к реальной жизни, воплощение общечеловеческих тем и идей, утверждение лучших человеческих качеств².

Одна из тем новеллистических сказок – это тема поиска счастья. Герой сказки в поисках счастья отправляется в дальние страны, в пути с ним происходят всевозможные происшествия, встречи. Типичными являются схожие по сюжету ногайская сказка «Бектур» и кумыкская сказка «Об искателе счастья», в которых рассказывается о герое-бедняке, задумавшем отправиться на поиски «хозяина счастья».

Не осталась без внимания и такая житейская ситуация, как раздел имущества (сказка «Три сына»). Эта же тема получила распространение и у других народов Дагестана³.

Большое распространение среди новеллистических повествований получили сюжеты, связанные с традицией бытовых сказок. Взаимоотношения в семье составляют основу многих подобных новелл. В одних случаях это коварство и жестокость мачехи, отказавшейся от детей мужа и требующей их изгнания, в других козни невестки, в третьих – скитания в поисках заработка брата и сестры, изгнанных из дома родителями, и т. д.

Некоторые сказки настолько приближены к реальной жизни, что многие старики искренне верят в то, что рассказанное действительно имело место. Так, в одной из них повествуется, что давным-давно жили старик со старухой и их дочь. И бы-

¹ Алиева Ф.А. Бытовые сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 411.

² Там же. - С. 421.

³ Там же. - С. 425.

ла у них собака. Они так любили собаку, что она превратилась в девушку, точь-в-точь похожую на их дочь. Старик со старухой даже не могли различить, где их дочь, а где собака. Прошло время, дочери выросли, и родители выдали их замуж. Через некоторое время захотелось старикам навестить своих дочерей. Приехали они в гости к одной дочери. Свекровь со свекром хвалят сноху – не нахвалят. И хозяйка она хорошая, и приветлива всегда. Обрадовались родители и поехали в гости к другой дочери. Зашли в дом к сватьям и спросили, как живет их дочь, слушается ли их? А сватья как начали жаловаться на их дочь, что покоя им от нее нет и характер у нее скверный, как у собаки. После этих слов поняли старик со старухой, какая из них их дочь.

Ногайские сказки имеют интернациональные корни и представляют собой различные переработанные варианты сказок народов мира, представляющие собой образцы коллективного устного творчества, с деталями местных хозяйственно-бытовых и культурных традиций. Так, у ногайцев бытуют варианты сказки «Конек-горбунок», «О царевиче и сером волке», «Золушка» и т. д.

В сказках прослеживаются национальные черты, морально-этические нормы, особенности хозяйственной деятельности, быта и жизненного уклада. Так, герои сказок шьют шубы, бешметы, чепкены, трудятся: пасут скот, ловят рыбу, охотятся, обрабатывают землю и т. д. Нашли отражение в сказках и классовые противоречия – хан – бедняк, социальное неравенство: золотой дворец – бедная юрта.

Предметом споров являлись лошади, верблюды, мука и т. д.

Итак, мир сказок богат и разнообразен, в них отражены мировоззрение и мироощущения людей, их отношение к реальному миру. Через сказку люди выражали свои чувства к Родине, готовность пожертвовать собой ради нее. Сказки поучали не только детей, но и взрослых. В них содержится богатый этнографический материал, отражающий хозяйственно-культурные традиции этноса.

В фольклоре ногайцев большое место занимают пословицы («такпаклар») и поговорки («айтувлар»). Пословица – в современном употреблении общеизвестное, образное, афористич-

чески сжатое изречение с поучительным смыслом, основанным на жизненном опыте или каких-то правилах общественного бытия¹.

Поговорка – «это устойчивое речевое выражение, иносказание, образно отражающее существенные стороны, признаки общественного поведения и психологию людей, метко характеризующее связи и отношения вещей и явлений»². Особенностью пословиц и поговорок является то, что они взаимообразны, т. е. пословица – «замкнутое клише» – может перейти в поговорку «незамкнутое клише» и наоборот³. Приведем несколько примеров: «Авырмаган баска явлык байламай» – («Здоровую голову платком не перевязывают») (посл.). «Авырмаган баска явлык байлап» («Здоровую голову платком перевязывать») (погов.); «Элек пен сув тасымайдылар» («В сите воду не носят») (посл.), «Элек пен сув тасымакъ» («В сите воду носить») (погов.).

В пословицах и поговорках нашли отражение жизненный опыт, семейно-бытовые отношения, исторические события и т. д.

Героическое прошлое ногайского народа, конкретные исторические факты, любовь к Родине отражены в поговорках и пословицах.

Например, «Тувган элдинъ ери-еннет, сувы – сербет» («Родная земля – рай, а вода в ней щербет»), «Мысырда патша болганша, элинъде шобан болган къолай» («Чем быть падишахом в Египте, лучше быть чабаном на Родине»), «Азав, Крым яным, халкым яшаган элим» («Азов, Крым – родина моего народа»), «Куыш бирликте» («Сила в единстве»), «Душпан досынъ болса, белинъде балтанъ болсын» («Если враг стал другом, за поясом топор держи»), «Орыска ынанма, сувга таянма» («Русскому не верь, на воду не опирайся»), «Орымда улым бар, Кырымда кызым бар» («В доме сын, в Крыму – дочь»), «Элин саткан, ярык куын коьрмес» («Кто Родину продал, тот светлого дня не увидит»), «Элин муткан, тилин мутар» («Кто Родину забыл, тот и язык забудет»), «Орактын Орак болувы – ол да Мамай ар-

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1991. - С. 102.

² Гасанов М.М. Пословицы и поговорки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 433.

³ Там же. - С. 433.

касы» («И Орак Ораком бы не был, если бы не Мамай»), «Калмык мынан дос болсанъ, бере, бере, беребер, казак мынан дос болсанъ, ала, ала, алабер» («Если с калмыком дружишь – то давай, давай, давай, если с казаком – бери-давай»). Здесь, видимо, сказались враждебные в прошлом взаимоотношения ногайцев с калмыками из-за территориальных споров и дружеские с казаками.

Много пословиц и поговорок отражают хозяйственную деятельность ногайцев. Так, например: «Язда мыйы къайнагъаннынъ къыста къазаны кайнар» («У кого летом мозг кипит, у того зимою котел кипит»), «Къыркъ йыл сабан суьрсень къызыл алтынга батарсынъ» («Паши сорок лет – дойдешь до золота»), «Сабан туьби – сары алтын» («Нижняя часть плуга – желтое золото»), «Язда тырнаган – куьзде йырлар» («Кто летом землю хорошо обработал, тот осенью песни петь будет»), «Яздын куьни, кыстын токсан куьнин саклар» («Один летний день девяносто зимних дней прокормит»).

Пословицы и поговорки, связанные с земледелием, создавались в основном кубанскими ногайцами, которые в силу благоприятных климатических условий занимались земледелием. У степных же ногайцев основным видом хозяйственной деятельности было скотоводство. И это отразилось в ряде пословиц и поговорок. Так, ногайцы говорят: «Аш айван ойнамас» («Голодная скотина резвиться не будет»), «Бир койдан эки тери алынмас» («С одной овцы две шкуры не снимут»), «Сыйыр сувга ятпас» («Корова в воду не ляжет»), «Сыйыр алсанъ, савып ал, суьтин ишип ал» («Прежде чем купить корову, отведай ее молока»), «Сыйырдынъ суьти – тамагында» («Молоко коровы зависит от ее корма»).

Лошадь занимала весьма важное место в жизни ногайцев. Ее использовали как в военных целях, так и в хозяйстве. Ногайцы говорят: «Йылкы малдынъ патшасы» («Конь – падишах скота»), «Ат аясанъ бир йыллык, аямасанъ бир куьнлик» («Коня сбережешь на год, не сбережешь на день»). «Ат яллы болар, тон ягалы болар» («Конь бывает горячим, а тулуп с воротником»). «Ат – мурат» («Конь – мечта»), «Аьруьв деген атка мингендей» («Хорошее дело подобно седланию коня»), «Ялгыздынъ куьни каранъа, явдын куьни сорама» («Дни одинокого человека тем-

ные, о дне пешего и не спрашивай»). «Атсыз – канатсыз» («Без коня – как без крыльев»), «Бир атка эки камыс салынмас» («На одного коня два хомута не наденешь»), «Кулын асыраган ат минер» («Воспитывающий жеребенка на коня сядет»), «Киси атына минген тез туьсер» («Севший на чужого коня быстро слезет»), «Юйрик атка – тегис йол» («Быстро коню и дорога ровная»), «Кулан кувган шань кувар» («Гонящийся за жеребенком за пылью гоняется»), «Ат юйригин ийт суьймес» («Быстро коня собака не любит»).

Большой пласт пословиц и поговорок посвящен семейно-бытовым отношениям: роли отца в семье и месту жены-матери, взаимоотношениям отцов и детей. «Атадан калган эсинде калар» («Сказанное отцом останется в памяти»), «Атадан разылык алмаган, кабырда парахат ятпас» («Кто послушался отца, тому в могиле спокойно не лежать»).

Женщина-мать в ногайских пословицах занимает особое место. Она хранительница очага, стержень семьи: «Атасы бирдинь малы бир, анасы бирдинь яны бир» («У родственников по отцу – имущество общее, у родственников по матери – душа общая»), «Атасы йок – ярты етим, анасы йок – керти етим» («Не имеющий отца наполовину сирота, не имеющий матери – круглый сирота»), «Ата – ездей, ана – казна» («Отец – медь, а мать – сокровище»), «Анадынь суьти балдан таьтли» («Материнское молоко слаще меда»), «Ана – тоьрде янган шырак, ата – тоьрде олтырган конак» («Мать в доме – свет, отец – гость»), «Аьел басы – эр, хатын – мойын» («Муж – голова, жена – шея»), «Хатын – уьйдин шырагы» («Женщина – свет в доме»), «Хатын – эр балтасынынь сабы» («Жена топорище топора мужа»).

Семья без детей считалась неполной, наличие же их всегда было радостью. Так, ногайцы говорят: «Баласыз уьй – емимсиз терек» («Дом без детей – что дерево без плодов»), «Балалы уьй – базар, баласыз уьй – мезар» («Дом с детьми весел, дом без детей – кладбище»), «Баласы уьй – саьвлели уьй» («Дом с детьми – солнечный дом»), «Бир бала йокка эсап, эки бала бирге эсап, уьш бала барга эсап» («Один ребенок – не ребенок, двое детей – один ребенок, трое – дети»), «Кыз – коьнбил, уьыл – коьздинь нуры» («Дочь – душа, сын – свет очей»).

В фольклоре также отражены особенности общественного быта ногайцев. Главной темой этих пословиц является идея сплоченности, единения, добрососедства.

«Аьылдасынь ким болса, аданасын сол» («Кто твой сосед, тот твой родственник»), «Боблинген койды боьри ашар» («Разделенную отару волки съедят»), «Бес камышы кайда болса, берекет сонда болар» («Где пять плеток, там и благодать»), «Бирлик болса, берекет болар» («В единстве счастье»), «Бир кой териден тон шыкпас» («Из одной овечьей шкуры шубу не сшить»), «Бир канат пан кус ушпас» («С одним крылом птица не полетит»), «Етевдин тили бириксе, ети тав авдарар» («Семь человек одного мнения – семь гор перевернут»), «Халк кескен бармак канамас» («Палец, отрезанный народом, не кровоточит»), «Бир тас пан тав болмас, бир кус пан яз болмас» («Из одного камня гора не получится, а с прилетом одной птицы весна не наступит»).

В пословицах и поговорках ногайцев нашли отражение и идеи гостеприимства. «Аьдем конаксыз болмас, кус канатсыз болмас» («Человек без гостей не бывает, птицы без крыльев не бывает»), «Конак атаньан уьйкен» («Гость старше отца»), «Алтыдагы конаккъьа келсе – алпыстагы турып алдына шыгьар» («Когда шестилетний приходит в гости – шестидесятилетний поднимается навстречу»), «Конак келсе конар, кой семизи соьылар» («Гость придет – жирного барана зарежут»), «Конак алгысы алтыннан артык» («Благопожелания гостя дороже золота»), «Конактан сорап бергенше, соьып бер» («Прежде чем что-то спросить у гостя, сначала накорми его»).

Пословицы и поговорки ярко изображают картину социальных взаимоотношений, противоборство и антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, социальное неравенство. «Байдынь кызы оьлмей, ярлыдынь кызына куьн тувмас» («Пока дочь богача жива, для дочери бедняка солнце не взойдет»), «Аьызы кыйсык болса да, байдынь улы соьйлесин» («Если даже у сына богача рот кривой – пусть лучше он говорит»). «Ярлы кисины яманлап куванар» («Бедного всюду гонят»), «Ярлы ятса оьлер, бай юьырса оьлер» («Бедный ляжет – умрет, богатый побежит – умрет»), «Ярлы адамга кундаксыз тоьекте атыла» («В бедного человека и незаряженное ружье стреляет»), «Ярылдынь

улы болганнан, байдынъ кулы бол» («Чем быть сыном бедняка, лучше быть рабом богача»), «Кулдан тувган кул болмас, яман тувган кул болар» («Рожденный от раба рабом не станет, рожденный от плохого (человека) рабом станет»).

Народная мудрость и наблюдательность не обошли своим вниманием и религиозную тему. Поговорки и пословицы о боге и представителях духовенства пронизаны острой сатирой. «Аллага аманат, моллага бир маънет» («На Аллаха уповай, мулле один рубль давай»), «Аллага ынынган, аш калган» («Аллаху поверил – голодным остался»), «Молладынь оъзи тойса да коъзи тоймас» («Мулла хоть и наелся, а глаза его не насытились»), «Моллага келим мараздан, йыравга келим – тойдан» («Мулле прибыль от болезней, певцу прибыль от свадьбы»), «Молла тарылы ердинъ тавыгъы, этли ердинъ мысыгъы» («Там где просо мулла курица, там где мясо – он кошка»), «Моллагъа ювык барма – байсанъ оъзи келер» («Не подходи близко к мулле, если ты разбогатеешь – сам прибежит к тебе»).

Особым почетом и уважением в народе пользовались люди, стремящиеся к знаниям. В поговорках и пословицах ногайцы высмеивали бездарей и восхваляли людей, стремящихся к знаниям. «Билим балдан таътли» («Знания слаще меда»), «Билим сатылып алынмас» («Знания не купишь»), «Билим уьшин яша, яша оқы уьшин» («Живи ради знаний, учись ради жизни»), «Коьп оқыган коьп билер, коьп юрген коьп коьрер» («Кто много читает – тот много знает, кто много ходит – тот много видит»), «Билим – йигиттинъ канаты» («Знания – крылья джигита»), «Обзининъ акылсызлыгын билмеген, баскадынъ асылын куьллер» («Своей глупости не замечая, чужому уму завидует»), «Обзин билмегенди, билгенлерден уьйрен» («Тому, чего сам не знаешь, научись у того, кто знает»).

Лучше всего в пословицах и поговорках отражены морально-этические нормы ногайцев, их представления о добре и зле, справедливости и благородстве, о людских достоинствах и пороках.

С помощью пословиц и поговорок взрослые учили молодежь жизни. Так, в народе говорят «Эр – элдинъ ырызы» («Мужчина – совесть народа»), «Эр йигит эли уьшин тувады» («Смелый джигит для Родины рождается»), «Йигит оьлсе даны

къалады» («Смелый умирает – слава остается»), «Йигит оьлсе де, соъзи оьлмес» («Слово джигита не умрет»).

С помощью пословиц и поговорок воспитывали в детях такие необходимые человеческие качества, как:

Последовательность в поступках: «Бир колынья эки харбуз тутпас» («В одной руке два арбуза не держат»), «Эки кемедин басынь туткан сувга батар» («Кто за две лодки держится – тот в воде утонет»).

Скромность: «Озинди озин магтама, аьдемлер магтасын» («Сам себя не хвали, пусть люди похвалят»).

Доброта: «Яхшы соъз йыланды иннен шыгарар» («Хорошее слово змею из норы выманит»).

Совесть: «Намыс отган куьшли» («Совесть сильнее огня»), «Намысы бардынъ наьсиби бар» («У кого есть совесть – у того есть счастье»), «Намыс кирлиги кум ман ыскаласа да таймас» («У кого есть совесть – у того ее не отнять»)¹.

Храбрость: «Сувда йол табар, кумда сув табар» («В воде дорогу найдет, в песке воду найдет»).

Трудолюбие: «Бел аьвиртпай, бежен толмас» («Без боли в пояснице амбар не наполнится»), «Балык суьйген этигин сувга манар» («Кто рыбы хочет – тот ноги намочит»), «Ислеменген – тислемес» («Кто не работает – тот не ест»), «Казанынъа не салсанъ, шоьмишинъе сол шыгар» («Что в котел положишь – то половником достанешь»), «Терлеп ислеген гойып ашар» («Кто в поте лица работал – тот сытно поест»), «Обзинъ тапкан оьтпек таътли» («Заработанный своим трудом хлеб сладким бывает»).

Осмотрительность, осторожность: «Уьй авлак деп соьй-леме, уьй артында кулак бар» («В доме не говори, как в поле, за домом ухо есть»), «Уьй меники деме, уьй артында киси бар» («Не думай, что дом твой, за домом человек есть»), «Кулак экев, тил бирев, эки тынъла, сак соьле» («Два уха, язык один, двумя слушай, говори осторожно»).

Самокритичность: «Эшки куьледи койдын коты коренеди деп» («Коза над овцой смеется, что зад виден»), «Эки эли

¹ См.: Мудрое слово дороже богатства. Ногайские народные пословицы и поговорки. / Сост.: Т.А. Акмацбетов. - Махачкала, 1991.

йыртык бир эли йыртыкка куылер» («Две дырки над одной дыркой смеются»).

Резко осуждаются в пословицах и поговорках людские пороки. Так, в них порицаются жадность: «Ас кетер, бет калар» («Еда закончится, лицо останется»), лень: «Эриншектинъ ойы уйкы болар» («У ленивого одна дума – сон»), трусость: «Баьтир бир оьлер, коркак мын оьлер» («Храбрец один раз умирает, трус – сто раз»), ненасытность: «Тамак уьшин тавга минер» («Из-за желудка на гору взойдет»), чревоугодие: «Оьзи тойсада, коьзи тоймаган» («Сам наелся, а глаза не наелись»), торопливость: «Алгасаган сув тенъызге етпес» («Торопливая река до моря не дойдет»), глупость: «Акылсыздын завкы артык» («У глупого больше радостей»), лживость: «Ялган соьз ян юбантпас» («Лживые слова душу не радуют»), «Ялганнан ашшы зат йок» («Горше лжи ничего нет»).

Итак, пословицы являются результатом многовекового опыта людей. Они отображают представления о мире, взгляды на жизнь. В них нашли отражение классовые противоречия, социальное неравенство. В пословицах отражены нормы поведения, даны понятия о человеческой чести, достоинстве, справедливости.

Ногайские пословицы и поговорки имеют много общего с пословицами и поговорками народов Дагестана¹, т. к. во все времена у всех народов высмеивались лень, трусость, жадность и восхвалялись доброта, мужество, щедрость и т. д. Но из всех народов Дагестана наиболее близки к ногайцам по тематике и содержанию пословиц и способам художественного отражения жизненного бытия кумыки, в силу языковой идентичности, взаимодействия, обусловленного близостью проживания этих двух народов².

Одним из древнейших жанров устного народного творчества являются загадки. Загадка имеет свое научное определение: «Это сжатое, поэтическое иносказательное описание характерных черт или сущностно значимого свойства предмета, явления,

¹ См.: Булатов Б.Б., Луговев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII – XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). - Махачкала, 1999.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. - М., 1961.

содержащее в себе явный или скрытый вопрос, рассчитанный на сообразительность и образность мышления собеседника»¹. Загадка в переводе с ногайского означает «юмаклар», т. е. сказка, которую надо отгадать.

Загадки выполняли и выполняют важную социализирующую роль и являются эффективным средством обучения в системе иносказаний и в передаче знаний, житейского опыта старшего поколения подрастающему поколению². Они служили средством испытания ума, развивали наблюдательность, смекалку, помогали глубже познать окружающий мир.

Загадки создавались взрослыми и изначально занимали значительное место в их развлечениях, а позднее они продолжали бытовать преимущественно в детской среде. Первоначально загадки детям загадывали взрослые, предметом загадывания служили различные предметы, явления. Они стали развлечением для детей. Обычно игра в загадки проходила в свободное от хозяйственных работ время.

В загадках отражена хозяйственная деятельность людей, их быт, окружающий мир. Они условно делятся на несколько групп: о человеке, о явлениях и предметах природы, о доме, внутреннем убранстве жилища, предметах домашнего быта, о животных, о науке, знаниях и т. д.³

О человеке: «Эки агай карап турсалар да, бири бирин коьрмейди» («Два брата, а друг друга не видят») (глаза), «Бес агалы – инили кашып бара, артыннан шонтык кувып бара» («Пятеро братьев бегут, а за ними собака гонится») (пятка), «Алдар – ялдар, канъысар да туьйисер» («И подерутся, и помиряются») (ресницы), «Биреви соьйлей, экеви карай, экеви тынлай» («Один говорит, двое видят, двое слушают») (рот, глаза, уши), «Бир тоьбеде ети тесик» («На одном холме семь дырок») (голова), «Каранъа уьй ишинде какам – текем ойнайды» («В темной комнате туда-сюда играет») (язык), «Уьй бойында ак тавык, ортасында карт тавык» («Вокруг дома белые куры, посередине

¹ Булатов Б.Б., Луговев С.А. Указ. раб. - С. 46.

² Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4.- М., 1991. - С. 43.

³ Гасанов М.М. Загадки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 448.

старая курица») (зубы, язык), «Бир анада бес бала, ама аты бир бола» («У одной матери пятеро детей, но имя у всех одно» (рука), «Кел десе келмейди, келме десе келеди»¹ («Зовешь – не идет, не позовешь – придет») (губы).

О явлениях природы: «Сувда батпас, отга янмас» («В воде не тонет, в огне не горит») (мороз), «Тактак этер, тактадан оытер, шып – шып этер, шыптадан оытер» («Тук-тук стучит, через дерево проходит, шып – шып шумит, через циновку проходит») (ветер, дождь), «Уый артында ак тана, кетемен деп мактана»² («За домом белый теленок хвалится, что уйдет») (снег).

О природных объектах: «Кеше – куйндиз токтамай юрер» («И днем, и ночью, не останавливаясь, идет») (река).

О небесных светилах: «Уый тоьбендинь басына ярты ка-лакай тасладым» («Над домом полхлеба висит») (месяц), «Ай биз эдик, биз эдик, биз он эки кыз эдик, бир тактага тизилдик, тань атканша йок болдык» («Мы, двенадцать девушек, на одной доске выстроились, как утро наступает, так мы исчезаем») (звезды).

О календарном годе, временах года: «Бир терек, он эки бутак» («На одном дереве двенадцать веток») (год и месяцы), «Отыз кардаш, бири ятып, бири турып кетер» («Тридцать родственников, один придет, другой уйдет») (дни месяца), «Он эки ак каз, бир ак кув, кырк сегиз шил, мынь сегиз юз юмыртка» («Двенадцать белых гусей, один лебедь, сорок восемь куропаток, тысячу восемьдесят яиц») (календарный год).

О животным мире: «Йол уьстинде майлы кайыс» («На дороге лежит жирный (скользкий) ремень») (змея)³, «Балтасыз, пышкысыз уый ясайдылар» («Без топора, без пилы дом строят») (муравьи), «Казаннан кара, кардан ак» («Чернее котла, белее снега») (сорока), «Кишкенекей маьндибий, оннан уйкен уры йок» («Маленькое животное, самая большая воровка») (мышь), «Язда балды ашайды, кыста майын атайды» («Летом мед ест, зимой жир сбрасывает») (медведь), «Ингир – мингир аяклы, сексен темир таяклы» («На ногах, а на нем восемьдесят железных

палок») (еж), «Салынады, ерге туьспеге коркады» («Висит, а на землю спуститься боится») (паук), «Кубладан келер лук-лук, бурны узун, коьзи коьк» («С юга придет лук-лук, нос длинный – глаза голубые») (цапля).

Об орудиях труда: «Бир тоьбединь басында буькир кош-кар ойнайды»¹ («На вершине холма горбатый баран играет») (нож), «Туьби бир, басы эки, басында эшкидики» («Корень один, две головы, на голове от козла») (вилы), «Бири соя бара ятыр, бири тыга бара ятыр»² («Один идет режет, другой идет откидывает») (плуг), «Узын куйрык савыскан, кырдын отын таьвыскен») («Длиннохвостая сорока на лугу всю траву закончила») (коса).

О предметах домашнего обихода, утвари: «Кабыргасы бар, каны йок, доьрт аягы бар, яны йок» («Ребра есть – крови нет, четыре ноги есть – души нет») (колыбель), «Эрмен – мермен, доьрт муьйиси кермен, хан тувыл бий келсин, турып орын бермен» («Армян – мармян, четыре угла не хан, даже бий придет – не встану и место не уступлю») (сундук), «Усти аран, асты боран» («Наверху сарай, внизу буран») (сито), «Багана янар, коьмири йок, куьли йок» («Без углей, без золы, а горит») (лампа), «Кишкенекей маьнди бий, мага карап куьлди» («Маленькая штучка на меня посмотрела и засмеялась») (зеркало), «Ийттен аласа, атган бийик» («Ниже собаки, выше коня») (седло).

Об одежде, обуви, украшениях: «Бир куйым бар – тизден» («У меня есть колодец до колена») (сапоги), «Ярга ямпик илинди» («За овраг зацепились плоские штучки») (серьги), «Иши юн, кыры тери» («Внутри шерсть, а сверху шкура») (шуба).

О книге, знаниях: «Авызы йок, бурны йок, соьйлей турар адам ман» («Без языка, без носа, а с человеком разговаривает») (книга), «Кат-кат тоьсек, оны билмеген эшек» («Много постелей, кто не догадался – ишак») (книга), «Аьрмысалдынь иси бар, бир оьзинде кырк кисидинь куьши бар» («У каждого примера есть свое дело, у него одного есть сила сорока людей») (чтение, письмо).

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 76.

² Там же. - С. 78.

³ Эта загадка бытует и у казахов, татар, башкир.

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 77.

² Там же. - С. 80.

О музыкальных инструментах: «Буюкри-буюкри, буюкри тал, белине шайтан туюкирген, гань атканша оыкирген» («Горбатая, горбатая ива, ей на пояс шайтан плюнул и пела до рассвета») (кобыз), «Буюкир-буюкир буюкиреди, белине шайтан туюкиреди, танълайына тас байлап, танъ атканша оыкиреди» («Горбатый, горбатый горбатится, на пояс ему шайтан плюнул, на небо камень привязав, до рассвета пел») (домбра).

Многообразие и разноплановость загадок предполагало и различную форму их выражения. Они представляли собой загадку-вопрос: «Дуньяда не заг татли?» («Что на свете слаще всего?») (сон), «Айванлардынъ ишинде сакалысы кимдир?» («Кто в стаде самый бородатый?») (козел); загадку-описание: «Басы айыры, туюби бир, ишине кирсень, оызинъ бил» («Верх раздельный, низ – один, вовнутрь войдешь – сам поймешь») (штаны); загадку – сжатый «стихотворный пересказ»: «Мен оызим сув эм ел, мен юремен, оызим ашамайман, баскаларды ашатаман» («Я сама с помощью воды и ветра хожу, сама не ем – других кормлю») (мельница); загадку-задачу:

«Сегиз-сегиз он алты.
Тагы сегиз, тагы алты.
Эки йырма, бир отыз
Бариси нешев?»

«Восемь, восемь шестнадцать,
еще восемь, еще шесть.
Дважды двадцать, одно тридцать.
Сколько всего?» (сто);

загадку-шутку: «Дойрт татар ок атар» («Четыре татарина стрелы пускают») (вымя коровы).

Итак, загадки отображают реальный мир, являясь одним из проявлений человеческой фантазии. Загадки помогали детям познавать окружающий мир, узнавать о предметах быта, орудиях труда, развивали наблюдательность, мышление, смекалку.

Одной из самых эмоциональных, интересных, необычных по содержанию областей устного народного творчества является детский фольклор. Детский фольклор – это вид традиционного

коллективного устного детского творчества, которое реализуется в системе устойчивых текстов, передаваемых непосредственно от поколения к поколению детей и имеющих важное значение в регулировании их игровой и коммуникативной деятельности в группах сверстников¹.

Детский фольклор следует отличать от фольклора для детей (колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки и т. п.), носителями которого обычно являются взрослые, использующие фольклорные тексты для общения с маленьким ребенком (успокаивание, побуждение к действию, развлечение, обучение)². Создается детский фольклор обычно в неформальной обстановке, во время проведения совместных игр, в условиях свободного общения. Наиболее активными носителями детского фольклора являются дети от 6-7 до 12-13 лет, т. е. в период интенсивной жизни игровых детских групп³.

По своему жанру детский фольклор делится на дразнилки, шутки, страшные истории, считалки.

Считалка – это «рифмованный стишок, состоящий по большей части из выдуманных слов и созвучий с подчеркнuto строгим соблюдением ритма»⁴. С помощью считалок дети устанавливают очередность при игре. В соответствии со своим назначением детские считалки определяются с помощью числительного «считать»: ногайская – «санав»⁵. Считалки являются отражением практического опыта, придают эмоциональный окрас любой игре, развивают память и внимание. Они по своему содержанию разнообразны. В основе многих считалок лежит пересчет, свидетельствующий, во-первых, о вере людей в счастливое число. С помощью считалки дети определяли количество участников игры. Их могло быть трое, пять, шесть, десять, в зависимости от характера игры и ее половозрастной характеристики. Считалки могли содержать в себе не только пересчет, но и непонятные слова и словосочетания, не поддающиеся перево-

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1991. - С. 140.

² Там же. - С. 140.

³ Там же. - С. 140.

⁴ Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - М., 1957. - С. 112.

⁵ Абакарова Ф.З. Указ. раб. - С. 227.

ду. Появление таких «заумных» слов в считалках считают либо «тайной» речью детей, перенесенной в считалки, либо это слова, ранее бытовавшие и исчезнувшие из лексикона, либо игра деформированных слов для создания рифмы и ритма¹.

Например, в одной из считалок встречаются такие слова:

Аката,	Аката,
Баката,	Баката,
Абыр,	Абыр,
Кабыр,	Кабыр,
Эрбегей,	Эрбегей,
Сербегей,	Сербегей,
Онтай,	Онтай,
Шонтай,	Шонтай,
Шык тотай ² .	выходи, тотай (княжна).

С помощью считалок дети запоминали названия растений:

Бир, эки, –	Один, два, –
кыр эшки	дикая коза.
Доьрт, бес, –	Четыре, пять –
текебас.	козья голова.
Елkek,	Морковник,
Кермек,	(?),
Бийдай,	Пшеница,
Куврай,	Бурьян,
Кышы,	Сурепка,
Мыши,	(?),
Урык,	Пырей,
Ажырык,	Свиной,
Карабус,	Осока,
Бакакоьз,	Лягушачьи глаза,
Ношаган,	Репей,
Козгалак,	Щавель,
Сарыбалак,	(Лечебная трава),
Ак ювсан,	Белая полынь,

Адыраспан,
Каракамыс
Кылган пыс,
Кумаршык,
Сен кир, сен шык¹.

(?),
Черный камыш,
Ковыль,
(?),
Ты заходи, ты выходи.

Запоминали дети с помощью считалок и название цветов и оттенков.

Туурли туус:
кызгылт,
саргылт,
оьткин,
коьгийдим,
куьл туус,
Суьт туус,
Акшыл,
Карагошкыл,
Сыя – мья,
Сары – мары,
Экев, экев,
Бир мен тай,
Ялгыз киси,
Ярым тай.
Торы тай.
Шык тотай².

Разные цвета:
красноватый,
желтоватый,
зеленоватый,
Голубоватый,
Цвет золы,
Цвет молока.
Беловатый,
Темноватый,
Разноцветный,
Желтый – молотый,
Двое – двое,
С одним уйди,
Одинокий человек,
Половина уйди.
Маленький жеребенок
Выходи, княжна.

Существует также много считалок, содержащих названия птиц, животных, явлений природы, предметов домашнего обихода. Разделившись с помощью считалки на команды, дети начинали игру. Командные игры в большинстве случаев были подвижные и носили состязательный характер, были построены на соперничестве. Такие игры организовывались между детьми с соседних улиц. Играли в «Вайгъарай» (прятки), догонялки. Любимым развлечением ногайских детей была игра «Бос ер» (пустое место). До начала игры с помощью считалки выбирали ведущего. Дети образовывали большой круг и садились на корточки, обратившись лицом в круг. Ведущий ходил по внешней стороне кру-

¹ Абакарова Ф.З. Указ. раб. - С. 227.

² Ай, Айданак: народные колыбельные и детские песни / Сост.: С.Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 11.

¹ Ай, Айданак ... - С. 18.

² Там же. - С. 17.

га, прикасался рукой к одному из участников игры, который бежал за ведущим по кругу и должен был перегнуть ведущего и встать на пустующее место. Если ведущий первым достигал цели, то догоняющий становился ведущим и игра продолжалась. В том случае, если догоняющий опережал ведущего, то ведущий вновь ходил по кругу и выбирал следующего игрока.

Мальчики 13-14 лет играли в «Къадамшик». Эта игра была связана с хозяйственной деятельностью ногайцев. Взрослые поручали детям собрать кизяк, который в зимний период служил топливом для степняков. Но все эти трудовые процессы дети превращали в игру. Правила игры были таковы. В начале участники игры для уплотнения кизяка втыкали в него колышки. Задача состояла в том, чтобы палкой сбить как можно больше колышков. Стоя на кизяке, дети таким образом утрамбовывали его.

Любимой игрой как для мальчиков, так и для девочек была «Балатав ойнав». Для этого выбирали ровную местность, делали в земле 5-6 небольших лунок на расстоянии 2-3-х метров друг от друга и палкой пытались загнать мяч (мяч был тряпичным, набитым шерстью) в лунку. Победителем игры считался тот, кто загонит больше всех мячей в лунки. Данная игра по своим правилам напоминает американскую игру в гольф.

Популярной среди детей была и игра «Даньдрукъ». Для этой игры выбирали ровное место. Взрослые изготавливали волчок, состоящий из заостренной деревянной палочки, на которую надевали и крепили деревянный круг с дырочкой посередине. Дети втыкали в землю волчок и с помощью плетки заставляли его вращаться. Кто дольше всех вращал волчок, тот и становился победителем.

Любимой игрой девочек была игра в свадьбу «Куршакъ той». Каждая приносила с собой куклу. Кукол делали из кукурузных початков. Делали кукол также из ткани, набив их шерстью. Куклам шили платица, платочки из разноцветных лоскутков. Порой гардероб куклы был намного разнообразнее гардероба ее хозяйки. Собравшись, девочки выбирали из кукол жениха и невесту, наряжали их соответственно случаю и начиналась «кукольная свадьба» со всеми атрибутами и сюжетом свадебного церемониала. Девочки точь-в-точь воспроизводили дей-

ствия взрослых по проведению традиционной свадьбы. «Кукольная свадьба» была любимой игрой и других дагестанских девочек¹.

В куклы играли и небольшими группами. Летом девочки лепили из глины кукол, домики, домашнюю утварь, веточками полыни огораживали кукольное жильё и играли в семью. Во время игры дети разыгрывали различные сцены из повседневной жизни взрослых.

Часто дети в своих играх подражали мычанию коров, бляению коз, овец, ржанию лошадей, лаянию собак. Подражали диким животным и птицам: совам, кукушкам, диким кабанам и т. д. Делали это в большинстве случаев на спор. Проигравший должен был прокатить на своей спине победителя.

Дети постарше подшучивали над малышами. Так, мальчики 12-15 лет подзывали к себе малышей и давали им разные поручения: кто быстрее пригонит овец, принесет воды, добежит до определенного места, дольше соперника простоит на одной ноге, дольше всех простоит с закрытыми глазами, достанет языком до кончика носа и т. д. Того, кто стойко перенесет все испытания, причисляли к взрослым, что являлось высшей наградой для малышей.

Взрослые вырезали из костей (обычно из кости лошади) игрушки для детей. Это были разнообразные фигурки животных, птиц, людей, свистульки. Вырезали игрушки также из дерева.

Таким образом, в жизни детей помимо игр, связанных с календарными праздниками и обрядами, посвященных производственным праздникам и циклам², существовали разнообразные игры развлекательного характера, не связанные непосредственно с трудовой и обрядовой сферами. Игры функционировали в повседневном быту, вне торжеств и праздников, вне ритуала. В структурном отношении их можно разделить на ролевые,

¹ Дибиров М.А. Дагестанские народные игры как историко-этнографический источник для изучения традиционного календаря (о возникновении аварского названия *среда чулладул кьо* «день рыбы») // Календарь и календарные обряды народов Дагестана / Сб. ст. - Махачкала, 1987. - С. 76.

² О календарных играх см. в главе «Календарные праздники».

имитационные, групповые, индивидуальные, игры с предметами и без них. По своей сути они направлены на воспитание детей, на развитие у них физической силы, выносливости, ловкости, смелости, наблюдательности, сообразительности и т. д.

Другим жанром детского фольклора является скороговорка «яньылтпа». Скороговорка – специально придуманная фраза с труднопроизносимым подбором звуков, быстро проговариваемая шуточная прибаутка¹.

Обычно дети предлагали друг другу произнести ту или иную скороговорку. Особый восторг, удивление и восхищение вызывали те, кто мог быстро и без запинки произнести наибольшую по объему скороговорку. Она не имела смысла, это был набор рифмованных, труднопроизносимых слов. Приведем две из них:

Ялпак тасты, Ап-пак таска Ягын калдым, Отты коьрип Талып калдым, Тарс, тарс Ямгыр явады Тарс, тарс, Тарс, тарс, Бул дурыс, Бу ырыс ² .	Плоский камень, К белому камню Размазал я, Увидел огонь И устал, Тарс, тарс, Идет дождь Тарс, тарс, Тарс, тарс, Это правда, Это совесть.
---	--

Другая скороговорка составлена в виде вопроса и ответа:

Ала карга, Ала карга, Кара карга, Арасында Айырмасы барма? Арасында Айырмасы Ала карга	Пестрая ворона, Пестрая ворона, Черная ворона, Между ними есть разница? Между ними такая разница Пестрая ворона –
---	--

Ала карга,
Кара карга,
Кара карга.

Пестрая ворона,
Черная ворона –
Черная ворона.

В детской среде авторитетом пользовались быстрые, ловкие, находчивые, смелые ребята. Объектом насмешек становились дети с каким-нибудь небольшим изъяном. Дети, заметив какой-нибудь недостаток у сверстника, давали прозвище: «сакав» (заика), «кылый» (косой), «бурынпаклы» (сопливый), «сийгекъ» (сыкун), «бадракъ» (глазастый), «багырбас» (большеголовый), «аксакъ» (хромой), «шолакъ» (криворукий), «базыкъ» (толстый), «кертанав» (курносый), «сепкибет» (конопатый) и т. п. Порой прозвище данное в детстве сопровождало человека всю его жизнь. Сочиняли дети и дразнилки – небольшие четверостишья, высмеивающие недостатки. Обычно дразнили во время небольших ссор.

Так, лысого дразнили:

Токал-токал тоймас,
Казанна уьйре коймас,
Эртен бердим бир сыйрак,
Кеште бердим бир сыйрак,
Тоймадыма токалак?

Лысый, лысый, ненасытный,
В казане каши не оставит,
Утром дал одну ножку (баранью),
Вечером дал одну ножку,
Не наелся, лысый?

Хромого дразнили:

Аксак, аксак,
Аягы токсак.

Хромой, хромой,
Нога костыль.

Дразнили и сопливых:

Бырым, бырым бок,
Бырымбокны шашырап
Танавларын калтырап.

Сопливый, сопливый,
Сопли летят,
Ноздри дрожат.

Косого дразнили:

Кылый, кылый,
Кылый коьз.
Кылый коьзге не керек?
Кыдырмага уьй керек.

Косой, косой,
Косой глаз.
Что косому глазу надо?
Прогуляться по домам.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1999. - С.724.

² Ай, Аданак... - С. 22.

Кыдырганна урунуп,
Кылый коьзин когуртуп.

Гуляя, ударился,
Косой глаз поранился.

Высоких дразнили так:

Узун, узун узапа,
Узупага созапа.
Созапага бес бутак,
Бес бутакка япырак.

Длинный, длинный, длинный,
Длиннее длинющего.
Длинющему пять веток,
Пяти веткам листья.

Высмеивался и такой недостаток, как заикание:

Сакав, сакав
Сак береим

Заика, заика,
Дам тебе сак (пожертвование
в виде зерна в количестве 2,5-3 кг),
В масле разболтав,
Какашку дам.

Майга, булгап
Бок береим

Высмеянный детьми тоже не оставался в долгу. Подметив среди своих обидчиков кого-нибудь хоть с малейшим недостатком, он тут же сам в ответ начинал дразнить.

Например:

Токал-токал тоймас
Казанна уьйре кьоймас,
Эртен ашай бир аяк,
Ахшам ашай бир аяк.

Лысый, лысый, ненасытный,
В казане каши не оставил,
Утром ест одну пиалу,
Вечером ест одну пиалу.

В ответ лысый, если заметит среди дразнящих сверстников кого-нибудь с недостатком, дразнил так: «...кызы бар эки да аягы маймак» – «У... (имя отца) дочь есть косолапая».

Часто дети помогали взрослым по хозяйству, нянчили младших братьев и сестер, которых приходилось успокаивать и занимать разными разговорами, петь им песенки и т. д. Так,

взяв на руки малыша, загибали ему пальчики руки, приговаривая при этом:

Бас бармак
Бас уятар,
Увызы бармак
Ун ийлер,
Орта бармак
От ягар,
Аьжибармак
Ат багар,
Энь кишкейн
Ийт багар,
Шуп – шунатай
Бийт багар¹.

Большой палец
Разбудит,
Указательный палец
Муку просеет,
Средний палец
Огонь разведет,
Безымянный палец
Коней пасет,
Мизинец
Собак пасет.
Шуп – шунатай
Вошь пасет.

Детям постарше нравилось запугивать малышей, это их забавляло. Так, они рассказывали страшные истории про Албаслы, шайтанов. Цель этих страшилок была проста и понятна: не дать маленьким детям далеко уйти от дома и потеряться, а также предотвратить излишнее баловство малышей, в противном случае Албаслы или шайтан заберет (украдет) непослушных.

Пугали дети друг друга и с помощью рук. Так, если ребенок желал узнать, труслив ли его друг, то они становились лицом к лицу на расстоянии полусогнутых рук. Желаящий испытать своего друга соединял большие, указательные пальцы и мизинцы обеих рук, спрятав средние и безымянные пальцы, получив таким образом верблюжью голову, и произносил следующие вопросы, на которые должен был получить ответы от испытываемого:

Сорав: Бу туьеге кым минер?
Явап: Мен минермен!
Сорав: Ыртык тонды, кым киер?
Явап: Мен киермен!
Сорав: Аксак койды кым багар?
Явап: Мен багарман!
Сорав: Артындан йылан шыкса,

¹ Ай, Айданак... - С. 20.

Алдында борю шыкса
Коркасынма, коркасынма?
Явап: Коркпан!

Вопрос: Кто сядет на этого верблюда?

Ответ: Я сяду!

Вопрос: Рваную шубу кто наденет?

Ответ: Я надену!

Вопрос: Хромую овцу кто будет пасти?

Ответ: Я буду!

Вопрос: А если сзади змея подползет, впереди волка увидишь,

Испугаешься, испугаешься?

Ответ: Не испугаюсь!

При произнесении последнего вопроса пальцы рук приближали к лицу того, кому задавали вопросы и резко разводили в стороны. Если при этом испытуемый не откидывал голову назад и не моргал глазами, значит, он действительно не из пугливых, и наоборот.

Итак, мы видим, что детский фольклор вполне реально отражает мир детей. Он является одним из важнейших факторов социализации ребенка в обществе, обучает ребенка культуре общения, выполняя регулирующую, коммуникативную, информационную и др. функции в жизни каждого ребенка и детской группы в целом.

* * *

Итак, устное народное творчество ногайцев, представленное различными фольклорными жанрами, отображает традиционную бытовую культуру народа, представления людей об окружающем мире. В образцах устного творчества отражен многовековой опыт народа, его житейская мудрость, этническое самосознание, межпоколенная связь, стремление молодежи передать морально-этические устои, воспитать чувство патриотизма.

ГЛАВА IV. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

§ 1. Народный календарь и календарные обряды

Знания народа об окружающем мире, накопленные в результате многовековой трудовой деятельности сотен поколений, представляют собой одну из важнейших подсистем этноса¹. В этом смысле народный календарь представляет собой интереснейший источник не только истории верований, но и истории народных знаний, опыта многовековых наблюдений над природой². Изучение народного календаря позволит дать наиболее точную характеристику этносу и полнее представить его традиционно-бытовую культуру.

Народный календарь по своей сути регламентировал и направлял различные сферы жизни людей – производственную, общественную, семейную, космологическую, выполняя тем самым важнейшие социально-экономические функции.

Народный календарь ногайцев складывался на протяжении многих веков. Основанный на опыте и наблюдениях людей за природой лунно-солнечный календарь в этом плане занимал большое место в жизни ногайцев и наиболее полно отражал их скотоводческую и земледельческую культуру.

Солнечным календарем пользовались для определения времени суток, наступления времени года. Солнечный календарь бытовал у ногайцев вплоть до 20-х годов XX века. Согласно солнечному календарю месяц март назывался «козы» (ягненок), апрель – «обгиз» (бык), май – «эки юлдыз» (созвездие), июнь – «шаян» (рак), июль – «барс» (барс), август – «аслык буюртик» (семена), сентябрь – «шекки» (весы), октябрь – «бий» (паук), ноябрь – «авлак», – (поле), декабрь – «эшки баласы»

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. - М., 1981. - С. 211.

² Рыбаков Б.А. Язычество в Древней Руси. - М., 1987. - С. 184.

(козленок), январь – «кавга» (мешок воды), февраль – «балык» (рыба)¹.

Лунный календарь служил для подсчета дней и месяцев. Год по мусульманскому лунному календарю состоял из 354 или 355 дней, т. е. был на 11 дней короче тропического солнечного года. Новый год в этом календаре каждый год на 11 дней отступает назад, постоянно переходя с лета на весну, потом на зиму и осень и в течение 33 солнечных лет обходит все времена года².

По лунному календарю год делится на 12 месяцев, содержащих то 30, то 29 суток. Каждый месяц имел арабские названия: 1) «мухаррам» (первый месяц) – 30 дней, 2) «сафар» – 30, 3) «раби-ал-аввал» – 30, 4) «раби ал-ахир» – 29, 5) «джумада ал-аввал» – 30, 6) «джумада ал-ахира» – 29, 7) «раджаб» – 30, 8) «шабан» – 30, 9) «рамазан» – 30, 10) «шаввал» – 29, 11) «зулкада» – 30, 12) «зул-хиджа» – 29.

Наряду с арабскими названиями месяцев ногайцы пользовались и местными названиями. Месяц обозначался словом «ай», каждый месяц имел свое название и значение. Так, март называли «навруз», апрель – «коькек ай» (месяц кукушки), май – «курал» (месяц стройки, что означает в переносном смысле обновление природы), июнь – «тамбыз», июль – «шилле» (месяц, когда наступает жара), август – «сары тамбыз» (месяц желтого тамбыза), сентябрь – «кырк кийик» (месяц сорока диких зверей, время, когда звери готовятся к продолжительной зиме), октябрь – «казан айы» (месяц котла), ноябрь – «караша», декабрь – «карагыс» (букв. месяц черной зимы), январь – «каньтар», февраль – «увыг».

Существовали и другие названия месяцев, связанные с хозяйственной деятельностью, выполняемой в определенные месяцы. Например, время с марта по апрель называли «сабан-ай», что означало время плуга, время с мая по август называли «пишен шал» – время сенокоса, а время сбора урожая – «аслык

¹ См.: Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1989. - С. 99-100.

² Россовская В.А. Календарная даль всков. - М., 1936. - С. 91.

шал» (букв. косить хлеб). Уборка урожая зерновых проходила приблизительно с 15-20 июня. Октябрь назывался «кызыл бидай» (букв. красная пшеница). В это время поспевала кукуруза «ажи бидай» и наступало время ее сбора. Приблизительно в этот же период, октябрь – ноябрь, люди начинали свои приготовления к предстоящей зиме, и это время называлось «кыска азырленув» (букв. к зиме готовиться).

Начало каждого месяца ногайцы, как и большинство других народов, связывали с первым появлением луны в виде узкого серпа. Ее появление обязательно приветствовали словами:

Ай тувды, аманман,
Авызыв толы ийманман,
Яньы айдай яркын эт,
Яс баладай куьнаси эт,
Бай теректей буьрли эт,
Байхамардай нурлы эт!

Родилась новая луна,
И я в сохранности.
Рот мой полон веры.
Сделай мое лицо светлым,
Как лицо новой луны.
Сделай меня безгрешным,
Как новорожденный ребенок.
Сделай меня подобным дереву,
Покрытому почками.
Сделай меня одухотворенным
И лучезарным, как пророк¹!

По фазам луны определяли начало, середину, конец месяца. Месяц делили на 4 недели (4 юма), неделю на 7 дней (7 куьн). Ногайцы, как и все мусульмане, знали арабские названия дней недели, но в повседневной жизни использовали местные. У степных ногайцев они имели следующие названия:

Дуьйсемби – понедельник
Саьли – вторник
Саьрсемби – среда
Киши юма – четверг (букв. маленькая пятница)
Уллы юма – пятница (букв. большая пятница)
Юма соньгы – суббота (букв. день, следующий за пятницей)

¹ Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа / Сб. статей. - Махачкала, 1989. - С. 72.

Каты куьн – воскресенье

У кубанских ногойцев имеются отличия в названиях некоторых дней недели.

Дуьсемби – понедельник

Саьли – вторник

Саьрсемби – среда

Бийсемби – четверг

Юма – пятница

Юма эртеси – суббота

Базар – воскресенье

Отсчет новой недели начинался с рассвета в воскресенье. Новый день также начинался с рассвета. Счет дней велся на три дня назад.

тунекуьн – вчера

бирсикуьн – позавчера

о бирсикуьн – позапозавчера

На 3 дня вперед

букуьн – сегодня

танла – завтра

танла туруп бирсикуьн – послезавтра

Все последующие подсчеты производились с помощью чисел. Например, три дня тому назад – «уш куьннен ариягында», через четыре дня – «дортъ куьннен соныг».

Существовали и такие понятия, как:

Недавно – янгьларда

Давно – копте

Очень давно – коптогы зат

В сутках (кеше – куьндиз) ногойцы различали 12 частей. День условно делили на 6 частей:

1. Тань – рассвет

2. Эртеньлик – утро

3. Куслык – 11 часов

4. Туьс – обед (12 часов)

5. Талма туьс – время после обеда (12-13 часов)

6. Экинли – время до захода солнца

Ночь также делили на 6 частей:

1. Аксам – сумерки (18 – 19 часов)

2. Ясы – ночь (с 12 до 23 часов)

3. Ятар – букв. время сна (с 23 часов до 1 часа ночи)

4. Биринши коразлар – букв. первые петухи (1 час ночи)

5. Экинши коразлар – вторые петухи (2 часа ночи)

6. Ушинши коразлар – третьи петухи (3 часа ночи)

По полевым материалам Р.Х. Керейтова деления суток имеют следующие названия: «туьн» – ночь; «терен туьн» – глубокая ночь; «тань каралык баслаган» – заря начала разгораться; «тань белги берип баслаган» – заря начала обозначаться; «тань агарып баслаган» – заря начала белеть (светать начало); «тань ярыгы туьсти» – свет зари упал; «тань атты» – рассвело; «эртен болды» – наступило утро; «куьннинь коьзи коьринди» – солнце показалось; «кьуслыкъ» – 7 – 8 часов утра, когда начинают петь птицы; «куьннинь коьзи бир арканга коьтерилди» (букв. глаз солнца поднялся на два аркана); «туьс» – 10 – 12 часов дня; «эриншек» (букв. ленивец) – 14 – 16 часов; «куьн кавысты» – солнце скрылось; «кьас каралды» – потемнело; «экинли болды» – букв. второе стало¹.

В летний период днем время определяли по солнцу. Если человек становился лицом к северу и тень падала слева от него – это означало время до обеда, если тень падала прямо перед ним с его размер, то это означало 12 часов по полудню, если справа, значит, наступила вторая половина дня. Свообразными солнечными часами являлось также верхнее отверстие юрты (шагъарак), основу которого составляло колесо со спицами. Последующее пребывание солнца в каждом из этих делений и означало определенное время дня.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 99.

Таким образом, лунно-солнечная система требовала точных расчетов, знаний о движении солнца со сменой лунных фаз, и потому находилась в ведении духовных лиц, которые в большинстве случаев и определяли время проведения сельскохозяйственных работ.

Кроме этого, духовные лица и люди, совершающие днем пятикратные молитвы, пользовались собственными названиями отрезков времени: «эртенги намаз» – утренняя молитва, «уьйле (туьс) намаз» – обеденная молитва в 13 часов, «эжинли намаз» – послеобеденная молитва, совершаемая примерно через два часа после обеденной, «аксам намаз» – вечерняя молитва, «ясы намаз» – ночная молитва.

Наряду с лунно-солнечным календарем ногойцы, как и народы Средней Азии и Казахстана, пользовались 12-летним животным или «звериным» циклом летоисчисления. Этот цикл известен народам Средней Азии, Сибири¹, почти всем тюркоязычным народам Северного Кавказа: кабардинцам, черкесам, абазинам, карачаевцам, балкарцам², кумыкам³.

Согласно этому циклу каждый год (йыл) имеет свое название и очередность прохождения внутри цикла. 1. «Шышкан йылы» (год мыши); 2. «Сыйыр йылы» (год коровы); 3. «Барс йылы» (год барса); 4. «Коян, таушан йылы» (год зайца); 5. «Улу, балык йылы» (год рыбы, дракона); 6. «Йылан йылы» (год змеи); 7. «Йылкы, ат йылы» (год лошади); 8. «Кой йылы» (год овцы); 9. «Мешин, маймын йылы» (год обезьяны); 10. «Тавык йылы» (год курицы); 11. «Ййт йылы» (год собаки); 12. «Донъгыз йылы» (год свиньи).

О происхождении 12-летнего животного цикла летоисчисления интересные сведения сохранились у казахов, одного из самых близких к ногойцам в этническом и духовном плане народов. Так, казахская легенда гласит: «Однажды всем животным стало известно, что скоро должен появиться «год». Они собра-

лись его встречать, и каждый, желая первым увидеть «год», старался занять лучшее место. Только один верблюд оставался невозмутим: он надеялся на свой высокий рост и был уверен, что первым увидит именно он. Но в тот момент, когда должен был показаться «год», мышь незаметно забралась на голову верблюда и, будучи выше всех, первой увидела «год». Она сразу же закричала, и только тогда верблюд заметил, что его одурачили. Разозлившись, он погнался за мышью, чтобы растоптать ее. В это время представление уже началось, все животные один за другим обозрели «год», а самонадеянный верблюд так и не успел увидеть его, и поэтому не попал в число животных, имена которых носят года»¹.

На протяжении многих веков люди наблюдали за прохождением 12-летних циклов, и свои знания о годах они передавали последующим поколениям. Старшее поколение до сих пор помнит о наиболее важных событиях своей жизни по названию года, в котором оно произошло. Например, по животному циклу летоисчисления помнили, когда кто родился или умер, когда происходили те или иные стихийные бедствия (засуха, эпидемия, падеж скота, голод и т. д.). Таким образом, каждому году приписывались особые свойства, а детям, родившимся в этот год, определенные черты характера.

Так, год мыши (шышкан йыл) считался урожайным. Детям, родившимся в этом году, предрекали счастье.

Урожайным считался и год коровы. Детей, родившихся в начале года, считали полезными для общества, в середине года – счастливыми, послушными, в конце – со слабым здоровьем.

Относительно третьего по счету года в 12-летнем животном цикле – года барса – в народе существуют разные мнения. Одни считают его хорошим, урожайным годом. В народе говорили: «Сыйыр йыл сыдырылмасан, барс йыл бай боларсын» («Если в год коровы выживешь, то в год барса богатым будешь»). Другие же считали его суровым, холодным. В этом году ожидали различные природные катаклизмы. Говорили, что дети,

¹ Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. - Ашхабад, 1983. - С. 12.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 94.

³ Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. - Махачкала, 1989. - С. 10.

¹ Абишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. - Алма-Ата, 1949. - С. 7.

родившиеся в начале года, будут счастливыми, в середине – умными, в конце – трусливыми и ленивыми.

С предубеждением относились к году зайца. По поверьям, в этот год урожай бывает средним, а дети, родившиеся в год зайца, обычно трусливы, но это качество компенсировалось энергичностью, оптимизмом, а также хитростью¹.

Не совсем удачным считался и год рыбы. В этот год ожидали суровую зиму и предположительно низкий урожай и массовый падеж скота. Считали, что дети, родившиеся в начале года будут нехорошими, в середине года – терпеливыми, в конце – непослушными.

Холодным, неурожайным годом считался и год змеи. По поводу этого года в народе говорили: «Тавык йыл – тырнар, йылан йыл кыйнар» («Год курицы будет царапать, год змеи – мучить»). Детям, рожденным в первой половине года, сулили удачу в делах, рожденным во второй половине – несчастье.

К категории плохих относили также год лошади. Ожидали суровую зиму, и потому готовились к ней основательно². Детей, родившихся в начале года, считали умными, в середине – хорошими, послушными, в конце – непослушными.

Год овцы, следующий по счету, тоже не предвещал ничего хорошего. Старики говорили, что в этот год в мире произойдут войны, но они будут непродолжительными. Считали, что урожай погибнет. Дети, рожденные в начале года, будут полезными для людей, в середине года – «легкими», послушными, в конце – нехорошими.

Существует и совсем противоположное мнение. Считают, что в год овцы бывает хороший урожай, приплод, зимовка проходит успешно, в результате устраивается много свадеб, различных праздников, а родившемуся в этот год ребенку сопутствует в жизни удача³.

Хорошими, урожайными годами считались год обезьяны и год курицы. Год обезьяны отличался суровой зимой, отмечали также падеж лошадей. Ребенка, родившегося в начале года, счи-

тали хорошим, в середине – завистливым, в конце – бесполезным.

Детей, родившихся в начале года курицы, считали несчастливыми, в середине года – трудными, в конце – жизнерадостными, известными, совестливыми, щедрыми.

Год собаки считали плохим, неурожайным. По поверьям, в этот год бывает много смертей, болезней. Зиму ожидали холодной и длинной. Ногайская пословица гласит: «Йит йыл – ийт бурындай сувык йыл» («Год собаки холодный, как собачий нос»). Детей, родившихся в первой половине года, считали конфликтными, во второй – хорошими.

Больших перемен, войн, трудностей, болезней ожидали в год свиньи. Говорили, что зима будет теплой и длинной, а год – урожайным. Родившиеся в начале года будут гордыми, в середине – лгунами, в конце – терпеливыми.

Итак, каждому году давалась характеристика, которая причисляла его либо к хорошему году, либо к плохому. Так, к хорошим относили год мыши, коровы, обезьяны, курицы, к плохим – год барса, зайца, рыбы, змеи, лошади, овцы, собаки, свиньи.

В году выделяли два больших периода – теплое время «яз» и холодное время – «кыс». К теплому времени относили март, апрель, май, июнь, июль, август, к холодному – сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль. Вместе с тем существовала разбивка на четыре времени года: весна (яй), лето (яз), осень (куыз), зима (кыс).

Весна. Начало весны люди связывали с наступлением марта. Но бывало и так, что зимние морозы не отступали даже в марте месяце. И только в конце марта – в начале апреля люди считали, что зима завершилась и все тревоги позади. В народе говорили: «Март шыкпай, дерт шыкпас» («Пока март не завершится, печаль не покинет»). Однако снежный март был желателен. Снег питал землю влагой и тем самым обеспечивал в будущем хороший травостой. «Март карлы болса элинге пайда болар», («Снежный март пользу принесет») – говорили в старину.

Приход настоящего тепла связывали с праздником Навруз, который отмечали 21-22 марта – день весеннего равноденствия. «Навруздан сонъ йылув энер» («После Навруза тепло насту-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 96.

² Там же. - С. 96.

³ Там же. - С. 96.

пит»), – отмечали старики. Этот праздник считался и точкой отсчета для нового года. Это был период пробуждения природы, наступления долгожданного тепла, начала сельскохозяйственных работ. Предвестниками весны считали появление в степи первой зеленой травы («коьк оьлен»), одуванчиков («маметеке»), конского щавеля («аткуьлакь»), а также прилет скворцов («кара торгай»), затем ласточек («кьарлы гьаш»), удонов («кокек»). Ласточку ногайцы считали священной птицей, ее гнездо не разрушали, даже если оно находилось внутри жилого помещения. По преданию, однажды, в далеком прошлом, ласточка спасла от укуса змеи спящего человека. Ласточка шумом разбудила человека, и змея, испугавшись, уползла прочь. Проснувшись, человек увидел летающую над ним ласточку и, не разобравшись, кто же на самом деле нарушил его сон, схватил ее за хвост и вырвал перья. С тех пор у ласточки хвост раздвоенный.

Интересное сказание существует и о ночной птице «ат екь» (букв. «нет коня»), имя которой неизвестно народу. Предположительно эта птица – кукушка. Согласно преданию, у отца с матерью была дочь. Как-то вечером отец недосчитался в табунах одного коня и сказал об этом своей жене, которая в это время доила корову. Дочь находилась в доме. Услышав это известие, она выскочила из дома, не успев надеть на ногу второй носок, и стала расспрашивать родителей: «Ат екь?» («коня нет?»). За излишнее любопытство и отсутствие терпения Аллах превратил девушку в птицу, у которой одна лапка красного цвета, напоминающая носок. До сих пор девушка летает по свету и кричит «Ат екь!» «Нет коня!».

Предание о птице «ат екь» существует и у кумыков. Там в птиц бог превратил брата и сестру, которые ищут друг друга и не могут найти¹.

Начало весны было самым тяжелым временем года для людей. Запасы продуктов и корма для скота были на исходе. Главной задачей для скотоводов было сохранение поголовья. Для этого предпринимались все меры: скот вскармливали сухой травой, ивовыми ветками, кустарниками. Про это время ногай-

цы говорили: «Яз болды, ярыкъ болды, айванлар арыкъ болды» («Весна наступила, светлее стало, скотина исхудала»).

В этот же период начиналось и ягнение овец. Окот требовал от скотоводов больших усилий, навыков по уходу за овцематками и ягнятами. В это время они круглосуточно дежурили у овцематок, которых они заранее отделяли от стада в отдельные утепленные домики, построенные из сухих «перекати-поле», помогали им окотиться, принимали только что родившихся ягнят. Слабых ягнят выхаживали. Начавшись в марте, окот продолжался до середины апреля. С 15 по 20 марта в Ногайской степи начинался и посев яровых хлебов, продолжавшийся до середины апреля¹.

Середина весны была самой благодатной порой для скотоводов. Степные ногайцы покидали зимники «кыслав» и уходили в места летних выпасов. Погода устанавливалась теплая, в степи цвели тюльпаны («каргатли»), маки («бору шешек» букв. «волчий глаз»). Уже с ранней весны в степи было достаточно корма для скота.

С наступлением настоящего тепла, в мае месяце, начиналась стрижка овец. Стрижка делилась на весеннюю («язлык кыркым») и осеннюю («куьз кыркым»). На стрижку овец собиралось все трудоспособное мужское население аула. Старейшины села, посоветовавшись, назначали день проведения стрижки. Обычно это был ясный, безветренный день, но не среда (этот день считался неблагоприятным), четверг – пятница (в эти дни было принято поминать усопших). У степных ногайцев скотоводство было основным занятием, приносящим хороший доход от продажи мяса и шерсти, и потому стрижка овец была ответственным и радостным событием. Перед ее началом приглашали муллу. Мулла читал молитвы, ему подносили таз с водой, над которым он произносил определенную молитву, после чего вода как бы считалась заговоренной. После этого мужчины по очереди опускали в заговоренную воду специальные ножницы для стрижки овец «кырклы» для того, чтобы стрижка прошла быстро, успешно и без потерь.

¹ Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. - Т. 1. - Ставрополь, 1910. - С. 483.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 15.

Стрижку овец начинали утром и завершали до заката солнца, с перерывами на отдых. Недалеко от места стрижки мужчины разводили костры, устанавливали котлы (къазан). Женщины готовили традиционные блюда: ногайский чай, баурсак (кусочки теста, обжаренные в масле), суп-лапшу из баранины. После работы все собирались для совместной трапезы. Так продолжалось несколько дней, пока не завершат работу. После стрижки устраивали праздник для всех жителей аула «Кой кыркмын байрамы» («Праздник стрижки овец»). Резали баранов, готовили суп с лапшой из баранины, «катламу» (слоеный масляный хлеб), «йыпатак» (сдобные кусочки теста, обжаренные в масле), «сербет сув» (сладкая вода) и другие традиционные угощения и кормили всех присутствующих.

Конец мая – начало июня – время весеннего травостоя. Заготовка сена считалась ответственным делом, т. к. от его количества зависело поголовье скота. По этому поводу существует легенда, записанная Р.Х. Керейтовым. «У одного хана была красивая дочь, в которую был влюблен соседский красивый, но бедный парень. Хан же хотел выдать дочь за богатого человека. У хана было много скота, который ежегодно уже в марте переходил на подножный корм, поэтому хан не очень думал о заготовке сена, чтоб его хватило аж до апреля. Соседский парень, имевший несколько голов скота, как правило, заготавливал много сена. Однажды уже в марте хан выгнал весь свой скот на летние пастбища. Зеленела трава, стояла хорошая погода. Ничто не предвещало ненастья. Первого апреля вдруг пошел снег, замела пурга, ударил мороз, трава покрылась коркой льда. Пришлось скот загонять в базы. Скот из-за голода был на грани гибели. Хан обратился за помощью к бедному парню и послал к нему слуг. Ходатаи вернулись с отрицательным ответом и сказали, что молодой человек хочет видеть самого хана. Хану пришлось смириться с предложением парня, пойти к нему с поклоном и изложить цель прихода. Молодой человек поставил условие: отдать сено, но взамен получить его дочь, отвечающую ему взаимностью. Хан был возмущен поведением юноши, хотел было отдать приказ избить его. Снег не прекращался, скот начал повально гибнуть и, чтобы совсем не остаться без скота, хан на

следующий день сам привел дочь в дом юноши и тут же забрал все сено, и тем самым спас собственное стадо»¹.

Сено старались приберечь вплоть до середины апреля, т. к. апрель считался самым непредсказуемым месяцем. Так, ногайская поговорка гласит: «Коркпа марттынъ кысыннан, корк апрельдинъ бесиннен» («Не бойся зимы в марте, а бойся пяти дней в апреле»).

В мае скотоводы выходили на сенокос. У кубанских ногайцев выход на сенокос носил более торжественный характер, нежели у степных и астраханских, которые заготавливали сено в небольшом количестве, т. к. скотина почти до конца зимы находила себе в степи под снегом корм. Кубанским и кумским ногайцам приходилось заготавливать сено и для себя, и на продажу. Сено заготавливали за пределами аула. Собиралось почти все трудоспособное мужское население аула. Устраивались торжественные проводы косарей. На арбы грузили жертвенного барана, продукты и все необходимое. Старейшины аула поздравляли косарей с началом сенокоса, желали хорошей погоды, молодые люди веселились, пели песни, танцевали. Непременным участником проводов был ряженный «теке» (букв. козел). Он рядился в грязную одежду, на лицо надевал маску козла и веселил людей. С шутками, песнями косари на арбах отъезжали в степь. Прибыв на место, косари сооружали временное жильё, выбирали повара и ответственного за проведения сенокоса². Женщины в сенокосе участия не принимали, это считалось сугубо мужским делом. Отбивать косы поручали самому опытному косарю, а начать сенокос – самому старшему и уважаемому человеку. Сенокос старались завершить в кратчайшие сроки, работали с перерывами и днем, и ночью, опасаясь дождливых дней.

Свежескошенную траву собирали в кучи, как только трава подсыхала, ее связывали в небольшие копны «къапна», из которых затем делали более крупные «ата». Складывание в скирды тоже требовало определенных навыков. Умело сложенная скирда не рассыпалась и не впитывала воду. Сенокос носил коллек-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 115.

² Там же. - С. 119.

тивный характер, но каждой семье отводился отдельный участок. Сенокос начинался в мае и завершался в августе.

Лето. Лето в степи было жарким, и ногайцы его условно делили на три периода. Период от начала до середины лета называли просто «яз» (лето). Затем наступало время, которое в народе именовали «кишкой шилле» (малая жара), длилось оно около 10 дней: с 5 по 16 июля. Потом наступал период «отемис шилле» – 40 самых жарких дней лета с 16 июля по 25 августа. За ними следовал «сары тамбыз» с 25 августа по 14 сентября – время, после которого наступал спад жары и конец лета.

Летом, почти сразу после весеннего сенокоса, готовились к уборке зерновых. Много усилий и труда вкладывали труженики в сохранение посевов от засухи и саранчи. Ее нашествие могло полностью уничтожить будущий урожай и оставить людей без хлеба. Поэтому предпринимались все возможные меры по ее истреблению. Истреблять саранчу выходило все население, включая детей. Люди делились на группы, у каждой группы был свой участок поля. Группа, образовав кольцо, вооружившись метлами, ветками, ведрами, становилась на колени и била метлами по земле, палками по ведрам, создавая шум. От этого шума саранча собиралась в центр круга. Когда круг сужался и образовывалось плотное кольцо, люди начинали бить метлами саранчу, топтать ее ногами.

Вырастив урожай, приступали к его уборке. Ранее всех поспевал ячмень «арпа», затем пшеница «бидай». У кубанских, кумских ногайцев, а также едишкульцев и едисанцев уборка колосовых превращалась в праздник. Перед тем, как приступить к массовой уборке, на окраине аула собиралось все население. Из остатков прошлогоднего зерна пекли хлебные изделия, которые выставлялись на общее обозрение, а затем поедались присутствующими. Первыми угощались дети, затем старики и все остальные. Устраивались скачки, состязались в своем мастерстве певцы и музыканты. Сжать первый сноп доверяли старшему в роду, а связывала сноп женщина¹.

Пшеницу собирали в снопы, сушили и везли на ток «ындыр». Затем зерно молотили и засыпали в специальные ямы, об-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 120.

мазанные глиной и застланные камышом. В такой яме зерно сохранялось лучше, т. к. камыш не пропускал влагу и поддерживал одинаковую температуру. Подобным способом зерно хранили и турки Центральной и Юго-Восточной Анатолии¹.

После сбора колосовых устраивали праздник «ындыр той» (букв. праздник тока) с угощениями из муки нового урожая.

У степных ногайцев после сбора зерновых устраивали «аслык йыйвдынъ байрамы» (букв. праздник сбора хлеба). На праздник из муки нового урожая пекли лепешки и угощали ими всех присутствующих. Для старшего же поколения выпекали специальный хлеб, украшенный фигурками животных, птиц из теста. Старики передавали хлеб из рук в руки, отламывая от него кусочек. Попробовав хлеб, просили у всевышнего доброго урожая в будущем году. У ногайцев Северного Причерноморья жатва совершалась в июле, по окончании которой также устраивали праздник².

Летом также заготавливали топливо на зиму. Кубанские и кумские ногайцы собирали в лесу сушняк. Топливо свозили во двор и складывали в специально отведенное для этого место. Степные ногайцы заготавливали кизяк. Когда скот выгоняли на летние пастбища, женщины и дети начинали чистить зимние кошары. Скопившийся за зиму, истоптанный скотом помет острой лопатой резали на квадраты. Спрессованные квадраты, подсушив, складывали в суслон. Затем переносили поближе к дому, складывали и обмазывали жидким коровьим пометом.

Осень. Осень «кьуз» в степи начиналась примерно с середины сентября и продолжалась до середины ноября. В сентябре кубанские и кумские ногайцы, собрав с полей последний урожай зерновых, старались вспахать землю под озимые и засеять ее. Ногайцы Северного Причерноморья посев озимых проводили не ранее октября³. Ногайская пословица гласит: «Куьлте туй-

¹ Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). - Махачкала, 1999. - С. 108.

² Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836, № 9-12. - С. 225.

³ Там же. - С. 225.

сти – куыз болды» («Собрали пшеницу в снопы – наступила осень»).

В августе – сентябре ногайские женщины приступали к изготовлению войлока. В доме собиралось 5-6 женщин, обычно соседки и родственницы, и начинали валять войлок. Готовили сразу несколько. Войлок «кийз» делали обычно размеров 2 м x 1,5 м, на его изготовление требовалось около 10 кг шерсти овцы грубошерстной породы весенней стрижки.

Кийзы делали темные и светлые, для этого специально подбирали шерсть по цвету, темные цвета со светлыми не смешивали.

Войлок изготовляли как для личного пользования, так и на продажу. Известными мастерицами в изготовлении кийзов были Шапиев Межитова, Ажи-бике из с. Кумбатар, Айшат Динашева из с. Кумли. Изготовлением войлока в начале осени примерно по той же технологии, что и у ногайцев, занимались и монгольские женщины¹.

В сентябре – октябре население начинало подготовку к зиме. В сентябре у кубанских ногайцев стада возвращались с отгонных пастбищ, встречать их выходили все жители аула, по этому случаю устраивали конные скачки, увеселительные игры, за благополучное возвращение резали жертвенное животное. В это же время проводили осеннюю стрижку овец. Степные же ногайцы стрижку овец переносили на ноябрь. После стрижки овец купали в специальном растворе против чесотки².

Осенью же начинали заготавливать мясо на зиму. Для этих целей резали баранов, забивали лошадей. Мясо солили в специальном растворе, сушили, делали из него колбасы. В больших бочках заготавливали сыр, в основном овечий. Из молока делали «курт» – соленый творог. Съестных припасов заготавливали столько, что хватало на всю зиму. К зиме готовили и юрты: укрепляли, утепляли. Чабаны чинили загоны для скота и т. д.

В ноябре месяце к овцам подпускали баранов. В связи с подпуском баранов Р.Х. Керейтовым зафиксирован следующий обряд. К одному из старейшин подводили барана, он держал

¹ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. - М., 1989. - С. 255-256.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 130.

барана символически за рога, а кто-то из присутствующих сажал на барана девочку, затем барана пускали к овцам. Сажание девочки на барана связано с тем, чтобы у овцы появились ягнята-самки (ургашы коьп козласын). На отару из 700-800 овец пускали 12-16 баранов-производителей¹.

У степных ногайцев перед случкой овец ходили к мулле, просили у него заговоренную воду, обмывали этой водой голову барана-производителя (кошгьар) и пускали его в стадо. Овец сверху осыпали пшеницей, которая якобы способствовала увеличению поголовья. Этот период времени сопровождался резким изменением погоды: понижением температуры воздуха, выпадением осадков в виде снега. Это время в народе именовали «кошгьар кашым» (букв. случка овец). Осенью ногайцы завершали все полевые работы.

Зима. По народным представлениям зима («кыс») начиналась с середины ноября и продолжалась до 21-22 марта. Приближение зимы ногайцы связывали с исчезновением поздней осенью с небосклона созвездия «Уьлкер» (Плеяды). Люди говорили: «Уьлкер батар, бок катар» (Уьлкер скрылась, и навоз затвердел). Соседи ногайцев кумыки говорили так: «Уьлкер батды – ер кьатды» (Уьлкер скрылась, и земля затвердела).

В декабре в Ногайской степи скот пригоняли к местам зимовок, жеребцов отбивали от табуна и держали отдельно до начала весны. С завершением последних хозяйственных приготовлений к долгой зиме начиналось время отдыха для тружеников.

Зимнее время года изобиловало различными мероприятиями и развлечениями. Люди объединялись по половозрастным критериям. Так, девушки и молодые женщины устраивали посиделки, называемые «басланув». Юноши на эти мероприятия не допускались. Собирались в назначенный день в доме у одной из девушек. Хозяйка дома заранее готовилась к предстоящему приему гостей. Она прибиралась в доме, готовила угощения и пр. Девушки приходили со своими продуктами и работой. Здесь они занимались рукоделием: вязали носки, шили уюки (войлочные носки), обрабатывали шерсть, пряли нитки, вышивали. Во время работы девушки рассказывали разные истории, советовали

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 130-131.

лись, обсуждали события, происходящие в их ауле, шутили, пели. В перерывах между делом танцевали.

Собственные вечера «джиен» организовывали и взрослые женщины. Они заранее договаривались собраться у кого-нибудь дома. Каждая приходила со своей работой и с продуктами. Из принесенных продуктов хозяйка готовила угощения. Женщины беседовали, пели песни, шутили и выполняли работу: чесали шерсть, шили шубы, чинили одежду и т. д. Таким образом, женщины одновременно работали и веселились.

Как считают исследователи, эти объединения восходят к древнейшим женским союзам, связанным с половозрастным делением общества. Подобные женские объединения зафиксированы у киргизов¹, хваршин², даргинцев³, лакцев⁴ и др.

У мужчин тоже были свои мужские объединения. Мужчины независимо от возраста собирались поквартально, в один из домов по договоренности. Хозяин дома готовился к приему гостей, распоряжался на счет угощения. Гостей рассаживали, кормили мясом, хинкалом из кукурузной муки. Здесь же молодежь училась у старших правилам поведения за столом в обществе мужчин. Собравшиеся обсуждали события, происходившие в ауле и за его пределами, беседовали с молодежью, наставляли ее. Все это происходило одновременно с выполнением определенных работ: резьбой по дереву, изготовлением предметов домашней утвари и т. д.

Старшее поколение старалось передать свои навыки и умения в каком-либо ремесле молодым. Молодые же состязались в ловкости, силе, приемах борьбы. Подобные мужские объединения бытовали и у народов Дагестана⁵.

¹ Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX - начале XX в. - Л., 1984. - С. 169.

² Мусаева М.К. Хваршинцы XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1995. - С. 188.

³ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. - М., 1949. - С. 188-189; Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX - нач. XX в. - Махачкала, 2001. - С. 141.

⁴ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX в. - М., 1985. - С. 118.

⁵ Шиллинг Е.М. Указ. раб. - С. 147-173; Агларов М.А. Андийская группа народностей. Канд. дисс. - Махачкала, 1967 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН - Ф. 3. Оп. 3. - Д. 67 - С. 212-217; Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 117; Лугуев С.А. Общественный быт лакцев во II половине XIX - нач. XX в. Автореф. канд. дисс. - Л.,

Существовал и другой вид мужских развлечений - это игровой обряд «кезбе боза» (букв. боза по очереди). Проходил он обычно осенью и зимой, когда все сельскохозяйственные работы были выполнены. Мужчины объединялись поквартально по возрасту и устанавливали очередность. Каждый член объединения был обязан выставить на стол хмельной напиток «боза», напоминающий по вкусу пиво. Готовили бузу из проса или кукурузы. Для этого «просо очищали от кожуры, слегка молотили на специальной мельнице. Затем варили в большом котле. Получалась каша коричневого цвета. Перед варкой заливали водой и оставляли для брожения на несколько дней. Варили после брожения. После варки кашу пропускали через сито, остатки на сите собирали и вновь делали бузу»¹. Избирался старший объединения «боза агасы» (букв. старший бузы). По его указанию собирались мужчины, превращая сборы в праздник песен, рассказов, шуток с потреблением напитка. Во время питья существовал определенный этикет. Первое угощение по традиции должен был устроить «боза агасы». Приготовив напиток, хозяин оповещал мужчин, и они в назначенный день собирались у него. Право первым пригубить напиток предоставлялось самому «боза агасы», который произносил пожелание, затем пригублял сидящий справа от него, считавшийся вторым после «боза агасы» лицом, а тот в свою очередь передавал «тостанак» (специальная посуда для питья) следующему по рангу, то есть сидящему слева от «боза агасы», затем шли уже все остальные (по возрасту)². За столом обязательно пели песню о бузе:

Боза, боза, боза ды

Боза сувдан тазады,

Эрбегей шопьтинъ басады,

Буза, буза, да будет буза,

Буза чише воды,

Она - любимый напиток мужчин.

1982; Исламгагомедов А.И. Мужские собрания гьоркьо рукъ у аварцев // Тезисы докл. научн. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1984 - 1985 гг. - Махачкала, 1986. - С. 25; Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана. - Л., 1988. - С. 113-114; Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 189; Карнов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. - Л., 1996. - С. 49-50.

¹ Schlatter D. Bruchstücke aus einige Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. St. - Gallen - Bern, 1836. - S. 250.

² Керейтов П.Х. Указ. раб. - С. 132.

Эрлердинь суйип
Ишкен асыды.
Боза, боза, бозады
Боза сувддан тазады.
Боза таппай, харам деп,
Афендилер азады!

Буза, буза, да будет буза,
Буза чише воды.
Не найдя бузу, объявляя ее запретной,
Эфендии худеют¹!

Во время такого сбора устраивались и спортивные состязания. Следует заметить, что подобные сборища в пьянки не превращались, показаться в пьяном виде считалось постыдным делом.

«Кезбе боза», так же, как и «басланув», аналогичен киргизскому «жоро бозо», и в видах развлечений они совпадают². Этот факт подтверждает существование древних этнокультурных взаимосвязей ногайцев и киргизов.

Дети, как и взрослые, проводили зимнее время в играх и забавах. Когда земля покрывалась снегом, дети катались на санках, лыжах, играли в снежки, лепили из снега домики, фигурки разных животных.

В холодное время года ногайцы более интенсивно занимались домашними промыслами и ремеслами. Все ногайские женщины умели ткать сукна, шить одежду, делать полости, выделывать овчины, шерстяные чулки. Каждая женщина без посторонней помощи могла изготовить в год до 20 пар чулок³. Из шерсти женщины ткали переметные сумки («куржун»), мешки («кьап», «дорба»), занимались изготовлением веревок, шили шубы, папахи, зимние шаровары и т. п. Мужчины шили сапоги, чувяки, занимались выделкой деревянной посуды и изготовлением разных принадлежностей кочевого хозяйства.

Изделия домашних промыслов и ремесел шли не только на удовлетворение собственных нужд, но и на продажу. Они пользовались большим спросом на рынках России.

¹ Если просите, спою... Ногайские народные песни. / Сост.: А.И.-М. Сикалиев. - Черкесск, 1971. - С. 98.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 132.

³ Кочекеев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. - Алма-Ата, 1973. - С. 101.

Зимними ночами ногайцы любили наблюдать за звездами, рассказывали детям о звездах, объясняли их расположение, передавали им астрономические знания. Так, у ногайцев сохранились арабские названия 12 созвездий: «Амаль» – Овен, «Совру» – Телец, «Шавза» – Близнецы, «Саратан» – Рак, «Асад» – Лев, «Самбула» – Дева, «Мезан» – Весы, «Акраб» – Скорпион, «Къавз» – Стрелец, «Жадью» – Козерог, «Далбу» – Водолей, «Гут» – Рыба.

О регулярных наблюдениях за звездным небом свидетельствует наличие и местных названий звезд и планет. Так, «Шолпан юлдыз» («Утренняя звезда») называли Венеру, с ее появлением на небе чабаны с отарами возвращались домой; «Етеге юлдыз» («Семь звезд») – Большую Медведицу; «Уьлккер юлдыз» – неперебиваемое название Плеяд; «Мойса юлдыз» – («3 звезды Ярмо») – Орион; «Темир казык» («Железный кол») – Полярную звезду; «Кишкой Шолпан» («Малая Венера») называли Меркурий; «Кызыл юлдыз» («Красная звезда») – Марс; «Ярык юлдыз» («Яркая звезда») – Сириус; «Эшек кырган» («Истребитель ослов») называли Юпитер.

У ногайцев и казахов¹ существует легенда о «Эшек кырган» («Истребители ослов») Юпитере. «Как-то зимой шел купеческий караван на ослах. Остановившись на ночлег, люди договорились тронуться в путь с восходом Венеры. Ночью очередной дежурный принял восходящий Юпитер за Венеру и разбудил людей. Караван тронулся в путь, причем осла еще не успели достаточно отдохнуть и накормиться на стоянке. По дороге путников настиг буран и, так как до рассвета было еще далеко, караван сбился с пути. Истомленные, голодные осла пали. Так Юпитер оказался «Истребителем ослов».

У кумыков тоже существует такая легенда, но с некоторыми отличиями. По кумыкской легенде Юпитер называют «Кереван кьырган» («Истребивший караван»), и в сказании говорится о гибели верблюдов².

¹ Абишев Х. Указ. раб. - С. 17.

² Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. - Махачкала, 1989. - С. 41.

Все звезды, по представлению ногайцев, кроме «Темир казык», находились в движении. Говорили, что «Железный кол» (Полярная звезда) оставался неподвижным, так как не менял на небе видимого места. Не случайно ногайцы заблудившемуся в степи путнику советовали всегда ориентироваться на «Железный кол».

Большая Медведица служила для ногайцев своего рода часами, по ней чабаны определяли время.

Ногайцы говорили:

Етеге ерге шашылмай,
Куьзетши, сагья танг кайда?
Етип малын кергизбей,
Йиитим, сага кыз кайда?

Пока семь звезд не вонзятся в землю,
Нет тебе зари, ночной пастух.
Пока не приведешь весь свой скот,
Нет тебе невесты, мой джигит.

По «Уьлкер юлдыз» (Плеяды) определяли наступление весны. Ногайская поговорка гласит: «Уьлкер батар, бок катар, уьш айдан яз келер» («Уьлкер исчезнет – помет затвердеет, через три месяца весна наступит»).

Появление в августе на небосклоне звезды «Туршу» предвещало наступление холодов. «Туршу тувды туьн сувыды» («Туршу родился, ночи похолодали»).

По звездам определяли не только погоду, время года, путь к дому, но и такое важное событие в жизни человека, как свадьба. День свадьбы назначал мулла. Руководствуясь специальной таблицей, он вычислял положение на небосклоне созвездия Рака («Саратан») и определял дату свадьбы. В день свадьбы этого созвездия не должно было быть видно на небе. Говорили, что присутствие на небе созвездия «Саратан» в день свадьбы предвещало непрочный брачный союз. Со временем это ограничение было снято, и жениться можно было в любой день, лишь бы арба с невестой по пути в дом жениха не ехала навстречу известному со-

звездию. Так, считали, что 1, 11, 21, 31 числа каждого месяца созвездие «Саратан» находится на северо-востоке; 2, 12, 22 – на востоке; 3, 13, 23 – на юго-востоке; 4, 14, 24 – на юге; 5, 15, 25 – на юго-западе; 6, 16, 26 – на западе; 7, 17, 27 – на северо-западе; 8, 18, 28 – на севере; 9 – на земле, а 10 – на небе. В эти дни можно было подъезжать к дому жениха с любой стороны.

Ногайцы до сих пор придерживаются данной традиции и обращаются к мулле для определения дня свадьбы во избежание встречи с созвездием. В народе говорят: «Юлдызы каршы болмасын» («Чтобы со звездой не повстречаться»).

Полосу, опоясывающую звездное небо (Млечный Путь), ногайцы называли «кааба ел», т. е. дорога, ведущая в Мекку. Как говорили информаторы, Млечный Путь указывал дорогу совершающим хадж.

Знали ногайцы и о кометах, которые называли «Куйрык-лы юлдыз» («Звезда с хвостом»). Появлявшиеся на небе время от времени кометы наводили страх на людей. По их представлению, кометы являлись предвестниками несчастий и бедствий. Духовные лица старались записывать время появления комет и прогнозировать их новое появление.

Ногайцы еще в старину наблюдали, как пролетали по небу метеориты. Их называли «Аткан юлдыз» («Пролетающая звезда»). В народе считали, что полет такого небесного тела связан со смертью святого человека.

Внимательнее всего ногайцы наблюдали за солнцем и лунной. По солнцу и фазам луны вели счет времени, предсказывали различные проявления сил природы (дождь, засуха, похолодание и т. д.) Их именами нарекали детей. Так, девочкам давали имена Айгуль (Лунный цветок), Алтынай (Золотой месяц), Толганай (Полная луна), Айбийке (Лунная госпожа), Куьнбийке (Солнечная госпожа) и т. п. Солнцем и луной люди клялись.

Увидев молодой месяц, ногайцы выражали свое восхищение им, просили у всевышнего благополучия для своей семьи. Старики не разрешали детям показывать пальцем на луну. Говорили, что на луне голый юноша овец пасет. Видя, как кто-то смотрит на луну и показывает на нее пальцем, он думает, что это его увидели, и стыдится.

Много легенд ногайцы посвятили солнцу и луне. Одна из них гласит, что солнце и месяц были созданы совершенно одинаковыми, что нельзя было отличить одно от другого, и потому Бог послал Ангела и велел ему соскоблить часть света с месяца и прибавить к солнцу. С тех пор у солнца стало больше света, чем у месяца. Астраханские ногайцы представляют себе солнце и месяц в виде двух пустых шаров, внутри которых сидят две старушки, в солнце – Джилмаузкерт, а в месяце – Джилмауз. Они объезжают весь мир: одна днем, другая ночью, и смотрят, что делается на земле. После заката солнца и месяца старушки выходят из своего помещения и рассказывают Богу все, что они видели и слышали. Затмения солнца и луны происходят тогда, когда старушки видят на земле много злого и нехорошего¹.

Астрономические знания ногайцев в исследуемый период были фрагментарными. Многие явления, происходившие с небесными светилами, объяснялись с религиозной точки зрения. Но, несмотря на это, простые наблюдения приводили к накоплению эмпирических знаний о небесных телах. Благодаря накопленному опыту и наблюдениям за небом люди довольно успешно вели хозяйственную деятельность.

Умели ногайцы и предсказывать погоду, как на ближайшее время, так и на период от нескольких недель до нескольких месяцев. Умение прогнозировать погоду помогало людям успешно вести хозяйство и правильно ориентироваться в природно-климатических условиях. В зависимости от предстоящих погодных условий ногайцы-скотоводы устанавливали сроки и режим перекочевки. От погодных условий зависел будущий приплод, количество подножного корма.

У ногайцев существуют следующие понятия о состоянии погоды:

«туншык» – духота, «йылы» – тепло, «иссы» – жара, «шилле» – зной, «сувык» – холод, «бузлавык» – заморозки, «биринши бузлавык» – первые заморозки, «ызгяр» – сырость, «шык» – роса, «ямгыр» – дождь, «сыгъанак» – морозящий

¹ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при императ. Казан. ун-т. - Т. 12. Вып. 1-3. Казань, 1895. - С. 24.

дождь, «кар» – снег, «ел» – ветер, «елемик» – ветерок, «боран» – буран.

Изменения погоды на протяжении суток ногайцы предсказывали, наблюдая за солнцем, его восходом и закатом. Так, например, если при закате солнца зарево было красным – значит, следующий день будет ветреным. В степи, где нет природных защитных барьеров, укрывающих людей и скот от ветров, ветренная погода крайне нежелательна. По поводу ветреной погоды у ногайцев существует хорошая пословица: «Эртен куьн кызарса элиме яв шапкъандай – кеште куьн кызарса келиним увыл тапкъандай» («Красный восход – словно враг напал на Родину мою, красный закат – словно сноха сына родила»).

Многолетние наблюдения подтверждали, что утренний туман – к жаркому дню, а ясная зимняя ночь – к сильным морозам. Обращали внимание и на рожок молодого месяца: если его концы смотрели вверх, то это к засухе, вниз – к дождю. Молодой месяц светит ярче обычного, образуя вокруг себя туманное свечение – к холодам. Звезды тускло мерцают и кажутся маленькими – к дождю.

Кроме того, у ногайцев имелось множество фенологических примет, по которым они прогнозировали будущую погоду. Так, предвестниками изменений погоды были птицы: Низкий полет птиц предвещал дождь, крик ворон сильнее обычного на верхушках деревьев – к изменениям погоды в худшую сторону. По поведению птиц определяли, какой будет зима. Если они селились на самую верхушку дерева – к теплой зиме, на ветки дерева – к суровой зиме. Лягушки вылезали на сушу – к дождю. Холодную зиму предвещала улитка, забиравшаяся на самый верх травы. Неурожайный, засушливый год предсказывали муравьи. Преждевременный отлет журавлей на юг – к ранней зиме, а ранний прилет ласточек «карлыгаш» и кукушек «бискокок» – к ранней весне.

Полевые материалы показывают, что судили о перемене погоды и по поведению домашних животных. Так, например, если кошка лижет лапы – к дождю, лежит, растянувшись – к хорошему, ясному солнечному дню. Гуси прячут голову под крыло – к холодному дню. Почти всегда люди, особенно старики, точно могли предсказать перемену погоды по собственным

ощущениям, состоянию здоровья (ухудшение самочувствия, боль в суставах и т. д.).

Благодаря многовековым наблюдениям люди могли предугадывать неожиданности, преподносимые природой в виде чрезмерной засухи, града, ветра и обезопасить себя и свое хозяйство от них.

Наиболее остро в степи ощущался дефицит воды. Ее отсутствие являлось большим бедствием для скотоводов. В засушливое время ногайцы прибегали к обряду вызывания дождя. Обряд вызывания дождя не был приурочен к определенным срокам, а проводился по мере надобности. Нам известно несколько его вариантов. Одни из них связаны с приготовлением ритуальной пищи. Так, в жаркое засушливое время старики ближайших аулов договаривались собраться с целью проведения обряда вызывания дождя. Для этого в назначенный день в определенное место сзывали все население этих аулов, при этом каждый должен был принести с собой немного молока. Собравшись, мужчины начинали разводить костер и устанавливать котлы, а женщины готовить из этого молока слегка подслащенную рисовую кашу. Мулла произносил молитву, после чего все присутствующие приступали к трапезе. Оставшуюся кашу уносили домой. Этот обряд должен был, по мнению людей, умиротворить силы природы и дать им долгожданный дождь. Молоко символизировало дождь, а рис – плодородие. По сведениям информаторов, после совершения такого обряда люди не успевали дойти до дома, как по дороге их настигал дождь. Подобный обряд вызывания дождя, связанный с приготовлением ритуальной каши из молока и зерен, существовал и у хваршин¹.

Существовал и другой вариант обряда вызывания дождя, который был связан с пищей. Он также был направлен на умиротворение сил природы. Для этого люди собирались в центре аула и разводили костер, варили ногайский чай без молока, преднамеренно пересолив его. Мулла читал молитву, после чего всех присутствующих угощали чаем.

Известны также варианты вызывания дождя с участием ряженого. Когда возникала потребность в дожде, пожилые

женщины аула договаривались о проведении обряда вызывания дождя. Для этого они выбирали из своей среды всеми уважаемую, обязательно одинокую женщину. Накануне проведения обряда она должна была выкрасть башмаки у женщины, родившей двойню. Утром женщина собирала ивовые ветки, делала из них накидку и надевала ее на себя, держа в руках украденные башмаки. Сопровождаемая детьми, надевшими на голову мешки с прорезями для глаз, она входила в каждый двор со словами: «Ла иллагъа илаллагъ!» («Нет бога, кроме Аллаха!»). После этих слов дети начинали петь обрядовую песню:

Ала каплар киемиз
Алладан ямгыр тилейбиз!
Яшил каплар киемиз
Яшнап ямгыр тилейбиз!
Каш кала, кала, кала
Ямгыр явсын я Алла!

Разноцветные мешки надеваем,
У Аллаха дождя просим!
Зеленые мешки надеваем,
Радостно дождя просим!
Каш кала, кала, кала,
Пусть дождь пойдет, я Алла!

Хозяева обливали женщину и детей водой и одаривали их хлебом, сушеным мясом, сыром, сладостями, которые складывались в мешок. Так, обойдя весь аул, процессия направлялась к реке, здесь на берегу женщина бросала в воду украденные башмаки. Сюда приходили и другие женщины этого аула. Дети доставали из мешка съестное, женщины варили ногайский чай без молока и масла и начиналась совместная трапеза. После все расходились по домам. Если в ауле поблизости не было водоема, то украденные башмаки бросали в колодец, а процессия останавливалась посередине аула, где и подалось все собранное во время шествия. Подобный обряд с ряжеными известен у лакцев¹, у лезгин – «пешапай»², у аварцев – «ццIадал хIама»³, у

¹ *Рамазанова З.Б.* Обряды вызывания дождя и солнца у лакцев в конце XIX - начале XX в. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. - Махачкала, 1987. - С. 83.

² *Трофимова А.Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайдж. этнограф. сб. - Баку, 1964. Вып. 2. - С. 98-99.

³ *Никольская З.А.* Религиозные представления и сельскохозяйственные обряды аварцев (К вопросу о синкретизме религиозных верований аварцев) // Вопр. истории, религии и атеизма: Сб. ст. - М., 1959. Вып. 7. - С. 322-323.

¹ *Мусаева М.К.* Хваршины XIX - начало XX в. - Махачкала, 1995. - С. 184.

даргинцев¹, у народов Северного Кавказа подобный обряд описан у вайнахов², грузин Рачи³ с одним отличием: в роли ряженого у них выступал мужчина.

В обрядах вызывания дождя просматривается и культ камня, вера людей в его сверхъестественные силы. Так, у ногайцев широко был распространен обряд вызывания дождя, заключающийся в бросании камешков в воду. Инициаторами проведения такого обряда являлись мулла и старейшины аула. Мулла назначал день проведения обряда. В условленное время все жители аула собирались на берегу озера, где совершалось жертвоприношение скота, купленного мясом всех присутствующих. Все действия от начала до конца сопровождалось молитвами. В конце, после того, как все съедалось, люди бросали камешки в воду, прося у всевышнего дождя. Обряд с камнями бытовал и в с. Терекли-Мектеб. Он проходил следующим образом: три камешка связывали между собой, привязывали к древку и после прочтения молитвы опускали в колодезь. После этого, как говорили информаторы, должен был пойти дождь. Если дождь лил несколько дней подряд, то камешки вынимали из колодца, и дождь прекращался.

Обряд вызывания дождя с разнообразными действиями с камнями встречается у всех тюрко-монгольских народов и у народов Дагестана: хваршин⁴, лакцев, табасаранцев⁵, лезгин⁶. Кроме того, он бытовал и у вайнахов⁷, осетин, карачаевцев, грузин, адыгов – шапсугов, армян⁸, турок⁹.

¹ Магомедова М.А. Обряды вызывания дождя у даргинцев (XIX - нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. - Махачкала, 1987. - С. 92.

² Мадаева З.А. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX - нач. XX в. // СЭ. 1983. № 4. - С. 87.

³ Степанова И. Приметы и поверья грузин Телавского уезда Тифлисской губернии // СМОМПК. - Тифлис, 1894. Вып. 19. - С. 79-80.

⁴ Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 182.

⁵ Булатова А.Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов Горного Дагестана в XIX - XX вв., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. - Махачкала, 1980. - С. 100.

⁶ Трофимова А.Г. Указ. раб. - С. 103.

⁷ Мадаева З.А. Указ. раб. - С. 87.

⁸ Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. - Цхинвали, 1976. - С. 171-172.

⁹ Гордлевский В.А. Избр. соч. - М., 1968. - Т. 4. - С. 74.

Существовал и другой обряд вызывания дождя, в котором главное место занимала дождевая кукла «Такта-коршак» у кубанских ногайцев¹. В немного измененной форме он бытовал и у степных ногайцев. Обряд вызывания дождя у последних назывался «Андир-шопай». Так, в засушливое время старики аула назначали день проведения обряда. Двум мальчикам 10-14 лет поручалось изготовить деревянную куклу. Ее делали из крестообразно сбитых палок, надевали на куклу старую шапку и кусок овчины. Соорудив куклу, дети ходили по дворам и распевали:

Ямгыр явсын, Андир-шопай,
Арпадан, бийдайдан
Бежен толсын,

Андир-шопай,
Тилеймиз Кудайдан.
Оьп, оьп Андир-шопай,
Андир-шопай ямгыр явсын,
Бавда шарлак авсын,
Оьлген йылан тирилсин,
Оьлен бийик оьссин.
Оьп, оьп Андир-шопай,
Яв, яв, ямгыр, яв, яв,
Берекет болсын ерден,
Куй, куй, ямгыр, куй, куй,
Бийдай болсын белден.
Оьп, оьп Андир-шопай.
Ямгыр явар, булыт кетер,
Язлык бийдай шашылар,
Халкка шатлык келер,
Наьсип йолы ашылар.
Оьп, оьп Андир-шопай.

Пусть дождь пойдет, Андир-шопай,
ячменем, пшеницей
амбары наполнятся, Андир-шопай,
просим всевышнего.
Оп, оп, Андир-шопай,
Андир-шопай, пусть дождь пойдет,
в саду сторожевые будки пусть
опрокинутся,
мертвая змея пусть оживет,
трава высокой вырастет.
Оп, оп, Андир-шопай,
лейся, лейся, дождь, лейся, лейся,
земля пусть плодоносит.
Поливай, поливай, дождь, поливай,
поливай,
пусть пшеница вырастет по пояс.
Оп, оп, Андир-шопай.
Дождь пойдет, тучи уйдут,
весной пшеницу поседем.
К людям радость придет,
к счастью дорога откроется.
Оп, оп, Андир-шопай².

Хозяйка обливали куклу и детей водой, одаривая их сыром, яйцами, сушеным творогом. После окончания шествия все жите-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 93.

² Песня «Андир-шопай» записана в с. Кумли Ногайского района Республики Дагестан. Е. Буланбаевой Т. Акманбетовым.

ли собирались на окраине аула и резали черную корову, приобретенную вскладчину. Мясо варили и поедали. После окончания церемонии деревянную куклу зарывали возле колодца.

У засулакских ногайцев обряд вызывания дождя с куклой, который они переняли у своих соседей кумыков, назывался «Земире». В некоторых случаях действенным средством вызывания дождя являлось жертвоприношение. Так, у засулакских ногайцев этот обряд назывался «Хасап». Жители аула вскладчину приобретали быка, резали его и делили между собой мясо. Главная цель обряда жертвоприношения – умиловительная, апотропеическая.

Многообразие вариантов одного обряда было вызвано природно-климатическими условиями, если не помогал один – совершали другой, но все они были направлены для достижения одной цели – борьбы с засухой.

Обзор различных вариантов обряда вызывания дождя у ногайцев позволяет найти общие ритуальные действия и параллели с обрядами других народов, применяемыми в борьбе с засухой. Были случаи проведения обряда вызывания дождя и в недалеком прошлом.

Наряду с обрядами вызова дождя ногайцы прибегали и к обрядам вызывания солнца, в которых прослеживаются отголоски культа железа. Непрерывающийся дождь останавливали, выбрасывая на улицу железные предметы: ножницы (кыскыш), треножник очага (ошак) и т. д. Подобные же действия совершались и другими народами Дагестана¹. В целях предотвращения дождя во время свадьбы хозяйка дома, где играли свадьбу, выносила старую подушку и забрасывала ее на крышу жилища. По словам информаторов, данное действие было очень эффективным. Портящаяся на глазах погода через некоторое время прояснялась. Обряды вызывания солнца и предотвращения града объединял похожий сценарий проведения. Старики, заранее до-

¹ Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 183; Материальная культура аварцев. - Махачкала, 1967. - С. 49; Гаджиев Г.А. Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана. - Махачкала, 1977. - С. 129.

говорившись, собирались в центре аула, и каждый приносил с собой ногайский черный (без молока) соленый чай, который сливали в один котел и после прочтения муллою специальной молитвы выпивали, прося Аллаха остановить дождь или град «бурша».

Обряд прекращения ветра зафиксирован у сулакских ногайцев. Видимо, это было связано с их основной хозяйственной деятельностью – рыболовством. Ветер мешал рыбакам выходить в море. Для этого обряда сулакские ногайцы использовали шерсть барана, пожертвованного на Курбан-байрам. Во время сильного ветра клоч шерсти сжигали, а пепел развеивали по ветру. Считали, что после этого действия ветер постепенно стихнет.

Так ногайцы, используя накопленные не одним поколением людей знания, основанные на рациональных и иррациональных наблюдениях за явлениями природы, предсказывали погоду и пытались защититься от ее нежелательных проявлений. Во всех вышеперечисленных обрядах органично сочетаются пережитки домусульманских языческих верований с наслоениями на них элементов мусульманской религии, так как во всех обрядах ведущую роль играло духовенство.

Итак, народный календарь был вызван общественной потребностью в успешном ведении хозяйственной деятельности. Он создавался на протяжении длительного культурного развития народа. Основанный на наблюдениях и различных знаниях людей о природе, календарь был направлен на их оптимальное использование для хозяйственных нужд. Народный календарь выполнял важнейшую функцию распространения земледельческого и скотоводческого опыта и навыков, закрепления и передачи подрастающему поколению эмпирических знаний о явлениях природы и использования их в практической деятельности.

Связанные с календарем календарные обряды также способствовали эффективному ведению хозяйства и вместе с тем несли огромную идейно-нравственную нагрузку, выполняя духовную функцию.

§ 2. Календарные праздники

Особое место в духовной культуре ногайцев занимали календарные праздники, приуроченные к определенным сельскохозяйственным работам и переломным моментам года (весеннее равноденствие, середина лета и т. д.).

Самым долгожданным и любимым праздником у ногайцев был «Навруз байрам» – праздник встречи весны. Навруз известен многим народам мусульманского Востока. Под разными местными названиями его знали народы Южного Дагестана (Яран Сувар – лезгины, Эверчин, Эбельцен – табасаранцы, Эр – рутульцы, Эвелцан – агулы), лакцы (Ингнил хху), аварцы и даргинцы некоторых селений¹. Праздник встречи весны был характерен и для других народов мира².

Отмечали праздник Навруз 21 марта, в день весеннего равноденствия, который знаменовал собой и начало нового года. К встрече весны готовились загодя. Мужчины готовились к конным состязаниям, приводили в порядок место для игрищ, забивали столб «къязыкъ» высотой 15 м. В ожидании этого дня женщины убирались в доме, выносили старые вещи, вычищали, вытряхивали и проветривали войлочные изделия и т. д. В каждой семье готовили лучшие блюда ногайской кухни, которыми угощали гостей. Считалось, что чем щедрее окажутся хозяева дома, тем обильнее будет урожай в предстоящем году.

Утром 21 марта ребята ходили по аулу, держа в руках зеленые ветки кустарников, облепихи, подснежники и поздравляли односельчан с приходом весны. Процессия во главе с ведущим, который держал в руке шест, должна была посетить каждый дом, приветствуя и поздравляя хозяев с праздником весны, с наступлением нового года, даря им песни. Каждая семья должна была одарить детей сладостями и привязать к шесту ведущего платок. Содержание песни менялось в зависимости от того, кто

¹ См.: Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX - начале XX века.

² См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. - М., 1979.

проживал в доме. Если в доме жила бабушка, то песня была следующего содержания:

Яз келди япан,
Тигилди кара шапан,
Энди келди яз заман

Пришла весна.
Сшит черный халат,
Уже пришла весенняя пора.

Азан – Азан, шаьбден –
шаьбден,
Навруз келди мубарек!
Уый артында коьллер,
Какылдайды казлар,
Бизге явлык бермейды
Кеншек минен кызлар
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Навруз келди мубарек!
Тур, тур, анай, тур, анай,
Туьлки тонынъ кий, анай,
Бизге явлык бер, анай.
Навруз келди мубарек!¹

Азан-азан, подснежник,
подснежник.
Навруз пришел, мубарек!
За домом озера,
Гогочут гуси,
Нам платок не дают
Невестки и девушки.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Азан-азан, подснежник,
подснежник,
Навруз пришел, мубарек!
Вставай, вставай, бабушка,
Вставай, бабушка,
Надень свою лисью шубу, бабушка,
Дай нам платок, бабушка,
Азан-азан, подснежник,
подснежник.
Навруз пришел, мубарек!

Обычно в песне указывали имя хозяйки дома так, чтобы она обязательно услышала и вышла из дома с подарками.

Кетти кыстын токсаны,
Келди яздынъ бостаны,
Юз болды, яз келди,
Уыйрек пен каз келди,
Азан, Навруз куьни, мубарек.
Яз келди деп суьйининъиз,

Ушла зимняя 90-дневка,
Подошел летний огород.
Сто дней уже, пришла весна,
Утки и гуси прилетели.
Азан, день Навруза, мубарек.
Радуйтесь весне,

¹ Если просите, спою... Ногайские народные песни. Сост.: А.И.-М. Сикалиев. – Черкесск, 1971. - С. 91.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 103.

Яз опырак кийнинъиз,
Ай, Айбийке, турып бак,
Ак сандыкка колынъ как,
Азан, Навруз куъни, мубарек.
Ай Куънбийке, эсик аш,
Наврузга шашув шаш,
Язлык берсенъ йылтырат,
Акша берсенъ сылтырат,
Азан, Навруз куъни, мубарек².

Одевайтесь понаряднее.
Ай, Айбике, встанъ-ка,
В белый сундук руку протяни,
Азан, день Навруза, мубарек.
Ай, Кунбийке, дверь открой,
На Навруз сделай подарок,
Весну дашъ – заблестит,
Деньги дашъ – загремит,
Азан, день Навруза, мубарек.

Поздравления с весной содержали и благопожелания. Так, ребята, подходя к дому работников, пели:

Навруз йырлай келдик биз,
Исшилердинъ эсигине.
Наърик улы Шорадай,
Баътир берсин бесигине¹.

Распевая Навруз, пришли мы
к дверям работников.
Как у Нарика сын Шора,
Чтоб для люльки родился богатырь.

Песни встречи весны у кубанских ногойцев и степных в целом схожи. Правда, имеется и некоторое отличие. В песне у степных ногойцев поется:

Яз келди япан
Тигилди кара шапан

Пришла весна,
Сшит черный халат.

У кубанских же ногойцев в тексте указывается на их занятие земледелием:

Яз келди япан
Тигилди ерге саппан

Пришла весна,
Плуг приставили к земле.

Обрядовые песни, посвященные празднику весны, содержали пожелания односельчанам радости, счастья, надежды, благополучия. Обойдя всех жителей аула, процессия направлялась к месту, где должны будут проходить массовые гулянья. Шест с

платками вбивали в землю на видном месте. Постепенно жители аула собирались в условленном месте, каждая семья со своими продуктами и посудой (чашками, ложками) направлялась на майдан (поле, где будет проходить праздник). Здесь же забивали предназначенный для праздника скот, варили в нескольких котлах «уъйре» жидкую кашу из проса, приправляли ее кислым молоком «ювурт» и толченым чесноком¹. Тем временем дети, расположившись в поле, поедали собранные сладости. Перед началом праздника на поляну пригоняли коров, там же их доили и всех присутствующих угощали молоком. Старейшина аула, взяв в руку пиалу с молоком, обращался лицом к солнцу и произносил пожелания, несколько капель молока выплескивал. Молоко в этот день считалось главной пищей. Затем на поле приводили коня и старейшина обливал копыта коня водой и при этом произносил следующие слова: «Атынъ юрик болсын. Сувда юрик болсын» («Чтобы конь был быстрым даже в воде»). Следующей вели корову, ей копыта обливали молоком, приговаривая: «Сыйырынъ суътли болсын» («Чтоб корова молоко давала»). Последним вели барана. Ему копыта обмазывали маслом и говорили: «Койынъ майлы болсын» («Чтобы баран был жирным»).

После совершения этого обряда мулла произносил молитву, и люди, разложив продукты, принесенные с собой, и получив свою долю каши «уъйре», приступали к совместной трапезе. В некоторых селениях вместо этой каши варили рисовую кашу, заливая ее сладкой водой «сербет су», приготовленной путем растворения в обычной воде сахара. При этом до употребления ее в пищу присутствующие бросали туда серебряные украшения². После угощения начинались развлечения: песни, танцы, игры. Среди молодежи были популярны спортивные состязания. Так, ни один праздник не обходился без конных скачек. К скачкам готовились заранее. Отбирались лучшие скакуны, специально по случаю предстоящего праздника изготавливали седла, меняли подковы и т. д. Победившему на скачках в качестве приза преподносили живого барана.

¹ Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. - СПб., 1999. - С. 169.

² Булатова А.Г. Указ. раб. - С. 169.

¹ Шора сын Нарика - главный герой ногойской поэмы «Шора батыр».

Упражнялись и в заарканивании лошади: животное водили по кругу, стоящий в центре круга должен был забросить на шею коня аркан. Самый ловкий получал приз. Обычно в этом виде соревнования состязались дети 10-14 лет. Забавой молодых было и лазание на «къязыкъ» (столб), на котором висели различные призы: петух в клетке, платки, кисеты и пр. Каждый мог забраться на столб и выбрать понравившуюся вещь.

Проводились и коллективные состязания. Так, молодые люди разбивались на две группы и соревновались в перетягивании каната «Аркан тартув» (букв. перетягивать аркан).

Любимым видом состязаний у ногайцев была борьба «куърес». «Борьба происходит таким образом: зрители садились в кружок, на середину выходят два состязателя, сбросивши с себя лишнее верхнее одеяние и даже сапоги, чтобы тверже упираться ногами за ремни, которыми крепко опоясаны, и стараются повалить один другого на землю. Если бойцы равносильны и одинаково ловки, то случается, что они прохаживаются в кружке целых полчаса, пока наконец один из них не изловчится и не повалит другого при общих одобрительных отзывах толпы. Победитель затем садится в середине круга и вызывает нового противника. Поборовший охотников раза два или три получает заранее определенный приз...»¹ – писал А.О. Рудановский, наблюдавший в середине XIX в. за ходом борьбы во время праздника. Согласно правилам борьбы «куърес» разрешалось, оторвав противника от ковра, взять его на бедро и произвести бросок на спину или на бок без отрыва рук от пояса. Характерной особенностью борьбы является также наличие в ней разнообразных приемов – различных подножек и зацепок, бросков стоя и с падением, многочисленных поворотов и «кружения» противника². Победить в «куъресе» было весьма почетно.

Зрелищно проходили собачьи бои «ит таластырув», которые собирали большое количество людей. Для этого специально

¹ Рудановский А.О. О караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 49. - С. 318.

² Калмыков Б. Самобытные физические упражнения у тюркских народов // Половецкая луна. - Черкесск, 1994. № 1/8. - С. 131.

сооружались загоны, где и происходили бои. Хозяину победившей собаки вручался приз.

По – своему развлекались и самые маленькие участники праздника. Для малышей специально устраивали показ кукольного театра «Оъртеке». Куклы «оъртеке» по способу управления относились к типу вертепных. И создателем кукол, и рассказчиком, и музыкантом был один человек. Его появления ожидали все присутствующие на празднике. Дети с нетерпением ждали начала представления. Сценой для кукольного театра служил деревянный ящик, украшенный национальным орнаментом. К ящику прикреплялись спицы, на которые были насажены деревянные фигурки старика в овчинной шубе и папахе и старухи в ногайском традиционном женском костюме, а между ними находилась фигурка козлика. К спицам прикрепляли козьи жилы, которые соединялись с пальцами домбриста. Стоило музыканту коснуться струн домбры, как фигурки начинали подпрыгивать, что вызывало восторг у детей. Домбрист разыгрывал различные комические бытовые сцены: старик со старухой спорили, мирились. Часто зачинщиком споров являлся маленький козлик. Иногда старик со старухой изображали жадных богачей и тогда посмотреть «оъртеке» приходили взрослые.

Являясь одним из элементов зрелищных мероприятий, «оъртеке» прочно вошел в праздничную культуру ногайцев. Вертепные театры были широко распространены и в Польше, затем они проникли на Украину, в Белоруссию и в Россию¹. Подобные развлечения с деревянными куклами существовали и у аварцев².

Праздничное настроение у людей создавали и музыканты. Вокруг них собиралась молодежь, которая пела песни под домбру. Обычно собравшиеся разбивались на группы юношей и девушек, которые устраивали песенные состязания такого рода:

Кыз: Темир балта сен болын,
Шавып алган сен болсань,

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. IV. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. - М., 1991. - С. 128.

² Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX - нач. XX в. - С. 112-113.

Темир сабан мен болып,
 Ерге батсам кайтерсинь?
Девушка: Если ты станешь топором
 Рубящим,
 Я стану железным плугом,
 В землю войду, что будешь делать?

Яс: Темир сабан сен болып,
 Ерге баткан сен болсань,
 Сегиз оьгиз мен болып,
 Юлкып алсан кайтереинь?

Юноша: Если ты станешь железным плугом,
 В землю войдешь,
 Я стану семью быками,
 Вырву тебя (из земли), что будешь делать? и т. д.

Проводились и состязания исполнителей, называвшиеся «саз». Каждый участник подобного состязания должен был, играя на домбре, спеть как можно больше куплетов. Например:

Он эки берне домбрам
 Берши меним колыма,
 Тотыгыстай таралып
 Шыкшы меним йолыма.

12 ладов на домбре моей
 Передай мне в руки,
 Распустившись, как павлин,
 Выйди на мою тропу.

Он эки берне домбрам
 Кайсы сазым шалайым?
 Баьриньиз де аьруьв кыз
 Кай бириньди алайым?

12 ладами на домбре моей
 Какую сыграть мелодию?
 Все красивые девчата,
 Какую же из Вас выбрать, не знаю.

Домбрам бавы алтын шек
 Ойнатканым келиншек,
 Келиншекке бармага
 Оьзим солай эриншек.

Золотые струны моей домбры
 Сыграют для любимой,
 А идти к любимой
 Мне самому лень.

Кунбатар бет каранья
 Явдыма экен бийдайга?
 Не этсе де разымыз
 Кудиретли кудайга.

На западе потемнело,
 Пошел ли дождь для пшеницы?
 Что бы ни сделал, благодарны,
 Всевышний, тебе.

Ямгыр явсын, ашылсын,
 Арпа, бийдай шашылсын,
 Бизди тапкан ата мынан
 анайга
 Еннет капы ашылсын.

Пусть польет дождь, и
 прояснится (небо),
 Ячмень и пшеницу посеем,
 Родившим нас родителям
 Пусть откроются врата рая.

Так гулянья продолжались до вечера. Вечером взрослые расходились по домам, а молодежь оставалась допоздна, проводя время в играх.

Популярной игрой, в которую обязательно играла в эту ночь молодежь, была «Ак сукь» – «Белая кость». Все играющие делились на две команды; арбитром выбирали человека, которому доверяли обе стороны. Играющие команды поворачивались спинами к арбитру, и он бросал куда-то, в известном ему направлении, бабку крупного рогатого скота или малую берцовую кость барана. По его знаку все поворачивались к нему и отправлялись искать «белую кость» в указанном им направлении. Когда кто-то находил ее, он сообщал об этом членам своей команды, стараясь сделать это так, чтобы не услышали представители другой команды, что редко удавалось. Удачливую игрока блокировала его команда, чтобы не потерять кость, которую пытались отнять противники. Если удавалось ее донести до условного места, команда выигрывала очко. Играли до тех пор, пока одна из команд не выигрывала условленное количество очков. Выигравшая команда получала приз – барана, который ей давали проигравшие¹. Игра по таким же правилам существовала у монголов², тувинцев³, бурят⁴, туркмен, гагаузов, латышей⁵. Помимо этой игры играли еще и в лапту «Къашар топ», в прятки «Ясырынпак». Так Навруз праздновали в течение трех дней. На

¹ Булатова А.Г. Указ. раб. - С. 171.

² Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. - М., 1989. - С. 254.

³ Вайнштейн С.И. К истории ранних форм семейно-брачных отношений (ойгулааш у тувинцев) // СЭ. 1964. № 2. - С. 124.

⁴ См.: Шагдаран С.Д., Очиров В.Д. Игры и увеселения агинских бурят // ЗИРГО по отд. этнографии. Т. 34. - СПб., 1909.

⁵ Игры народов СССР. Сб. м-ов. Состав.: В.Н. Всеволодский-Чернграсс. - М.-Л., 1933. - С. 447-449.

четвертый день после Навруза, если позволяла погода, ногайцы выгоняли скот со двора со словами: «Озюнге ырызгыды ерден изле» («Себе пропитание на земле ищи»).

Согласно полевым материалам, собранным Р.Х. Керейтовым, кумские ногайцы в марте месяце отмечали праздник «Тепреш». Для его проведения юноши обрезали ветки терна, украшали их цветами подснежника и с ними ходили по аулу, распевая песни о весне. Их одаривали различными продуктами, преимущественно яйцами. Таким образом, ходили несколько дней, пока не обойдут весь аул. Затем из собранных продуктов на окраине аула утром готовили различные блюда. Яйца окрашивали в разные цвета. За аулом, например, рядом с аулом Канглы, обычно у кургана – «Майлы тоьбе» устраивалось коллективное угощение, оно и называлось «Тепреш». Сюда приходили жители аула, сами приносили съестное. Женщины, соревнуясь, выставляли различные блюда собственного приготовления: бесбармак, кувырдак, из муки готовили катлама, бауырсак. Почти все хозяйки приносили крашенные сваренные яйца, которые катили под горку. Особенностью праздника являлось участие в нем всего населения аула. Старики чинно восседали на верху холма, молодежь резвилась у его подножья, женщины угощали съестным сначала старших, затем детей, в последнюю очередь ели сами. Яйца как символ плодородия раскатывались с пригорка, разбивались, очищались и съедались¹. Праздника с окрашиванием яиц у степных ногайцев не было.

Крашение яиц, катание их с горки и употребление их в весенний период было известно лезгинам, агулам, табасаранцам, рутульцам, цахурам². Подобная игра существовала и у узбеков³. Яйцо символизировало возрождение жизни, такую же обрядовую функцию оно выполняло и в весенних обычаях у большинства народов Европы⁴.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 105.

² Булатова А.Г. Указ. раб. - С. 141, 145, 157.

³ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С. 206.

⁴ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. - М., 1983. - С. 164.

Другим большим весенним праздником был праздник первой борозды «Сабантой» (букв. свадьба плуга), открывавший новый сельскохозяйственный год. Его отмечали кубанские ногайцы, занимавшиеся помимо скотоводства и земледелием. В Ногайскую степь он был привнесен гораздо позже, в начале XX века, в период седентеризации степных ногайцев. Но, несмотря на это, праздник первой борозды «Сабантой» прочно утвердился и у степных ногайцев. Определенной даты для проведения этого праздника в году не существовало, отмечали его в зависимости от погодных условий, после встречи нового года. Существовал ряд народных примет начала пахоты. Главной же приметой являлось появление на земле демонического существа «Емире». По поверьям, он никогда не попадает на глаза людей, оживает и появляется ранней весной, а зимой – отдыхает. Его появление способствует нагреванию воздуха, земли, таянию льда. По поверьям, с появлением «Емире» можно начинать весенние земледельческие работы, выгонять скот на летние пастбища «яйлакь». Уже по тому, что земля выпускала пар, в народе говорили: «Ерге емире туьсти, сабанды йибермеге болады» («Емире уже в земле – можно пускать плуг»)¹. Степные ногайцы пользовались и другим методом установления срока пахоты: они следили за положением солнца. Как только его лучи проникали через верхнее отверстие юрты во внутрь жилища, можно было приступать к пахоте.

Первую вспашку совет старейшин поручал провести опытному земледельцу, известному своей хозяйственностью. Пахарь должен был быть зажиточным, т. к. после первой вспашки он нес все расходы по угощению присутствующих. Угощались обрядовой кашей «сабан ботка» (букв. плужная каша). Готовила кашу многодетная женщина, имеющая благополучную семью с достатком. Кашу готовили из проса на молоке и добавляли в нее кусочек сушеного мяса. На празднике первой борозды присутствовали плугари «сабаншылар», все жители аула и гости. Пахоту в аулах старались проводить поочередно, чтобы на празднике первой борозды могли присутствовать и люди из соседних аулов. Организаторами праздника выступали совет старейшин аула и муллы. На совете старейшин выбирали «хана» – главу и распорядителя предстоящего праздника. «Ханом» избирали мудрого и уважаемого старика с организаторскими спо-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 109.

Здесь же готовили ритуальную еду: «кьюырдакъ», «боткья», «бесбармакъ» и угощали всех присутствующих.

После совместной трапезы начинались увеселительные мероприятия. Главным организатором развлечений был ряженный. Надев на лицо маску козла «теке» (букв. козел) и облачившись в шкуру мехом вовнутрь, ряженный развлекал публику своими шутками, плясками, поскоками, прыжками, кувырканиями. Все его действия вызывали смех, создавали атмосферу праздника и всеобщего веселья.

На празднике первой борозды проводились самые разнообразные конные состязания. Прежде всего, это скачки «Ат шабыс». Скачки проводили на длинные и сверхдлинные дистанции. Состязания проходили на пересеченной местности, изобиловавшей различными естественными препятствиями. В скачках большое значение имело практическое мастерство наездника. Иногда побеждал не тот, у кого более резвая и выносливая лошадь, а тот, кто умел тактически правильно провести состязания, быстро оценить обстановку, хорошо подготовить лошадь к скачкам и правильно распределить ее силы на дистанции¹. Проводили скачки на короткие дистанции на трехлетних лошадях «Кунан шабыс».

Состязались и на быструю упряжку «Ат егу». Соревнующиеся по команде запрягали лошадей и начинали скачку. Первый, прибывший к финишу, считался победителем. К конным видам состязания относились «Ат омырауластыру» – вытеснение на конях из круга, «Йорга шабыс» – скачки на иноходцах. Одним из основных условий скачек на иноходцах являлось то, что при беге правая передняя и правая задняя и соответственно левая передняя и левая задняя ноги лошади выносились вперед одновременно. Во время состязаний хороший «йорга» никогда не переходил на обычный бег. За каждое нарушение этого правила участники «Йорга шабыс» штрафовались, после третьего нарушения снимались с дистанции. Состязания проводились только на короткие дистанции².

¹ Калмыков Б. Указ. раб. - С. 130-131.

² Там же. - С. 131.

Интересно проходил «Улак тартыс» – козлодрание. Участники этого соревнования стремились на скаку, используя силовые приемы, завладеть тушей козла и прибыть к финишу. Часто бывало так, что во время этой игры туша могла стать добычей нескольких всадников, но только один становился победителем, и ему в качестве приза и доставался оспариваемый козел.

На празднике стремились показать не только умение управлять лошадью, быть хорошим наездником, но и силу, ловкость, меткость. Так, соревновались в толкании камня «Тас ату», в стрельбе из лука «Ок ату», в поднятии тяжести «Аурлыкты коьтеру»». Победитель соревнований обязательно получал приз. Обычно в качестве приза победителю вручали живого барана или ягненка.

Помимо спортивных состязаний устраивались и песенные. К песенным состязаниям на домбре девушки не допускались. Женщины, как правило, присутствовали в качестве зрителей.

Дети организовывали собственные развлечения. Собравшись вместе, они играли в разные игры. Днем играли в альчики «алыкъ», в «лямгу». Игра в «лямгу» заключалась в следующем. Несколько детей (в эту игру могли играть и девочки), собравшись, выбирали с помощью считалки ведущего. Он и начинал игру. Первый игрок должен был, стоя на одной ноге, другой подбрасывать в воздух кусочек овчины шкурки («маягы»), к которой пришивали кусочек свинца для тяжести. Остальные игроки становились полукругом и вели счет. Как только «маяга» касалась земли, игрока сменяли на другого. Итак, выигрывал тот, кто дольше всех продержится и, следовательно, наберет больше очков.

Ближе к вечеру «хан» официально объявлял о закрытии праздника. Желавшие могли покинуть праздничное мероприятие. Молодежь же оставалась допоздна.

Вечером дети играли в «Лапту» – догонялки, в «Козь байлавыш» – жмурки и др. Молодые люди разводили костры, устанавливали качели, на которых раскачивались девушки. Уже поздно вечером молодежь с песнями и танцами возвращалась домой.

Так, праздник «Сабантой» продолжался несколько дней, переходя из аула в аул, куда обязательно приглашались гости из соседних аулов.

Другим весенним праздником был «Коекек байрам». Отмечали праздник в апреле, когда природа оживала, прилетали с юга птицы, наступало настоящее весеннее тепло. Устроителями данного праздника выступала молодежь. Договорившись о дне проведения праздника, ребята надевали шубы шерстью наружу и ходили по домам, распевая обрядовую песню «Коекек»:

Коекек баьтир уьйдеме кен?
Иер турманы шуьйдеме кен?
Ак шал аты бавдама кен?
Бавда болса, кисинесин,
Куйрыгын-ялын тислесин.
Куйрыгын-ялын япага
Кызыл ширги ярасар.
Кызыл ширги уьстине
Куьмис иер ярасар.
Коекек баьтир колына
Алтын камышы ярасар.
Как-как этейим,
Яркай берсенъ кетейим
Аласамды токтатпа,
Эсигинъ алдын токлатпа.

Коекек батыр дома ли?
Седло, сбруя висят ли?
Белый конь в саду ли?
Если в саду, пусть ржет,
Пусть покусает свою гриву и
хвост.
Чтобы закрыть хвост,
Красный потник подойдет.
Поверх красного потника
Серебряное седло подойдет.
Рукам Коекек батыра
Золотая плеть подойдет.
Как-как скажу,
Дашь яйцо – уйду.
Не задерживай моего коня,
Не давай ему пачкать твой
порог¹.

По мнению Р.Х. Керейтова, данный праздник не что иное, как колядование, т. к. налицо все его атрибуты – шуба, вывернутая наизнанку, представляемый конь, на котором ездят богатырь, песни, шутки, яйцо как символ плодородия, выпрашиваемый колядующими². Время возникновения данного праздника «Коекек» связывают с домусульманским периодом жизни ногайцев. В обрядовой песне «Коекек» не упоминаются слова «ал-

лах», «кудай», что свидетельствует о глубоких домусульманских корнях этого праздника.

В каждом доме ребят одаривали сушеным мясом, яйцами, хлебом, сыром, сладостями. Все продукты складывали в мешок. Обойдя весь аул, ребята направлялись за околицу. Расположившись на полянке, дети поедали собранные продукты. После трапезы они веселились, устраивая различные состязания, игры.

Исследование народного календаря, календарных праздников и обрядов ногайцев позволяет сделать некоторые обобщения и выводы. Прежде всего необходимо отметить, что календарь является результатом многовековой трудовой деятельности народа, длительного культурного развития и представлен об окружающем мире. На протяжении многих веков ногайцы накапливали эмпирические знания о явлениях природы, наблюдали за небесными телами, за сменой времен года и сопровождавшими их изменениями в погоде. Из накопленных знаний отбиралось самое рациональное, передавалось из поколения в поколение и использовалось в хозяйственной деятельности.

Обряды и празднества, связанные с народным календарем, были порождены потребностями трудовой деятельности людей и направлены на умилостивление природных сил и обеспечение обильного урожая. Производственный календарь ногайцев содержит ценный практический опыт земледельцев и скотоводов, имеет много общего с календарями других тюркоязычных народов, что подтверждает общность их происхождения и древние этногенетические связи.



¹ Если просите, спую... - С. 90.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 116.

ГЛАВА V. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ВЕТЕРИНАРИЯ

Народная медицина является составной частью быта и культуры народа, областью народных знаний, включающих в себя представления о болезнях, их возникновении, протекании и лечении, методы и средства, применяемые при лечении, а также обряды и ритуалы, им сопутствующие¹.

Будучи составной частью культуры и быта этноса, народная медицина представляет собой звено традиционно-бытового слоя культуры, несущего основную этнодифференцирующую нагрузку, выполняющего основные этнические функции и составляющего поэтому ядро предметной области этнографической науки².

Изучение этнографами народной медицины необходимо не только как одного из компонентов культуры этнической общности, но и в связи с повышенным интересом к ней общества, современной научной медицины, которая черпает из народной медицины рациональные формы и методы лечения различных заболеваний.

На протяжении многих веков у ногайцев, как и у других народов, происходило накопление положительного лечебного опыта, что позволяло им успешно лечить некоторые заболевания. Отсутствие лечебных учреждений и квалифицированной медицинской помощи вынуждало людей самим заботиться о собственном здоровье, здоровье своей семьи, и потому почти в каждой семье имели представление о целебных свойствах лечебных трав, молока, мяса и жира диких животных, которые широко применяли не только в лечебных целях, но и в профилактических.

Среди ногайцев были искусные лекари, известные не только в своем селе, но и далеко за его пределами.

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1989. - С. 71.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973. - С. 200.

Лечением людей занимались как мужчины, так и женщины. Так, в свое время люди обращались за помощью к Самиев из Биарслана, Тамбике из Кумли, Патимат Магомедовой из Наримана, Терекбаю Терекбаеву из Арсланбека, Суюндук из Бекераула, Коккоз Молле из Есалы, Оразган Аджиниязовой из Бабаюрта и др.

Услугами ногайского лекаря воспользовался и русский писатель Л.Н. Толстой во время прохождения военной службы на Кавказе. В его записях сохранились такие воспоминания: «Ногаец Аип лечил мое горло порошком чернильного ореха. Он уверяет, что гладкий орех полезен для мужчин, а шишковый для женщин»¹. Ногайские лекари помимо собственных наблюдений, накопленного годами опыта в своей практике использовали богатое наследие восточной медицины. Известно также, что ногайские лекари пользовались арабо-татаро-латино-русским фармацевтическим словарем, книгами по фармакологии, большой популярностью пользовалась книга на татарском языке «О пользе членов и о сохранении здоровья»².

Много пословиц и поговорок о здоровье дошли до наших дней. Так, ногайцы говорили, что «Болезнь с коня свалит» («Авырув аттан йыгар»), «Здоровый больного не поймет, сытый голодного не поймет» («Авырув кадинин сав билмес, аш кадинин ток бильмес»), «Больной Аллаха вспоминает» («Авырган алласын эскерер»), «Если нет здоровья, богатство зачем» («Савлык йок болса, байлык неге керек»), «Если есть здоровье, каждый день праздник» («Савлык болса, аьркуьн байрам»), «Богатство бедняка – здоровье» («Савлык ярлыдынъ байлыгы»), «Чистота – залог здоровья, здоровье – залог богатства» («Тазалык – савлык басы, савлык – байлык басы»). Большое внимание уделялось соблюдению личных и семейных норм гигиены и санитарии.

¹ Л.Н. Толстой на Кавказе. Подготовка текстов Б.С. Виноградова // Труды ЧИНИИ. Т. III. - Грозный, 1961. - С. 80.

² Курмансеитова А.Х. Бытование арабписьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1990. - С. 174.

С раннего детства детям прививались санитарно-гигиенические навыки. Взрослые приучали детей умываться по утрам, мыть руки перед едой. Их запугивали тем, что, если они будут есть грязными руками, пища не пойдет им впрок – ее за них съест шайтан, а не умывшемуся утром весь день лицо будет облизывать шайтан.

Тому, кто не прополощет после еды рот, нечистая сила хворь найдет. Страх перед нечистой силой был настолько велик, что заставлял детей неукоснительно исполнять все предписания взрослых.

Также детей учили следить за чистотой тела: вовремя мыться, стричь ногти. У ногайцев до сих пор существует поговорка: «Адамнан уялмаган колыннын тырнагын алмас, алладан корпаган аягын тырнагын алмас» («Тот, кто не стыдиться людей – на руках ногти не подстрижет, тот, кто Аллаха не боится, на ногах ногти не подстрижет») (имелось в виду, что человек во время молитвы представлял перед Аллахом босиком). Также строго воспрещалось сливать грязную воду после стирки или купания рядом с домом. Для этого в каждом ауле вдали от жилищ рыли яму, куда и выливали грязную воду. Не разрешали выливать воду за порог. Говорили, что кто выльет воду за порог, у того будет болеть ноги.

Уделяли внимание и внешнему виду. Опрятный вид человека всегда вызывал одобрение и похвалу со стороны старших. Особенно за своей внешностью следили женщины. Они мыли волосы яичным желтком, полоскали их сывороткой. Раз в месяц для укрепления корней волос обязательно втирали в голову сливочное масло, делали компрессы из сметаны. Для лица делали маски из простокваши, а для удаления послеродовых пигментных пятен протирали лицо козьим молоком. Пользовались и косметикой. Женщины покупали на базаре сурьму, которой подводили глаза. Еще голландский путешественник Ян Стрейс, посетивший ногайцев во второй трети XVII века, отмечал, что «женщины ногайки придавали большое значение своей внешности, они пользовались парфюмерными изделиями, покупая «ке-

нас» для мытья волос, краску для ногтей, румяна и белила, «употребляемые ими в очень большом количестве»¹.

В некоторых поговорках содержались и полезные советы. «Кто держит ноги в тепле, тот не заболеет» («Аягын йылы саклаган авырмас»), «Кто мало ест и долго жует, тот не заболеет» («Аз ашап, коьп шайнаган авырмас»), «Хоть голова не покрыта, ноги пусть будут в тепле» («Бас ашык болса да, аяк йылы болсын»), «Если живот болит – не ешь, если глаза болят – руками их не трогай» («Ишинъ авырса тамагынды тый, коьзинъ авырса, колынды тый»).

Люди с сочувствием относились к больному. Больного навещали не только близкие родственники, соседи, но и знакомые из близлежащих аулов. Больному приносили продукты питания, молоко «суэт», сыр «пыслак», творог «ырымшик», мед «бал» и т. д. Его пытались всячески развеселить, поднять настроение, советовали обратиться к известному лекарю, желали скорейшего выздоровления и здоровья всей семье.

Ногайские лекари неплохо разбирались в анатомии и физиологии человека. Среди них были искусные массажисты. Некоторые болезни они лечили с помощью мануальной терапии.

Большой известностью пользовались «субек уста», «яракшы» (знаток костей) – костоправы. При вывихе или смещении поломанной кости ее приводили к нормальному положению путем вытягивания, вправления и массажа. На перелом накладывали дощечки-лубки и бинтовали тряпкой. Чтобы повязка затвердела, ее предварительно обмазывали тестом или намыливали. Известны были и другие способы фиксации кости. Поврежденный участок обматывали бинтом, смазанным яичным белком. В других случаях накладывали свежесодранную шкуру барана, которая ссыхалась и образовывала тугую повязку². Последний способ был известен карачаевцам³.

¹ Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV - XVIII вв. / Сост.: Кидирниязов Д.С. - Махачкала, 1999. - С. 61.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1988. - С. 194.

³ Карачевцы: Историко-этнографический очерк /Отв. ред. Л.И. Лавров. - Черкесск, 1978. - С. 278.

Народные лекари знали о пользе и целебных свойствах трав и широко применяли их в свежем виде, в виде порошка, использовали их корни и семена, делали из трав настои, отвары. Сбором лечебных трав занимались весной, в период их цветения, а также летом и осенью в зависимости от того, как растения набирали целебную силу и когда были наиболее полезны. Сбором трав занимались лекари, женщины и дети. Порой это событие превращалось в настоящее празднество.

Ногайские лекари успешно лечили внутренние болезни, инфекционные, кишечные заболевания, болезни головы, горла и носа, болезни суставов, нервно-психические заболевания, детские и гинекологические болезни.

Сердце («юрекъ») ногайские лекари считали одним из важнейших органов человеческого организма. Болезнь сердца трудно поддавалась полному излечению. Больному рекомендовали покой, запрещали заниматься тяжелой физической работой, поили настоем подорожника («бака япрак») и давали черную редьку («кара туры») с медом. Табасаранские лекари при болях в сердце также рекомендовали своим больным принимать мед в смеси с черной редькой¹.

При бронхите, кашле больного лечили барсучьим жиром, кислым молоком с толченым чесноком.

При лечении желудочных заболеваний использовали отвар из листьев подорожника, а также отвар из травы «сар балак», корни которой содержат желтоватый сок. Корни «сар балака» тщательно мыли, затем кипятили, делали настой и давали пить больному.

При болях в желудке для больного готовили также хинкал, халпamu из кукурузной муки с конским жиром (это кусочки теста, сваренные в воде).

Печеночные заболевания также не были редкостью. Для таких больных лекари рекомендовали делать отвар из конопли («кендир») и пить три раза в день.

При вздутиях живота ногайские лекари замешивали тесто с добавлением травы любисток («шийбой») и сметаны. Раскатав,

¹ Алимова Б.М. Табасаранцы XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1992. - С. 219.

его прикладывали к животу. Практиковали и другой способ. На ночь живот смазывали сметаной, сверху посыпали измельченным ногайским чаем, солили и перевязывали платком синего цвета.

При рвоте, отравлении больного поили простоквашей, айраном, а при изжоге помимо перечисленных молочных продуктов давали еще бульон из ягнятины. Лечение кисло-молочными продуктами желудочно-кишечных заболеваний проводили и ботлихские лекари¹. Понос останавливали с помощью конского жира и чеснока: в горячую воду засыпали немного муки, варили ее, постоянно помешивая, и за 5-10 минут до кипения добавляли чеснок и конский жир и, немного остудив готовую смесь, давали пить больному.

Ногайские лекари умели вправлять пупочную и паховую грыжу, осторожно массируя пальцами. «Ставить пупок на место» умели и горские лекари².

Многолетние наблюдения за протеканием заболеваний и применение различных методов в их лечении позволяли лекарям выделять наиболее эффективные из них. Еще в XIX веке ногайские лекари пытались бороться с такими опасными инфекционными заболеваниями, как туберкулез, оспа, малярия, уносившими десятки тысяч людей.

Больших успехов ногайские лекари добились в лечении туберкулеза. Лечили туберкулез кумысом (кобыльим молоком) при соблюдении особой диеты. К ним съезжались из разных уголков Дагестана. Так, по словам информатора Й. Агаспарова, к его деду Амангельды приезжал кунак, даргинец по национальности, пить кумыс. Кумыс готовили по особому рецепту и давали пить больному по стакану три раза в день до еды. В лечении легочных болезней кумыс применяли и другие народы, в частности башкиры, казахи и киргизы. Последними кумыс исполь-

¹ Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы XIX - нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1993. - С. 164.

² Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII - XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). - Махачкала, 1999. - С. 116.

зовался и при истощении, малокровии, зобе и как седативное средство¹.

Пытались лечить и оспу. Пораженные оспой места прижигали горячим войлоком, затем смазывали сливочным маслом и прикладывали горячую деревянную ложку. Такое лечение не всегда приносило желаемый результат, и все же за жизнь больного боролись до конца.

Больных малярией лечили при помощи «шоковой» терапии. Лекарь рекомендовал родственникам сбросить больного в водоем так, чтобы для него это было неожиданностью. Испулавшись, таким образом, в воде, испытав своего рода шок, больной, обсохнув, как говорили, выздоравливал.

Дефицит воды и мыла в степи способствовал возникновению и распространению среди населения кожных заболеваний. Иногда источником и разносчиком инфекций являлись животные. Заражение чесоткой (кышув), лишаем (кемереу) происходило быстро. До сих пор у ногайцев существует пословица «Кышув тиймесе, аьдем касынмас» («Если чесотка не пристанет, человек не зачесется»). Избавиться от чесотки (кышув) помогал свиной «орагъажа». В высушенный и измельченный до порошкообразного состояния свиной добавляли немного пороха и сливочного масла, все тщательно перемешивали и полученной массой смазывали пораженные чесоткой участки тела. Через два дня процедуру повторяли, и так до тех пор, пока больной полностью не выздоровеет. Чесотку у детей лечили топленым маслом.

Существовал еще один способ против чесотки. Сыворотку кипятили, отстаивали, осевшую на дне после кипячения белую массу, похожую на творог, перемешивали с топленым маслом и смазывали больные места.

Лишай (кемереу, куьнтаз), как и чесотка, также был распространенным кожным заболеванием. Лишай лечили с помощью химического карандаша. Пораженное лишаем место обводили химическим карандашом и внутри очерченного круга писали две-три арабские буквы.

¹ Гумаров В.З. Лечебные средства животного происхождения в башкирской народной медицине // Этнография Башкирии. - Уфа, 1976. - С. 140-141.

Такие методы лечения кожных заболеваний приносили определенные результаты, но решить эту проблему полностью все же не удавалось.

Ногайские лекари умели лечить различные раны, нарывы, фурункулы. Например, при лечении фурункула использовали грудное молоко. Если фурункул «шуба» был у мужчины, то к больному месту прикладывали лепешку, замешанную на грудном молоке, которым вскармливали девочку, и наоборот, если фурункул был у женщины, то лепешку замешивали на грудном молоке, которым вскармливали мальчика. Лепешку меняли до тех пор, пока фурункул не прорвется и весь гной не вытечет.

К фурункулам, нарывам прикладывали подорожник («бака япрак», «каратаспа») как средство, вытягивающее гной и способствующее быстрому заживлению ран. Нарывы прижигали и горячим железом. Сырое мясо ягненка протыкали раскаленным на огне гвоздем, тут же прикладывали к нарыву и так повторяли три раза.

К открытым ранам прикладывали «шырш» – тесто, замешанное на яичном желтке с добавлением соли.

К кровоточащей ране лекарь прикладывал жженный войлок, который выполнял функцию кровоостанавливающего и антисептического средства. Раны посыпали и высушенной пылью («ювсан»), измельченной до порошкообразного состояния. Такой порошок женщины клали мужчинам в дорогу.

Человеку, которого укусила собака, в целях предотвращения у него заражения крови делали следующее. В рваную рану запускали блоху укусившей собаки, сверху прикладывали тесто и перевязывали куском материи. Повязку и тесто в течение месяца периодически меняли. По мнению ногайских лекарей, блоха высасывала «грязную» кровь и тем самым не давала инфекции распространиться по всему организму.

При укусе змеи лечили девясилем («андыс»). Его применяли при лечении многих заболеваний. У ногайцев есть поговорка: «Андызды ердинь аты оьлмес» («В тех местах, где растет девясил, лошадь не сдохнет»).

Лечили и ожоги. При ожогах использовали высушенные и измельченные до порошкообразного состояния грибы и гусиный жир «каз май».

Среди ногайских лекарей широко было распространено лечение пиявками (суылик). Их использовали для вытягивания «дурной» крови при болях в ногах, кровоточащих трещинах на губах и т. д.

Головными болями страдали в основном люди старшего поколения (бас авырув). Лекари в таких случаях говорили, что у больного в лобной части головы скопилась «плохая» кровь и, чтобы избавиться от нее, необходимо сделать кровопускание. Не каждый лекарь мог делать кровопускание, т. к. надо было знать, где скопилась кровь, в каком месте сделать надрез и сколько крови необходимо пустить. Больного усаживали на тахту, поблизости держали таз для забора крови. Пациенту брили голову именно там, где намечали сделать надрез, нащупывали нужную вену и делали три небольших надреза, и при помощи специально приготовленного для этой процедуры рога «шертки» с кусочком бараньей кожи на конце, чтобы не поцарапать кожу головы, вытягивали плохую кровь, которая стекала прямо в таз. Лекарь чувствовал по состоянию больного, когда надо было прекратить процедуру, и останавливал кровь, прикладывая к кровоточащим надрезам горячий войлок. Через некоторое время больной, как говорили информаторы, вставал и уже вполне здоровый отправлялся домой. При головных болях лечение кровопусканием практиковали многие лекари Дагестана, в частности, табасаранские и хваршинские¹.

Ногайские лекари знали о пользе лечебных средств животного происхождения и использовали их при лечении различных заболеваний органов головы. Так, при отите (воспалении уха) лекарь растапливал нутряной жир лисы и закапывал его в ухо. Или высушенный член лиса замачивали в кипятке и в теплом виде втыкали в ухо и перевязывали теплым платком. К больному уху также прикладывали теплую соленую лепешку.

При ангине сначала массировали шею, предварительно смазав руки сливочным маслом, затем, перетянув платком подбородок, подтягивали его кверху трижды, произнося при этом «Бисмилла».

¹ Алимova Б.М. Указ. раб. - С. 221; Мусаева М.К. Хваршины XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1995. - С. 191.

При заболеваниях горла, кашле больного поили молоком с козым жиром и медом. Отличным средством, используемым при насморке, был сок дикого лука.

При заболевании глаз (козь авырув) разбавляли мед в кипяченой воде и полученным раствором промывали глаза. Такой метод лечения глаз был известен и большинству горцев¹.

Глаза лечили также детской мочой. Интересно, что, если глаза болели у мужчины, то их промывали мочой девочки, и наоборот, если глаза болели у женщины, то промывали их мочой мальчика. Известно также, что детской мочой глаза лечили аварские и лакские лекари².

Зубную боль останавливали почти в каждой семье самостоятельно, для этого использовали семена травы «телмизан». Когда собирали семена «телмизан», то у ее корней обязательно закапывали монеты, как бы покупая их у травы. Старики объясняли это тем, что траву клали к покойнику из-за ее приятного запаха, и якобы если не откупиться чем-нибудь, то она обязательно придет за «долгом» в семью человека, который собрал ее семена, и заберет с собой одного из членов семьи.

Собранные семена доводили до кипения в небольшом тазу, затем снимали с огня и быстро, пока пар не улетучился, подводили к нему больного. Он должен был стоять, нагнувшись над тазом, покрытый сверху покрывалом, и вдыхать открытым ртом пары этого отвара. По свидетельству информаторов, после такой паровой бани в отвар из полости рта падали мелкие зубные черви и зубы уже не болели.

Лечили зубы и отваром из семян дурмана («дувшоблмек»), его закапывали в дупло больного зуба. Отваром из семян дурмана полоскали больное горло, парами отвара дышали при насморке.

Ногайские лекари успешно лечили болезни костно-мышечной системы. Для лечения использовались грязи, горячий песок, отвары, делали пропаривания, обтирания. Так, при радикулите (бел авырув) использовали заячью шкурку. Ее предварительно должны были обильно посыпать солью, тщательно вы-

¹ Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Указ. раб. - С. 127.

² Там же. - С. 127.

сушить, и только после этого применять в лечебных целях. Прежде чем приступить к лечению, лекари заранее делали солевой раствор, укладывали больного на тахту и протирали приготовленным раствором больные участки тела, затем обвязывали заячьей шкуркой. Использование соли и тепла давали почти всегда положительные результаты.

Ломоту в суставах (ел авырув) лечили горячей сывороткой. В большом казане грели сыворотку «пыслак сув» и укладывали в него больного, закрыв сверху одеялом. Больной парился до тех пор, пока раствор был горячим. Как только сыворотка становилась теплой, его поднимали и быстро заворачивали в теплое одеяло, чтобы тело не остыло. Обычно такую процедуру проводили в вечернее время, чтобы больной мог сразу лечь спать. Этот способ лечения считался очень действенным. Сывороткой ломоту в суставах лечили и табасаранские лекари¹. При ломоте суставов использовали также медвежий жир («аюв май»), им растирали больные ноги, руки. Остеохондроз (бел сызлап авырув) лечили путем закапывания человека по шею в горячий песок.

Ногайские лекари знали о целебных свойствах серной воды «коькирт сув» и грязей и рекомендовали их своим больным. Лечение суставов целебными источниками и грязями предписывали также аварские, даргинские и лакские лекари².

Большое внимание взрослые уделяли здоровью детей. Кочевой образ жизни со всеми его тяготами, открытые, не защищенные от ветров места обитания плохо влияли на еще не окрепший детский организм, и поэтому детские заболевания были весьма частым явлением. Некоторые заболевания, к сожалению, не поддавались лечению, и детская смертность, как и по всему Дагестану в целом, была высокой. Несмотря на это, ногайские лекари все же старались лечить больных детей. Среди детских заболеваний наиболее распространенными являлись простудные и инфекционные. Родителям ребенка, заболевшего корью, ногайские лекари рекомендовали давать ему сладости и подслащенное молоко. Высокую температуру сбивали с помощью мы-

ла. Тело больного намыливали и укрывали теплым одеялом на сутки. Ребенок сильно потел, температура тела приходила в норму и простуда отступала.

Одно из распространенных детских заболеваний скрофулез (золотуху) лечили с помощью отвара полыни. В течение нескольких дней больного золотухой обмывали отваром из полыни («ювсан»), пока признаки заболевания не исчезали.

Использовали полынь и при рахите. Одежду больного ребенка окунали в отвар полыни, высушив, надевали на него, а на ночь полынь клали под его матрац.

Ногайские лекари успешно лечили и такие детские заболевания, как энурез (ночное недержание мочи). Для излечения использовали старый помет зайца. Помет толкли, пропускали через марлю, полученный порошок добавляли в пищу больного в течение трех дней. Этот способ лечения почти всегда приносил положительные результаты. Взрослые женщины и сейчас используют этот метод для лечения энуреза.

Часто маленькие дети страдали от выпадения прямой кишки, что доставляло им неприятные ощущения и боль. В таких случаях родители обращались к лекарю. У каждого был свой метод борьбы с этим недугом. Одни сажали детей на горячий камень, покрытый красной материей, другие же использовали, на наш взгляд, очень интересный способ. Из древесной золы делали усеченную пирамидку с углублением в виде горшка, покрывали ее куском белой материи и на дно клали яичный желток. На так называемый горшок сажали ребенка так, чтобы он попкой касался дна «горшка», и не давали ему вставать. Во время такой процедуры прямая кишка выпадала и втягивала в себя желток. После чего ребенка поднимали, и прямая кишка, по рассказам информаторов, больше не выпадала.

Пытались лечить у грудных детей и пупочную грыжу. Ее лечили с помощью серы. Для этого сосок материнской груди смазывали серой, и вместе с молоком она попадала в организм ребенка. Во всех остальных случаях детей лечили точно так же, как и взрослых.

Женские болезни лечили в основном женщины-лекари. Они могли лечить такие заболевания, как мастит (воспаление молочных желез), эндометрит (воспаление матки).

¹ Алимova Б.М. Указ. раб. - С. 220.

² Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Указ. раб. - С. 133.

Так, мастит (эмшек авырув) лечили отваром травы «телмизан». Ее использовали в сухом виде. Из этой травы готовили отвар и давали пить женщине. Эндометрит лечили паром отвара полыни. Женщины-лекари в небольшом тазу кипятили полынь, затем сажали больную женщину на этот таз, точно на горшок, окутав сверху плотной материей. Так больная сидела до тех пор, пока отвар не остынет. Пары отвара полыни благотворно влияли на здоровье женщины. Молодые женщины о целебных свойствах полыни узнавали от пожилых, которых в свое время лечили лекари, и при первых признаках болезни занимались самолечением, в точности выполняя процедуру. Аварские женщины тоже знали о целебных свойствах полыни и использовали ее в целях предупреждения нежелательной беременности, употребляя по стакану отвара полыни натощак и перед сном¹.

Молочницу лечили с помощью пенки, получаемой при сжигании ивы «тал». Собирали ветки ивы и жгли ее на костре. При сжигании ива выделяла пенную жидкость. Как только на ветках появлялась эта жидкость, костер быстро тушили, и ею смазывали детородный орган. Жидкость, получаемая таким способом, применялась, скорее всего, как антисептическое средство.

Ногайские лекари имели представление о возможных отклонениях внутриутробного развития плода, умели распознавать их. Так, при неправильном положении плода путем массажа поворачивали его в нужное положение. А при опущении плода (бала щекъен) лекарь с помощью еще двух – трех женщин брал за ноги беременную женщину и, держа вниз головой, тряс ее, затем укладывал на спину и делал массаж нижней части живота. Сначала лекарь массировал живот легкими встречными движениями, постукивая пальцами, затем легкими щипковыми движениями. Все движения повторялись по три раза. После массажа низ живота обвязывали платком и завязывали узел на уровне пупка. Таким способом плод возвращали в правильное положение.

¹ Мусаева М.К. Внутрисемейный контроль рождаемости у аварцев: рациональное и иррациональное // Наука и молодежь. Вып. 3. - Махачкала, 2000. - С. 232.

Большое внимание уделялось питанию будущих мам. Беременной женщине давали самый лучший кусок со стола. Для беременной женщины специально впрок заготавливали «курт» - это кисло-молочный продукт, содержащий большое количество кальция, который давали беременной при токсикозе и для укрепления костно-мышечной ткани плода. Для приготовления «курта» использовали кислое молоко, которое наливали в казан и подогревали до 70°, затем снимали с огня, отстаивали, сыворотку сливали, а оставшийся на дне творог сцеживали через камышовое сито. Творожную массу на час – полтора клали под гнет, после этого солили по вкусу, добавляли «торта» (осадок, оставшийся после кипячения сливочного масла) и тщательно перемешивали. Полученную массу небольшими частями брали в ладонь и сжимали, придавая ей удлиненную форму. Кусочки творога аккуратно клали на специально приготовленную для этих целей верблюжью шкуру и сушили, подвесив к верхней части юрты. Как только творог высыхал, его складывали в льняные мешочки. «Курт» давали и детям как средство, укрепляющее костно-мышечную систему, особенно в зимний период, когда ощущался дефицит молочных продуктов.

Широко применялся «курт» и в народной медицине башкир. Его использовали при простуде, поносе, сердечных болях, болезнях печени и желчевыводящих путей, при тошноте, укусе змеи, для изгнания отдельных гельминтов, возбуждения аппетита, а также как потогонное средство и наружный антисептик¹.

Рациональные методы лечения переплетались с иррациональными способами. Часто после лекаря родственники приглашали к больному муллу. Бывало и так, что болезнь не поддавалась рациональным методам лечения, и лекарь сам предлагал родственникам больного обратиться за помощью к мулле. Муллы успешно лечили психические заболевания, некоторые внутренние болезни, снимали слез. При лечении муллой произносились специальные молитвы, которые, по мнению муллы, самого больного и его родственников, обязательно должны были помочь. На наш взгляд, молитвы и произнесение определенных фраз религиозного характера играли роль своеобразной психо-

¹ Гумаров В.С. Указ. раб. - С. 142.

терапии. Вера больного в силы всевышнего была настолько велика, что некоторые способы лечения, кажущиеся нам странными и непонятными, приносили положительный эффект.

Так, например, эпилепсию лечили только при помощи молитв. Эту болезнь люди называли «шайтан урган» (букв. шайтан ударил), и излечить больного, по их представлениям, могли только молитвы, произнесенные муллой. При признаках эпилептического припадка люди, находящиеся рядом, сами оказывали первую помощь: укладывали больного на спину, разжимали челюсти, открывали рот и пальцами вытаскивали запавший вовнутрь язык, брызгали водой лицо и били по щекам, приводя больного в чувство. Затем родственники больного шли к мулле и рассказывали ему о симптомах болезни. Мулла назначал день, когда можно будет привести больного, до этого он оповещал еще трех мулл из близлежащих аулов о случившемся и приглашал их к себе в тот день, когда должны были привести больного. В назначенный день, собравшись вчетвером, муллы садились вокруг больного и произносили молитву, при этом они передавали друг другу заранее обструганные палочки. Палочек должно было быть сорок «кырк». Так, сорок палочек, пройдя круг, должны были выгнать из тела болезнь и шайтана. После такой процедуры человека поднимали и, как говорили, он уже вполне здоровый уходил домой. Родственники больного благодарили мулла за излечение и одаривали их деньгами или чаще продуктами питания.

В основном к мулле приводили детей, на которых был сглаз. Сглаз определяли по следующим симптомам: ребенок без видимой причины плакал, капризничал, не ел, становился вялым, иногда эти симптомы сопровождались повышением температуры. Мулла поручал родственникам ребенка нарезать годовалого барана. Из сердца, легких и печени сварить бульон и напоить ребенка, а селезенку принести ему. Над селезенкой мулла произносил молитву и подвешивал ее в юрте так, чтобы она находилась прямо под звездой. На следующее утро в селезенку втыкалось сорок палочек, которые мулла ежедневно вытаскивал по одной. После этого уже сушеную селезенку каждый день по маленькому кусочку бросали в небольшое количество воды и давали пить ребенку. Правый глаз барана засушивали, заворачи-

вали в тряпочку и хранили в сундуке. Это служило своеобразным оберегом для ребенка.

Интересно лечили мастит. Для излечения брали правый башмак женщины, родившей двойню, и похлопывали им по больной груди с разных сторон, при этом произнося «Бисмилла» три раза. Такой же процедуре подвергали и корову, у которой пропадало молоко. В обряде вызывания дождя также использовали башмаки женщины, родившей двойню. Правый башмак тайно похищали и бросали в колодец или реку. Видимо, женщина, родившая двойню, олицетворяла собой символ плодородия, а вещи, носимые ею, по мнению людей, могли принести желаемый результат.

Если маленький ребенок падал плашмя с небольшой высоты и после этого у него повышалась температура, появлялась рвота и головокружение, то старики говорили, что у ребенка печень сдвинулась со своего места «бавыры авган» (букв. печень перевернулась). В этом случае ребенку массировали шею, живот по часовой стрелке, затем брали ребенка за ноги и переворачивали через голову три раза, читая при этом молитву. Процедуру повторяли в течение трех дней по три раза. Таким образом, как говорили информаторы, печень становилась на свое место. Если ребенку не помогал ни один из известных методов лечения, то в реку бросали нателную рубаху больного, чтобы река унесла с собой все его болезни.

Сердце тоже лечили, на наш взгляд, удивительным способом. По представлениям ногайцев, сердце человека могло вылечить баранье сердце. Для излечения больного специально резали барана. Еще теплое сердце барана клали на сердце больного. Если в течение двух часов сердце барана оставалось в твердом, не увядшем виде, то считали, что лечение помогло. Если сердце увядало, это означало, что лечение не принесло положительного результата и процедуру следовало повторить еще три раза с интервалом в 9 дней. К такому способу лечения люди прибегали в том случае, когда рациональные способы лечения уже не давали желаемых результатов. Понятно, что такое лечение не могло помочь больному от сердечного недуга, но все же этот способ использовался.

Чтобы исцелить больного, знахари использовали и другие способы лечения: вертели над головой больного домашнюю птицу, барана, кусок мяса, каравай хлеба, а затем угощали ими нищих, бедняков, калек или бросали собакам, приговаривая, чтобы недуги больных уходили вместе с жертвенными животными и птицами¹.

Интересен способ избавления от бородавок и мозолей. Желаящийся избавиться от ненужных наростов должен был дожидаться появления молодого месяца, показать ему свои бородавки и трижды произнести: «Ачиковум бар!» («Посмотри, какие у меня игрушки!»). Считали, что молодой месяц из зависти заберет у человека все мозоли и бородавки.

Рациональные и иррациональные способы лечения тесно переплетались с магическими приемами. Лечебной магией занимались знахари-шептуны, называемые у ногайцев «жени». Они лечили больных, предсказывали исход болезни.

Лечение заключалось в том, что утром и вечером «жени» читали молитвы над больным, поили его специальными отварами из трав. В лечебных целях использовали также сердце и печень черной курицы, сороки и удода. Для больных писали охранительные амулеты, которые носили на теле².

В борьбе с эпидемиями лекари в большинстве случаев были бессильны, иногда даже испытанные способы лечения были неэффективны. И тогда во время свирепых эпидемий устраивали «курманлык» (совместная трапеза с привлечением «жени» и духовенства). Смысл этого обряда, как нам кажется, заключался в том, чтобы умилостивить всевышнего и отвести беду от людей, не дать болезни войти в аул, защитить народ от надвигающейся эпидемии. Курманлыки бывали мужскими и женскими. Это означало, что в них принимали участие только мужчины или только женщины. Правда, в женском курманлыке, кроме женщин, разумеется, участие принимали еще представители духовенства и мальчики в возрасте до пятнадцати лет. Юноши и

¹ Сикашев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. - Махачкала, 1989. - С. 70.

² Алейников М.Н. Поверья ногайцев // СМОМПК. Вып. 17. - Тифлис, 1893. - С. 11.

взрослые мужчины в этом обряде не участвовали. Так, имеется описание женского курманлыка. «Женский курманлык состоит в том, что две или три женщины, избранные для этой цели, обходят весь аул и собирают пожертвования, состоящие из муки, пшена, всякой живности и денег. В назначенный же день женщины и девушки всего аула собираются к реке, принося с собою из съестного, кто что может, туда же приносятся и все собранное накануне. Разводятся костры и начинается стряпня: пекутся пышки, варится в огромных котлах мясо, жарятся шашлыки. Приглашенное духовенство начинает богослужение, состоящее в чтении просительных молитв; по окончании молитв все присутствующие женщины разделяются на группы, на которые и делится все приготовленное, причем откладываются самые лучшие куски для духовных лиц. В каждой группе раздается все полученное, и тут же на мягкой траве съедается, а оставшиеся кости сносятся к кострам и сжигаются или закапываются в землю, чтобы собаки, нечистые животные, не съели и тем не осквернили священного торжества»¹.

Проводились также мероприятия, в которых участие принимали все жители аула. Так, летом 1892 г., во время эпидемии азиатской холеры, жители Мансуровского аула по совету «жени» и духовенства решили совершить следующий обряд. «Еще с вечера, 11 августа, все жители аула были предупреждены, чтобы никто из них не выезжал из аула на полевые работы. 12 августа, около 10 часов утра, собрались к реке все мужчины и женщины, куда вывели и приготовленную на этот случай совершенно черную корову. Корова эта была оценена в 17 рублей, и деньги за нее тут же были собраны для уплаты хозяину. Затем корову связали, положив ее возле вырытой ямы. После этого началось общее просительное богослужение об отвращении Аллахом надвигающегося страшного бедствия. По окончании богослужения и молитвенного омовения корову резали, положив ее так, чтобы кровь из нее вытекала прямо в яму, куда потом были зарыты внутренности ее и кости. К этому времени был приготовлен плуг с впряженными в него шестью быками и старая сабля. Когда с полей был согнан в аул весь скот и снята со священной ко-

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 12.

ровы кожа, процессия тронулась вокруг аула в следующем порядке: впереди двое молодых муллы с пением волочили за уши коровью шкуру, за ними плуг проводил глубокую борозду, по которой мулла сзади чертил саблей, позади всего два эфенди с Кораном в руках читали нараспев. Шествие замыкали все жители аула – стар и мал, по временам, по знаку эфендиев, громко произнося священные слова Корана: «Аминь, Аллах!» Очертив бороздою аул, шествие закончилось тут же на берегу реки общественным обедом, состоявшим из вареного мяса священной черной коровы. Кроме этого, эфендием была написана какая-то охранительная молитва на лоскутках бумаги и вручена каждому домохозяину, которые и прикрепили эти бумажки на дверях своих сакель (юрт – М.Г.) в полной уверенности, что холера теперь пощадит семью¹.

Очерченный плугом круг вокруг аула символизировал магическое кольцо, через которое злой дух в виде свирепой болезни не должен был переступить. Подобный обряд, известный под названием «опахивания», проводился в свое время древними римлянами². Бытовал он также у восточных славян³, крымских татар⁴, среди народов Дагестана зафиксирован лишь у ахвахцев⁵.

Имеются сведения о лечении людей шаманами. Особенно шаманство было развито среди астраханских и оренбургских ногайцев. Встречались среди шаманов и женщины, хотя и редко⁶. У В.А. Мошкова сохранились сведения о шаманском лечении больного киргизом – бахшы, но у нас есть предположения, что так же лечили и ногайцы – бахшы. Приведем сообщение ногайца из села Красный Яр Астраханской губернии, записанное В.А. Мошковым. «У нас в семействе был тяжелый больной, ко-

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 13-14.

² Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. - Тифлис, 1913. - С. 48.

³ Левенстрим А.А. Суевверия в его отношении к уголовному праву // Журнал мин. юстиции. 1897. № 1. - С. 166-167.

⁴ К вопросу об опаживании // ЭО. 1910. № 3-4. - С. 178.

⁵ См.: Лугуев С.А. Ахвахцы (XIX - XX вв.). Историко-этнографическое исследование // РФ ИИАЭ. № 618. - Ф. 3. Оп. 3. - Д. 8155. - Л. 318.

⁶ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. - Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском ун-те. Т. XII. Вып. 1-2. - Казань, 1894. - С. 31.

торого мы долго лечили домашними средствами, но совершенно безуспешно. Вдруг однажды, неизвестно откуда, к нам является совершенно незнакомый бахса – киргиз и прямо говорит: «У вас есть больной такой-то, я пришел его излечить». Осмотрев больного, он велел поискать в степи сухую лошадиную кость из лопатки. Когда кость была найдена и принесена, бахса развел огонь, положил на него кость и кусок железа. Пока обжигалась кость и нагревалось железо, он, сидя на земле, качался всем корпусом и пел непонятные песни до тех пор, пока изо рта у него не пошла белая пена. Когда железо накалилось докрасна, бахса приложил его к своему языку так, что язык его даже зашипел. Потом он ножом разрезал себе кончик языка и кровью своей капнул на раскаленное железо. Затем взял обожженную кость, долго глядел на нее, истолок в порошок, насыпал в чашку с водой, прибавил туда соли и все это размешал. Потом велел вывести больного во двор, сначала давал ему нюхать жженую шерсть, а в заключение всего взял свою смесь в рот и, прыскавая этой жидкостью на раскаленное железо, дул паром на больного. В конце концов он бросил чашку с водой в одну сторону, а железо в другую и объявил, что лечение кончено, но, если оно не поможет, он придет в другой раз. Мы наградили бахсу деньгами и одеждой, рассказывал ногаец, сколько могли, и через три дня ноги больного действительно выздоровели, а бахсы мы с тех пор больше не видели¹. Многочисленные предрассудки и безраздельная вера людей в потусторонние силы имели значительный психотерапевтический эффект и приводили к успеху в лечении.

Таким образом, в традиционной народной медицине ногайцев тесно переплетались как рациональные методы лечения, так и иррациональные с применением магических приемов, заклинаний, обрядов. Ногайские лекари имели представления об анатомии и физиологии человека, об этиологии заболеваний, умели правильно поставить диагноз и лечить с помощью лекарственных трав, лечебных средств животного и минерального происхождения различные болезни, в том числе детские, женские, оказывать помощь при родах, правильно применять в лечебных целях различные средства физического воздействия (те-

¹ Там же. - С. 31.

пло, холод, целебные воды, грязи, массаж). Все лекари во время проведения лечебных процедур произносили определенные молитвы или слова религиозного толка, которые также благотворно воздействовали на психику больного и придавали еще большую уверенность лекарю, что в целом положительно сказывалось на исходе лечения.

В начале XX века в Ногайской степи появляются первые медицинские пункты. Так, в ставке Терекли-Мектеб была медицинская аптека с фельдшером¹.

В Ачикулакском приставстве работала районная Тукуй-Мектебская амбулатория, которая обслуживала одиннадцать населенных пунктов: Тукуй-Мектеб, Махмуд-Мектеб, Туркмен-аул, Абрам-Тюбе, Угтюбе-Таслы, хутор Берукин, Куясула, Эрджет, Куна, Менгиш-Кую, Джелал². Несмотря на то, что кочевникам все-таки оказывалась квалифицированная медицинская помощь, решить проблему здравоохранения полностью не удавалось, так как медицинских пунктов было ничтожно мало, а нуждающихся в профессиональной врачебной помощи много. И потому еще долго наряду с научной медициной существовала традиционная, в которой прослеживаются связи с тюркскими, северокавказскими и дагестанскими медицинскими традициями, хотя она и отличалась некоторой этнической самобытностью и этнорегиональным своеобразием.

Основным занятием ногайцев было кочевое скотоводство. Скот являлся мерилем благосостояния жителя степи. Ногайцы разводили в большом количестве лошадей, овец, верблюдов, быков. В условиях кочевого быта у ногайцев накопились определенные умения и навыки по уходу за скотом.

Путешественники не раз отмечали, что ногайцы являются искусными животноводами. Им удалось вывести особую степную породу овец, крупного рогатого скота, верблюдов, лошадей. Ногайская лошадь отличалась необычной выносливостью, резвостью, неприхотливостью к корму. Копыта их были на-

¹ Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Л. 144.

² Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Д. 67. № 196. - Л. 46.

столько сильны, что не нуждались в ковке, отмечал в свое время Тавернье¹. Ногайские лошади поставлялись в казачьи войска², а лучшие из них отбирались для государевой конюшни³. Ногайская лошадь одинаково хорошо переносила и голод, и работу, хотя и была невысокого роста, мелкой породы. Ф.О. Капельгородский о степной лошади писал так: «Неладно скроена, да крепко сшита»⁴.

Крупный рогатый скот также отличался выносливостью и неприхотливостью в уходе. А. Павлов, побывавший у кочующих ногайцев в первой четверти XIX века, утверждал, что «их рогатый скот может похвастаться лучшим противу Великороссийского, исключая, холмогорского...»⁵. Ногайская корова давала молока более 10-12 л в день при двухразовом доении, была очень вынослива и легко переносила трудности, связанные с жарким климатом и безводностью ногайских степей⁶.

Легко переносили суровый степной климат и верблюды, не требующие почти никакого ухода. Двугорбые верблюды караногайцев смело поднимали и перевозили до 120-ти пудов и в «течение 6 часов (способны) проехать с такою клажею до 90 верст»⁷.

Своей выносливостью, шерстью, высокими вкусовыми качествами славилась и ногайская овца. «Ногайцы, – писал А. Олеарий, – имели овец, подобно персидским, имеющих большие толстые хвосты из чистого сала, весящие иногда от 20 до 30 фунтов. Уши у овец отвислые, как у собак-водолазов, и высокие

¹ Tavernier S.D. Voyages de tavernieren turque, en Perse, et aux Yundes. Ed par S. V. S. Breton. - Paris, 1810. 2. - p. 66.

² Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения, 1909. № 12. - С. 191, 195.

³ Фехнер М.Ф. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. - М., 1956. - С. 90.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 199.

⁵ Павлов А.М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. - СПб., 1842. - С. 12.

⁶ Кочеев Б.А.-Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX - начале XX в. - Алма-Ата, 1973. - С. 66.

⁷ Павлов А.М. Указ. раб. - С. 17-18.

сплюснутые носы»¹. Несмотря на столь хорошую выносливость и неприхотливость в уходе, животные часто болели, кроме того, в Ногайской степи время от времени свирепствовали эпизоотии, и потому скотоводам самим приходилось бороться с различными заболеваниями у животных. Среди ногайских скотоводов были лекари, известные и далеко за пределами Ногайской степи. Так, в 90-х годах XIX века Г.Ф. Малявкин писал: «Среди караногайцев много хороших знатоков болезней скота. Часто встречаются специалисты – коновалы, которые существуют исключительно заработком от лечения животных как в своей, так и в соседской казачьей среде»². Наблюдательность и опыт позволили лекарям достигнуть определенных успехов в лечении больных животных. От лекаря требовались определенные знания о физиологии животных, об их повадках, склонностях к тем или иным заболеваниям. Иногда даже опытному лекарю трудно было распознать больную лошадь. До последнего момента лошадь не проявляла никаких признаков болезни, и чтобы поставить правильный диагноз и выбрать соответствующий способ лечения, от лекаря требовались знания и умения. Часто можно было наблюдать, как у лошади, объевшейся фуражем, набухал живот. В таких случаях опытные коневоды загоняли лошадь в воду по пояс на 2-3 часа, вследствие чего кровообращение у нее ускорялось и лошадь быстрее приходила в норму.

Болели лошади и глистами. Для выведения глистов из организма лошадей кормили подсоленным фуражем и поили солевой водой.

Нередко после скачек у лошади происходило смещение носовой перегородки, из-за чего животное начинало задыхаться. Заметив это, коневод быстро разводил костер и сжигал на огне синюю тряпку («кок шеберек»), дымящуюся тряпку подносил к морде лошади. Надышавшись дымом, лошадь восстанавливала дыхание.

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. - СПб., 1906. - С. 405.

² Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3. - Владикавказ, 1893. - С. 159.

Ногайские лекари могли излечить лошадь и от такого заболевания, как сап (нарыв гортани). Для этого животному делали крестообразный надрез в области нарыва и выдавливали содержимое. Убедившись в том, что гнойный мешок абсолютно чист, рану обрабатывали мочой, используя ее в качестве антисептического средства. Мочу использовали и при лечении лишая. Ею смазывали места, пораженные лишасем. Мочой протирали и спину лошади после верховой езды, обрабатывали и уши лошади, если они кровили и гноились.

Одним из наиболее распространенных заболеваний среди лошадей была болезнь глаз. Лечили глаза с помощью сахара. Сахар разводили в моче и полученным раствором промывали глаза животному или же забивали камышовую тростинку сахаром и дули в глаз. Таким же способом лечили глаза и другим домашним животным. Часто бывало так, что конь растягивал сухожилие, тогда ногу ему выше колена туго перевязывали.

Как и люди, животные были подвержены такому явлению, как сглаз, особенно лошади. Обычно это происходило во время скачек. Понравившуюся лошадь мог сглазить «дурной» глаз, и тогда лошадь спотыкалась и замертво валилась с ног прямо на дистанции. Только опытный лекарь мог сразу определить причину падения. На скачках присутствие лекаря было обязательным, чтобы в случае надобности оказать необходимую помощь. Один из информаторов рассказывал, как однажды лидирующий на скачках конь, которому оставалось до финиша совсем немного, вдруг неожиданно упал. Тогда опытный лекарь подошел к животному и стал что-то нашептывать ему на ухо, затем, сняв с ноги грудного ребенка башмачок (на скачках в сопровождении родителей присутствовали и дети), привязал его к гриве, и конь тут же поднялся.

При покупке лошади торговались редко, обычно за хорошего коня давали ту цену, которую запрашивал хозяин. Лошадей определяли по спине. У выносливой, сильной лошади спина короткая, у слабой – длинная. Купив лошадь, хозяин приводил ее к себе во двор, взяв за удила, обходил свое хозяйство и нашептывал коню на ухо свои пожелания. Делалось это для того, чтобы животное повиновалось своему новому хозяину.

При лечении домашних животных в большинстве случаев прибегали к иррациональным методам. Некоторым способам лечения трудно найти объяснение. Так, корове, у которой болело вымя, похлопывали больное место башмаком женщины, родившей двойню. Или же, чтобы снять сглаз с коровы, ходили к мулле, заговаривали куриное яйцо и разбивали его об лоб животного. Обязательно, хотя бы раз в год, скотину отгоняли к святому роднику «Щепкен тыкъан» в 6 км от с. Кумли Ногайского района Республики Дагестан. По наблюдениям людей, скотина, напившись воды из этого родника, быстро набирала вес. При поносе коровам, телятам привязывали у основания хвоста красную ткань. Если указанный способ не приносил желаемого результата, то давали выпить теплую баланду из поджаренных отрубей или же толкли древесный уголь, заливали его теплой водой и вливали корове в рот. От той же болезни кормили верблюжьей колючкой (янтакъ)¹.

При повышенной температуре корову поили кислым молоком с чесноком. Причиной недомогания мог послужить и укусы энцефалитного клеща, который вызывал темпонию (растройство желудка) и пираплазмоз (повышение температуры). Корову, у которой снижались надои, поили взвесью из горелого хлеба. Если после отела плацента («щуьг») не выходила, то корову поили теплой подслащенной водой.

По различным признакам опытные животноводы могли определить, какие надои можно ожидать от коровы. Так, если у коровы был длинный хвост, а на конце волосы, то она должна давать много молока. Слой перхоти («кайызгак») на хвосте и в ушах коровы указывал на жирность молока. Вообще хорошую скотину скотоводы определяли по глазам. Купив корову, хозяйка, прежде чем завести ее во двор, рассыпала перед ней просо со словами: «Тарыдай болып тасысын» («Как просо, пусть разливается (молоко) через края»).

Различными заболеваниями страдали и овцы. Так, глисты у овец выводили, выпасая их в момент цветения крымского репея («кара курай»). С той же целью чабаны перегоняли овец на солончаки. После стрижки в профилактических целях против

лишая овец купали в воде с табаком. В борьбе с лишаем прибегали к такому способу: накаливали камень, заворачивали его в масляную тряпку и прикладывали к пораженному лишаем месту. Повторив процедуру несколько раз, животное избавляли от лишая. Гноящиеся раны у овец посыпали порошком из высушенной полыни, а для лечения кровоточащих ран использовали сыворотку. Ее кипятили, полученную после кипячения массу солили, сушили и посыпали ею рану. Гноящиеся копыта у всех домашних животных прижигали горячим войлоком. При поносе овец поили ногайским чаем без молока. Сок подорожника применяли при потере аппетита. Его разводили в воде и поили овец.

От ящура («силекей») скот лечили вырезанием и прижиганием язв, давали нюхать горячую серу, разводили в воде и давали пить квасцы («ашув тас»)¹. Бывало и так: заметив в стаде 1-2 больных овец, чабаны преднамеренно заражали всех остальных, и в течение инкубационного периода (7-10 дней) все овцы должны были переболеть ящуром. Те, что были покрепче, выживали, слабые погибали. Тысячи голов скота умирало от сибирской язвы («карасан»), оспы («шешек»), чумы («оьлет талав»), против которых рациональных способов лечения в исследуемый период не было².

Не могли чабаны бороться и с такой болезнью овец, как эстроз (появление червей в носоглотке), ценуроз (в простонародье вертячка – водянка головного мозга). Животных, заболевших эстрозом и ценурозом, забивали, голову при этом обязательно сжигали и глубоко закапывали, так, чтобы собаки не смогли откопать.

Другом и помощником чабана во все времена была собака. Она помогала пасти овец, охраняла стадо от волков и шакалов, предупреждала своим лаем о приближении посторонних людей. Специальных способов лечения собак в ходе сбора полевого материала нами не обнаружено. Известно лишь, что отравившуюся собаку поили сывороткой, а заболевшую чумкой обмазывали золой. Но эти способы были малоэффективны. Большинство собак, не поборов болезнь, умирало. Мертвую собаку обяза-

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 195.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 195.

² Там же. - С. 195.

тельно хоронили, положив ей в пасть кусок жира, как говорили информаторы, чтобы собака на тот свет ушла сытой.

Пытались лечить и домашних птиц: индюков («коькис»), гусей («каз»), кур («тавык»). Домашних птиц при поносе поили простоквашей с чесноком, а древесной золой выводили паразитов. Искупавшись в золе, куры, гуси, индюки очищали свои перья от вредных насекомых.

В хозяйстве держали и ослов. На них перевозили тяжести, ездили за хворостом, кизяком. Ногайцы говорили: «Эщекни кьины халал, эти харам» («Труд ишака на пользу – мясо запрещено»). Мясо осла в пищу не употребляли. Не разрешалось в дождливую погоду садиться верхом на осла. Ослов не кормили, они сами искали себе пропитание.

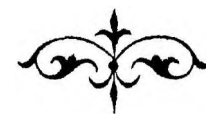
В скотоводческой практике встречались и такие случаи, когда верблюдица не подпускала к себе собственного верблюжонка. Тогда на помощь приходили музыканты – домбристы. Они подходили к верблюдице и играли специальный мотив – «оьрелейтейим», который имитировал жалобное мычание верблюжонка. Разжалобившись, верблюдица принимала детеныша.

В случае гибели окотившейся овцы ягненка приучали к другой. Если она не подпускала приемыша, прибегали к следующему способу. Чабан ладонью тер вымя овцы, а затем этой же ладонью – голову и спину ягненка. Принюхавшись к собственному запаху, овца принимала чужого ягненка. Если отмеченные приемы не давали желаемого результата, прибегали к мере, считавшейся крайней. Жеребенка, теленка или ягненка привязывали к столбу, подводили собаку и заставляли лаять. Кобыла, корова или овца бросались на защиту, а затем уже подпускали к себе «спасенного»¹.

Итак, в лечении животных использовались различные способы, как рациональные, так и религиозно-магические. Но, несмотря на все меры, предпринимаемые скотоводами для спасения животных, все же смертность скота была высокой. В «Ведомости, содержащей сведения о числе погибших в течение минувшей зимы в караногайских и едишкульских кочевьях лошадей, рогатого скота и овец» за 1827 г. сообщается, что в Кипча-

ковом кубе погибло лошадей – 1427, рогатого скота – 1391, овец – 7345; в Наймановом кубе соответственно – 1230, 1253, 5450; в Териковом – 524, 664, 1499; в Аскостангалиевом кубе – 1488, 1843, 6555; в Едишкульском – 6991, 7636, 28345¹. Только за одну зиму 1892-1893 гг. в Караногое погибли от голода и нехватки травы сотни лошадей, а овец осталось 50 или 25 %².

В большом количестве скот погибал от эпизоотий. В конце XIX века на дорогах в Закавказье был установлен карантинный контроль и улучшена ветеринарная служба, что до некоторой степени способствовало уменьшению эпизоотий³. И уже в начале XX века в Ногайской степи появилась первая ветеринарная аптека с доктором и фельдшером⁴, перед которыми стояла тяжелейшая задача по сохранению и восполнению поголовья скота.



¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 934. - Л. 17.

² Малявкин Г. Указ. раб. - С. 158.

³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 195.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 144.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 196.

ГЛАВА VI. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Господствовавшей религией ногайцев в исследуемое время является ислам суннитского толка (ханафитского мазхаба). Мусульманство, принятое еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг., постепенно распространялось и стало единой религией для всего населения Золотой Орды, в недрах которой шло формирование ногайской народности и становление ногайской государственности. Только лишь в столице Золотой Орды – городе Сарае функционировало 13 мечетей, а одна из них была Шафийская¹, отмечал Ибн-Батуа.

Ислам был официально признанной религией как при правлении династии чингизидов, так и при правлении Эдигеева дома – первых ногайских правителей. Эдиге понял значение религии и использовал ее в качестве рычага для поддержания порядка в созданном им государстве, сделал ее не только официальной, но и обязательной для всего населения, проживающего в Мангытском юрте, который впоследствии стал ядром Ногайской Орды. Ибн Арабшах сообщает: «...постился (Эдиге – М.Г.) и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним»².

Польский путешественник Матвей Меховский еще в начале XVI в. отмечал, что ногайцы, последователи и поклонники Магомета, повинуются гятыкнижию Моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон, колоколов не имеют, считают себя измаэлитами, а христиан называют динсис, т. е. язычниками и гяур, неверными и лишенными религии³.

Ногайцы соблюдают все предписания ислама, ежегодно отмечают религиозные праздники: Ураза-байрам, Курбан, день рождение пророка Мухаммеда, устраивают мавлиды.

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. - СПб., 1884. Т. 1. - С. 285.

² Там же. - С. 474.

³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. - М.-Л., 1936. - С. 58-59.

Во время праздника Ураза принято поздравлять родственников, соседей со словами: «Туткан оразаны Алла кабул этсин» («Да примет Аллах твой пост»). В каждой семье готовят угощение, принимают гостей. В этот день поминуют усопших. В первую очередь с поздравлениями и чтобы помянуть усопших заходят в дом, где по умершему еще не отметили годовщину со дня смерти. Вечером поздравляют старших в роду, несут им угощения. Празднуют Уразу 3 дня. На второй, третий день праздника посещают кладбище, могилы родственников посыпают просом, рисом, пшеницей, тем самым принося их «долю».

За 5 дней до праздника Ураза ногайцы ожидали ночь исполнения желаний – «Хадыр кеше». В эту ночь хозяин семьи раздавал неимущим, сиротам «бытыр» (садакья) – 2,5 кг пшеницы за каждого члена семьи и за гостя, который в эту ночь оказался у него в доме. Вечером варили мясо, ногайский чай. Каждая семья отправляла мулле кусок вареного мяса с хлебом для того, чтобы он всю ночь просил у всевышнего блага для членов этой семьи.

В ночь «Хадыр» никто не спал, время проводили в молитвах, читали суры из Корана и просили у Аллаха исполнения желаний. По представлениям ногайцев, в эту ночь в небе пролетает белый лебедь, крича: «Аминь». Если слово «Аминь», произнесенное лебедем, совпадет с этим же словом, но сказанным человеком, то его желание обязательно исполнится. Согласно поверью, в ночь «Хадыр» к хорошему человеку мог явиться Кыдыр-няз. Появлялся он в образе высокого седого старца, в долгополой шубе, с длинной белой бородой и посохом в руке. Кто не испугается и встретит его подобающим образом, того в жизни ждет удача и успех. Кто испугается – того в жизни ждут разочарования.

Как и все мусульмане мира, ногайцы отмечают «Курбан байрам» – праздник жертвоприношения. Согласно установленным исламским канонам, выбирают жертвенное животное, совершают жертвоприношение, раздают мясо, угощают мясными блюдами соседей, родственников. На следующий день родители посылают сыновей с мясом к замужним сестрам. Обычно им отправляют часть бараньей грудинки или курдюк.

Отмечают и день рождения пророка Мухаммеда. В этот день устраивали мавлид. Инициаторами этого мероприятия в исследуемый период выступали мулла и старейшины аула. Резали жертвенное животное, купленное вскладчину. Из этого мяса готовили угощения, к ним обязательно подавали «сербет сув» – сладкую воду. После произнесения молитв все участники праздника садились за стол, пробовали щепотку соли, отпив по глотку «сербет сув», приступали к совместной трапезе. На середину стола выставлялись серебряные украшения, амулеты: считалось, что после мавлида они приобретут чудодейственную силу. По окончании трапезы вновь произносили молитву и просили у всевышнего для всех присутствующих здоровья и благополучия. Присутствующие долго не расходились в этот день, пожилые обменивались знаниями в области ислама, а молодые слушали.

Мавлиды устраивались и во время засухи, эпидемий, с целью отвести от людей беду.

Несмотря на то, что ислам уже давно и прочно укоренился в сознании ногайцев, в исследуемое время продолжали сохраняться отголоски и более древних, домусульманских религиозных представлений. Так, по представлениям ногайцев, мир создал творец – Кудай. Он сотворил небо, солнце, луну; землю. Первичным материалом для создания мира явились вода и огонь. Кудай вскипятил с помощью огня воду, и пена, образовавшаяся в результате кипения, была использована им для сотворения земли: вздутия ее образовали горы с предгорьями, ущельями и долинами¹. Земля имеет плоскую, тарелкообразную форму и покоится на огромной рыбе, оставшейся под пеной в воде, вода – на камне, а камень опять на воде². Существует и другое поверье, что землю якобы держат два быка, и когда они бодаются, то случаются землетрясения.

Из огня Творец создал свет и все небесные светила. Солнце и луна – не что иное, как огненные шары. Солнце предназна-

чено для освещения и согревания земли днем, луна – для освещения земли ночью.

Затмения солнца и луны происходят от многочисленных людских прегрешений. Небо состоит из не известных никому веществ и имеет семь уровней. Своими краями оно упирается в края земли. Звезды служат оружием в руках Творца и его ангелов для изгнания злых духов, которые стремятся попасть на небо. В народе бытовало и такое мнение, что у каждого человека есть своя звезда, со смертью человека его звезда гаснет и падает на землю. Подобные представления о связи человека со звездами существовали у киргизов¹, казахов² и у народов Дагестана³. Звезды, луна, солнце – все вращается вокруг земли, которая стоит неподвижно.

После сотворения мира Творец создал из глины человека, вдохнув в него свой дух. Эта связь человека с землей неразрывна. Сделанный из земли, умирая, он уходит в землю. Об умершем человеке ногайцы говорят: «Топырак болды» («Превратился в землю»). Таким образом, душа человека возвращается к богу, а тело – к земле, из которой он был создан.

Согласно поверьям, кроме людей, обитающих на земле, существуют люди, которые живут над землей и под землей. Поэтому люди, живущие на земле и находящиеся как бы посередине, носят пояса на талии. Таким образом, ногайцы были твердо убеждены в существовании других миров.

Радуга была предвестником хорошей погоды. Радугу называли «Куртка шаш», т. е. старухой, распустившей волосы, или «Куртка шаш койын яйды» (досл. «Старуха вывела своих овец на пастбище»).

Ветер на земле производит Обур-куртка (старуха, обладающая волшебной силой). Живет Обур-куртка на востоке, она очищает ветром воздух от вредных испарений, но бывает и так,

¹ Алейников М.И. Поверья ногайцев // СМОМПК. Вып. XVII. - Тифлис, 1893. - С. 2.

² Там же. - С. 4.

¹ Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1872. - С. 35.

² Валиханов Ч. Избранные произведения. - М., 1986. - С. 227.

³ Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. - М., 1991. - С. 151.

что, разозлившись, дует подолгу, нанося человечеству вред, заметая песчаными бурями пастбища и посевы.

В комплексе верований ногайцев сохранились следы культа языческих божеств. Это – божества плодородия, огня, дождя и воды. Из-за природных условий Ногайской степи ее жители постоянно испытывали недостаток в воде, и поэтому вода считалась священной. Еще в древности сложился культ воды. Вода, по представлению ногайцев, имеет своего хозяина – «Сув иеси». «Сув иеси» был царем подводного мира. Он обитает в больших морях, где имеет свои подводные жилища и дворцы, множество подчиненных себе водяных духов, живущих в реках и водоемах. Духи вылавливают утопленников и доставляют их своему хозяину¹. Не разрешали ночью выходить из дома за водой. Если все же возникала такая необходимость, прежде чем набрать воды из колодца, обращались к «Сув иеси» со словами: «Уюмге ак шалмалы аьжи келди, шогар бир даретлик сувга келдим. Сув сеники – йол меники. Бисмилла, бир Алла» («К нам домой пришел аджи (мусульманин, совершивший паломничество в Мекку) в белой чалме, для него хочу набрать воды для омовения. Вода твоя – дорога моя. Во имя Аллаха, Аллах один»).

Считалось, что «Сув иеси» может выходить из воды и вступать в единоборство с людьми. В обряде вызывания дождя сохранились отголоски почитания бога-громовника Андир Шо-пая, олицетворяющего собой мужское начало². У ногайцев в обряде вызывания дождя ритуальная песня начинается прямо с обращения к нему:

«Оп, оп, Андир Шопай
Пусть дождь пойдет, Андир Шопай».

Андир Шопай, обладающий божественной силой, должен был пролить дождь на землю и оплодотворить ее дождевой водой.

Божеством плодородия являлся Эмире. Эмире рождается на небе ранней весной, набирая силу в небесах, согревая небо, он спускается на землю, растапливает снег, согревает воздух. Его появление – знак для начала весенних земледельческих работ. Спустившись на землю, Эмире согревает ее, и земля оживает и как бы испускает пар. В народе говорят: «Ерге Эмире туьсти, сабанды йибермеге болады» («Эмире уже в земле – можно пускать плуг»).

В обрядовой песне люди просят спуститься с неба Эмире на землю, чтобы начать новый сельскохозяйственный год.

- | | |
|---------------------------|--|
| - Кокте сага не керек? | - Что тебе нужно от неба? |
| - Эмире туьскени керек. | - Чтобы Эмире спустился. |
| - Ерден сага не керек? | - Что тебе нужно от земли? |
| - Боза этпеге тары керек. | - Проса, чтобы сделать бузу. |
| - Элден сага не керек? | - Что тебе нужно от народа? |
| - Ез тырнаклы кыз керек. | - Девушку с медными ногтями ¹ . |

В этих словах отражены действия, совершаемые земледельцами после того, как земля прогреется. Девушка с медными ногтями – не что иное, как плуг, которым должны вспахать землю, засеять и получить урожай.

Существовал и культ матери земли – Ер Анасы. Ее представляли в виде высокой, дородной женщины, с большими руками, ногами, загорелым лицом, некрасивой и грубоватой. В урожайные годы ногайцы славил Ер Анасы, называя ее белолицей красавицей, доброй и щедрой матерью.

С культом матери-земли тесно связан и культ огня. Хранительницей домашнего очага была богиня Тамыз – искра. Тамыз оберегала семью от невзгод. Ногайцы представляли Тамыз маленькой женщиной в красном кафтане, танцующей в огне очага. В счастливых семьях Тамыз была молодой, красивой и веселой. В семьях, где был разлад, Тамыз выглядела старой, танец ее угасал, как домашний очаг. Домашний очаг являлся основой благополучия семьи. Огонь нельзя было гасить, брызгать

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 10

² См.: Ярлыкапов А.А. Обряд вызывания дождя у ногайцев // Ислам и народная культура. - М., 1998. - С. 172-182.

¹ Айдаман: Народные колыбельные и детские песни / Сост.: С. Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 33.

на него воду. Считалось, что человека, который погасил огонь с помощью воды, ожидало наказание всевышнего. Если возникала необходимость погасить огонь, то сверху его прикрывали специальной металлической крышкой, чтобы огонь, погас сам. Подобные представления о домашнем очаге как символе счастья семьи существовали и у турок. Как пишет В.А. Гордлевский, «османцы остерегаются брызгать воду на огонь; огонь, пылающий в очаге – символ счастья семьи, и когда он гаснет, это как бы указывает на развал семьи»¹. Огонь очага использовался ногайцами и как магический инструмент очищения. Так, для очищения от болезни и грехов ходячих больных, а также людей невезучих и подозреваемых в грехах заставляли прыгать через разведенный костер². Человека, испытывавшего страх, подводили к огню: считалось, что огонь должен унести с собой страх. Очищение огнем проводили и во время свадьбы. Невесту подводили к семейному очагу жениха и водили вокруг него, затем останавливали и предлагали посмотреть на огонь. Пожилая, уважаемая женщина грела ладони над огнем и гладила ими лицо невесты, как бы приобщая ее к семейному очагу. Данный обряд носил название «бет йылытув» («согревание лица»).

Большое место в религиозных представлениях ногайцев занимала вера в существование джиннов, добрых и злых, шайтанов, демонических существ. В демонологических представлениях ногайцев хорошо сохранился образ Албаслы. По поверьям, это женщина огромного роста, с длинными густыми волосами, с большими отвислыми грудями, которые настолько велики, что их можно закинуть за плечи. Все тело Албаслы покрыто шерстью, а пятки ее обращены вперед. У Албаслы были муж Агач-Англи и дети. Детей она носит на спине и кормит, подавая им сосать через плечо свои огромные груди³.

Обитала Албаслы в лесах и дебрях, в степи среди лошадей. Албаслы обычно показывается человеку сидящей под дере-

¹ Гордлевский В.А. Быт османца в суевериях, приметах и обрядах (материалы) // Избранные сочинения. Т. 4. - М., 1968. - С. 77.

² Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сб. статей. - Махачкала, 1989. - С. 70-71.

³ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 6.

вом или на камне и расчесывающей волосы. В этот момент Албаслы теряет бдительность, и тогда ее можно схватить и вырвать у нее клочок волос. При этом необходимо соблюдать крайнюю осторожность, иначе Албаслы может зашекотать человека до смерти. Албаслы можно заставить работать на себя, взяв в залог ее волос, который надо хранить в Коране, которого Албаслы страшно боится.

Среди ногайцев бытует рассказ, как однажды человек, вырвав у Албаслы волос и положив его в Коран, заставил ее выполнять всю работу по дому. Албаслы готовила еду, приносила воду, прибирала в доме. Хозяева следили за работающей, т. к. в приготовленную пищу Албаслы могла плюнуть, принесенной водой подмыться и т. д. Как-то раз хозяева оставили на попечении Албаслы своего малолетнего сына, а сами ушли работать в поле. Албаслы готовила в котле ужин. Она стала уговаривать ребенка вынуть из Корана волос и отдать ей. Поддавшись на уговоры, мальчик выполнил просьбу Албаслы. Получив заветный волос, Албаслы бросила дитя в кипящий котел и покинула дом, отомстив за свои унижения. Придя домой, хозяева обнаружили ребенка в котле мертвым. С тех пор родители стараются не оставлять детей дома одних без присмотра, боясь Албаслы.

Албаслы может навредить роженице и новорожденному. Считали, что она способна выкрасть новорожденного ребенка или забрать послед роженицы, после чего женщина сильно заболела. Поэтому роженицу и новорожденного ребенка тщательно охраняли от внезапного проникновения Албаслы, закрывали окна, двери, создавали шум, отпугивая ее. В народном эпосе сохранились представления о возможном сожигательстве Албаслы и человека. Так, в эпосе «Эдиге» охотник Кутлы-Кая встречает в лесу Албаслы и вступает с ней в брак. Албаслы берет с него клятву не смотреть ей в подмышки и на ноги. Но Кутлы-Кая нарушает данное им обещание, видит птичьи ноги и отверстие в правом боку супруги, через которое видны внутренности. Жена покидает его, а затем подбрасывает новорожденного младенца – Эдиге¹. Образ Албаслы также распространен у

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 7-9.

многих народов Дагестана, Закавказья, Поволжья, народов Передней и Средней Азии¹.

Помимо Албаслы в народе сохранились представления о дэвах, елмаузах, аздаа. Образы этих демонологических персонажей широко представлены в сказках, легендах. Все эти существа являлись олицетворением злого, враждебного человеку начала.

Так, по народным представлениям аздаа – это огромный, многоголовый огнедышащий дракон. Он якобы перекрывает источники воды – реки, озера, родники и требует взамен человеческих жертв, как правило, юных девушек. Как только аздаа получает жертву, он спускается с ней под воду и съедает ее, а народ в это время запасается водой. Происходит это периодически.

Представляли аздау и в образе огромного водяного змея. Н.Ф. Дубровин сообщает: «Карангайцы верят в существование огромного водяного змея, который, если выпрямится, головою касается туч, а хвостом остается в воде. Подымаясь, он страшно шумит, трещит и при падении рассыпает бесчисленные искры. Родится этот змей от лани, живет в реке или море и существует до тех пор, пока лань не произведет на свет другое такое же чудовище, что случается обыкновенно через сто лет. Если кто-нибудь осмелится близко подойти к жилищу змея, то он хватает и уносит его с собою в пучину, и тогда никто не в состоянии оказать несчастному помощь»².

¹ См.: *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. - М., 1961. - С. 326; *Алимова Б.М.* Табаранцы XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1992. - С. 225; *Гаджиев Г.А.* Верования и обряды: Доисламский период. - Махачкала, 1993. - С. 26; *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. - С. 5-93; *Толубаев А.Т.* Синкретизм казахской демонологии (на примере демона албасты) // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). - Алма-Ата, 1989. - С. 283-287; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. - С. 95; *Алекперов А.К.* Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. - Баку, 1960. - С. 165, 218; *Басилов В.Н.* Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. - М., 1994. - С. 49.

² *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. 1. - Кавказ. - СПб., 1871. - С. 275.

У демона аздаа имелся небесный собрат – Сазаган. Если образ аздаа появляется лишь в сказочном фольклоре, то образ Сазагана вполне реален. Сазаган представлял собой огромное длинное чудовище, похожее на змея. Голова его напоминает оленью, с разветвленными рогами¹. Сазаган обычно появляется на небе среди туч весной и летом перед дождем. Его появление предвещает обильные дожди. Если дождю предшествует ясная погода, а затем внезапно поднимается ветер, то в народе говорят: «Сазаган ойнайды» («Сазаган играет»). После дождя Сазаган уходит в землю, чтобы через некоторое время вновь появиться и выплеснуть накопившуюся энергию. Демоническое существо Сазаган имеет ярко выраженные черты громовника и не встречается у других тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Образ дракона аздаа, напротив, получил широкое распространение не только в верованиях народов Дагестана. Он известен народам Кавказа, Поволжья, Средней и Малой Азии, славянским народам Балкан, мусульманам Индонезии².

В ногайском пандемониуме имеется еще один персонаж – дэв. Образ его представлен в антропоморфном облике. Это существо огромного роста, наделенное огромной силой. Живут дэвы семьями в пещерах и лесах. Образ дэва весьма противоречив: часто он выступает как отрицательный персонаж, способный навредить человеку, но иногда дэвы и помогали людям. В этом качестве дэв был распространен и у большинства народов Востока, Средней Азии и через посредство тюркоязычных народов – и Дагестана.³

В фольклоре ногайцев встречается также образ демонического существа Елмауз. Этот демон бывает мужского и женского рода, имеет антропоморфный вид. Елмауз – чудовище с огромным носом и ртом, пожирающее людей. Ему также припи-

¹ *Керейтов Р.Х.* Мифологические персонажи верований ногайцев // СЭ. 1980. № 2. - С. 125.

² *Гаджиев Г.А.* Указ. раб. - С. 32; *Басилов В.Н.* Аждаха // Мифологический словарь. - М., 1991. - С. 24; *Графферберг Э.Г.* Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. - С. 229; *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С. 30-31.

³ *Гаджиев Г.А.* Указ. раб. - С. 36.

сывают способность вызывать затмение луны. Согласно легенде, в одном ауле жил юноша – пастух и его возлюбленная. Их ровесником был Елмауз, сын богатых родителей, отличавшийся необыкновенным обжорством. Так, съев своих родителей, он превратился в чудовище, которое стало поедать людей. Пожирая всех на своем пути, он добирается и до пастуха, который вступает с ним в схватку. В этом единоборстве одержать победу над Елмаузом пастуху помогает его собака. Юноша отрезает чудовищу голову, но не может разбить его челюсть. Поэтому голова Елмауза ожила и творит зло на всей вселенной. Пастух с отарой и собакой вознеслись на луну. Елмауз, желая отомстить своему обидчику, периодически нападает на луну и хочет ее проглотить. Когда Елмауз своей тенью пытается закрывать луну, собака пастуха чует его и начинает выть. При затмениях ногайцы думали, что они помогают победить чудовище, создавая на земле шум и тем самым отпугивая Елмауза¹. Подобное поверье о чудовище, борющегося с луной, существует и у саяно-алтайских тюрков². Образ демона Елмауз бытует в поверьях киргизов, казахов³, узбеков, татар, уйгур, башкиров⁴, карачаевцев и балкарцев⁵.

В сознании ногайцев сохранилась и вера в покровителей. Так, согласно преданиям существовал покровитель богатырей Периште, покровители скота⁶. Каждый из четырех видов скота имел своего покровителя. Верблюдам покровительствовал Ойсыл-Кара, крупному рогатому скоту – Зенги-баба, лошадям –

¹ Керейтов Р.Х. Ногайская свадьба // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988. - С. 129-130.

² См.: Потапов Л.П. Тюркоязычных народов мифология (Мифология саяно-алтайских тюркоязычных народов) // Мифы народов мира. Т. 2. - М., 1988. - С. 539.

³ Баялиева Т.Д. Указ. раб. - С. 103.

⁴ Басилов В.Н. Указ. раб. - С. 214.

⁵ Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. - Нальчик, 1991. - С. 78-80.

⁶ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 67.

Камбар-ата, овцам – Шопан-ата, козам – Шексек-ата. Тех же покровителей скота имели и казахи¹.

У ногайцев значительное место в религиозных представлениях занимали духи («йинлер»), объединяемые собирательными названиями «джинны» и «шайтаны». Отличие джинна от шайтана трудноуловимо. Ногайский йин в народной фантазии представлен антропоморфным существом маленького роста. Он имеет человеческий облик, и только при тщательном рассмотрении можно обнаружить отличия: пальцы на руках и ногах йина без суставов, а нос без внутренней перегородки, т. е. имеет одну ноздрю². По представлениям народа, они ведут такой же образ жизни, что и люди: рождаются, живут, питаются, веселятся, женятся, умирают.

Духи имеют свои излюбленные места обитания – пустыри, безлюдные степи, заброшенные дома, мельницы и прочие пустующие строения, саманные карьеры, места выброса мусора, кучи золы, старые пастбища³.

Подобные представления о джиннах существовали и у народов Средней Азии⁴, Дагестана⁵.

Джинны по представлениям ногайцев, как и люди, принадлежали двум религиям: одни покровительствовали мусульманам, а другие христианам⁶. Считалось, что духи не причиняют вреда людям, если их не потревожить. Потревоженный йин мог нанести непоправимый вред виновнику беспокойства: лишить его разума, парализовать и т. п. Поэтому люди боялись своим появлением нарушить покой духов. Помимо этого предпринимались различные меры предосторожности: не разрешалось выливать воду на порог дома (считалось, что здесь нахо-

¹ Казахские сказки о животных (легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни) / Сост.: С.А.Каскабасов, Е.А.Костюхин и др. - Алма-Ата, 1979. - С. 9.

² Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 9.

³ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20-21.

⁴ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 9.

⁵ Снесарев Г.А. Указ. раб. - С. 26; Тайжанов К., Исмаилов Х. Особенности доисламских верований у узбеков – карамуртов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М., 1986. - С. 113.

⁶ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20-21.

дится дом духов), приветствовать на пороге дома, наступать на порог. Запрещалось спать ночью под деревом, т. к. считалось, что там йин живет¹. Деятельность духов активизировалась в вечернее время и ночью, поэтому люди старались не выходить из дома с наступлением сумерек. Если все же приходилось по каким-либо причинам покидать дом, то люди обязательно вешали на шею талисман с молитвой, зубец чеснока, надевали ватный пояс. Повстречавшийся с йином обязательно должен был произнести слово «Бисмилла» («Во имя Аллаха»): как только произносилось это слово, йин исчезал.

В народе существует очень много рассказов о встрече людей с йинами. Как, например: «Возвращался человек по имени Асанали домой и повстречал на своем пути свадебный поезд. Люди, как и полагалось на свадьбе, веселились, танцевали. Асанали подъехал поближе и присоединился к ним. Но люди почему-то не замечали путника. Приглядевшись к ним, он заметил все черты, характерные для йинов. В толпе он заметил симпатичную девушку и ущипнул ее. Девушка неожиданно упала в обморок, тут народ заволновался, веселье прекратилось. К девушке подбежали женщины и стали приводить ее в чувство. Кто-то из присутствующих посоветовал пригласить старуху-знахарку, которая плелась в самом конце свадебной процессии. Старуху подвели к больной. Осмотрев девушку, она сказала, что ее «ударил» мусульманский йин. Тогда собравшиеся стали читать молитвы и девушка пришла в себя. Свадебный поезд тронулся дальше. А Асанали сел на коня и направился домой. Приехав в свой аул, он рассказал о случившемся старикам. Выслушав его, они сказали, что это были йины. И если бы они первыми увидели Асанали, то в живых вряд ли оставили».

Еще один рассказ: «В одном селе жила женщина-повитуха по имени Айшат, однажды ночью к ней постучали и попросили принять роды. Айшат тут же собралась и отправилась на помощь. Роды прошли успешно, и в знак благодарности родственники роженицы дали Айшат целую горсть золотых украшений. По дороге домой Айшат решила взглянуть на украшения, но увидела вместо золота бараний помет. Рассердившись, она вы-

бросила его. Кое-что у нее все же осталось в кармане. Утром женщина, вытряхивая карманы, обнаружила золотые сережки. Тогда Айшат поняла, что приняла роды у женщины йин. (Йины любят золото и беспокоят людей, у которых его много. Старики говорят, что золото йинов может показаться человеку пометом).

Прошло время. Как-то Айшат гуляла на свадьбе у односельчан и встретила там женщину-йин, у которой когда-то принимала роды. Они поздоровались. Кроме Айшат, женщину никто не замечал. Женщина-йин поинтересовалась, каким глазом Айшат видит ее. Она ответила, что левым. Тогда женщина-йин пальцем выколола левый глаз Айшат. Так женщина-йин оставила Айшат без глаза».

«Как-то у одной пожилой женщины вечером с пастбища не вернулся теленок. Тогда она, взяв с собой внучку, пошла искать пропавшую скотину. Долго они искали животное и вдруг вдалеке увидели темное пятно. Женщина с девочкой направились в ту сторону, где ожидали найти пропажу. Приблизившись, они увидели юрту. В юрте сидела старуха и варила ногайский чай. Она приняла гостей, расспросила обо всем и стала угощать чаем. Прежде чем пригубить чай, женщина, как и положено мусульманам перед едой, произнесла слово «Бисмилла». Тут же все исчезло, и юрта, и старуха. А женщина и девочка сидели на камнях и держали в руках бараний помет. Тут женщине все стало ясно: это был йин. Уставшие, они вернулись домой, а утром теленка обнаружили во дворе».

Считали, что некоторых людей йины могли посещать и дома. Как рассказывают информаторы, джинны являются к людям в ночные часы в облике их близких родственников, знакомых и стараются выманить из дома под любым предлогом. Если человек догадается сказать «Бисмилла», то йины тут же исчезают. Если же человек поверил и вышел во двор, то йины уводили его далеко от дома, катались на нем верхом, заставляли танцевать до изнеможения. Обычно обманутых йином людей находили далеко от селения в беспомощности. Эти люди серьезно заболели, бывало, что они лишались рассудка и речи. Для их излечения приводили муллу, который молитвами изгонял из тела больного джинна. Так, в одного человека по имени Ажигайтар из с. Акмамбет вселился джинн. Ажигайтар стал неуправляемым: ночевал на крыше,

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 120.

убегал из дома и бежал, как говорили, с такой скоростью, что даже всадники с трудом настигали его. Решили родственники Ажигайтара пригласить авторитетных мулл и изгнать джинна из его тела. В назначенный день в доме Ажигайтара собрались семь известных мулл, славившихся своим знанием Корана, которые не один раз помогали людям избавиться от злого духа. Муллы попросили развести костер, связать Ажигайтара и положить его у костра. После того, как все поручения были выполнены, муллы сели вокруг костра и стали громко произносить молитву. Услышав слова молитвы, Ажигайтар стал вырываться. Чем больше вырывался Ажигайтар, тем громче муллы говорили. Прочитав несколько раз молитву, муллы стали бить Ажигайтара по щекам, требуя сказать имя йина, который вселился в него. Обессиленный такими испытаниями Ажигайтар произнес имя Алалым. Один из мулл тут же записал это имя на клочке бумаги и бросил его в костер. Ажигайтар стал вырываться из пут и кричать диким голосом: «Алалым, мой Алалым горит!» На следующий день Ажигайтар был уже вполне здоровым и не верил тому, что о нем рассказывали односельчане».

Существовали и другие способы избавления от болезней, посланных духами. Особенно действенными против йинов считались талисманы, которые писали муллы. Талисман («дуа») представлял кусок бумаги с арабским текстом, обычно это были специальные суры из Корана, зашитые в материю. Талисман специально помещали в сшитый кожаный мешочек в виде квадрата или треугольника, продевали в один из уголков кожаную веревку и носили на шее в качестве оберега от нечистой силы. В народе до сих пор существуют рассказы, как талисманы спасали людей от злых духов. «Однажды юноша ехал верхом на коне из соседнего аула к себе домой. По дороге ему повстречался старец, он тоже направлялся в тот аул, откуда был родом юноша. Юноша слез с коня и, как и подобает по обычаю, предложил старику сесть верхом. Старик отказался от этого предложения, да еще добавил: «Я бы не только на коня, но и на тебя бы сел верхом, да вот кое-что мешает». Юноша из уважения к старику так и не сел на коня. Взяв коня за удила, он пошел рядом со стариком. Так за разговорами они дошли до аула. Тут старец попрощался с юношей и пошел своей дорогой. А юноша напра-

вился к себе домой. Придя домой, юноша рассказал о необычном поведении старика своему деду. Выслушав внука, дед указал на талисман, который висел на шее юноши, и сказал: «Вот что помешало твоему попутчику сесть на коня. Старик был йином. Если бы не твой талисман, злой дух покалечил бы тебя».

Для изгнания злого духа муллы совершали различные действия с сырыми яйцами, домашними животными черного цвета (курица, петух, баран). Изгнать злого духа из тела больного могли и знахари, умеющие читать Коран и писать по-арабски.

Согласно народным поверьям, помимо джиннов («йин»), являвшихся людям в облике человека, существовали и шайтаны. Шайтаны – это невидимая нечистая сила, которая толкает людей на неправильный путь, на совершение неблагоприятных поступков. Витая в воздухе, они могут вселяться в человека. Поэтому люди, зевая, прикрывают рот рукой, а в конце зевоты произносят: «Тьфу, тьфу, тьфу налат болсын шайтанга – шукур болсын Аллагда!» («Тьфу, тьфу, тьфу, пусть будет проклят шайтан – да прославится Аллах!»), отгоняя тем самым нечистую силу.

Согласно народным представлениям, шайтаны иногда создают песчаный смерч, называемый в простонародье «шайтан той» («свадьба шайтана»). «Шайтан той» возникает неожиданно, в ясную, безветренную погоду. Ветер иногда достигает такой силы, что может поднять в воздух человека. Смерч движется по степи, подобно живому существу. Люди остерегались песчаного смерча, т. к. в нем сидит шайтан, который насылает на человека, попавшего под вихрь, всякие болезни и может даже свести с ума. Во избежании зла при виде вихря нужно сотворить молитву, дунуть и плюнуть»¹.

По рассказам информаторов, если попасть острием ножа прямо в центр смерча, то в этом месте якобы можно обнаружить следы крови шайтана.

¹ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. – Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение // Известия об-ва археолог., истор. и этнограф. при имп. - Казан. ун-те. Т. 12. Вып. 1-2. - Казань, 1894. - С. 25.

Подобные представления о песчаном смерче, создаваемом шайтанами, существуют у узбеков¹, арабов².

Ногайцы верили в существование домашнего духа Бастырык, приходящего ночью к спящему человеку, чтобы душить его. Бастырык, по представлениям ногайцев – темный, злой дух, не имеющий определенной формы. Некоторые информаторы на себе испытывали действия этого духа.

Бастырык являлся к человеку ночью, во время сна, наваливался на него всем своим телом и душил, при этом человек не мог даже пошевелиться. Только на рассвете Бастырык покидал спящего человека. Чтобы оградить себя от злого духа, человек, находясь в туалете, должен съесть то, что он любит (к примеру, сладости, сыр и т. п.). Верующие полагали, что злые духи водились среди нечистот, и человек, поевший там что-либо из продуктов, якобы задабривал нечистую силу и таким образом избавлялся от нее. Подобные представления о духе, вредящем спящему человеку, существовали и у народов Дагестана³.

К категории злых духов относились дух Обыр и Сипауш. Оба эти духа были связаны с душами умерших и принадлежали к потустороннему миру.

Так, дух Сипауш в народных поверьях представлен в образе высокого и очень худого человека, с длинными волосами, без глаз. Он ходит на ощупь и часто забирается в жилища, находящиеся недалеко от кладбища, не оставляя там ничего съестного. Белый фосфорический свет, который иногда появляется на кладбище, отождествляется в народе с сипаушами⁴.

Обыр – это не что иное, как душа умершего злого человека, которая принимала обличье кошки. Вот что пишет Н.Ф. Дубровин о превращении человека в Обыра: «Едва только весть о смерти кого-нибудь разнесется по аулу, как все аульные кошки привязываются и держатся в таком заключении до самого погребения покойника, из опасения, чтобы какая-нибудь из них

не перескочила через его тело. Ногайцы верят, что если кошка перепрыгнет через тело, то умерший будет по ночам посещать свое семейство»¹.

Подобные представления о переселении душ умерших имели место у татар, башкир, чувашей, карачаевцев, удмуртов, славян².

У ногайцев бытовало и поверье о наличии в каждом доме покровителя домашнего очага «уйй иеси» (букв. хозяин дома). На нем якобы держалось благополучие семьи, достаток в доме. По народным поверьям, «уйй иеси» это «женщина – старуха с волосами длиной в 40 арш. и 70 грудями, обложенными каждая 70-ю подушками»³. Ногайцы считали, что она жила под бревнами потолка, в темных углах дома. Старики не разрешали детям шуметь, взрослым – громко разговаривать дома, ссориться, т. к. «уйй иеси» не любит шума. В народе полагали, что «уйй иеси» покидает дома, в которых нет согласия между членами семьи, а вместе с ней пропадает и достаток в доме.

С наступлением темноты «уйй иеси» принималась за свои обычные дела: переставляла вещи в доме, издавала разные звуки, создавая шум, могла выгнать скот со двора, доить коров и т. д. Чтобы ни сделала «уйй иеси», ее не ругали. Для того, чтобы задобрить «уйй иеси», хозяйка дома перед тем, как лечь спать, ставила в углу комнаты чашку с молоком.

Мнение о домашнем духе весьма противоречиво: с одной стороны, на нем держится благополучие дома, с другой – он может вредить хозяевам дома. Все неудачи или горести в доме приписывались желанию этого духа. Этот незримый покровитель ассоциировался с образом предка.

Наиболее почитаемым среди ногайцев является культ предков. Это выражалось, прежде всего, в регулярном «кормлении» умерших родственников. После каждого приема пищи ногайцы перечисляли имена своих умерших родственников с пожеланиями, чтобы их души были сыты. Существовало также

¹ Снесарев Г.П. Указ. раб. - С. 26-27.

² Лейн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. - М., 1982. - С. 199.

³ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20.

⁴ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 10.

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. раб. - С. 279.

² Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - нач. XX вв. - М., 1957. - С. 362.

³ Мошков В.А. Указ. раб. - С. 29.

поверье, что голодные души умерших посещают по четвергам и пятницам дома своих родственников и наблюдают, вспоминают ли те о своих предках. Считалось, что, «пребывая на небе, душа питается только молитвами живых людей, поэтому за них нужно молиться каждый четверг»¹.

По четвергам хозяйки пекли ритуальные пышки – бауырсаки, варили ногойский чай, приглашали на «юма шай» (букв. пятничный чай) соседей, родственников и поминали умерших. Организация по четвергам совместных трапез – поминок и раздача «садакья» считались обязательными для каждой семьи. Если по каким-либо причинам хозяйке не удавалось испечь пышки и пригласить на чай соседей, то она в этот день давала собаке хлеб с солью.

Временем поминовения умерших являлся месяц мусульманского поста – Рамазан и праздник Ураза байрам. По представлениям ногойцев, в эти дни души умерших освобождаются от темноты, приходят к жилищам своих родных и близких и слушают, что они говорят. Слыша живую беседу и наслаждаясь паром от поминальной пищи, души радуются, а если родственники в ссоре и не собрались вместе, то они горюют и плачут»².

Ногойцы верили, что душа «ян» бессмертна и продолжает жить в ином мире.

Значительное место в жизни ногойцев занимали различные суеверия, вера в приметы. Многие приметы были связаны с определенными днями недели. Каждый день имел свои качественные характеристики: лучшим днем для заключения брака «неке» считалась пятница, сватовства – четверг. Благоприятным днем для любого начинания считался понедельник. Неблагоприятными тяжелыми днями считались вторник и среда. Во вторник нельзя было отправляться в путь, в среду – выполнять тяжелую работу, купаться, выносить из дома мусор, выливать грязную воду.

Последняя среда каждого месяца мусульманского лунного календаря считалась опасной для людей, в этот день не рекомендовалось отправляться в путь, заключать какие-либо сделки.

¹ Мошков В.А. Указ. раб. - С. 61.

² Малявкин Г. Указ. раб. - С. 149, 171.

Ряд примет имеет связь с животным миром. Так, например, крик совы и вой собаки предвещали чью-нибудь смерть. Ждали несчастья, если в дом залетала летучая мышь, вползала змея, не к добру считалось и карканье вороны. Были и счастливые приметы, связанные с птицами. Так, крик петуха, стрекотание сороки предвещал приход гостей.

Было запрещено убивать некоторых птиц и животных. К примеру, запрещалось стрелять в белого сайгака. Считалось, что в него может попасть только плохой человек. Гибель этого животного якобы влекла за собой смерть кого-нибудь из членов семьи.

Нельзя было стрелять в сову. В народе считали, что сова сидит на ветке и приговаривает:

«Акылы бар мени урмас,

Акылсызны тубеги мени тиймес».

«Умный меня не убьет,

Глупый в меня не попадет».

Запрещалось также убивать филина, ласточку, голубя – их считали священными птицами. Священным считался и паук. В преданиях голубь и паук – спасители пайхамаров. Мы записали следующую легенду. «Аллах решил испытать пайхамаров и послал за ними погоню. Пайхамары убежали от преследователей. Решили они спрятаться в узком ущелье. Голубка за всем этим наблюдала и думала, как же помочь пайхамарам. Когда они проникли в ущелье, голубка залетела вслед за ними, снесла там яйцо и вылетела из ущелья, паук за ней успел сплести паутину и тем самым закрыл вход. Дойдя до ущелья, преследователи остановились у входа. Посмотрев, что проникнуть в ущелье невозможно, не повредив паутины и не раздавив яйца, побежали дальше. Так голубка и паук спасли пайхамаров».

Существовал и ряд других примет, в которые верили ногойцы. Например, переступить порог нового дома нужно было с хлебом, маслом, солью, чаем. Эти продукты должны были принести достаток в новый дом. Нельзя было рассыпать муку, соль. Не разрешалось переступать через топор, лопату, скрещивать пальцы, руки на груди, стоять подбоченившись, молодым закладывать руки за спину, прижимать колени к груди, ночью стричь ногти и подрезать волосы. Беременным женщинам не позволяли

переступить через веник – будут трудные роды, а также переходить дорогу верблюду – будет вынашивать ребенка 12 месяцев. Существовала и такая примета: женщине, которой долго не удавалось забеременеть, знахари предлагали посмотреть в глаза удоду («бисокок»).

В верованиях ногайцев сохранились и следы поклонения «священным» деревьям. Так, по сведениям информаторов, между г. Кизляром и с. Огузер Кизлярского района Республики Дагестан росли неподалеку друг от друга два «священных» дерева. Когда умирал хороший человек, с одного дерева капала кровь, а когда происходило что-то хорошее, с другого текло молоко. Проходящие мимо этих деревьев люди должны были помолиться возле них. Приходили к «священным» деревьям и с просьбами.

Среди ногайцев было широко распространено и почитание «священных» родников. Особой известностью пользовался «святой» родник «Щепкен тыкъан», находящийся в 6 км от с. Кумли Ногайского района. К нему приходили больные люди. Напившись воды из родника, больные якобы выздоравливали.

Весьма распространенным было и почитание могил «святых» людей. Так, ногайцы приходили на поклонение к могилам шейха Авалхана, похороненного в 1618 году в с. Терекли-Мектеб, и святого Батыр-Кады, похороненного в 1722 году в с. Кумли.

Большое место в жизни ногайцев занимали заговоры («арбау»), заклинания («шуклау»). Чаще всего при пропаже скота прибегали к заговариванию волчьей пасти. Над раскрытым лезвием складного ножа произносили специальную молитву, а затем нож складывали и не раскрывали до тех пор, пока не найдется скотина. По свидетельствам информаторов, заклинание волчьей пасти почти всегда приносило положительный результат: скотину находили в целости и сохранности.

С этой же целью бросали в огонь сорок черных горошин и яйцо орла, обмазанные жидкой глиной. Горох и яйцо, прежде чем бросить в огонь, заговаривали у муллы.

Распространено было и заклинание вора. Но перед этим односельчан заранее оповещали о совершении заклинания во избежание неблагоприятных последствий и в надежде, что вор раскается и вернет украденное. Для этого ловили лягушку, шли

к мулле, заговаривали ее и помещали в кувшин с сывороткой. Сверху кувшин плотно закрывали. Лягушка, наглотавшись сыворотки, начинала разбухать. Говорили, что вместе с лягушкой отекал и вор. Если вор приходил с повинной, то лягушку доставали из кувшина, надавливали на живот так, чтобы она изрыгнула сыворотку, и отпускали на волю. Как только лягушка выпускала жидкость – отеки у вора начинали сходить. Так, информаторы рассказывали, что у некоей Алтын пропал пуховый платок. Она тут же сообщила о пропаже односельчанам с предупреждением о совершении заклинания. Но платок не вернули. Тогда она сделала все в точности так, как и полагалось при заклинании вора. И вдруг стала замечать, что ее теленок пухнет. Не поняв причины, теленка зарезали, а в его внутренностях обнаружили пропажу.

Существовал и другой вид заклинания, о совершении которого так же, как и в первом случае, предупреждали заранее. Жилу правой ноги волка высушивали на солнце, затем опускали в воду, заговаривали у муллы и клали на раскаленные угли, где она скручивалась. Считали, что после этого действия вора обязательно скрутит.

Чтобы отыскать пропавшие и ворованные вещи, гадали и на бобах, и на окрашенных в разные цвета камешках¹.

Весьма распространены были и заговоры. По своей направленности их можно подразделить на медицинские, промышленные, любовные. Так, заговорами и заклинаниями сопровождалась любовная магия. Заговоры были вызывающие как взаимное влечение, так и взаимную ненависть. При этом использовались волосы, обрезки ногтей, одежды, нитки, наперстки, иголки². С этой же целью обращались к мулле. Он выписывал соответствующую суру из Корана, которую заворачивали в лоскуток, зашивали в кожаный треугольничек и носили при себе как амулет. С целью приворожить у муллы также заговаривали кусочек хлеба, который затем незаметно давали съесть возлюбленному.

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 11.

² Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 69.

С заклинаний и заговоров начинали любую работу: стрижку овец, обработку шерсти, приготовление ритуальной пищи и т. д. Заклинания и заговоры широко использовались и в обрядах вызывания дождя, прекращения градобития, ветра, при затмении солнца.

Большое количество заговоров связано с хозяйственной деятельностью: охотой, животноводством, бахчеводством, рыболовством¹.

Многие ногайские заговоры, заклинания связаны с рождением и воспитанием ребенка².

Широк круг заговоров и заклинаний от различных болезней человека: от действия злых духов, травм, ранений, оспы, укусов собак и змей, от чумных эпидемий, отравлений и т. д.

Причиной всех болезней и несчастий народ считал, с одной стороны, собственные прегрешения, с другой – действия злых сил природы и гнев бога. При всех болезнях лечение сопровождалось заговорами. В них лекари обращались не только к Тангри, Кудаяу (боги неба у тюркоязычных народов – М.Г.), Аллаху, но и к языческому святому Коркуту:

Хорхутлы-агай из устья Сыр-Дарьи,
Прогони несчастье,
Уничтожь все болезни.
...Заставь играть свой кобыз,
Прогони нашу печаль.
Не оставив ни печали, ни болезни,
Умножай число счастливых³!

Причиной заболевания мог послужить, как считали, и сглаз («кобз»). Вера в сглаз, порожденная суеверием и бессилием народной медицины, свойственна не только ногайцам, но и всем народам мира⁴. По представлениям ногайцев, есть категория людей, обладающих «дурным глазом», т. е. способностью

сглазить. Такими способностями, как говорили, обладали люди с голубыми и зелеными глазами. Их боялись и старались не попадаться им на глаза. Аналогичные представления с некоторыми особенностями характерны и для аварцев, даргинцев, лакцев, грузин, черкесов¹. Распознавали сглаз по следующим признакам: общее недомогание, сонливость, вялость, головная боль, тошнота, рвота, потеря аппетита и т. д. Снимали сглаз ногайские знахарки («кагымши») путем гадания и с помощью свинца.

С помощью расплавленного свинца сглаз снимали и аварские знахарки².

Эффективными средствами от сглаза считались соль, волчий зуб, камешек, взятый из желудка курицы, веточка боярышника. Оберегом, предохраняющим от сглаза, колдовства, от любой вредной силы, служила и кожа змеи. В качестве оберега змеиную кожу использовали и народы Дагестана, в частности даргинцы и лезгины, народы Кавказа и русские³.

Чтобы уберечь ребенка от сглаза, лоб мазали сажеей, а на новое платье красивой девушки нашивали ложную заплату⁴, носили амулеты, написанные муллой. От сглаза, у входа в дом, сарай вешали череп коня, подкову. Ногайские знахарки («кагымшы») умели с помощью свинца снимать испуг. Расплавленный свинец пропускали через ушко ножниц в чашу с холодной водой, где он образовывал различные фигурки. По форме свинцовых фигурок знахарка определяла причину испуга. Увидев фигурку из свинца, больной якобы избавлялся от испуга.

Большой популярностью в народе пользовались прорицатели («сынши»). Они определяли пол будущего ребенка по внутренностям курицы, специально зарезанной для этой цели, на горохе, бараньей лопатке предсказывали судьбу. Баранью лопатку использовали в своей гадательной практике и монгольские предсказатели⁵.

¹ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 39.

² Там же. - С. 43.

³ Там же. - С. 45.

⁴ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 70.

⁵ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Головой цикл. - М., 1989. - С. 257.

¹ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 71.

² Там же. - С. 68.

³ Там же. - С. 71.

⁴ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 39.

Не менее популярны среди ногайцев были колдуны («ядь»), чародеи («саварши»), волшебники («сыхыршы»), шаманы («камлауши»), гипнотезеры («козьбайлаушы»).

Итак, анализ собранного материала показал, что в рассматриваемое время домусульманские верования и представления органично сочетались с господствовавшей религией – исламом. Наиболее отчетливо домусульманские верования сохранились в тех жизнеобеспечивающих сферах, где человек был бессилен перед силами природы. Вера в духов, сглаз, вредоносное колдовство была вызвана и духовной потребностью, и зависимостью людей от природных явлений и окружающей среды.

Верования и обряды ногайцев имеют много аналогий с народными верованиями татар, башкир, казахов и др. Вместе с тем на верования и обряды ногайцев большое влияние оказали народы Дагестана и Северного Кавказа – это объясняется не только совместным проживанием в одном регионе, но и тесным культурным взаимодействием.

На религиозные верования ногайцев определенное влияние оказали и народы Средней Азии, Сибири. Однако, несмотря на столь тесные разносторонние связи с другими тюркскими и нетюркскими народами, ногайцы сумели не раствориться в иноязычной среде и сохранить свои народные традиции.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН



instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исторического развития, в тесном общении с народами Северного Кавказа, ногайцы выработали свою самобытную духовную культуру, в которой, с одной стороны, сохранились традиции кочевого мира, с другой – некоторые традиции оседлых народов.

Приобщение детей к миру взрослых происходило во время бесед, рассказов людей старшего поколения, совместных наблюдений за погодой, звездным небом, трудом родителей и т. д. Воспитание детей проходило и во время игр. Первичные знания об окружающем мире, явлениях природы и закономерностях общежития подрастающее поколение получало в обществе. Их было бесчисленное количество. Одни игры развивали в детях ум, смекалку, сообразительность, наблюдательность, другие были направлены на их физическое развитие. Таким образом, в семье дети получали всестороннее развитие, как умственное, так и физическое.

Первой ступенью системы образования были примечетские школы – мектебы. В них учащиеся получали элементарные знания (навыки чтения, письма, четырех арифметических действий). Второй ступенью системы образования были медресе. В медресе учащиеся приобщались к достижениям арабо-мусульманской культуры, к передовой научной мысли Востока и Запада.

Получив определенные знания в области астрономии, философии, логики, выпускники медресе продолжали обучение в духовных и светских высших учебных заведениях России, Турции, Египта и др. Таким образом, воспитанная на местных традициях передовая ногайская молодежь вбирала в себя достижения мировой науки и несла их в массы. В XIX – начале XX века в ногайской среде появились известные ученые-просветители, видные общественные деятели, журналисты.

Уроки нравственности молодежь получала и через устное народное творчество, которое имело свои особенности и своеобразие. В его образцах воспевается мужество, справедливость, гуманизм, трудолюбие, любовь к родине. Лучшие черты харак-

тера ногайского народа наиболее ярко отражаются в героическом эпосе, сказаниях, героических песнях. В сказках, поговорках, песнях ярче всего отразились и морально-этические нормы, нравы ногайцев, особенности их кочевого быта, которые нашли свое продолжение в народном календаре. В нем сконцентрированы эмпирические знания и весь опыт, накопленный в ходе хозяйственной деятельности многих поколений. Народный календарь стал своего рода сводом практических рекомендаций для скотоводов и земледельцев. Недостаток знаний, неспособность объяснить многие явления природы вызывали у людей страх перед ее силами, что послужило причиной появления иррациональных методов ведения хозяйства. Многие действия календарного цикла обрастали религиозно-магическими приемами, которые были призваны защитить урожай, спасти его от возможной засухи, града, ливневых дождей и т. д. Народный календарь со временем обрастал различными праздниками, приуроченными к выполнению определенных сельскохозяйственных работ, сменам времен года, явлениям природы. Календарные праздники носили массовый характер, их обязательными атрибутами являлись песни, танцы, игры, в которых самое активное участие принимали дети и молодежь. Развлекательные игры, сборища также облекались ритуальными действиями религиозно-магического характера.

Религиозные воззрения ногайцев нашли свое отражение не только в обрядах, связанных с народным календарем, но и во всех сферах их жизнедеятельности.

Бессилие человека перед силами природы породило веру в существование духов, в различные приметы, заклинания, заговоры. Их бесчисленное количество должно было оградить человека от неблагоприятных явлений природы, колдовства, сглаза.

Заговоры и заклинания применялись и в народной медицине. Использовали их в основном при лечении нервно-психических заболеваний. Наряду с иррациональными способами существовали и рациональные способы лечения. Лечили многие заболевания: болезни головы, носа и горла, внутренние болезни, костно-мышечные, кожные и др. Лечили травами, продуктами животного и минерального происхождения, применяли физиотерапевтические способы лечения и т. д.

Почти все ногайцы умели лечить животных. Среди них были и известные лекари, которые славились своим умением лечить скот.

Таким образом, все сферы духовной культуры ногайцев отражали особенности их кочевого быта, нравы, обычаи и мировоззрение.



**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК –	Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Тифлис.
Вестник ДНЦ –	Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала.
ВИРГО –	Вестник Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург.
ГАСК –	Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ЗИРГО –	Записки Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург.
ЗИООИД –	Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАНОИФ –	Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград.
ИИЯЛ –	Институт истории, языка и литературы. Махачкала.
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КС –	Кавказский сборник. Тифлис.
РФ ИИАЭ	Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.
ДНЦ РАН –	
СМОМПК –	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СЭ –	Советская этнография. Москва.
Труды ЧИНИИ–	Труды Чечено-ингушского научно-исследовательского института. Грозный.
УЗ ИИЯЛ –	Ученые записки Института истории, языка и литературы. Махачкала.
ЭО –	Этнографическое обозрение. Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общие сведения о ногайцах.....	11
Глава 2. Система народного образования.....	25
Глава 3. Устное народное творчество.....	40
Глава 4. Народный календарь, календарные обряды и праздники	83
§ 1. Народный календарь и календарные обряды.....	83
§ 2. Календарные праздники.....	114
Глава 5. Народная медицина и ветеринария.....	130
Глава 6. Религиозные представления.....	158
Заключение.....	183
Список сокращений.....	186

Гимбатова М.Б.

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Редактор *М.Б. Хуришлова*
Корректор *А.М. Хазамова*
Верстка *В.Г. Курбанова*

Подписано в печать 05.05.2005 г. Форма А5.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»
Тираж 300. Заказ № 3.

ООО Издательский дом «Эпоха»
г. Махачкала, ул. Дахадаева, 73 а.

Существовали и особые правила в подаче и распределении пищи между участниками трапезы. Так, например, более «престижные» куски мяса доставались главе семейства и его сыновьям, менее «престижные» – снохам. Благодаря этнокультурному взаимодействию и взаимовлиянию подобные правила рассаживания и распределения пищи за столом, характерные для кочевников-скотоводов, стали известны многим тюркоязычным народам Северного Кавказа и Дагестана, а также адыгским народам.

Наши исследования показали, что ногайцы соблюдали правила этикета не только в будни, но и во время проведения семейных праздников. Так, правила этикета соблюдались и участниками сватовства, и приглашенными на свадебное торжество, на обряд имянаречения, и прибывшими на похороны. Этикетное поведение участников семейных мероприятий заключалось в произнесении тостов, здравниц, благопожеланий, связанных с различными семейными событиями (рождение ребенка, свадьба, похороны и т.д.).

Проявлением этикетного поведения считалось преподнесение подарков по случаю рождения ребенка, свадьбы и т.д. Ногайцы в качестве подарка преподносили значимые для кочевников вещи: конскую сбрую, плетень, скот, коня. Этикетным выглядело и поведение новобрачных до и после свадебных торжеств. Результаты исследования показывают, что комплекс послесвадебных обрядов (приобщение молодой к домашнему очагу, первый выход за водой) у большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа и адыгов похож не только по сценарию проведения, но и по культуре поведения и этикету, соблюдаемым новобрачными и их родственниками.

Обряды детского цикла также требовали от его участников соблюдения определенных правил поведения. Согласно ногайскому этикету участие родителей в торжествах по случаю рождения ребенка считалось недопустимым. Организаторами этих праздников выступали дед и бабушка новорожденного. Правом имянаречения обладал самый старший член семьи или почет-

ный гость, первого укладывания младенца в люльку, развязывания пупка с ног ребенка – самая старшая женщина. Следует отметить, что именно дед и бабушка в основном и занимались воспитанием внуков, вводили их в мир взрослых, обучали правилам этикета. Согласно этикету поздравления по случаю рождения ребенка принимали не его родители, а дед с бабушкой.

Этикетную нагрузку несли и подарки новорожденному. Следует отметить, что у различных групп ногайцев поздравления и подарки по случаю рождения ребенка значительно отличались. В этом плане у степных ногайцев лучше, чем у других этнических групп ногайцев, сохранились кочевнические традиции. Так, у степных ногайцев поздравления и подарки новорожденному должны были соответствовать полу ребенка. Так, например, с рождением девочки поздравляли словами: «Кырк туварын хаирлы болсын» (Пусть 40 голов скота пользу вам принесут) и дарили серьги, кольца, браслеты; с рождением мальчика: «Шораны бавы берк болсын» (Пусть удила будут крепкими, как у Шора-батыра) или же «Ат ысларын хаирлы болсын» (Держащий удила пусть пользу принесет) и дарили ножи, кинжалы, ружья. У кубанских же ногайцев, как и у большинства северокавказских народов, различий в поздравлениях с новорожденным и подарках между полами не наблюдалось.

Этикетное поведение во время похоронно-поминальных обрядов ногайцев отличалось от поведения других дагестанских и северокавказских народов. В отличие от горцев Дагестана и Северного Кавказа, у ногайцев мужчины оплакивают покойного. Это характерно и для большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа и относится к древним пластам тюркской культуры. Еще одной особенностью этикетного поведения во время похоронно-поминальных обрядов было поведение родителей умершего ребенка, которые не оплакивали свое дитя открыто, не принимали соболезнования по случаю его смерти. Подобное поведение родителей было характерно и для других народов Дагестана и Северного Кавказа, у которых соблюдался обычай избегания.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что этикет семейной жизни ногайцев и тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа, особенно северных кумыков, имеет много общего. В результате этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния некоторые черты семейного этикета ногайцев получили распространение и у других северокавказских народов, в частности у адыгов. Так, например, семейные запреты и ограничения были распространены у народов, не относящихся к тюркской группе (кабардинцев, абазин, осетин и др.), а также у некоторых горцев Дагестана, у которых они сохранились в осколочном, редуцированном виде.

Особенно ярко культура поведения и этикет ногайцев проявлялись в общественной жизни. Появление в обществе, участие в коллективных мероприятиях накладывало на людей большую ответственность, так как каждый человек, будь то взрослый или ребенок, представлял в обществе не только себя лично, но и свою семью, род. Хорошие манеры, знание правил этикета создавали человеку авторитет в обществе, с ним считались, к его мнению прислушивались, отсутствие же культуры принижало его как личность и создавало негативное мнение о его семье.

Ногайское общество высоко ценило старших. Согласно правилам этикета старшим везде и всюду уступали дорогу, при встрече их первыми приветствовали, а когда они входили в дом или приближались, то их приветствовали вставанием. Старшие занимали самые почетные места во время общественных торжеств (на свадьбе, во время приема почетного гостя, календарных праздников). Самому старшему принадлежало право определить время и место проведения общественного праздника, открыть праздник. Старший первым начинал пахоту, сев, сенокос, стрижку овец. Впрочем, уважение к старшим характерно не только для ногайцев, но и для многих народов Кавказа, где высоко чтит культ предков.

Обязательными для всех членов общества являлись акты приветствия и прощания. У ногайцев, как и у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа, существовали две фор-

мы приветствия: одна – мусульманская, другая – связанная со временем суток. Наши исследования показали, что у разных групп ногайцев Дагестана и Северного Кавказа существовали свои правила приветствия. Так, у кубанских ногайцев при встрече вслед за рукопожатием следовало рукоцелование (руку целовали почтенным старцам, духовным лицам, паломникам, женщины целовали руку пожилым родственницам), у терских ногайцев при встрече обменивались легкими поцелуями, у степных ногайцев – пожимали руку. Обычно приветствие перерастало в фатическую речь. У ногайцев фатическая речь также имела свои этноспецифические особенности, она, как и у многих скотоводов, заключалась в расспросах о скоте.

К определенным выводам мы пришли и в результате исследования культуры общения ногайцев. Наши наблюдения показали, что речь ногайцев не изобилует жестами и мимикой, а дистанция между общающимися людьми близка к максимальным пределам, принятым на Северном Кавказе. Так, между мужчинами-сверстниками дистанция сокращалась, между молодыми и пожилыми – возрастала, а между мужчиной и женщиной резко увеличивалась.

Особенностью речевого этикета ногайцев являются уважительное обращение к старшим, тактичность, вежливость, сдержанность в проявлении эмоций и деликатность. Свидетельством этого служит распространенное среди ногайцев выражение: «Мамык пан сой» (букв. зарежь ватой). Суть его заключается в том, что даже о неприятных вещах надо говорить мягко, деликатно, тактично, не унижая достоинства человека. Подобные правила речевого этикета свойственны не только ногайцам, но и другим тюркоязычным народам (кумыкам, дагестанским азербайджанцам и терекеменцам, карачаевцам, балкарцам, татарам, башкирам, казахам и др.).

Наше исследование показало, что в традиционном ногайском обществе мужчины и женщины не могли свободно общаться, а телесные контакты между ними вообще исключались.

Местом для общения мужчин в исследуемый период являлся сельский сход, где формировалось общественное мнение,

вырабатывались единые для всех правила поведения в обществе. К нарушителю общепринятых правил поведения применялись различные меры наказания: от общественного порицания до изгнания из общины.

Огромное влияние на культуру поведения ногойцев оказал ислам. Правила поведения в мечети, на кладбище для всех мусульман Дагестана и Северного Кавказа, в том числе и ногойцев, были одинаковыми, равно как и использование в речи словесных формул и выражений, связанных с именем Аллаха.

Объектом нашего исследования как одного из общественных мест стали базар, ярмарка, где в исследуемое время люди не только заключали торговые сделки, но и общались. Правила ведения торговых дел и культура поведения на базаре, ярмарке для большинства народов Дагестана и Северного Кавказа были едины, но характерной особенностью ногойского торгового этикета являлось то, что все торговые операции у ногойцев заключались исключительно мужчинами.

Особое место в жизни ногойцев занимали общественные праздники. В результате исследования праздничной культуры поведения ногойцев мы пришли к выводу, что по комплексу проводимых праздничных мероприятий кубанские и кумские ногойцы стоят ближе к традициям земледельческих народов, а степные – к кочевническим. Об этом свидетельствует праздник Сабантой, широко отмечаемый кубанскими и кумскими ногойцами. В целом же ногойцы отмечали те же праздники, что и большинство дагестанских и северокавказских народов (Навруз, Ораза-байрам, Курбан-байрам). По комплексу спортивно-зрелищных мероприятий, проводимых во время праздников, ногойцы ближе к среднеазиатским народам, но по культуре поведения и этикету – к тюркоязычным народам Дагестана и Северного Кавказа.

В общественной жизни ногойцев, как и многих народов Дагестана и Северного Кавказа, важное место занимал обычай взаимопомощи «талака», «мылка». Исследование показало, что у ногойцев, как и у большинства тюркоязычных народов Дагестана, не было помочей, где мужчины и женщины работали

бы вместе. Участие в помочах было делом обязательным, здесь более наглядно проявлялось чувство коллективизма, присущее многим кочевникам. Во время помочей, как и в любом другом деле, участниками соблюдались определенные правила поведения и этикет, нарушителей же этих правил ожидало общественное порицание.

Обычай гостеприимства и куначества был распространен на Кавказе повсеместно. Правила приема гостей у ногойцев, как и у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа, во многом схожи, различия были лишь в деталях, в основном же все народы Кавказа стремились создать максимально комфортные условия для гостей.

В ходе исследования нами выявлены некоторые кочевнические традиции приема гостей, характерные для ногойцев. Они заключались в правилах приветствия гостей знаках внимания, уходе за их лошадьми, в рассаживании за столом, в подаче и распределении мяса между участниками трапезы, разделывании головы барана, распитии хмельных напитков круговой чашей и т.д. Эти правила застолья были переняты северными кумыками, карачаевцами, балкарцами и другими северокавказскими народами, составляющими адыгскую группу народов.

Определенные правила поведения, этикет соблюдали и кровники. Правда, анализ полевого этнографического материала показывает, что обычай кровной мести не характерен для ногойцев, скорее он был позаимствован у дагестанских и северокавказских народов, и довольно поздно, так как обычай кровной мести не успел укорениться в среде простых ногойцев и был распространен лишь среди ногойской знати. Простые ногойцы к обычаю кровной мести прибегали крайне редко, так как он шел вразрез с общепринятыми представлениями о братстве и взаимопомощи между ногойцами. Этим и объясняются крайне скудные сведения наших информаторов об обычае кровной мести. Они назвали лишь некоторые формы примирения кровников, аналогичные кумыкским, благодаря которым он и стал известен ногойцам. Примера же кровной вражды между родами наши информаторы не вспомнили ни одного.

В памяти ногайцев сохранились и сведения о воинском этикете. Традиция выхода на поединок с противником перед началом решающей битвы относит воинский этикет ногайцев к одному из самых древних в мире, восходящим к древнеримским и древнемонгольским боевым традициям.

Итак, исследуя культуру поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту, мы пришли к заключению, что традиционный этикет ногайцев – своеобразный симбиоз кочевой и тюркской культуры с элементами дагестанской и северокавказской культуры.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Абдулжалилова Бекхан 1927 г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.
2. Абдулхаликова Еминат 1939 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан (далее РД).
3. Абдурахманова Асрет 1945 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
4. Агаспаров Акманбет, 1952 г.р., с. Сары-Су Шелковского района Чеченской Республики (далее ЧР).
5. Агаспаров Йолманбет, 1929 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
6. Агаспаров Шарапдин, 1935 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
7. Агаспарова Майминат 1938 г.р., г. Махачкала РД.
8. Агаспарова Менлихан 1944 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
9. Аджигельдиева Акманет 1925 г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
10. Аджимурзаев Али 1929 г.р., пос. Мирный Шелковского района ЧР.
11. Аджиниязов Адиль-мурза 1932 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
12. Адиева Атав 1928 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
13. Аккишиев Темирхан 1936 г.р., с. Ленинаул Ногайского района РД.
14. Акманбетов Тахир 1949 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
15. Акманбетова Аминат 1918 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
16. Алпысова Лайлихан 1924 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
17. Алпысова Сапу 1949 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
18. Арсланова Тайрат 1924 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
19. Баисов Шокай 1933 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики (далее КЧР).

20. Баисова Минат 1915 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
21. Байрамбаева Майрат 1935 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
22. Байманбетов Нурали 1950 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
23. Байманбетов Нурадил 1955 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
24. Байманбетов Расул 1962 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
25. Байманбетова Боранбике 1934 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
26. Байманбетова Залина 1965 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
27. Байманбетова Ханибек 1954 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
28. Байманбетова Ханитат 1924 г.р., с. Кумбатар Ногайского района РД.
29. Байманбетова Юмазиет 1933 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
30. Байрашев Ахмат 1929 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
31. Байрашева Казинет 1929 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
32. Балжанова Кизларбике 1927 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
33. Батыров Нукай, 1912 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
34. Бекбулатов Сейпу 1932 г.р., с. Ленинаул Ногайского района РД.
35. Бекбулатова Екев 1936 г.р., с. Ленинаул Ногайского района РД.
36. Бекмурзаев Муса 1928 г.р., с. Эдиге Ногайского района РД.
37. Биймурзаева Юмазиет 1923 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
38. Бурамбаев Ажмурза 1927 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
39. Бурамбаева Шайдат 1928 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.

40. Джамалов Алимпаша 1927 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
41. Джамалова Айшат 1929 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
42. Дуйсембиева Алуват 1925 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
43. Елманбетов Аинди 1947 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
44. Ербекова Байрамхан 1929 г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
45. Кадирбердиева Мария 1936 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
46. Кадирниязова Айшат 1922 г.р., с. Воскресеновское Шелковского района ЧР.
47. Казаков Валерий 1948 г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
48. Камбарова Аминат 1934 г.р., с. Эркин-Халк Ногайского района КЧР.
49. Капланов Алибек 1950 г.р., с. Эдиге Ногайского района РД.
50. Каратаева Тойбике 1928 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
51. Картакаев Ибрагим 1930 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
52. Кельдасов Бальбек 1932 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
53. Керейтова Рабият 1925 г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
54. Керейтова Тайват 1931 г.р., с. Эркин-Юрт Ногайского района КЧР.
55. Керейтова Татлыхан 1933 г.р., с. Эркин-Халк Ногайского района КЧР.
56. Кожаева Аминат 1931 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
57. Кокочева Зейнаб 1932 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
58. Куванаев Мурат 1933 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.

59. Куванаев Султан 1930 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
60. Куванаева Райлет 1949 г.р., с. Огузер Кизлярского района РД.
61. Куванаева Райме 1931 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
62. Кулушева Абидат 1925 г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.
63. Кульниязов Ахмат 1949 г.р., с. Ленинаул Ногайского района РД.
64. Кызболганова Анипет 1934 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
65. Магомедзиева Айсе 1942 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
66. Магомедова Аминат 1930 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
67. Магомедьяева Балсекер 1939 г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.
68. Мамуров Шора 1949 г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
69. Мамурова Тансык 1950 г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
70. Мансуров Курган 1925 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
71. Межитов Асан 1922 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
72. Муллаева Айшат 1922 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
73. Найманова Айсе 1940 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
74. Нукбулганова Зарган 1927 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
75. Нургишиев Абдусамед 1905 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
76. Нурманбетов Абдулла 1925 г.р., ст. Старогладовка Шелковского района ЧР.
77. Оразова Увылкан 1922 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
78. Отелов Залимхан 1944 г.р., с. Сары-Су Шелковского района Чеченской Республики.
79. Романова Зейнаб 1930 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.

80. Савкатова Аруьбийке 1933 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
81. Садыкова Кульсим 1942 г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
82. Саламатов Алимурза 1923 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
83. Салиев Ажмуса 1936 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
84. Салиев Пита 1945 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
85. Салимгереев Битув 1927 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
86. Салимгереева Сайбат 1930 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
87. Саликова Кумис 1932 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
88. Сейбаталова Арувзат 1925 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
89. Сикалиева Нина 1957 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
90. Суюндуков Абдулла 1924 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
91. Тулиниязова Зару 1927 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
92. Туркменов Магомед 1932 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
93. Туркменова Венера 1971 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
94. Туркменова Кулизар 1932 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
95. Узаиров Сарси 1906 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
96. Узаирова Малият 1922 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
97. Унаджева Шайдат 1940 г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.

98. Ханмурзаев Кошали 1924 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

99. Чатырбаева Аксекер 1932 г.р., с. Огузер Кизлярского района РД.

100. Шамавова Кулият 1934 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

101. Шаманова Мадав 1934 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

102. Шекеров Язимбет 1922 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.

103. Шекерова Мукминат 1930 г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.

104. Эсенгельдиева Явгерет 1936 г.р., с. Нариман Ногайского района РД.

105. Эспергенова Патимат 1918 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.

106. Юзманбетова Юмаш 1930 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.

107. Юсупова Галина 1944 г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.

108. Якубова Патимат 1924 г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.

109. Якубова Фатима 1927 г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
АЭС	- Археолого-этнографический сборник. Нальчик.
БСЭ	- Большая Советская энциклопедия. Москва.
Вестник ДНЦ	- Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала.
Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН	- Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.
ГАРД	- Государственный архив Республики Дагестан. Махачкала.
ЗКОРГО	- Записки Кавказского отделения русского географического общества. Тифлис.
КС	- Кавказский сборник. Тифлис.
КЧНИИ	- Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
КЭС	- Кавказский этнографический сборник. Москва.
ПИИЭ	- Полевые исследования Института этнографии АН СССР. Москва.
ССКГ	- Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СССК	- Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь.
СТ	- Советская тюркология. Баку.
СЭ	- Советская этнография. Москва.
ТС	- Терский сборник. Владикавказ.
ТС	- Тюркологический сборник. Москва-Ленинград.
ЭО	- Этнографическое обозрение. Москва.

РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН - Рукописный фонд Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН - Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.

УЗ АНИИ - Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп.

ЮО НИИ - Юго-Осетинский научно-исследовательский институт. Цхинвали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография проблемы. Характеристика источниковой базы исследования	9
Глава 2. Общие сведения о ногайцах	22
Глава 3. Теоретико-методологические основы изучения базовых категорий исследования: культура, культура общения, культура поведения, этикет, моральные нормы	37
Глава 4. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном быту	63
4.1. Культура поведения и этикет в большой (неразделенной) семье	
а) Организация труда и управление семьей	63
б) Внутрисемейные отношения	69
в) Семейная трапеза	85
4.2. Культура поведения и этикет в малой семье ...	96
а) Организация и управление семьей	97
б) Воспитание детей	103
в) Аталычество	110
4.3. Культура поведения и этикет в семейных обрядах ногайцев	116
а) Брачный выбор и сватовство	118
б) Свадьба	135
в) Послесвадебные обычаи и обряды	147
г) Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей	156
д) Похоронно-поминальные обычаи и обряды ..	167

Глава 5. Культура поведения и этикет ногайцев	
в общественном быту	180
5.1. Культура поведения и этикет в общественных	
местах	180
а) Сельский сход	180
б) Мечеть.....	188
в) Базар, ярмарка	198
5.2. Повседневно-бытовая культура поведения	
и этикет	207
5.3. Праздничная культура поведения и этикет	238
5.4. Культура поведения и этикет в обычаях	
взаимопомощи.....	259
5.5. Культура поведения и этикет во время досуга	274
5.6. Культура поведения и этикет в обычаях	
гостеприимства и куначества	285
5.7. Культура поведения и этикет в обычаях	
кровной мести.....	310
Заключение.....	324
Список информаторов.....	333
Список сокращений.....	339

**Мадина Багавутдиновна
ГИМБАТОВА**

**КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ И ЭТИКЕТ
НОГАЙЦЕВ
В СЕМЕЙНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ
(XIX – начало XX века)**

Научное издание

*Редактор – Г.Ф. Бейбутова
Верстка – Б.Р. Багандова
Дизайн обложки – А.И. Качаев*

Подписано в печать 18.02.07
Гарнитура “Minion Pro”
Формат 60×84/16. Печ. л. 21,5.
Тираж 500 экз.
Заказ № 89.

ООО «Издательский дом “Эпоха”»
367003 Республика Дагестан
г. Махачкала, ул. Ушакова, 3 «в».
Тел./факс +7(8722) 67-55-56;
www.epokha.ru
E-mail: idepoha@mail.ru

**Оптовая торговля книгами
Издательского дома «Эпоха»:
со склада в Махачкале: тел. (8722) 93-24-12,
.E-mail: idepoha@mail.ru**

**Полный ассортимент продукции
Издательского дома «Эпоха» оптом
и в розницу:
книги, журналы «Бизнес-Успех»,
«Детский годекан-Малыш», «Научный мир»,
аудиокниги на языках народов Дагестана
по адресу: г. Махачкала, ул. Ушакова, 3 «в».**

**Вся продукция доступна в Интернет-магазине
Издательского дома «Эпоха»
на сайте www.epokha.ru
По вопросам размещения рекламы в книгах,
журналах и на сайте Издательского дома «Эпоха»
обращаться в отдел продаж
по тел: (8722) 93-24-12**